

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ»**

Выпуск 8

Редактор и корректор: Г. Д. Лопатовская
Верстка: Ю. Д. Довбыш

Подписано в печать 24.11.2016 г. Формат 60*90 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,25. Тираж 200 экз. Заказ №. 35610.
Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
664047, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2,
тел.: (3952) 540-940.

ИЗВЕСТИЯ

**Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»**

Выпуск 8

Иркутск, 2016

УДК 050+39(571.53)
ББК 63.3(2Рос-4Ирк)я43
И 33

Издается по решению Ученого совета
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

Редакционная коллегия: канд. культурологии Е. Ю. Колганова, канд. ист. наук Т. А. Крючкова, канд. ист. наук Ю. П. Лыхин, канд. культурологии В. В. Тихонов, канд. ист. наук А. И. Шинковой.

Ответственный редактор Ю. П. Лыхин

И 33 Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» / отв. ред. Ю. П. Лыхин. Иркутск, 2015. Вып. 8. 290 с.

ISBN 978-5-91345-165-1

ISBN 978-5-91345-165-1

© ИОГАУК АЭМ «Тальцы», 2016

CONTENTS

HISTORY

- Lykhin Yu. P.** Kirensk District: Chronicles of Floods 7
Tchivtaev Yu. I. Lensky Route in XVII – Early XVIII Century 46
Tarasov V. I. Gallery of Portrait Miniatures in a Single Picture. Irkutsk Society of 1805..... 58
Guzenkov S. V. Navigation on the Angara River (60–70s of XIX Century) ... 76
Melnikova L. V. Resettlement of the Karagas and Gold-Mining in XIX Century 91
Kryuchkova T. A. «Relentless Worker»: the Biography, Spiritual Ministry and Literary Heritage of Archpriest Afanasiy Alexandrovich Vinogradov 104
Garaschenko L. V. Private Ladies' School of S. E. Detysheva and S. K. Protasova in Irkutsk (toward the 110th Opening Anniversary) 114
Ometova M. L. Academic Institutions of the Church Administration in Irkutsk Region (Irkutsk District). Materials for Dictionary 124

ETHNOLOGY

- Shinkovoy A. I.** The Nature of Siberian Shamanism 147

ARCHITECTURE

- Glushenko M. A.** Archaic Elements of Russian Homes in East Siberia Illustrated by Researchers of First Half of XX Century 165
Isaev A. Yu. Trefoil on Window Trimmer Valances in Irkutsk 171

HISTORY OF IRKUTSK URBANPLANNING

- Popova R. V.** History of Construction in Block No. 107 of Irkutsk 195
Garaschenko A. N. Construction of M. G. Pisarevsky's Estate 234

MUSEUM CONSTRUCTION

- Tikhonov V. V.** Verkholskaya (Russian North-Eastern) Historical and Cultural Zone of Irkutsk Region 247
Zibrova A. V. Moscow Highway in Exposition-Exhibition Activity of AEM «Talci» 254
Agapitova R. V. Trade and Variety of Goods in Siberia in XVII – First Half of XVIII Century 262

MUSEOLOGY

- Tikhonov V. V.** Stages in Evolution of Scancenology Direction in Museology 269

Abbreviations list 285

Information about authors 287

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Лыхин Ю. П.** Киренский уезд: хроника наводнений 7
Чивтаев Ю. И. Ленский волок в XVII – начале XVIII века.....46
Тарасов В. И. Галерея портретных миниатюр в одной картине.
Иркутское общество 1805 года58
Гузенков С. В. Судходство на Ангаре (60–70-е гг. XIX в.).....76
Мельникова Л. В. Расселение карагасов и добыча золота в XIX веке.....91
Крючкова Т. А. «Неустанный труженик»: биография,
духовное служение и творческое наследие протоиерея
Афанасия Александровича Виноградова 104
Гаращенко Л. В. Частная женская гимназия С. Е. Детьшевой
и С. К. Протасовой в Иркутске (к 110-летию открытия
учебного заведения) 114
Ометова М. Л. Учебные заведения духовного ведомства в Иркутской
губернии (Иркутский уезд). Материалы к словарю 124

ЭТНОЛОГИЯ

- Шинковой А. И.** Природа сибирского шаманизма 147

АРХИТЕКТУРА

- Глушенко М. А.** Архаические элементы русских жилищ Восточной
Сибири в иллюстрациях исследователей первой половины XX века 165
Исаев А. Ю. Трилистник на подзорах наличников Иркутска..... 171

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИРКУТСКА

- Попова Р. В.** История формирования застройки квартала № 107
в Иркутске..... 195
Гаращенко А. Н. Застройка усадьбы М. Г. Писаревского..... 234

К МУЗЕЙНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

- Тихонов В. В.** Верхленская (русская северо-восточная) историко-
культурная зона Иркутской области 247
Зиброва А. В. Московский тракт в экспозиционно-выставочной
деятельности АЭМ «Тальцы» 254
Агапитова Р. В. Торговля и ассортимент товаров в Сибири
в XVII – первой половине XVIII века..... 262

МУЗЕОЛОГИЯ

- Тихонов В. В.** Этапы эволюции скансенологического направления
в музеологии 269

- Список сокращений** 285
Сведения об авторах..... 287

NEWS

of Architectural and Ethnographic Museum «Talci»

Issue 8

Irkutsk 2016

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Edition by permission of Scientific Council
of Architectural and Ethnographic Museum «Talci»

Editorial board: Candidate of Culturology E. Yu. Kolganova, Candidate of History
T. A. Kryuchkova, Candidate of History Yu. P. Lykhin, Candidate of Culturology
V. V. Tikhonov, Candidate of History A. I. Shinkovoy

Editor-in-Charge Yu. P. Lykhin

News of Architectural and Ethnographic Museum «Talci». Irkutsk, 2016. Iss. 8. 290 p.

ISBN 978-5-91345-165-1

Агапитова Римма Валентиновна – главный научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: agapitovarimma@mail.ru

Гаращенко Алексей Николаевич – историк, генеральный директор ООО НПФ «Земля Иркутская», старший научный сотрудник МБУК Музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова (г. Иркутск). E-mail: ieditor@yandex.ru

Гаращенко Любовь Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (г. Иркутск). E-mail: glovevita@mail.ru

Глушенко Максим Александрович – заведующий научно-экспозиционным отделом АЭМ «Ангарская деревня» Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары (г. Братск, Иркутская область). E-mail: Gromov_1@mail.ru

Гузенков Сергей Васильевич – кандидат исторических наук (г. Иркутск).

Зиброва Анастасия Владимировна – старший научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: zibrova_talci@mail.ru

Исаев Андрей Юрьевич – историк, археолог, краевед (г. Иркутск). E-mail: isaev65@rambler.ru

Крючкова Тамара Александровна – кандидат исторических наук, главный библиотекарь книжного читального зала Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского (г. Иркутск). E-mail: kruchkova-tamara@yandex.ru

Лыхин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, ученый секретарь Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: talci@irk.ru

Мельникова Лариса Владимировна – кандидат исторических наук (г. Иркутск). E-mail: vsnikolaev2008@yandex.ru

Ометова Марина Леонидовна – главный хранитель фондов Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: fondi-talci@mail.ru

Попова Раиса Васильевна – историк (г. Иркутск). E-mail: popovaraisa@inbox.ru

Тарасов Владимир Иванович – художник, историк, преподаватель Иркутской областной детской школы искусств, заслуженный работник культуры и искусства Иркутской области (г. Иркутск). E-mail: taraskartush55@yandex.ru

Тихонов Владимир Викторович – кандидат культурологии, директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: talci@irk.ru

Чивтаев Юрий Иванович – исследователь (г. Усть-Кут, Иркутская область). E-mail: yuchivt45@yandex.ru

Шинковой Анатолий Иванович – кандидат исторических наук, ведущий специалист Иркутского областного краеведческого музея (г. Иркутск). E-mail: anshin.789@gmail.com

ОАО	– открытое акционерное общество
ОГИЗ	– Объединение государственных [книжно-журнальных] издательств
ООО НПФ	– общество с ограниченной ответственностью научно-производственная фирма
ПСЗРИ	– Полное собрание законов Российской империи
РГАВМФ	– Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РНБ	– Российская национальная библиотека
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ФГБОУ ВО	– федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ЦК КПСС	– Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦПШ	– церковно-приходская школа
ICOMOS	– International Council on Monuments and Sites
USSR	– Union of Soviet Socialist Republics

ИСТОРИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭМ	– архитектурно-этнографический музей
БТИ	– бюро технической инвентаризации
ВКП(б)	– Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВСНХ СССР	– Высший Совет Народного Хозяйства Союза Советских Социалистических Республик
ВСОИРГО	– Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ВЦМЗ	– Всесоюзное объединение по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота и платины (Цветметзолото)
ГАИО	– Государственный архив Иркутской области
ГГЦ	– ГОСГИСЦЕНТР (Государственный научно-внедренческий центр геоинформационных систем и технологий)
ГУК АЭМ «Тальцы»	– государственное учреждение культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
ГЭС	– гидроэлектростанция
ДАИ	– Дополнения к Актам историческим
ИГУ	– Иркутский государственный университет
ИЕВ	– Иркутские епархиальные ведомости
ИЗТМ	– Иркутский завод тяжелого машиностроения
ИОГАУК АЭМ «Тальцы»	– Иркутское областное государственное автономное учреждение культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
ИОХМ	– Иркутский областной художественный музей
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КФССР	– Карело-Финская Советская Социалистическая Республика
МБУК	– муниципальное бюджетное учреждение культуры
МВД	– Министерство внутренних дел

28. Ополовников А. В. Музеи народного зодчества // Архитектура СССР. 1968. № 12. С. 22–29.
29. Ополовников А. В. Музеи деревянного зодчества. М.: Стройиздат, 1968. 119 с.
30. Першин Д. П. Отчет по участию Восточно-Сибирского отдела на всероссийской выставке // Известия ВСОИРГО. 1897. Т. 28, № 3. С. 53–72.
31. Пирогов К. Г. Архитектурно-этнографический музей «Хохловка» // Тальцы. 1999. № 2 (6). С. 42–46.
32. Полунина Н. М. Галина Геннадьевна Оранская (1913–1986): краткая летопись жизни с послесловием // Архитектор и время: материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения Галины Геннадьевны Оранской (1913–1986). Иркутск, 2013. С. 6–18.
33. Самойлов Ю. Г. Горьковский архитектурно-этнографический музей под открытым небом // Советская этнография. 1972. № 6. С. 104–111.
34. Севан О. Г. Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом городов Костромы, Архангельска, Вологды, Перми // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. М., 1991. С. 81–83.
35. Терентьева В. И. Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» // Тальцы. 1998. № 1 (3). С. 39–43.
36. Терентьева В. И. Шушенское // Мир музея. 1995. № 1. С. 8–15.
37. Тихонов В. В. АЭМ «Тальцы» // Сокровища земли Иркутской. Иркутск, 2000. С. 114–127.
38. Тихонов В. В. К вопросу о создании в Коломенском историко-этнографического музея России // Тальцы. 1999. № 2 (6). С. 51–56.
39. Тихонов В. В. Практика создания зарубежных и российских этнографических музеев под открытым небом // Вестник Забайкальского государственного университета. Чита, 2012. № 9 (88). С. 3–8.
40. Тихонов В. В. Этнографические музеи под открытым небом Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1 (53). С. 61–66.
41. Тихонов В. В. Этнографический музей под открытым небом Российской Федерации: состояние и перспектива // Миссия музея в мультикультурном мире. Казань: Фолиант, 2015. С. 176.
42. Тихонов В. В. Этнографический музей «Усадьба польского переселенца периода столыпинской аграрной реформы Зелинского». Иркутск, 2013. 19 с.
43. Филиппова Л. Витославицы – музей деревянного зодчества. Л.: Лениздат, 1979. 64 с.
44. Хомосов С. Р. Этнографический музей-заповедник народов Забайкалья // Материальная культура и искусство народов Забайкалья. Улан-Удэ, 1982. С. 3–14.
45. Цицерманис С. Латвийский этнографический музей: путеводитель. Рига: Ин-т истории АН ЛССР, 1936.
46. Цыдыпова Р. И. Этнографический музей народов Забайкалья // Тальцы. 1996. № 1. С. 24–27.
47. Чайковский Е. Музеям под открытым небом – 100 лет // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. М., 1991. С. 10–26.
48. Czajkowski J. Muzea na wolnym powietrzu w Europie. Rzeszów; Sanok: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1984.
49. Makovetsky I. V. Open air Museums and their problems // ICOMOS Bulletin. USSR. 1971. № 2. P. 126–132.
50. Sarveraa-Lithen L. Jan Karlsgarden. Alands, 1988. 42 p.
51. Tikhonov V. V. Perestroika. Reservation and resarch // Over the near horizon. Anchoride. 2010. P. 295–297.
52. Tikhonov V. V., Ph.D. The Ethnographic Museums in the Open Air of Siberia // Open Air Museums. 2014. Founding Fathers. International Yearbook. CICERO. Belgrade. P. 188–197.

Ю. П. Лыхин

КИРЕНСКИЙ УЕЗД: ХРОНИКА НАВОДНЕНИЙ

Территория Иркутской области небезосновательно считается регионом повышенной сейсмической активности: каждый год сейсмостанции фиксируют здесь до нескольких тысяч землетрясений. Но для жителей реки Лены землетрясения никогда не представляли большой угрозы. Самым страшным стихийным бедствием для них до сих пор являются наводнения.

Ленские жители многим обязаны реке, на берегах которой обосновались несколько веков назад. Однако не зря сложилась в народе поговорка: «Где вода, там и беда». Один из киренчан в середине XIX в. так писал о Лене в данной связи: «Благотетельное назначение этой реки природою обязывает северных обитателей вечною благодарностию. Право, а Лена, как бы льстя надеждам своих жителей, в летнее время струится скромно; но во время вскрытия своего, она, наводняясь, часто потопляет низменные берега и, производя различный вред жителям, оставляет надолго в бедных семействах скорбные воспоминания» [1].

Лена – одна из величайших рек земного шара, занимающая по водности восьмое, а по длине десятое место в мире. В нашей стране соответственно Лена – вторая по водности (после Енисея) и третья по длине (после Оби с Иртышом и Амура с Аргунью). Протяженность Лены, начиная с истоков на западных склонах Байкальского хребта до впадения в море Лаптевых, составляет 4 400 км. В пределах Иркутской области находится верхний участок реки длиной 1 250 км. На этом отрезке Лена протекает в узкой, глубоко врезанной в Лено-Ангарское плато долине с крутыми лесистыми и скалистыми берегами. Ширина долины изменяется от 1–2 до 10 км. От поселка Качуг Лена в основном выдерживает северное направление, принимая в себя многочисленные притоки, из которых наиболее крупными являются Куленга, Илга, Кута, Киренга, Чечуй, Чая, Чуя, Витим. От устья Витима начинается средний участок течения реки, продолжающийся до впадения реки Алдан.

Основное питание Лена получает от таяния снегов (50 % годового стока) и дождей, на грунтовые воды приходится всего 1–2 %. Водный режим реки неравномерен. В течение года он характеризуется устойчивым зимним маловодьем, относительно кратковременным, но большой мощности весенним половодьем и отдельными летне-осенними дождевыми паводками. Соответственно наибольшая амплитуда уровня воды в Лене бывает весной, с началом интенсивного снеготаяния, а наименьшая – зимой, когда грунтовое питание иссякает, а другие виды питания отсутствуют.

Ледостав на Лене начинается с низовья реки и постепенно продвигается к верховью. В условиях холодной и продолжительной зимы лед на реке образуется толстый и прочный. Ледоход, наоборот, начинается в верховье Лены, на юге, и постепенно сдвигается на север, наступая на еще скованную льдом реку. Весенние половодья усугубляются на Лене характерными для нее заторами. Движущиеся сверху массы льда, наталкиваясь на ледяной покров еще не вскрывшейся части реки, останавливаются, нагромождаются друг на друга и полностью забивают русло, образуя своеобразные ледяные плотины.

Заторы льда чаще всего возникают в местах сужения русла, на крутых поворотах (излучинах), на мелководье (на шиверах, отмелях и осередках), на разветвленных (проточных) участках реки (у островов). Заторы могут тянуться от нескольких десятков метров до сотни и более километров, что случается в низовьях Лены. Продолжительность существования заторов составляет от нескольких часов до нескольких суток.

Запруживающие реку заторы вызывают быстрое повышение уровня воды в месте скопления льда и выше него. В условиях узкой ленской долины с возвышенными берегами это неизбежно приводит к наводнениям – значительным затоплениям речных берегов с расположенными на них населенными пунктами и сельскохозяйственными угодьями. Считается, что максимальный подъем воды на Верхней Лене может достигать 8,5 м от меженного уровня. Наводнения при этом принимают особо опасный характер, приводя к значительному материальному ущербу, гибели домашних животных и людей [2].

Как только на «великой реке Лене» появились первые жители, они сразу ощутили на себе силу речной стихии. Причем от регулярно происходивших на Лене наводнений, еще до образования крестьянских хозяйств, начали страдать зимовья и остроги, поставленные на неудачных местах. Так, основанный в 1632 г. Ленский (Якутский) острог уже весной 1634 г. едва не снесло «полой водой» [3], а потому через десять лет после строительства он был перенесен на новое, более безопасное место.

На территории будущего Киренского уезда одно из наиболее ранних известных нам свидетельств о ленских наводнениях относится к 1644 г. Весной того года в результате резкого поднятия воды была затоплена соль в государевых амбарах, находившихся в устье реки Куты. По причине нанесенного государю ущерба производился сыск. Одним из допрошенных по делу был брат Ерофея Хабарова Никифор:

«Великие реки Лены пашенной и соляной опытовщик Никифорко Павлов Хабаров сказал по государеву... крестному целованью:

Как де в прошлом во 152 [1644] году был он, Никифорко, с людьми, с семью человеки, с покрученики своими, в та поры волею Божию пришла вода временная вдруг с камени из ыных сторонных рек, и на усть Куты реки государевы анбары с солью водою топило. А вода вешняя в анбарах была в груди человеку.

И он де, Никифорко, с людьми своими да с целовальником Васкою Щукиным и служилыми людьми государеву соль из воды на избы и на овины носили.

А сколько пудов соли водой топило и розмыло, того де он, Никифорко, не ведает. А с которыми людьми, покрученики своими, он, Никифорко, был, и те де ево покрученики все розошли к Русе» [4].

Через пять лет, в 1649 г., в отправленной в Сибирский приказ отписке направлявшегося в Якутский острог воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов В. Н. Музей деревянного зодчества и крестьянского быта в Суздале и принципы его формирования // Суздаля – 950 лет. Ярославль, 1977. С. 40–43.
2. Ашихмин Е. Г. Архитектурно-этнографический музей «Хохловка»: вчера, сегодня, завтра // Проблемы развития этнографических музеев под открытым небом в современных условиях. Иркутск, 2006. С. 58–63.
3. Беляев А. Т. Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»: каталог. Петрозаводск: Карелия, 1973. 100 с.
4. Бострем Л. А. Архангельский музей деревянного зодчества: История создания // Музеи под открытым небом в современных условиях. Архангельск, 1995. С. 3–16.
5. Бострем Л. А. Из истории музея // Современная скансенология: теория и практика. Архангельск, 2004. С. 3–10.
6. Бугрова М. С. Из опыта работы Музея архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья // Проблемы развития этнографических музеев под открытым небом в современных условиях. Иркутск, 2006. С. 45–52.
7. Букшпан П. Я. Шушенское: путеводитель. М.: Советская Россия, 1984. 202 с.
8. Галкина Е. Л. Музеи под открытым небом в РСФСР: (современное состояние и перспективы) // На пути к музею XXI века. М., 1989. С. 87–101.
9. Гнедовский Б. В. Архангельский музей-заповедник деревянного зодчества. М.: Советская Россия, 1978. 40 с.
10. Гнедовский Б. В. Методические рекомендации для подготовки предпроектной документации и проектирования музеев под открытым небом. Ч. 1: История создания и общая методика. М., 1983. 18 с.
11. Гуцина В. А. Музей-заповедник «Кижи»: из истории создания // Тальцы. 2001. № 1 (12). С. 49–59.
12. Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества. М.: Планета, 1987. 79 с.
13. Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества // Советская этнография. 1982. № 4. С. 93–94.
14. Давыдов А. Н. Музеи под открытым небом и экология культуры: Архангельский музей народного искусства // Декоративное искусство СССР. 1985. № 8. С. 36–39.
15. Йонг А. Первые музеи под открытым небом: О народных традициях музейными средствами // Museum. 1993. № 1 (175). С. 27–33.
16. Майничева А. Ю. К вопросу формирования музея под открытым небом в городе Новосибирске // Пути сохранения и методы реставрации памятников деревянного зодчества. Архангельск, 1990. С. 40–42.
17. Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. 1963. № 2. С. 7–18.
18. Мартынов А. И. Музей-заповедник «Томская писаница» // Проблемы этнографического музееведения. Омск, 1987. С. 126–129.
19. Мартынов А. И. Что ждет Томскую писаницу // Советский музей. 1989. № 1. С. 36–38.
20. Мартынова Г. С. Музей-заповедник «Томская писаница» // Тальцы. 1998. № 2 (4). С. 51–53.
21. Мартынова Г. С., Покровская А. Ф. Исследователи Томской писаницы. Кемерово, 2000. 68 с.
22. Молодых И. А., Кулаков П. Б. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии: труды по участию ВСОИРГО на Всероссийской выставке в 1896 г. СПб., 1896. 242 с.
23. Молодых И. А. Отчет делегата местного комитета по организации Восточно-Сибирской группы на выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1897. Т. 28, № 3. С. 73–81.
24. Монгайт А. Л. Страна в миниатюре // Наука и жизнь. 1973. № 5. С. 97–101.
25. Морозов М. Н. Скансен – этнографический музей Швеции под открытым небом // Советская этнография. 1960. № 5. С. 102–109.
26. Никишин Н. А. Историко-культурные и природные музеи-заповедники: проблемы и перспективы // Из истории охраны и использования культурного наследия в РСФСР. М., 1987. С. 64–78.
27. Никишин Н. А. Концепция развития государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское». Шушенское, 1983. 124 с.

Обобщение теоретического и практического материала о состоянии современного направления в музеологии – скансенологии, объединяющей к настоящему времени музейное пространство, включающее более 4 500 этнографических музеев под открытым небом, позволяет сделать следующие выводы:

– Этнографические музейные комплексы под открытым небом в музейном пространстве составляют свою самостоятельную многочисленную группу.

– Этнографические музеи под открытым небом подразделяются по масштабности музеефицируемой территории на общенациональные, субрегиональные, региональные, муниципальные и локальные (усадебные).

– Этнографические музеи под открытым небом по технологии создания можно разделить на резерваты, транслоцированного типа и новоделные (этнопарки).

– В эволюции практической скансенологии, позволившей увеличить количество этнографических музейных комплексов под открытым небом с десятков на начало XX в. до тысяч на конец XX в., отражается не только стремление к сохранению уникальных элементов историко-культурной среды прошлого, но и социальная потребность в удовлетворении нарастающего с каждым годом запроса цивилизации в культурно-познавательном процессе.

– Основу экспозиционного пространства в большинстве этнографических музеев под открытым небом составляет в качестве доминанты деревянное зодчество, главным конструктивным материалом которого служит дерево.

– Основное информационное поле по традиционной культуре этносов и этнических групп в экспозиционном пространстве этнографических музеев под открытым небом формируют недвижимые объекты, несущие в своем облике сфокусированную народную строительную традицию, свойственную бревенчатому домостроению, особенности народных стилей, характеризующих как различные места, где они применялись, так и этносы и этнические группы, поддерживающие эту традицию и эти особенности.

– Практика музеефикации деревянного зодчества в этнографических музеях под открытым небом Российской Федерации в прошлом за редким исключением сопровождалась перевозкой музеефицируемых объектов с исторических мест на новое место в создаваемую музейную экспозиционную среду.

– Современная скансенологическая практика констатирует частичную или полную утрату многих объектов исторической среды, поэтому в целях полноценной реконструкции музеефицируемой в экспозициях исторической среды успешно применяется реконструкция в новоделе с разной степенью достоверности.

– Современная музеология формирует отношение к реконструкции исторической среды основываясь на том, что объективность ретроспективной реконструкции исторической среды, в том числе в музейных экспозициях, будет снижаться, а субъективность увеличиваться по мере удаления от реконструируемой исторической эпохи. Это необходимо учитывать для интенсификации процесса сохранения и реконструкции ушедших эпох, в том числе ближайших от нас, посредством развития сети разномасштабных этнографических музейных комплексов под открытым небом.

– Переход в формировании экспозиционной инфраструктуры от коллекционного принципа, основанного главным образом на уникальном деревянном зодчестве, к этнографическому сопровождается, особенно с учетом современной законодательной базы Российской Федерации, комплектованием экспозиций с использованием как уникального, так и среднего деревянного зодчества, а также новоделов.

вновь сообщалось об ущербе от наводнения, произошедшего в устье Куты: «...в нынешнем, государь, во 157 [1649] году, мая в 16 день [5], судом Божиим, по великой реке Лене на усть Куты реки в Усолье пришла с верху большая вода ночью на твою государеву соль, пятнатцать тысяч пуд водою все потопило в анбарах» [6].

С началом землепашества «на великой реке» от ленских наводнений неизбежно стали страдать и крестьянские хозяйства. Так, пашенные крестьяне заимки Гребени – черкасы, сосланные на Лену и посаженные «на Чечуйском волоке» в 1647 г., – с первых лет жизни ощутили неудобство своего местонахождения на низком месте из-за регулярно происходивших разливов Лены. В 1652 г. они подали челобитную, «чтоб государь их пожаловал: велел их с той заимки свести, а поселил бы их на иных заимках, где придетца, для водного потопа» [7].

Переселиться челобитчикам было разрешено, однако заимка на прежнем месте сохранилась и жители ее продолжали страдать от наводнений. К примеру, в 1665 г. у пашенного крестьянина деревни Гребени Ивашки Семенова Тентюкова «весною всю пахоту водою топило и льдом выносило насаянной хлеб» [8]. Известно, что в то же наводнение 1665 г. затопило пашни у другого жителя Гребеней – Ивашки Карпова Некуя, а также у крестьян Вешняка Евменьева и Савки Михеева в соседней деревне Вешняковой [9].

Пострадали гребенские жители и в наводнение, произошедшее в 1678 г. Впрочем, «вешние воды» этого года были настолько большими, что «разоренье ледяное» испытало большинство пашенных крестьян Чечуйской и Нижне-Киренской волостей, находившихся по границе Якутского и Илимского воеводств. В отписке приказчика Чечуйского острога в Якутск на основании крестьянской челобитной сообщалось, что «во 186 [1678] году в Чичуйском острошке, судом Божиим, вешнею водою дворишка их [крестьян] лдом изломало, и скотишко, и хлебные запасы, и всякое боршнишко потопило, и насаянные в полях великого государя их, крестьянской, хлеб и сенные покосы, и скотинные выпуски песком и илом насадило» [10].

Об этом же причинившем значительный ущерб наводнении илимским воеводой Иваном Дмитриевичем Зубовым была послана отписка в Москву, в Сибирский приказ:

«В нынешнем государь, во 186 [1678] году, на весне, Лена и Киренга реки вскрылись, и лед пошел вдруг, и в Якутском уезде, ниже Чечуйского острошку, у Челпанова камени, стал запор, а другой запор выше Чечуйского острошку, у твоей великого государя мельницы <...>.

И от тех запоров воду звело, и луги, и поля, и крестьянские дворы, и житницы потопило, и с твоим великого государя насыпным хлебом три житницы лдом с места сломило, и хлеб рознесло сто семьдесят пять чети с осминою ржи и ярового хлеба. А в четвертой житнице по тому ж водою хлеб топило. А в житнице той топлый хлеб слежался и порос. А сушить было того топлово хлеба негде, потому что, государь, дворы и гумна водою вытопило, и на полях, и на гумнах лед стоял и вода многое время.

И того топлово хлеба в якуцкую посылку якуцкие хлебные приемщики, Иван Жеглов с товарищи, не приняли. И я, холоп твой, той топлый хлеб велел пашенным крестьяном, у которых крестьян хлеб в житницах вытопило, на ссуду в кабалы роздати на чети, по две чети, чтоб даром той топлый хлеб не погиб, а пашенные крестьяне врознь не разбрелись» [11].

В этой части воеводской отписки впервые упоминается причина наводнения, столь характерная для реки Лены, – заторы льда.

Далее в отписке на основании мирской челобитной, поданной И. Д. Зубову «на Усть-Киренги в Съезжей избе», и проведенного воеводой досмотра «о потопе» говорится:

«...в Нижней Киренской волосте и вверх по Киренге реке вытопило твоих великого государя тритцать восемь десятин с полудесятиною да крестьянские пахоты триста сорок девять десятин с полудесятиною ржи лдом выдрало и водою вынесло все без остатку, и крестьянские дворы, и лошади, и рогатой болшей и мелкой скот потопило, и многих и рознесло, и разорило dokonца, и стали без пашен.

А которые твои великого государя яровые десятины по Киренге реке и в Нижней Усть-Киренской волосте после болшие воды были посеяны, и те десятины другою коренною водою вытопило. И на себя многие пашенные крестьяне ярового хлеба нынешняго лета ничево не посеяли, потому что, государь, пашенные поля песком и илом засадило и занесло, а семянной хлеб у них рознесло. И впредь ко 187 [к 1 сентября 1678] году ржи на себя за бедностью ничево не посеяли.

А ссужать их, пашенных крестьян, семянным хлебом стало нечем, в остатке твоего великого государя хлеба нет и взять негде, и на стороне купить им нечем» [12].

В приложенной же к отписке И. Д. Зубова челобитной до нас доносится вопль ленских крестьян, отчаявшихся от такого разорения:

«Поселены мы, сироты твои, в твою великого государя десятинную пашню. И, за умножение грех ради наших, хлеб почал не родитьца, и вешнею большею водою вымывает, и лдом выдирает без остатку.

И в нынешнем, государь, во 186 [1678] году, изволением Божиим, в Лене и в Киренге реках вода была болшая, и лдом хлеб весь выдрало и вынесло, и дворишки, и скотишко наши всякое, лошади и коровы, и овцы потопило, и рознесло все без остатку. И в твоих государевых житницах хлеб всякой потопило, и рознесло, потому что дву лдом анбар с места своротило, и на твоих великого государя десятинах ржаных хлеб вешнею водою вымыло и лдом выдрало, и песком все занесло безостатку.

А яровые, государь, сеяли на твоих государевых десятинах небольшою, и то, государь, немногие пашенные крестьяна, потому что вода была болшая и лед лежал на полях многая время <...>

А твой государев хлеб, которой был в житницах, весь потопило и рознесло. И нам, сиротам твоим, на семена и на емена взять хлеба негде, и многим пахать не на чем, потому что у многих пашенных крестьян клячи потопило. И ныне мы, сироты твои, з женишками и з детишками скитаемся под окны Христовым именем» [13].

Судя по упомянутой в отписке «коренной воде», в 1678 г. случилось два наводнения, одно из которых произошло весной, во время вскрытия Лены, а другое летом, уже после того, как крестьяне посеяли яровые хлеба. Причинами летних паводков являются обильные дожди и ливни, а также такое характерное для питания Лены явление, как интенсивное таяние мерзлоты, связанное с июльской жарой. В этом случае, по выражению ленских жителей, «идет коренная вода» [14].

2010 г. в музеологическом процессе Российской Федерации был отмечен появлением первого локального (усадебного) этнографического музейного комплекса под открытым небом. Его создали в поселке Вершина Боханского района Иркутской области. Это этнографический музей под открытым небом «Усадьба польского переселенца периода столыпинской аграрной реформы Зелинского» [42]. Отличия мемориального музея-усадыбы от этнографического локального (усадебного) музея заключаются в основных доминантах. Мемориальный музей-усадыба в основных экспозиционных и экскурсионных доминантах ориентирован на отражение личности или события экспозиционными средствами. Этнографический локальный (усадебный) музей под открытым небом ставит основной целью отразить экспозиционными способами музеефицируемую этнографическую среду. Иркутская область в создании этого направления в скансенологии стала как родоначальником, так и лидером, так как в 2012 г. был создан еще один музейный комплекс этого типа – архитектурно-этнографический музей «Усадьба голендра Гимборга – переселенца периода столыпинской аграрной реформы». Данное направление в скансенологии, по мнению автора, является наиболее перспективным, особенно с учетом современной законодательной базы, запрещающей перенос объектов историко-культурного значения с исторических мест на новые. Да и музеефикация таких объектов при хорошей организации работ по переносу не требует значительных затрат. В Иркутской области уже подготовили новый проект этого направления. В поселке Батама Зиминского района ведется работа по созданию этнографического музея под открытым небом «Дом украинского переселенца столыпинской аграрной реформы». Для музеологии Российской Федерации такие локальные (усадебные) этнографические музейные комплексы в новинку, а вот в Скандинавских странах они составляют основную массу этнографических музейных комплексов под открытым небом, создаются непосредственно самим населением без поддержки государства и работают исключительно на волонтерской основе.

Особо необходимо остановиться на таком музейном комплексе, как историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» [18; 19; 20; 21]. Основанием создания этого комплекса стала острая необходимость сохранения и цивилизованной популяризации наскальных рисунков 4–1 тыс. до н. э., обнаруженных исследователями еще в XVIII в. Наиболее приемлемой формой сохранения этого уникального археологического наследия была признана музеефикация, в результате чего в 1998 г. и был создан историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» [40, с. 65]. Под музей была выделена значительная территория – 140 га. В последующем в дополнение к археологической экспозиции появилась и этнографическая – «Поселок Кезек», которая была представлена шорской усадьбой, состоящей из дома, летней кухни, сенка, амбара, бани и иных хозяйственных построек. В дальнейшем появились еще объекты этнографической направленности: «Охотничье-промысловый стан», «Ясачное зимовье». Таким образом, наличие двух разнохарактерных экспозиций, археологической и этнографической, позволяет отнести данный музейный комплекс к музеям смешанного типа. В случае дальнейшего развития этнографических экспозиций, если они будут занимать основное экспозиционное пространство, вполне может встать вопрос о постановке термина «этнографический» в качестве главного в названии музейного комплекса [51, с. 296].

деревянное зодчество – оригинал – Спасская проезжая башня (1667 г.) и Казанская привратная часовня (1679 г.) Илимского острога.

Выбор на ангаро-илимскую экспозиционную зону пал еще и потому, что в спешном порядке на территорию будущего музея стали вывозить попадающие в зону затопления создающегося водохранилища Усть-Илимской ГЭС памятники федерального значения: Спасскую проезжую башню и Казанскую привратную церковь Илимского острога. Формирование экспозиции шло по принципу реконструкции историко-культурной среды музеефицируемой территории, максимально характеризующей экономико-хозяйственно-бытовую культуру русского старожильского населения, сложившуюся под влиянием природной среды, путем как переноса в экспозиции объектов-оригиналов, так и реконструкции недостающих (утраченных) объектов за счет новоделов, а также группировки этих объектов в отдельные экспозиции путем полной в отдельных случаях или частичной – фрагментарной реконструкции поселений и мест бытования с созданием естественной планировки поселений или с учетом размещения отдельных объектов в характерном для них историческом ландшафте. Так, острог размещался на берегу реки, деревни-малодворки – также на берегу реки с красной линией на нее, мельницы – на ручье или маленькой речке и т. д.

Формирование концептуальных основ и комплектация первой в музейном комплексе «Тальцы» ангаро-илимской экспозиционной зоны фактически начались в 1970 г. и, несмотря на привлечение к этой работе значительного количества специалистов, продолжаются в настоящее время. Это объясняется необходимостью полноценного экспедиционного обследования практически всех населенных пунктов музеефицируемой территории с целью выявления оставшихся материальных носителей культуры, а также изучения значительного объема архивных материалов для получения исчерпывающих, насколько это возможно, сведений для реконструкции практически утраченной исторической среды, выявления отдельных этномаркирующих объектов и восстановления экспозиционным способом наиболее исторически достоверно интерьерных особенностей объектов. Особые трудности возникали с восстановлением, а точнее, с реконструкцией интерьера объектов наиболее удаленных от нас во времени – XVII–XVIII вв.

При последующих работах, уже с более детальным историко-культурным зонированием, в которых участвовал и автор, вследствие углубленного изучения историко-культурного потенциала происходило исключение отдельных ранее выделенных историко-культурных зон, это центральная и трактово-подгородная, так как особые этномаркирующие элементы в них выявить было сложно; выделялись новые историко-культурные зоны, это городская, переселенческая, трактовая зоны и зона Транссибирской магистрали. Одновременно для остальных как строящихся, так и перспективных экспозиционных зон проводилось составление исторических справок, тематико-экспозиционных планов, планов детальной планировки, осуществлялся подбор, а в некоторых случаях и перевозка в музей объектов-оригиналов для их хранения во временной сборке.

Параллельно с завершением формирования в музее ангаро-илимской экспозиционной зоны в целях непрерывности развития музея по мере подготовки проектной документации и поступления объектов-оригиналов происходило развитие и создание других экспозиционных зон: с 1989 г. – бурятской этнической экспозиции и с 2000 г. – трактовой экспозиционной зоны.

Уже через десять лет, в 1688 г., произошло новое большое наводнение, от которого пострадало несколько ленских волостей. Так, о случившемся в Криволуцкой волости сообщалось:

«...во 196 [1688] году, волею Божию, великою вешнею водою потопило в Криволуцкой волости ваш, великих государей, житничной анбар с вашими, великих государей, хлебными запасы, с рожью и овсом. И стояла та вода десять дней. И те ваши, великих государей, хлебные запасы пригнили. И хлебной де приемщик, сын боярской Родион Кобелев, того хлеба в якутской отпуск, в прием, не принял.

Да у пашенных де крестьян ваши, великих государей, засеянные десятины тою ж вешнею великою водою вытопило и льдом выдрало. И после де той воды на ваших, великих государей, десятинах пашенные крестьяне засеяли яровой хлеб. И на тот де яровой хлеб нашла великая ж вода, и те де засеянные яровые десятины водою вытопило и снесло» [15].

О наводнении в Нижне-Киренской волости писалось: «В нынешнем, государи, во 196 [1688] году, волею праведного Бога, Илимского уезду Усть-Киренскую Нижнюю волость на весне, как река Лена [в]скрылась, вешнею большею водою вытопило, и на пашенных полях ваш, великих государей, засеянной ржаной и яровой хлеб, и крестьянские севы лдом выдрало и водою вынесло безостатку, а в ыных, государи, местех, хлеб илом и песком занесло, и тем крестьян разорило вконец» [16].

В Чечуйской волости «по многим заимкам в niskих местех ваши, великих государей, засеянные десятины, ржаные и яровые, вешнею великою водою вытопило и льдом выдрало. И после де той воды пашенные крестьяне на ваших, великих государей, десятинах засеяли яровой хлеб. И после де того пришла великая вода, и те ваши, великих государей, десятины вытопило и водою унесло» [17].

Таким образом, наводнением 1688 г. охватило по крайней мере три ленские волости, пострадали жители деревень, располагавшихся на протяжении многих десятков километров. При этом вода приходила дважды и дважды уничтожала плоды рук человеческих.

Наряду с Леной сильные наводнения неоднократно происходили и по впадавшей в Лену Киренге. Уже на следующий, 1689, год «волею Божию» на Киренге случилось новое наводнение: «...у пашенных крестьян ваши, великих государей, десятины, ржаные и яровые, с хлебом водою большею вытопило и вынесло. А стояла де та вода на полях две недели.

Да и по Лене у многих пашенных крестьян ваших, великих государей, десятины ржаные великими дождями поломило» [18].

Через два года, весной 1691-го, на Киренге вновь произошло наводнение. Приказчик Усть-Кутской, Криволуцкой и Верхне-Киренской волостей, казачий десятник Елисей Осипов, сообщал якутскому воеводе Ивану Михайловичу Гагарину:

«В прошлом во 199 [1691] году, судом Бога праведного, по Киреньге реке вешнею водою вытопило и льдом выдрало десятины великих государей и у пашенных крестьян пахоту. В нынешнем в 200 [1691] году у пашенных крестьян по Киреньге реке выделять было нечего, ржаного хлеба не было, вынесло все безостатка и льдом выдрало.

Пашенные крестьяне били челом великим гусударем, подали челобитную. И я, Елеска, приняв у них челобитную, послал под сею отпискою в Якутцкой острог к тебе, стольнику и воеводе князь Ивану Михайловичю.

О том что ты, стольник и воевода князь Иван Михайлович, укажешь?» [19].

В 1701 г. «от рождества Христова» воды Киренги разливались дважды, как весной, так и летом. Об этом сообщал в Якутск приказчик Андрей Амосов:

«А по Киренге, в Верхо-Киренской волосте, летом после ледовой прежней воды пришла де поздно, погода, другая вода, крепко велика. Прежде такая вода давно не бывала. И вытопило той водой насыянной ржаной и яровой всякой хлеб, и землю местами совсем снесло, потому что пахотные земли низкие, возле реку, а не в горах.

И после той воды, которые крестьяне сеяли яровой хлеб на тех землях, и тех хлебов яровых урожайлось малое число, потому что шел поздн, позяб. А у иных крестьян не уродилось хлеба нисколько, ржаново и ярового выделить нечево, и окладного хлеба наложить неведомо как, потому что люди скудные.

И многие пашенные крестьяне сошли вверх по Лене на Илгу и в быные волости кормитьца Христовым именем, з женами и з детьми, за поруками, что им быть весной по первой полой воде» [20].

В том году поздний посев хлеба из-за наводнения во время ледохода, сильный летний паводок и осенние заморозки привели к полному неурожаю хлеба, вследствие чего крестьяне с семьями вынуждены были скитаться всю зиму по другим волостям, чтобы прокормиться людским подаянием. Весной же, после прохода льда, они должны были вернуться на свои пашни, чтобы вновь сеять государев десятинный хлеб.

О наводнении на Лене в 1740 г. известно из доношения монаха Вавилы игумену Киренского Троицкого монастыря. 24 апреля 1740 г. он писал из Макаровской монастырской заимки: «На Лене реке лед понесло и заперло пониже нас в Кривой Луке. От того запору и понесло лед в речку и волею божиею льдом мельницу своротило... А насыянные озими потопило и льдом засадило и огороды до прясла все вынесло... И о том вашему благословиению со всею братиею о своей победе (беде?) сим писанием объявляю» [21].

Большой летний паводок и последовавшие после него заморозки произошли на Лене в 1745 г. От случившегося серьезно пострадали жители большинства селений как выше, так и ниже Киренска (Криволуцкая, Киренская, Чечуйская волости). Вот что писали тогда, к примеру, пашенные крестьяне Чечуйского острога:

«...сего 1745 году августа с 1 числа по 15 число с великих дождей в Лене реке и в других посторонних реках и в речках збыла большая вода. И вниз плавуци по Лене на левой стороне на лугу пахотную землю с насыянным хлебом ржаным и яровым топило, илом и всяким хламом занесло.

И после того от великих мразов позяб и впредь будущей 746 году на семена быть не годен. Кошеные сена в зародах и в стогах, в копнах унесло немалое число. А которые зароды, стоги, копны остались и те топило ж. И оттого згорелись, и скота кормить нельзя. А буде накормят, и оттого имеетца скоту падеш немалой. А некошеную траву илом и всяким хламом занесло и косить нельзя.

И оттого пришли во всеконечное крайнее разорение и нищету» [22].

вой туризм. Недостатка в посетителях не было, так как по всему огромному Советскому Союзу был организован стабильный поток туристов в Шушенское. В итоге из 29 объектов музея только четыре были связаны с мемориальностью. Этапным в этом музейном комплексе можно считать то, что впервые в стране была осуществлена музеефикация квартальной городской-поселковой застройки в деревянном исполнении на историческом месте. Все объекты экспозиционной инфраструктуры были реконструированы с учетом внутривортовой и внутриобъектной этнографической обстановки, что и позволило в 90-е гг. XX в. беспрепятственно переформировать его из мемориального музейного комплекса в этнографический, сменив лишь акцент в экскурсионном процессе. Однако вышеперечисленные четыре мемориальных объекта в общей музейной инфраструктуре сохранили свою направленность и продолжают, хотя и меньше, по-прежнему интересовать посетителей.

Еще одной особенностью этнографического музейного комплекса под открытым небом в Шушенском являлось полноценное формирование неэкспозиционной инфраструктуры – коммуникаций, фондовой и лекционной инфраструктур, пожарной безопасности в виде пожарного водопровода и пожарного депо и т. д. О такой завершенности неэкспозиционной инфраструктуры все остальные этнографические музейные комплексы под открытым небом Российской Федерации и в наше время могут только мечтать. Современному туристическому потоку в музей, конечно, несравнимо с турпоток в 70–80-е гг. XX в., в какой-то мере способствует создание в продолжение музейного комплекса, но изолированно от музея, гостиничного комплекса в виде стилизации деревянного зодчества под местный вариант. Для музеев Российской Федерации это новое в музеологическом процессе, хотя такой опыт для зарубежных музеев не в новинку и широко применяется уже не одно десятилетие.

Переход от коллекционного принципа полностью к этнографическому принципу формирования экспозиционного пространства этнографических музеев под открытым небом произошел только в продолжающем свое развитие Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» (Иркутск). С самого начала его создания в 70-е гг. XX в. его главным идеологом стала архитектор Галина Геннадьевна Оранская [32]. Уже в первом эскизном проекте, пока еще на основе укрупненного историко-культурного исследования территории Иркутской области, в 1971 г. она предложила в экспозиционной инфраструктуре будущего музея моделирование (реконструирование) историко-культурной среды семи историко-культурных зон музеефицируемой территории: русского старожильческого населения – ленской, ангаро-илимской, центральной и мамско-бодайбинской, а также национальных зон – бурятской, эвенкийской и тофаларской [52, с. 190].

Формирование этих историко-культурных зон происходило, конечно, под влиянием природной среды и характера экономико-хозяйственной деятельности, поэтому для размещения разнохарактерных экспозиционных зон понадобился подбор площадки, где можно по ландшафтным условиям моделировать природные условия, в которых происходила жизненная и хозяйственная деятельность населения на этих территориях, – горы, степь, тайга, у реки и т. д. Выбрав территорию под первоначальное размещение данных семи экспозиций, Г. Г. Оранская первоначально сосредоточилась на детализации экспозиционной инфраструктуры ангаро-илимской экспозиционной зоны. По ее мнению, в этой зоне доминирующим в экспозиционном пространстве должно стать уникальное

Так, музей деревянного зодчества в Великом Новгороде планировали создать во внутренних объемах Новгородского кремля. Аналогичный музей в Ленинградской области планировалось создать в пределах крепости Старая Ладога [29, с. 92]. Вологодский и Костромской музеи деревянного зодчества первоначально планировались к размещению и начинали создаваться во внутренних объемах монастырей, соответственно Кирилло-Белозерского и Ипатьевского. На территорию Ипатьевского монастыря перевезли уникальную церковь на сваях из села Спас-Вяжи, а также амбары и бани [29, с. 99].

Этапным в методическом отношении, т. е. по характеру формирования экспозиционного пространства, стал Архангельский музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» [9]. Инициатором его создания был архитектор М. Ф. Кибирев [13]. Этапность при создании Архангельского музея деревянного зодчества и народного искусства заключалась в отходе от принципа коллекционности при формировании экспозиционной инфраструктуры и переходе к формированию ее на основе историко-культурного зонирования по принципу этнографичности [12].

В практической скансенологии Архангельский музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» стал фактически первым образцом новой музейной формы – этнографического музея под открытым небом. Экспозиционная инфраструктура музея формировалась на основе пока еще относительно укрупненного историко-культурного зонирования музейфицируемой территории всей Архангельской области, где было выделено для музейфикации четыре историко-культурные зоны: Каргопольско-Онежская, Мезенская, Пинежская, Двинская. Несмотря на то что формирование экспозиционных зон музея происходило по этнографическому принципу, при формировании экспозиционной инфраструктуры внутри экспозиционных зон по-прежнему использовался коллекционный подход, не позволяющий отразить планировочную структуру поселений [4; 5].

Этапным является еще один этнографический музейный комплекс под открытым небом – Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» [7; 8; 26; 27].

Несмотря на то что будущие его объекты стали музейфицироваться еще в 30-е гг. XX в. [35; 36], основным импульсом к его созданию стало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 275 от 24 апреля 1968 г. о создании в связи со 100-летней годовщиной со дня рождения В. И. Ленина к юбилейной дате (1970 г.) в поселке Шушенское музея-заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина». Открытие состоялось 12 апреля 1970 г. Основой послужили постройки старого квартала поселка Шушенского. Существовавшие пустующие пространства между зданиями заполнили типовыми для эпохи и местности постройками близлежащих к поселению мест. Учитывая момент создания музейного комплекса – 100-летний юбилей вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, и то, что формирование этого музея имело чисто политическую основу, при его создании проблем с кадрами и финансированием не было. Создаваемый музейный комплекс как мемориальный в плане мемориальности имел четыре объекта: усадьбу крестьянки С. Петровой первой четверти XIX в., усадьбу крестьянина А. Д. Зырянова 1880-х гг., в которых проживал В. И. Ленин, и две усадьбы, где проживали политссыльные Я. Л. Кайревич и О. Энгберг. Мемориальность дополнял исключительно политизированный экскурсионный процесс, естественно, ориентированный в основном на группо-

В мае 1754 г. случилось, по всей видимости, самое сильное в XVIII в. наводнение. Память о нем сохранялась даже сто лет спустя. Так, в 1862 г. в газете «Иркутские губернские ведомости» писалось, что оно «разорило весь» Киренский монастырь [23]. Судя по выявленным в РГАДА документам [24], из-за многочисленных «запоров» наводнением охватило огромную территорию от Усть-Кутской волости до самой Якутии. Здесь мы приведем лишь некоторые отрывки из этих документов, в которых был засвидетельствован уровень поднимавшейся воды и понесенный крестьянами ущерб.

По деревне Турукинской Усть-Кутской волости было записано следующее:

«У крестьянина Семена Гомзякова с крестьянами Яковом, Никитой, Федором Харитоновыми, Семеном Гомзяковым, Михаилом Карповым два поля. Первое в длину на пятисотную версту, в ширину сто сажень. Второе в длину двести сажень, в ширину сажень полста. И на тех полях озера и кусты, и лес, и тут же сенные покосы.

И на те поля взливалась вода в вышину на печатную сажень. И имелось озименного хлеба, а имянно ржи:

у Семена Гомзякова дватцать пуд,
у Якова Харитоновых пятнатцать пуд,
у Михаила Карпова пятнатцать пуд, которой сеян был на той же пашне,
у Мирона Гомзякова десять пуд,
у Якова Гомзякова десять пуд.

И тот хлеб унесло, и пески, и илом, и камнем занесло, и землю вынесло и льдом выдрало, и песком, и камнем занесло. И покосы все лдом выдрало, и травам родитьца, и вокруг поль огороды унесло все.

Да строения дворового у Михаила Карпова стаю и гуменного строения унесло, и амбар с места на другое место унесло.

Да у Семена Гомзякова гуменное строение, овин совсем унесло и анбар с места здвинуло.

У Якова Харитонова от ызбы дров унесло сажень с семь.

Да у Антипы Гомзякова анбар с места здвинуло и семенной яровой хлеб подмочило, и оттого затхнулся, и сеять было нельзя. И овин с места здвинуло. И строение около того овина все унесло» [25].

В деревне Якуримской той же волости:

«У крестьянина Петра Таюрского с крестьянами Гаврилом Марковым, Ефремом Таюрских, Иваном Родниным имеют пахотных земель два поля, одно в длину пятисотну[ю] версту, в ширину пятьдесят сажень, а в ыном месте на тритцать сажень; второе в длину на триста сажень, в ширину на пяддесят сажень. И на тех полях в середине кусты и болота, и кочки.

И на те ж поля взливалась вода от запоров двоужды. И пахотныя земли вынесло и льдом выдрало, и насаженной хлеб рженой на озимях вынесло, а имянно:

у Петра Таюрского пятнатцать пуд,
у Маркова девять пуд,
у Ефрема Таюрского десять пуд.

И на те поля камения и илу насадило, и покосы все лдом выдрало, и песком занесло ж. И косить нельзя. И огороды все от поль той водой унесло. И у помянутых крестьян анбары ворочело и с места содвинуло» [26].

Из деревни Казимировской Криволуцкой волости крестьяне Сидор Карасов и Иван Красноштанов сообщили:

«Имеем в поле пахотной земли и сенных покосов в длину на три версты, в ширину дватцет сажен, а местами более и меньше. Да в том же поле озера и кусты, и берега пустые, немалое число.

А в обносе вешнею лдяною водою насеянного хлеба в озимях четыре мешка. А дворового строения в обносе не имеетца. Вода была над полями в сажень печатную. И те поля илом и каменьем, и всяким наносом все засадило. А вода стояла на тех полях трои сутки. Також на пашенной земле и сенных покосах рвы и ямы вырыло великие» [27].

Крестьяне деревни Змеинской «Киренского острогу» показали:

«Имеем пахотные земли и сенные покосы определенной земли на четыре двора в длину две версты с половиной, в ширину двести сажен и с кустами, и с тальником, и с черемошником, и с озерами, а имянно [в потоплении]:

У Кондратя Горбунова з братом обнесло насеянного хлеба ржаного пятнатцать мешков, в анбаре потопило ржаного хлеба десять пуд, ячменю дватцать пуд, пшеницы пятнатцать пуд, овса семь мешков, ярицы воснатцать мешков, две лошади утопило и одну свинью, гумно с овином, полтретья ста [250] снопов конопли, шесть телег, четыре бороны, две сохи и прочего домового строения все унесло, кроме избы, а в ызбе вода была по лавкам.

Василей, Иван Пахоруков на том же поле в потопление показали: насеянного хлеба, ржи, воснатцать мешков унесло тем потопом, в анбаре потопило и утратилось восемь мешков ржи, тринатцать мешков ярицы, десять мешков пшеницы, одиннатцать мешков ячменю... четыре лошади, три овцы, семеры сани, четыре лотки, сто десять снопов конопля, простой анбар в двенатцети рядах, четыре бороны, три сохи, две телеги и прочего домового строения, то есть баня, свиной и телячей хлев снесло ж.

Вышеписанные крестьяне сею скаскою объявили сколь вода была высоко над лугами вышины – выше косыя сажени. А вода стояла на лугах две недели и илу, хламу, камения нанесло, и велики[e] ямы на пахотных землях и сенных покосах вымыло» [28].

В деревне Горбовской той же Киренской волости вода поднималась «...над пахотными землями и сенными покосами на высоких местах в печатну сажень. Хламу, илу и каменья в наносе немалое число, где невозможно впредь пашню производить. И на тех лугах вода стояла две недели» [29].

В той деревне «...у Марка Исакова в обносе анбар хлебной, а в нем хлеба было ярицы шесть мешков, ячмени десеть мешков, пшеницы восемь мешков, овса семь мешков, семени конопленого один мешок, тритцать снопов пенку, две сохи, две бороны, три телеги, трои дровни, гумно с овином.

У Якова Суханова в потоплении бани, пенку двенатцать снопов, гумно с овином, две овцы...» [30].

В деревнях Банщикова и Грицкой вода поднялась над лугами «...в высоких местах [на] четыре аршина, а в ызбах вода была до подволоок. Хламу, илу, каменья нанесло по всему полю. И на тех лугах вода стояла две недели» [31].

В тех деревнях «...у Григорья Инешина [унесло] насеянного озимного хлеба, ржи, три мешка, пенку дватцать снопов, гумно, две свиньи, две телеги, трои сани, соху, борону.

У Миня Черкашенина в обносе насеянного озимного хлеба, ржи, десять мешков, анбар хлебной, а в нем было хлеба ярицы семь мешков, ячмени восемь мешков, овса десять мешков, пшеницы пять мешков; три свиньи, пять телег, двои сани, три сохи, две бороны, полгумна <...>.

понятно, что достаток в жизни крестьянина с разницей во времени в 100 лет совершенно менялся, естественно, в лучшую сторону.

Благодаря инициативе и настойчивости А. В. Ополовникова с конца 40-х гг. XX в. в Российской Федерации (Советском Союзе) стал формироваться на Кижском острове еще один этнографический музейный комплекс под открытым небом. Его формирование происходило на основе Кижского погоста, состоящего из памятников уникального деревянного зодчества Карелии – Преображенской церкви (1714 г.), Покровской церкви (1764 г.) и колокольни (1862 г.). Это комплекс-резерват. Остальные объекты, также представляющие уникальное зодчество Карелии, являются перенесенными оригиналами. Это дома с крытыми дворами, амбары, бани, риги, кузница, водяная мельница, ветряная мельница, часовня и церковь Воскрешения Лазаря (XIV–XVI вв.). Музейный комплекс формировался по классической коллекционной схеме и насчитывает 23 объекта, 22 из которых – оригиналы.

Музей на Кижском острове создавался в начале 50-х гг. XX в. путем музеефикации Кижского погоста и перевозки первых объектов (изба с крытым двором из д. Ошевково Заонежского района и амбар из д. Койколла Пряжинского района) на Кижский остров [3]. Уже с середины 50-х гг. XX в. музей стал принимать туристический поток, в основном неорганизованный.

Началом триумфальной славы на сегодня самого раскрученного этнографического музейного комплекса под открытым небом Российской Федерации считается 1961 г., когда 9 января вышел Приказ Министерства культуры и Министерства коммунального хозяйства КФССР № 51 об открытии филиала Государственного краеведческого музея – Кижского музея. И только по Распоряжению Совета Министров РСФСР № 2618-Р от 14 июля 1965 г. Кижский музей получил самостоятельность и стал Государственным историко-архитектурным музеем.

В 1966 г. в его названии произошли изменения – в нем был уточнен характер экспозиционного пространства, он стал называться Государственным историко-архитектурным и этнографическим музеем-заповедником «Кижский» [11, с. 55].

Всплеск создания этнографических музеев в Российской Федерации (Советском Союзе) наблюдался во второй половине 50-х, в 60–70-е гг. XX в. Это было связано с начавшейся в стране политической оттепелью, ростом благосостояния населения, увеличением объема иностранного туристического потока в страну, что в общей сложности потребовало развития инфраструктуры приема туристов, в целом развития инфраструктуры культурно-познавательного направления, к которому и относятся все музеи и среди них наиболее востребованные в области туризма – музеи под открытым небом, в том числе этнографические, которых на то время в стране было единицы.

В эти годы замышлялось создать музеи под открытым небом в городах Ленинград, Псков, Великий Новгород [43], Вологда, Кострома [34], Архангельск [13; 14], Горький [6; 33], Пермь [2; 31], Суздаль [1], Новосибирск [16, с. 41], Иркутск [37], Улан-Удэ [44; 46], Тюмень, Киров, Палех, Калинин, Воронеж, Клязьма, Торжок и др.

В 50-е гг. XX в. при формировании музеев деревянного зодчества в Российской Федерации (Советском Союзе) рассматривалась, а иногда и осуществлялась практика создания таких экспозиций во внутренних объемах территорий ранее функционировавших монастырей и иных интересных объектов [29, с. 92–94].

В начале 90-х гг. XX в. в реставрационной мастерской Г. И. Семеновой предложили воссоздать деревни Коломенское и Дьяково, снесенные в 1980 г. к Московской олимпиаде, так как дома в них были ветхие и портили облик столицы. Был вариант, предлагаемый автором данного диссертационного исследования, который заключался в создании этнопарка на основе укрупненного историко-культурного зонирования территории Российской Федерации. В настоящее время реализуется другой вариант – часть объектов экспозиции, созданной П. Д. Барановским, оставлены на старом месте (дом Петра I и хозпостройка – медоварня), объекты надвратная башня с частью ограды Николо-Корельского монастыря и угловая башня Братского острога перенесены на новое место. Новую экспозицию дополнили Моховой башней Сумского острога, водяной мельницей, церковью и фрагментом деревенской улицы. Все дополнения были выполнены в новоделе. Экспозиция сформирована по коллекционному принципу.

С научной точки зрения было неправильно ломать первоначальную экспозицию, созданную П. Д. Барановским, и как память о нем, и как первую этнографическую экспозицию в Российской Федерации (Советском Союзе), позволяющую проследить генезис скансенологической практики в Российской Федерации (Советском Союзе).

Следующей методической базой, на которой осваивали скансенологическую практику советские специалисты-музейщики при создании этнографических музеев под открытым небом, стал этнографический музей под открытым небом «Бривдабас». Начало его создания – 1924 г. Открыли музей для первых посетителей в 1932 г. Первоначально музей создавался в буржуазной Латвии. А с 1940 г., после присоединения Латвии к СССР, он оказался в Латвийской Советской Социалистической Республике и стал доступен для изучения всем специалистам этого музейного направления в СССР. А там было чему поучиться [29, с. 62–77].

Музейная экспозиция разместились в пригороде Риги в местечке Балози на берегу озера Югла на площади около 90 га. Экспозицию формировали 47 основных объектов с сопровождающей их инфраструктурой. Основная масса строений относится к XIX в. Есть и более ранние: церкви 1537 и 1704 гг., корчма XVIII в., портовый склад 1637 г. Экспозиционная инфраструктура музея «Бривдабас» формировалась по аналогу «Скансена», по коллекционному принципу, методом транслокации. Вместе с этим в формировании экспозиционной инфраструктуры просматривается метод укрупненного зонирования – группировка экспонатов в четыре территориально-этнические зоны: Курземе, Видземе, Земгале и Латгале [29, с. 62]. Каждая из этих зон формировалась из типичных для каждой из этих территорий построек: крестьянских дворов, хозяйственных и промысловых построек, культовых построек и малых форм.

С вхождением Латвии в состав Советского Союза изменился и характер подачи информации в музее. Он стал отличаться классовым подходом. Это хорошо описано А. В. Ополовниковым в книге «Музеи деревянного зодчества» [29, с. 68–70]. Тенденция классового подхода при экскурсионной интерпретации экспозиции часто была доминирующей вплоть до конца 90-х гг. XX в. Автор столкнулся с ней во второй половине 90-х гг. XX в., когда в процессе экскурсии усадьбы, в принципе относившиеся к середняцким хозяйствам, трактовались следующим образом: усадьба конца XVIII в. – бедного крестьянина, усадьба середины XIX в. – середняка, усадьба конца XIX в. – кулака, хотя совершенно

У Ивана, Тимофея, Якова, Потапа Жарениковых в обносе засеянного озимного хлеба, ржи, четыре мешка, девять телег, треть двора скоцкого, две бани, шесть сох, шесть борон, гумно с овинком...» [32].

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, уровень подъема воды в наводнение 1754 г. максимальных величин достиг в Чечуйской волости. Так, на лугу Гребенской деревни «вешняя вода была на высоком месте четыре аршина, а на низких местах четыре сажени» [33]. Четыре сажени составляют 8,52 м. Несомненно при этом, что один из заторов льда произошел у Чембалова камня, 7 км ниже Чечуйска. Здесь течение Лены, ударяясь в мощный прибрежный утес, поворачивает почти под прямым углом, а затем разделяется островами на две протоки, легко забивающиеся льдами.

Вот некоторые из потерь жителей Чечуйского острога и Гребенской деревни:

«У Василья Мельникова с племянником четыре свиньи унесло, засеянного озимного хлеба три мешка унесло, две телеги, четыре ряда анбаров унесло, хормного лесу шездесят бревен унесло <...>

У Василья Ушакова засеянного купленного хлеба тринадцать мешков унесло, анбар хлебной, а в анбаре хлеба унесло ярицы четыре мешка, ячменю пять мешков, овса четыре мешка, пшеницы три мешка, утонули два жеребца, пахотную землю лдом выдрало и великие рвы наделало, баню унесло.

У Семена Верещагина з братом: засеянного озимного хлеба семь мешков, анбар с хлебом снесло <...> двои сани, две телеги, хормного лесу сорок бревен, пахотную землю лдом выдрало...» [34].

Высоко поднималась вода и на участке от Чембалова утеса до Сполошинского погоста.

В деревнях Зырянской и Вешняковской на лугу «...вешняя вода была два аршина на высоких местах, а на низких местах шес[т]ь аршин» [35].

«...У Андрея Коморникова рогатого скота двенадцать коров, тритцать овец, всеих [?] свиньи, двор с хлевами унесло. В анбаре хлеба потопило ярицы четыре мешка, ячменю четыре мешка, пять пуд гороху, семя конопяного три мешка, трой сани, две телеги <...>

У Григорья Паншиных з братом засеянного озимного хлеба восемь пудов, одну телегу. Ярового хлеба засеяно было: ярицы шес[т]ь мешков, ячменю десять пудов, овса три мешка, пшеницы пять мешков. Градом выбило августа 14 числа и с поля нечего снять не могли. А пахотную землю лдом выдрало...» [36].

Беда не приходит одна. Зырянской и Вешняковской деревням не повезло. После грозного весеннего наводнения засеянный и взошедший хлеб у большинства хозяев побил августовским градом.

В Беренгиловской деревне: «Оной Беренгиловской деревни луг длиною четыре версты с половиной, ширины двести сорок сажен. И того лугу кустов и озер, и подмориных мест треть луга. И на том лугу вешня[я] вода на высоком месте полтора аршина, а на низких местах три сажени печатных с прибавой [более 6,39 м]. И на том лугу илу и камня, хламу всякого немалое число». Вода стояла «мая з 9 числа по 16 число» [37].

В Сукнёвской деревне «...луг длиною пять верст, ширины одна верста. И того луга кустов и озер, и подморинных мест четь луга.

И на том лугу вешняя вода на высоком месте три аршина, а на низких местах десять аршин [7,1 м]». Вода стояла «мая з 9 числа по 16 число» [38].

В Кобелевской деревне «...вешняя вода была на высоком месте три аршина, а на низких местах шесть аршин. На том же лугу илу, камня, хламу немалое число». Вода стояла «мая з 9 числа по 19 число» [39].

В Сполошинском погосте: «Оного Сполошенского погоста длиной луг пять верст, ширина одна верста дватцать пять сажен. И того лугу и кустов, и озер, и поморных мест четверть луга.

А на том лугу вешняя вода на высоком месте два аршина, а на низких местах десять аршин [7,1 м]. И на том лугу илу, камня, хламу всякого немалое число» [40]. Вода стояла с 9 по 16 мая.

«...У Стефана Охлопкова два борова утонули. От избы крылец оторвало и унесло.

У Семена Старцова гумно и конной двор унесло. Пенки пятьдесят снопов унесло. Посеянного озимного хлеба дватцать четыре пуда унесло. Пахотной земли лдом выдрало десятину. В Пущинской деревне на отъезжей пашне зимовье с анбаром да сани унесло...» [41].

По всей видимости, на крутом повороте Лены возле Сполошинского погоста был еще один затор. А когда его все-таки прорвало, масса двинувшегося льда стала буквально срезать берега Лены в располагавшихся ниже деревнях, от Пущинской до Натальинской:

«У Якова Багарадникова [в деревне Пущинской] в верхнем поле от Лены реки сметало берегу поперек на семь сажен, в длину на восемьдесят сажен. Посеянного озимного хлеба двенатцать пудов унесло. На лугу стояло зимовье, унесло ж <...>.

У Осипа Тараканова [в Усть-Чайской деревне] посеянного озимного хлеба дватцать восемь пудов унесло. От Чаи реки сметало берегу десятин на пять. Сенных покосов на восемьдесят копен илом засадило. От Лены реки сметало сенных покосов на тридцать копен <...>.

У Давыда Березовских, у Василья Березовских [в Давыдовской деревне] посеянного озимного хлеба дватцать два пуда унесло. Сенных покосов лдом выдрало на двести копен. Шеснатцать овец утонуло <...>.

У Тимофея, Филата, Ивана Округина [в деревне Коршуновской] посеянного озимного хлеба дватцать два пуда унесло. От Лены реки сметало пахотной земли в длину мерою на полверсты, поперек на тридцать сажен...» [42].

В 1762 г. наводнение случилось в Усть-Кутской и Криволуцкой волостях. О нем по документам Илимской воеводской канцелярии мельком упомянул В. Н. Шерстобоев. Лена тогда выходила из берегов и затопила многие поля: «А которые земли хламом и протчим дрязгом и песком занесло – и на тех землях хлеб сеять было невозможно» [43].

В 1767 г. большая вода снова приходила на Лену дважды. Весенние посевы хлеба были снесены майским паводком, о котором сообщали из Чечуйского острога: «Майя з 10-го по 27 число называемой в Лене реке поводной воды во всем Чечуйском ведомстве... [посевы] унесло» [44]. Крестьянам пришлось до начала июня пересевать поля, не оставив себе хлеба на еду. А в июне, после «великого дождя», произошел второй разлив реки: «...сего 767 году в июне месяце, как в Чечуйском остроге и в ведомстве насаженные ржаные и яровые хлебы от великаго наводнения вынесло, и с коих хотя малое число и осталось, да и тот от власти Божеской вызаб без остатку, которой не точию в казну, но и себе на пропитание в пищу едва прочен. Да и ныне довольно из нас претерпевает глад» [45].

Это строки из крестьянской челобитной, написанной в ноябре того же года, в которой они обращаются в Илимскую воеводскую канцелярию с просьбой

было присутствие в усадьбах интерпретаторов в национальной одежде, представителей регионов и губерний, которые выступали в качестве кустарей-одиночек, пропагандирующих народные промыслы презентуемых территорий. В современной музеологической практике это то, к чему мы стремимся в строящихся экспозициях и что декларируется современными музейщиками как живой музей. Таких «живых» экспозиций, в значительном количестве представленных в зарубежных музеях, так не хватает российским этнографическим музеям под открытым небом! При этом следует заметить, что интерпретация должна носить естественный характер, а не являться кичем, балаганом.

Как первый этнографический (скорее архитектурный) музей под открытым небом музей «Коломенское» развивался по коллекционному принципу. Вслед за хозяйственной постройкой на территорию музея была вывезена и собрана в виде архитектурных макетов надвратная башня ограда Николо-Корельского монастыря (1419 г.) с берегов Белого моря (Архангельская область). Башню перевезли в 1933 г. и собрали в 1940 г., а уже в 2007 г. вновь перевезли в новую нижнюю экспозицию музея на новое место. До Отечественной войны в «Коломенское» перевезли из Архангельска домик Петра I (1702 г.) и разместили его в экспозиции. Еще до войны в музей с берегов Сумы (Карелия) были вывезены остатки Моховой башни Сумского острога (1680 г.), размещавшегося в 4 км от Белого моря. Бревна острожной башни лежали до 2005 г. Реставрация, а по большей части реконструкция башни велась до 2008 г. Ее, как и башню Николо-Корельского монастыря, разместили в новой нижней экспозиции музея. Сюда же переместили угловую башню Братского острога (1654 г.) (г. Братск Иркутской области), первоначально перевезенную в музей в верхнюю экспозицию в 1959 г. и позже, в 2007 г., перемещенную в нижнюю экспозицию.

В последующем в состав нижней экспозиции включили ряд новодельных объектов, имитаций деревянного зодчества, к сожалению, выполненных по современным технологиям, что видно не только специалистам, но и обывателям.

Этнографический комплекс под открытым небом «Коломенское» развивался скачкообразно, исходя из политической конъюнктуры и не всегда в научном направлении, без использования опыта создания аналогичных зарубежных музейных комплексов. А там в то время уже было чему поучиться. За рубежом уже существовало значительное количество этнографических музеев под открытым небом, и создание их происходило по направлениям не только сохранения уникального зодчества, а уже по направлению сохранения, конечно с использованием деревянного зодчества, элементов исторической среды и введением ее в культурно-просветительный процесс, так как там уже имелся существенный туристический поток. В России (Советском Союзе) в те годы туристов из-за низкого жизненного уровня населения было немного.

Вариантов развития экспозиционной инфраструктуры этнографического музейного комплекса под открытым небом в Коломенском предлагалось несколько. Так, Академией архитектуры СССР в 1938 г. предлагалось создать «Парк архитектуры народов СССР» на площади 200 га в треугольнике река Москва – Каширское шоссе – село Коломенское [38, с. 52]. На эту территорию хотели перенести часть уникального деревянного зодчества с территории всего Советского Союза. Осуществлению данного проекта помешала война. С одной стороны, это способствовало сохранению уникальных памятников на их исторических местах, с другой стороны, в период их массового уничтожения можно было наиболее ценную их часть спасти хотя бы таким способом.

Грузия – 1). Таким образом, можно сказать, что идея музея под открытым небом, впервые на практике воплощенная более 100 лет назад Артуром Хезелиусом, охватила все континенты и представлена значительным количеством музеев под открытым небом в природной среде. Вместе с тем в музеологии сложилось научное направление скансенология, которое включает в себя изучение опыта создания музеев под открытым небом, определение типов музеев, изучение системы демонстрации объектов и элементов историко-культурного наследия и системы использования культурного наследия обществом.

То обстоятельство, что в республиках бывшего СССР так мало этнографических музейных комплексов под открытым небом, несмотря на наличие пока еще больших объемов сохранившейся историко-культурной среды, объясняется исключительно политическими факторами и в какой-то мере неразвитостью туристического направления в экономике. Политический фактор обусловлен тем, что большая часть уникального историко-культурного наследия создавалась житочной частью населения или индивидами-единоличниками. А в период торжества колхозного строя такая информация не приветствовалась.

Дискутируя о становлении и развитии музейного дела в начальный его период – до Первой мировой войны, следует не забывать, что тогда границы некоторых государств значительно отличались от современных. Так, Финляндия в то время не была самостоятельной, а нынешняя ее территория входила в состав Швеции и Российской империи, тем самым создаваемые в Финляндии этнографические музеи под открытым небом до Первой мировой войны автоматически на тот период могли включаться в количество музеев этого профиля Швеции и Российской империи.

Первым реальным фактором создания этнографического музейного комплекса под открытым небом в территориальных пределах нынешней Российской Федерации стала перевозка П. Д. Барановским в 1927 г. в Коломенское (Москва) на территорию уже создаваемого (с 1923 г.) музея из подмосковной деревни Преображенское хозяйственной постройки XVII в. – медоварни.

Музейная экспозиция, создаваемая П. Д. Барановским в Коломенском, была первой именно музейной экспозицией под открытым небом, но до этого в стране строились этнографические экспозиции временного характера, практический опыт создания которых перенимался отечественными специалистами-музейщиками. Использование этого опыта позволило российской (советской) музеологии развиваться дальше. Еще в 1896 г. на Нижегородской Всероссийской торгово-промышленной выставке строилась архитектурно-этнографическая экспозиция, материалы о которой хранятся в библиотеке Иркутского областного краеведческого музея. Это обмерные чертежи крестьянских усадеб Восточной Сибири с надворными постройками, а также юрты. Чертежи выполнены И. А. Молодых и П. Б. Кулаковым для строительства экспозиции на этой выставке [22, с. 76]. Об экспозиции есть информация также в трудах по участию ВСОИРГО на Всероссийской выставке в 1896 г. в виде «Иллюстрированного описания быта сельского населения Иркутской губернии» [23; 30].

В 1923 г. на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве был проведен еще более масштабный эксперимент по строительству архитектурно-этнографической выставки, когда в новоделе были выполнены полномасштабные копии девяти крестьянских усадеб из центральных районов европейской части Советского Союза. В усадьбах была воссоздана этнографическая обстановка, и они имели полную хозяйственную инфраструктуру. Особенностью экспозиции

отпустить их «в хлебородные места для выработывания как в казну, так и себе на пропитание правянта, тако же и на посев в будущей год семянного хлеба» [46].

Аналогичная ситуация была в Криволуцкой волости, в которой поля топило по вскрытии Лены и после сева: «После того (сева) не в долгое время, уж тако богу изволевшу, вдруг учинилась поведь и начала вода збывати (прибывать?) и гораздо более прежней» [47].

Печальные вести поступили также из Киренского острога, Усть-Кутской, Орлингской, Илгинской, Верхне-Илимской и Нижне-Илимской волостей. Погибла почти половина всех посевов – 1 430 десятин, в амбарах потопило тысячи пудов хлеба, водой снесло 177 крестьянских построек – домов, амбаров, бань, овинов, мельниц, погибло более 250 голов скота [48].

Уже через два года, в 1769 г., крестьяне Чечуйской волости снова пострадали от наводнения: у них были затоплены озимые посева, снесена «паровая земля», разметало «прясла огородов» вокруг полей, унесло несколько десятков голов скота [49].

А в 1771 г. во время весеннего хода льда в тех же местах произошло новое наводнение, о котором Чечуйская приказная изба извещала Илимскую воеводскую канцелярию: «28 де апреля по проходе в Лене реке льда от великаго наводнения во всем Чечуйском ведомстве насаенные озимые хлебы в лугах от быстрины течения воды выдрало так, что и прочности ожидать не уповательно» [50].

В другом «репорте», от 6 мая, сообщалось, что наводнение угрожало Чечуйскому острогу: «...состоящей в здешнем остроге казенной кругом бывшей церкви тын от великаго наводнения в реке Лене и от быстрины течения подмыло, которой того ж острога и Гребенской деревни крестьяне и разночинцы тот острог по течению Лены реки з берегу всее стену за опасностью вышибли с тем, что до оного тына не более земли оставалось однорушной сажени, а кольми паче состоящая в том же остроге на углу казенная башня оттого ж как быстрины, а особливо от подмоин весьма приводит не в состояние и во всем остаетца вне прочности, дабы впредь отчего, Боже сохрани, за великим наводнением может от тягости башня и тын повредиться» [51].

В 1780 г. в Киренске находились геодезисты Василий Кожевников и Василий Худяков, прибывшие «по силе объявленного во оной [Усть-Киренской воеводской] канцелярии присланного от господина иркутского губернатора Франц Николаевича Клички предложения, в коем предписывать изволил о примечании в здешнем городе Усть-Киренску разлития прибылой и ординарной вод...» [52].

Геодезисты произвели замеры ширины и глубины Лены и Киренги в разных местах с «примечанием» «при разлитии рек какое возвышение и на сколько расстояния воды будет тогда» [53]. В начале мая они наблюдали вскрытие Лены и Киренги, о чем доложили Усть-Киренской воеводской канцелярии своим «репортом»:

«Сего 780 года реки Лена и Киренга вскрылись 2 ч[исла] мая и от наводнения обоих оных рек niskия места, как то от города вверх на семь верст, весь луг потопляло, а от ординарной воды от глубины двух сажень возвышение имелось пять, а всего от глубины двух сажень возвышение имелось пять, а всего

семь сажен, того ради устькиренской воеводской канцелярии сим в покорности нашей и репортуем, геодезии сержант Василей Кожевников, геодезии сержант Василей Худяков.

Маия 13-го дня 1780 года» [54].

Весной 1778 г. при проходе льда на Лене и Киренге пострадали 22 деревни Криволицкой волости, в которых «насадило льдом и снесло» 96 десятин пашни и 185 десятин сенных покосов, «спехнуло» немало строений, унесло 47 верст «кругом поль огородов», потопило десятки голов скота [55].

В 1786 г. после очередного произошедшего наводнения 25 мая Чечуйская мирская изба послала в Киренский нижний земский суд рапорт с описанием, «какое учинило в селениях по проходе льда Лены реки и чему повреждение». Приведем это описание полностью:

«В Чечуйском остроге пахотной земли снесло две десятины с половиною, стеновых огородов вынесло на три версты, а в прочем благополучно.

В деревне Гребенской озимаго засеянного хлеба снесло з двух десятин и землю снесло вовсю, огороду унесло на три версты, пять лошадей утопило.

В деревне Кондрашенской озимей унесло с одной десятины, пашни унесло две десятины, огородов вынесло на две версты.

В деревне Вешниковской скотского выпуска и пашни снесло от берегу на три версты, в ширину сметало на две сажени печатные.

В деревне Беренгиловской озимей унесло с одной десятины, пашни унесло две десятины, стеновых огородов унесло на три версты.

В деревне Захаровской озимей унесло с полудесятины, пахотной земли унесло две десятины, сенокосу снесло з берегу в длину на одну версту, в ширину на полторы сажени, огородов вынесло на две версты.

В деревне Сукневской озимей унесло с трех десятин, пашни снесло две десятины, огородов унесло на четыре ста сажен.

В деревне Кобелевской огороду унесло на три ста сажен.

В Сполошенском погосте пашни з берегу сметало в длину на три версты, в ширину на две сажени.

В деревне Пущинской сенокосу унесло одну десятину, огороду вынесло на три версты.

В деревне Ильинской пашни унесло на одну десятину с половиною, сенокосу то ж число.

В деревне Дарьинской озимей унесло на десятину, пашни унесло одну десятину с половиною, сенокосу унесло две десятины, огороду вынесло на две версты.

В деревне Ма[н]дринской пашни унесло одну десятину, сенокосу унесло три чети десятины, огороду унесло на две версты.

В деревне Ичерской ничего не вредило благополучно.

В деревне Мудинской огороду вынесло на сто на пятьдесят сажен, покосу водою вытопло, не родилось травы на шесть сот копен.

В деревне Коршуновской унесло водою два гумна, хлеба подмочило, испортило у жителей двести восемьдесят пуд, два коня утонули и два борова, пашни унесло две десятины, озимей снесло з двух десятин.

В деревне Натальинской пашни повредило пять десятин, озимей унесло с одной десятины, огороду на версту унесло, баню унесло, в прочем благополучно» [56].

позволяют ему не только довести посещаемость до 6 млн человек в год, но и стать на столетия эталоном, образцом для подражания для этнографических музеев под открытым небом всего мира.

В музеологической науке парк-музей «Скансен» передал свое звучное название целому направлению – скансенологии, науке о создании, развитии и эксплуатации этнографических музеев под открытым небом.

В настоящее время лидером в создании этнографических музейных комплексов под открытым небом является Швеция. До Первой мировой войны здесь был создан 31 этнографический музей под открытым небом: Лунд (1891 г.), Лександ (1899 г.), Эскильстуна (1903 г.), Гагнеф (1906 г.), Бунге (1909 г., на острове Готланд), Эльвдален (1912 г.), Мура (1914 г.) и др. В межвоенные годы (1919 – 1939) создано 135 музеев этого типа, а на сегодняшний день в Швеции 1 162 этнографических музея под открытым небом [47, с. 11].

До Первой мировой войны не менее успешно развивалась сеть этнографических музеев под открытым небом в Норвегии. Их построили около 50 [48, с. 13]. Это известные музеи в Осло (1894 г.), Кристиансунне (1894 г.), Сандефьорде (1896 г.), Несбюэне (1899 г.), Фагернесе (1901 г.), Хамаре (1902 г.), Лиллекхаммере (1904 г.), Мойхегене (1904 г.), Мушеэне (1909 г.), Тронхейме (1913 г.) и других городах. В дальнейшем темпы создания этнографических музейных комплексов под открытым небом в Норвегии упали. К настоящему времени страна располагает примерно 400 музеями этого направления.

До Первой мировой войны в Германии было создано 12 музеев, в Дании – 4, в Финляндии – 5, в Польше и Голландии – по одному музею под открытым небом [47, с. 13]. В Германии это музеи в Хусуме (1899 г.), Мельдорфе (1907 г.), Кейтуме (1907 г.), Вильседе (1907 г.). Диздорфе (1911 г.), Рудольштадте (1912 г.) и др.; в Голландии знаменитый музей «Арнхем» (1912 г.); в Дании музей «Люнбю» под Копенгагеном (1901 г.) и «Старый город» в Орхусе (1914 г.) и др.; в Польше – музей «Вдзыдзах» (1906 г.); в Финляндии всемирно известный музейный комплекс «Сеурсаари» (1909 г.) и др. [50].

Между двумя мировыми войнами созданы такие известные музеи под открытым небом, как музей «Бривдабас» (1932 г.) в Риге [45], «Музей-село» (1936 г.) в Бухаресте [29, с. 24], «Музей ремесел» (1940 г.) в городе Турки, «Музеумсдорф» (1936 г.) в городе Клоппенбурге и т. д.

На современном этапе развития скансенологии лидерами по количеству этнографических музейных комплексов под открытым небом после Швеции являются Норвегия, как уже указывалось, их у нее около 400, и Финляндия с 230 музеями. Германия, Польша и Великобритания отстают, у них соответственно 93, 57 и 30 таких музеев. Всего в Европе приблизительно 2 100 этнографических музеев под открытым небом [47, с. 13].

Значительных успехов в создании музеев под открытым небом добились на Азиатском континенте – на острове Хоккайдо (Япония), в городе Пуссан (Республика Корея), на Северной Суматре (Индонезия) и т. д. На Американском континенте это музеи Хорелл-Виллидж (Трансильвания), Форт-Росс (Калифорния); Колониальный Виллиамсбург (Виргиния) и др. Созданы музеи под открытым небом на Африканском и Австралийском континентах.

Мировая скансенологическая практика в настоящее время – это в общей сложности работа 4 500 этнографических музеев под открытым небом, из которых только 24 находятся в Российской Федерации [41] и 21 в бывших республиках Советского Союза (Литва – 8, Латвия – 3, Эстония – 4, Украина – 5,

Еще одна специфическая особенность, которой должны характеризоваться крупные этнографические музейные комплексы под открытым небом, – максимальное разнообразие по архитектурному типу и хозяйственно-бытовому предназначению представленных в экспозиционной инфраструктуре построек, что является не только способом характеристики историко-культурного наследия в научно-познавательном процессе, но и способом постоянного поддержания интереса посетителей в процессе ознакомления с объектами инфраструктуры. Пообъектное разнообразие экспозиционной инфраструктуры музейного комплекса «Скансен» характеризуется и разнопрофильностью недвижимых экспонатов. Это крестьянские усадьбы из сел Муури, Эльвзор и Окторн, которые формируют ансамбль из построек вокруг главного ядра внутреннего двора; усадьба крестьянина-скотовода из поселка Эльвдаллен; есть фрагмент старого городского квартала XVII–XVIII вв. в виде улицы с домами бюргеров, торговыми зданиями, зданиями ремесленников, мастерскими; дом помещика, дом безземельного крестьянина, водяная льнотеребилка из с. Форза; колокольни из сел Хелештад и Хазье; охотничьи шалаши и лабазы, а также ряд малых форм.

К сожалению, примененный уже более 100 лет назад методический подход к строительству экспозиционной инфраструктуры, направленный на разнообразие популяризируемых экспонатов, максимально характеризующих историко-культурную среду музеефицируемой территории, не всегда используется в наше время при создании в Российской Федерации новых музейных комплексов. Примером этого может служить экспозиция Архитектурно-этнографического музея «Семёнково» (Вологодская область). Экспозиция состоит в основном из уникальных домов-оригиналов с крытыми дворами северорусского типа, свезенных в одно место. Архитектурные различия этих объектов практически незаметны основным посетителям и интересны только специалистам. Несмотря на то что музейщики стараются разнообразить интерьеры помещений, проблема удержания внимания посетителей в процессе экскурсии стоит остро, и все это из-за отсутствия разнообразия основных экспозиционных доминант – объектов деревянного зодчества.

В гораздо меньшей степени, чем в современных условиях, при создании экспозиционной инфраструктуры «Скансена» применялся другой прием, заключающийся в формировании ее за счет объектов, выполненных в новоделе. И по сей день существует в общем-то ортодоксальная концепция, предполагающая, что экспозиционная инфраструктура должна формироваться исключительно из уникальных объектов-оригиналов. Но даже первый музей этого типа – «Скансен» – использовал новоделы. На сегодняшний день много объектов историко-культурной инфраструктуры полностью утрачено, и к новоделному их исполнению мы приходим вынужденно, чтобы в экспозициях наиболее полноценно и объективно реконструировать музеефицируемую историко-культурную среду.

Важно отметить, что для привлечения посетителей в парке-музее «Скансен» еще более 100 лет тому назад применялся принцип оживления экспозиций посредством создания «живых» экспозиций с использованием интерпретаторов. Осматривая некоторые такие «живые» экспозиции, автор вынужден констатировать, что существующая нормативная база РФ по санитарным и противопожарным нормативам не позволяет использовать в этнографических музеях под открытым небом Российской Федерации некоторый опыт интерактивной работы «Скансена».

Удачное расположение этнографического музея под открытым небом «Скансен» и его разнообразное и полноценное экспозиционное наполнение

О наводнении 1800 г. в Киренский земский суд поступили доношения от семи мирских изб. В частности, Кривоулицкая мирская изба писала: «Сего апреля 27 числа при походе Лены реки от чрезвычайной и неумеренной прибыли воды и несущего льда... своротило льдом мирскую избу... улицы, пахотную землю, сенные покосы льдом засадило, отчего пахотная земля нынешней весны к пахоте будет или нет способна, об оном еще неизвестно» [57]. Кроме того, мирская изба дала краткое перечисление убытков у крестьян: у одного «избу с места спехнуло», у другого снесло скот, у прочих унесло хлевы, дрова, сохи, бороны, коноплю, хлеб, гумно, кузницы, а «при Знаменской часовне колокольню своротило».

Посланный на место наводнения заседатель Киренского нижнего земского суда Кошкарров сообщал 28 апреля: «...усмотрено мною, что от величайшего от вскрытия оной реки наводнения... селения претерпели великой вред». В своей поездке Кошкарров не смог освидетельствовать поля, так как «на берегах стоящая величайшая льды к тому меня не допустили, почему за долг мой почитаю о сей несчастной, приключившейся для тех поселян печальной истинне... донести» [58].

В 1816 г. летнее, паводковое, наводнение Лены засвидетельствовал путешественник Эд. Шперк:

«В июле месяце было 22 дождевых дня; июля 8, 11 и 12 день и ночь непрерывный дождь (обложной), а 9 и 10 числа перепал сильный дождь несколько раз в сутки; вследствие этих дождей с 11 числа началась сильная прибыль воды в Лене, 13 числа вода выступила из берегов, потопила острова и луга, прибыль воды продолжалась до трех часов ночи 15 числа. Так как эти дожди шли во всем округе (Верхоленском. – Ю. Л.), от Байкала до Киренского округа, то все ручьи и речки наполнились водой, ручьи обратились в реки, а последние, разлившись, потопили все острова, луга и залили дорогу, прервав на время всякое сообщение; весь округ обратился в море воды, которая, сливаясь в Лену и ее притоки, неслась с шумом и быстротой, уничтожая на пути все встречающееся; а потому Лена, донельзя мутная, покрылась множеством деревьев, исторгнутых водой с корнями, бревнами уничтоженной городьбы, и среди этого плывущего леса нередко появлялись: или крестьянская лачуга, или бурятская юрта, или целые стоги сена, или трупы утонувшего скота, и все это, представляя грустную картину разрушения, быстро несло вниз по реке. Водой потопило все луга и острова и до того замыло и занесло их илом, что всякая попытка к сенокосению должна была быть брошена, как невыполнимая. Хотя 17 числа река вошла в свои берега, но вода в ней стояла большая весь июль месяц и вторично начала было прибывать в августе месяце вследствие часто перепавших дождей. Нижний конец города (Киренска. – Ю. Л.), а равно и все окрестные деревни, расположенные на низменных берегах Лены, потопило, в городе некоторые из жителей выбирались из домов или на гору, или к знакомым жителям верхней части города» [59].

Большое наводнение случилось весной 1820 г. при одновременном разливе рек Лены и Киренги. В ГАИО сохранилась составленная в июне месяце того года «Ведомость подробнейшая о повреждениях, происшедших в селениях Макаровской волости...». Она представляет собой таблицу, в которой отмечено количество пострадавших при наводнении домов, дворов, амбаров, бань, хлевов,

гумен с овинами, заплотов, огородов, число утонувшего скота. Из таблицы видно, что наводнение сильнее всего коснулось деревень Чертовской, Кудринской, Кулебакинской, Поворотской, Кривошапkinsкой, Хабаровской [60].

«Сверх показанных» повреждений, сведенных в таблицу, после нее перечислены еще некоторые утраты, понесенные рядом селений. Так, в Хабаровской деревне «у крестьянина Григорья Пежемского унесло одну мельницу и 50 штук строевого лесу, все сии кочтуют 400 руб.». В Кривошапkinsкой деревне унесло «пожарной сарай с хранящимися в нем инструментами, как то – 1 багор, 1 вилы, 1 бочка, полубочье, селочный щит, 4 ведра деревянные» (убытку на 35 руб.), а также «столп селочной, построенной на основании правил» (убыток 15 руб.). В Поворотской деревне: «колокольную, стоящую на столбе при часовне» (убыток 35 руб.), «15 пар тележных колес с одрами» (150 руб.), кузницу у крестьянина Маркова (25 руб.). В Заборской деревне: «питейной дом повредило, поправка коего коштовать может 75 руб.», и т. д. [61].

От наводнения 1820 г. пострадали и деревни, располагавшиеся ниже Киренска. Подкаменским волостным правлением в июне того же года было составлено «описание», «сколько в каком селении у крестьян от великого наводнения реки Лены что имянно унесло или изломало и что каждому крестьянину оно стоит будет построить или поправить». Судя по этому описанию, из двух участков волости в большей степени потерпел ущерб Подкаменский, в каждом селении которого поносило полевые ограждения и остожья, а в Горбовской, Баншиковской и Чугуевской деревнях, кроме того, были повреждены и крестьянские строения. Так, в Горбовской у Ивана Горнокова «гумно изломало и половину унесло» (ущерб на 37 руб.), «вдовы Парасковьи Дьяконовой баню изломало» (5 руб.). В Баншиковской – у «Кирияна Жарьникова от гумна 6 звен со столбами унесло» (29 руб. 15 коп.), «Перфилья Зарукина баню своротило» (10 руб.). В Чугуевской – у «Николая Бобошина баню изломало и снесло в речку. У него ж кузницу изломало. У него ж соху без сошников, борону унесло. Огороду у него ж при речке на 106 сажень» (общий ущерб на 49 руб.), и т. д. [62].

По Чечуйскому участку указывался ущерб, причиненный селениям в целом, но не отдельным, видимо, не особо пострадавшим крестьянским хозяйствам: «онаго селения вообще [унесло] полевого огорода на 470 сажень» (д. Гребенская), «полевого огорода с остожьями на 3 250 сажень» (д. Ичёрская), «выдрало пахотной земли 9 десятин, сенокосной земли 9 десятин, дресвою и песком закидало пахотной 2 десятины, сенокосной 4 десятины» (д. Пуцинская), «на речке Захаровской [снесло] мост длиною на 12 сажень» (д. Захаровская), «береговых мостов чрез речки и ручьи на 6 сажень» (д. Мутинская), «береговых 17 мостов с ручей и речек снесло длиною на 89 сажень» (д. Дубровская), и т. д. [63].

По поднявшейся в Лене воде несло и целые строения, и отдельные предметы и вещи. После того как стихия утихла, «мая 31 дня» Подкаменским волостным правлением было «учинено» описание, «сколко во время наводнения сей весны найдено крестьянами вещей и кем имянно, и каких». Так, жители Алексеевской деревни обнаружили у себя «столб Хабаровского селения, которой цел и надпись на доске цела ж, которой и хранится». В деревне Половинской «крестьянской сын Степан Сабуров нашел после стечения воды оловянную тарелку, 1 заволочную иглу, в том же селении в полой принесло анбар, крыша цела на нем тесовая и драничная, нижние ряды лдом изломаны, 1 веревку пенковую, коя мерою оказалась 4½ са[жени], [хранится] у десятиника». Горбовской деревни «Иван Исаков нашол в лугу соху с сошниками, у него хранится». В Давыдовской деревне «переняли [на воде] анбар крестьяне

изменений до нашего времени, «именно поэтому истинным создателем нового типа музеев следует считать Артура Хезелиуса» [47, с. 11].

Создатели этнографического музейного комплекса «Скансен», ставя перед собой задачу в первую очередь физического сохранения национального деревянного зодчества как элемента уходящей патриархальной среды страны, вместе с тем ставили и задачу сохранения в глобализационном мире национальной самостоятельности и утверждения в сознании населения страны национальной идентичности.

По характеру создания «Скансен» является типичным транслоцированным музейным комплексом с экспозиционной инфраструктурой коллекционного типа, музеефицирующим территориально пространство Шведского государства. Экспозиционная инфраструктура формировалась путем своза в одно место, на остров Дьургарден (г. Стокгольм), разнопрофильных объектов деревянного зодчества, характеризующих быт населения страны, и размещения их в экспозиционном варианте на холме Скансен.

Экспозиционная инфраструктура «Скансена» представляет собой независимое друг от друга расположение в первую очередь архитектурных коллекций, объединяющих в едином планировочном решении здания различного назначения и постройки в деревянном исполнении одной хозяйственно-социальной темой. Вместе с тем в этой инфраструктуре отсутствует необходимая для современных этнографических музейных комплексов возможность историко-хронологической последовательности осмотра. Это объясняется тем, что многие представленные в экспозициях комплексы разновременные, например, усадьба Мура, датируемая XIX в., в своем составе имеет и постройки даже XVI в. (амбары).

Несмотря на то что это был первый музейный комплекс данного типа, в формировании его экспозиционной инфраструктуры уже просматривается принцип территориального, пока еще только архитектурного, зонирования, так как он включает постройки, привезенные как непосредственно из шведских провинций и поселений: Сканса, Лапландии, Даллерия, Харьедаллеа, Далекардена, Халянда, Хальсинглянда, Емтланда, Нарке, Вестерготланда, Стокгольма, так и из приграничных территорий соседних стран – Норвегии и Финляндии.

В общей сложности экспозиционная инфраструктура «Скансена» составила 30 га. На этой территории разместилось около 250 строений-экспонатов. По возможности создавались ландшафтные условия, характерные для размещаемых историко-культурных объектов. Ландшафтные условия «Скансена» позволяли в какой-то мере сделать это, так как на острове Дьургарден, где располагался парк-музей, как его обычно называют в Швеции, есть и равнинные, и горные ландшафты.

Территория музейного комплекса была достаточной, позволяющей нестесненно расположить различные экспозиции и разделить их с помощью искусственных полос из зеленых насаждений для исключения видимости одних экспозиций из других.

Размещение этнографического музейного комплекса «Скансен» практически в центре наиболее урбанизированного Стокгольма изначально способствовало значительному потоку посетителей. Этому же способствовало превращение музея не только в культурно-просветительное учреждение, но и в место отдыха, чему благоприятствовали соответствующая инфраструктура, а также организация во внутренних объемах строений так называемых живых экспозиций посредством работы интерпретаторов.

деревянного зодчества, в основном в Скандинавских странах. В городе Осло норвежец Томас Хефтие в 1855 г. построил копию деревянной усадьбы, характерной для провинции Телемарк, взяв за основу усадьбу из города Эстердалн, в виде музея, доступного для публичного осмотра [47, с. 10]. После удачного опыта Томас Хефтие в 1882 г. предложил новую идею: свезти в одно место интересные постройки-оригиналы и открыть публичный музей [49, с. 126]. Но эта идея не была новой, ранее, за четыре года до этого, такую же идею высказал Ингвар Нельсен. Предлагаемые идеи были не единичными, в 80-е гг. XIX в. они широко обсуждалась в норвежском обществе [10, с. 3]. Были и конкретные результаты, опять же в Осло, в виде реконструкции (новодельной) сельского дома и перевозки оригинала гарнизонной деревянной церкви [39, с. 4].

Интересной практикой, также способствовавшей сохранению историко-культурного наследия, была реконструкция в новоделах в создаваемых этнических экспозициях на всемирных европейских выставках второй половины XIX в. деревянных национальных построек [25, с. 102] с интерьерами в полномасштабных вариантах [15, с. 28].

К концу XIX в. в общем сформировалось видение будущего этнографического музейного комплекса под открытым небом. Оно воплотилось в музее «Скансен», созданном в 1889–1891 гг. Артуром Хезелиусом на острове Дьургарден в окрестностях Стокгольма [24].

К идее перевозки старинных уникальных построек в одно место, наполнения их внутренних объемов экспонатами, оживления экспозиций театрализованными действиями в виде реконструкции народных промыслов и воссоздания сенок народной жизни Артур Хезелиус шел постепенно, от изучения интерьеров крестьянских изб, характерной для местности архитектуры до практической реализации идеи формирования экспозиции сельской жизни в музеях под открытым небом. Первоначально жилые постройки и интерьеры в них создавались в виде диарамных театральных декораций с использованием подлинных экспонатов и восковых манекенов в традиционной народной одежде. В последующем эволюция концепции, появившейся в начале 80-х гг. XIX в., привела к замене декораций подлинными постройками, а восковых манекенов – «живыми картинками» в виде работающих ремесленников. К идее демонстрации подлинных построек под открытым небом Артура Хезелиуса, вероятно, подтолкнуло его знакомство с опытами сохранения и реконструкции исторической среды, проводимыми Томасом Хефтием, Эйлертом Сундом, Бернгардом Ольсенем, Николаузенем и другими этнографами, а может быть, оказали влияние этнографические экспозиции на выставке в Лондоне (1851, 1870 гг.), Париже (1867, 1876, 1878 гг.), Копенгагене (1879 г.), Амстердаме (1883 г.), Вене (1883 г.). Так, на выставке в Амстердаме в 1883 г. была воссоздана целая индонезийская деревня.

Известный современный специалист в области скансенологии польский этнограф-музейщик Е. Чайковский утверждает, что «многие хорошие идеи в музейной практике так и остаются идеями, пока не совершится факт становления нового этапа развития музейного дела» [47, с. 11]. Комментируя то обстоятельство, что в дискуссиях, по мнению некоторых исследователей, «место, время и обстоятельства зарождения идеи музеев под открытым небом являются дискуссионными» [47, с. 11], он считает, что так как «Скансен» явился первым реализованным проектом, к тому же успешно дошедшим без каких-либо

Лев, Григорей, Сергей Березовские, в коем они нашли 1 оленину, поношена, 1 одеяло, 1 кожа скотинная, 5 бердов ткальных, 3 ниченки, 3 крюка дверные железные, 1 полубочье, ½ воза лучины березовой, 1 женская базарская рубаха со станиной, 2 малинкие рубашки холщовые мужские, 1 унты оленьи, 2 пары подошев дубленых, 2 серпа, 1 скобель, 1 мохнатки собачьи, 1 седло, 1 узда. Все вышеписанные вещи хранятся у тех же крестьян» [64].

К 1842 г. относится сохранившееся в Санкт-Петербурге «Статистическое описание Киренского округа Иркутской губернии», составленное учителем Киренского уездного училища коллежским секретарем И. И. Затопляевым. Его «описание» было выполнено вскоре после того, как на Лене случилось, по всей видимости, самое сильное наводнение XIX столетия. Естественно, что в своем сочинении при описании явлений природы Затопляев уделил место и этому стихийному бедствию:

«Самое губительнейшее явление природы для Киренского округа и нередко случающееся – это наводнение. Первое сильное наводнение, известное по верным преданиям, было в 1754 году, тогда вода разливалась так же сильно, как и в 1841 году. Достопамятны наводнения, бывшие в 1780, 1801, 1806, 1820, 1837 и 1841 годах. Два последних наводнения, следуя в близких расстояниях одно от другого, разорили многих бедных поселян <...>.

Наводнение, бывшее в 1837 году, ознаменовалось разорительными последствиями, но заботливое начальство не замедлило о столь бедном состоянии крестьян представить Правительству, ходатайствуя о вспоможении жителям добровольными приношениями. Ходатайство начальства удостоилось Всемилолюбивейшего утверждения Государя Императора. Приглашение на помощь бедствующим быстро принялось по огромной России и жертва благодетельных даяний простирается ныне до 17 т[ысяч] ас[сигнациями], для раздачи коих и учрежден в г. Киренске Комитет. Но лишь раны минувшего несчастья начали забываться, как 1841 год явил новую беду. Сначала зима 1840–1841 года своими небывалыми до той поры морозами устрасила жителей, а продолжительная весна породила скотский падеж от недостатка кормов и потом убийственное наводнение многих разорило, а у других расстроило совершенно хозяйство, а некоторых лишило всего, что имели. Жители берегов Лены более или менее подверглись злему назначению природы, ту же участь несли и жители берегов Киренги, Тунгуски и др. рек. Картина общего наводнения была ужасна. Многие дома были расстроены, дворы, гумны, огороды унесены и значительная часть домашнего скота погибла. Вишняковское селение, состоящее из 4-х домов, совершенно было уничтожено. Напор льдов, нахлынувший в величайших массах на это селение, столкнул обывательские дома и вода увлекла в быстрине своей дома бедных семейств (28 душ), которые среди льдов неслись на пространстве почти 300 верст, лишённые надежды на жизнь и даже не смея ласкать себя мыслию спасения. Во время этого бедственного беспорядка, когда каждый житель, думая о своей жизни, о своем спасении, человеколюбивый подвиг крестьянина Беспалова с товарищами, подвиг, имеющий мало подражания, осуществил мечты отчаянных семейств. Они были спасены, но деревни не существует; убыток понесенный от наводнения по Киренскому уезду равнялся 123 215 р. 14½ к. ас., кроме скота, которого погибло на 26 524 р. ас. Эта сумма того только убытка, который мог быть оценен; убыток же от снесения пашенной земли, от лишения плодородия озимей и т. п. ничем не вознагражденный превосходит эту сумму, особливо при нынешнем состоянии крестьян. Всемилолюбивейший

Государь Император, вняв скорбной участи лишенных жителей, Высочайше повелел соизволить в 4 день августа 1841 года выдать из Государственного Казначейства каждому из погибавших семейств на покупку скота по 30 р. серебр[ом], снабдить лесом на устройство домов и для поправления расстроенного хозяйства, освободить на два года от платежа государственных податей. Ныне ассигновано по распоряжению начальства 14 506 р. 50 к. ас. на выдачу несчастным семействам» [65].

В июньской книжке «Журнала Министерства государственных имуществ» за 1841 г. была опубликована заметка «О весеннем разлиии реки Лены в Киренском округе Иркутской губернии», благодаря которой о необыкновенных событиях в Сибири стало известно всей стране:

«В мае месяце река Лена, при вскрытии своем, от запора льда разлившись необыкновенно, несла по течению своему громады льда вместе с илом, лесом, и всем тем, что только на пути течения реки встречалось и покорялось могуществу ея. Живущие по берегу реки Лены крестьяне, имея ограниченное хлебопашество, лишились его вовсе, потому что водою смыло пашни и завалило лесом и песком. Разлив воды был так велик, что многие деревянные дома снесло с одного места на другое, а деревушку ниже г. Киренска, в расстоянии около 90 верст, заключающуюся в 4 домах с 24 душами, вовсе снесло и несчастные жители с малолетними детьми спасались только на крышах пльвших домов своих, которые несло среди льдов с большим стремлением до селения Курейска, отстоящего от того места, где были хижины, более 200 верст. Жители сего селения бросились в лодках на помощь несчастных жертв, но видя сближение вновь льда едва, с опасностью своей жизни, успели спасти из погибавших 8 человек, а остальные должны были невольно сопутствовать громадам льда еще более 100 верст и спасены были жителями Чуйского селения, которые действовали с истинным самоотвержением. Они поставили на груды пльвшего льда лодку и, укрепив к ней веревки, отдали их оставшимся на берегу жителям, а 8 человек пустились с лодкою в реку. Передвигая лодку по льду, сами подвергались крайней опасности, местами проваливались среди льдов и наконец успели добраться к пльвшим домам, на которых погибали несчастные, и поместили всех их в лодку; по данному ими знаку, остававшиеся на берегу жители притянули лодку на берег благополучно. Несчастные семейства на домах своих пльли полторы сутки, более 300 верст расстоянием; одна женщина вскоре по спасении, от бремени разрешилась. Прибрежные жители реки Лены, которые сами спаслись, лишились имений, съестных припасов, лошадей, скота и домашнего заведения. Многие селения пострадали и разорены до основания» [66].

Наводнение 1841 г. охватило всю Лену в пределах Киренского уезда. В ГАИО сохранились документы, свидетельствующие о масштабах бедствия в самой верхней из волостей – Орлингской. В рапорте Орлингского волостного правления в Киренский земский суд сообщалось, что начиная с первого селения волости, Грузновского, и до последнего, Турукского, Лена вскрылась в период с 29 апреля по 1 мая, и при проходе льда случилось «необыкновенное наводнение» [67]. К рапорту было приложено «Сведение...» об убытках от наводнения, по которому видно, что сильнее всего пострадала деревня Дядинская. В ней был снесен «почтовой дом со всемя пристройками и инструкциями», отчего ущерб составил 447 руб. 28 коп. Сильно пострадали и крестьянские хозяйства. Так, у Терентия Дядина снесло «дом со всемя пристройки», амбар, двор, баню, четверо саней и дровень, конскую упряжь, хлеб, муку и разное домашнее имущество, всего ущерба на сумму 824 руб. 35 коп. У Михаила Васева унесло амбар со

В. В. Тихонов

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ СКАНСЕНОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В МУЗЕОЛОГИИ

Глобализационные процессы, широко обсуждаемые в наше время, не возникли в последние годы, а были всегда и сопровождали человечество на всем протяжении развития его цивилизации. Стремление к улучшению жизненного пространства, развитие новых форм производства, увеличение не только материальных, но и духовных потребностей человека способствовали урбанизационным процессам, введению определенной стандартизации, чему благоприятствовало развитие сети коммуникаций. В этих условиях происходило вначале постепенное, а уже в XX в. интенсивное вытеснение из жизненного пространства человечества патриархальной среды, которая в своей основе составляла традиционную культуру определенных этносов и этнических групп. Многие прогрессивные деятели различных эпох озабочивались проблемой сохранения для будущих поколений основ народной культуры, в том числе и как элемента государственности. Учитывая то, что цивилизационный процесс остановить невозможно, предлагалось наиболее интересные – уникальные элементы материального культурного наследия перевести в охраняемую музейную форму. Первоначально этот процесс затронул движимое имущество, а потом очередь дошла до недвижимых объектов и в целом элементов исторической среды.

Наиболее уязвимым в процессе сохранения недвижимого историко-культурного наследия оказалось деревянное зодчество. Нормальный срок эксплуатации его конструктивного материала – дерева – составляет 100 лет. Есть образцы и с большими, и с меньшими сроками эксплуатации, что в значительной степени зависит от температурно-влажностного режима и характера эксплуатации. Так, в Скандинавских странах и в Сибири этот срок больше, а в европейской части России и Центральной Европе меньше. Общеизвестно, что именно деревянное зодчество фокусирует в себе наиболее значимые элементы труда, быта и в целом народной культуры.

Первое дошедшее до нас (возможно, что-то подобное было и раньше) предложение сохранения исчезающих патриархальных элементов крестьянского быта сделал швейцарец Чарльз де Бостетен в 1790 г. [17, с. 8]. Он предложил перенести архаичные крестьянские постройки в городской королевский парк Копенгагена (Дания), разместив их под открытым небом и оборудовав во внутренних объемах помещений этнографические экспозиции [39, с. 3]. На протяжении XIX в. в Европе предпринимались попытки музеефикации уникального

множеством разной перечисляемой одежды, от шуб до платков шелковых и бумажных, десятков шкур (40 «белых шкур деланных», «бурундуков 200 штук», 12 «ушканьих шкур»), охотничьего ружья и припасов, лодки, муки, крупы, толокна, солода, «деревянной посуды и торсуков» и многого другого на сумму 744 руб. 65 коп. У Василия Большакова – «избу со всемя пристройками», амбар, двор, запасы хлеба, различное домашнее имущество (679 руб.). У Ивана Дядина – два амбара со множеством вещей, баню, двор и др. на сумму 621 руб. 60 коп. У Василия Сергеева – две избы, амбар с погребом, баню, хлеб, домашних животных и всяких вещей, вплоть до «ушата с соленой капустой», чулок и перчаток, всего на сумму 613 руб. 75 коп., и т. д. [68].

О «разорении», причиненном государственным крестьянам Киренского уезда, было сообщено в Министерство государственных имуществ и доложено самому императору Николаю I. В результате «всеподданнейшего о сем доклада» «Его Императорское Величество в 4 день августа месяца Высочайше повелеть соизволил выдать каждому из пострадавших семейств на покупку погибшего у них скота по 30 руб. серебром из Государственного Казначейства, снабдить их лесом на обстройку домов и для поправления расстроенного хозяйства освободить их на два года от платежа государственных податей» [69].

На беду ленских крестьян откликнулись и многие неравнодушные люди, от которых сразу начали поступали пожертвования деньгами, хлебом и пр., о чем свидетельствуют сохранившиеся в ГАИО документы [70].

Во время весеннего половодья поднимавшаяся в реке вода и влекомые ею льды даже если не дотягивались до деревенских домов, то все равно причиняли немалый вред хлебопашцам: сносили полевые ограждения, срывали пашенную землю, вырывали засеянный озимый хлеб, засаривали поля илом и разным хламом. Так, в 1848 г. в рапорте Витимского волостного правления в Киренский земский суд сообщалось: «По здешней волости река Лена и Витим, и другие впадные в них значительные речки открывались и совершенно имели очищение от льда с 13 до 18 числа сего мая, при проходе коих частному и казенному имуществу, равно строениям жителей вреда не причинило, кроме что вода во время прохода льда имела свое разлитие на полевые пашенные места, частию засеянные и озимыми, вынесла полевые огороды, промолив земли в течение почти шестисуточного нестечения, отчего земледельцы, ожидая просушки земель, начали производить обработку оных и сеять хлеб лишь только в некоторых селениях с 24 числа сего месяца» [71].

Посеять же яровой хлеб на неделю или две позже в и без того в рискованных для земледелия климатических условиях Витимской волости грозило тем, что хлеб не успеет вызреть, а в случае ранних заморозков и вообще погибнет.

В 1848 г. основной ущерб в селениях волости, располагавшихся выше устья Витима, заключался лишь в том, что водой уносило «огороды из жердья»: в Витимском на 5 250 сажень, в Чуйском – на 4 000, в Паршинском – на 1 000, в Курейском – на 3 000 сажень и т. д. Однако ниже Витима жители нескольких населенных пунктов, особенно Пеледуйского, Континского, Мухтуинского, все же немало пострадали. Всего по Витимской волости ущерб составил 10 803 руб. 13½ коп. [72].

Досталось и располагавшейся выше по течению Лены Петропавловской волости. Здесь помимо аналогичных общественных утрат («во всем селении [унесло] 1 940 сажень полевых огородов») «потерпели разорение» и многие крестьяне. Например, у Петра Мяконьких в Салтыковском селении снесло

мельницу, у Василия Рукавишника из Подкаменского селения – «10 сажень заплоту, 1 гумно», у Логина Банчикова из Вешняковского – «строевого лесу 50 штук, 1 баню», и т. п.

В Беренгиловском селении погибло много домашних животных: у Ермила Лыхина – «1 лошадь, 4 свиньи», у Дорофея Тетерина – «2 лошади, 2 свиньи», у Виктора Лыхина – «3 лошади», у Адриана Лыхина – «2 свиньи, снесло гумно», у Степана Емельянова – «1 лошадь, 5 свиней, снесло амбар, унесло 2 пуд. муки», и т. д.

Сильно пострадали жители Пуцинского селения. Так, у Романа Богорадника снесло дом с некоторыми пристройками, утонули корова, свинья, восемь овец, унесло пять пудов семенного картофеля, сельскохозяйственные инструменты и др.; у Ефима Гладких снесло избу с амбаром, скотный двор с двумя хлевами, гумно, утонуло две свиньи, пять овец, пропало 105 пудов семенного ячменя, разной «лопоти» (одежды) и др., у Филарета Богорадника – избу с амбаром, двор с двумя хлевами, гумно, 90 пудов хлеба, разной лопоти, деревянной посуды, железных инструментов и др.; у Федота Докучаева «изломало ½ двора», унесло хлев, гумно, две телеги, утонуло четыре свиньи, подмочило три пуда семенной пшеницы; у Фотия Докучаева снесло избу с двумя амбарами, «изломало» скотный двор с двумя хлевами, утонуло две свиньи и жеребенок, подмочило 15 пудов семенного хлеба; и т. д.

Всего по Петропавловской волости нанесено ущерба на 5 030 руб. [73].

Совсем немного известно о наводнении, которое случилось в Киренске в 1853 г.: «5 мая в 5 часов пополудни Лена вскрылась и в полночь сама растворила запертые монастырские ворота, покачнула восточную ограду, залила на 60 сажень самый монастырь, окружила водою Алексеевскую церковь, выгнала из домов прибрежных жителей, пронесла мимо монастыря на льдинах 3 лошадей, 3 коровы, амбар с пряльницей, шерстью и разною поклажей, унесенные из деревни Ляпуновой, все это посадило на луг за 12 верст от города, утопила в протоке 3 лошади, подмыла различные строения и печи в домах, растерзала набережную улицу и прибрежные селения» [74].

Тем же летом на Лене и Киренге были и дождевые паводки: «...Лена и Киренга июля 16 и потом августа 18 опять разливались, терзали берега свои и вымывали посевы» [75].

В середине XIX в. в Киренский земский суд уже регулярно стекались сведения из волостных правлений о вскрытии Лены и проходе льда по реке. К примеру, в 1854 г. киренские власти запросили волости о следующем: «...не было ли где чрез запор или прибыль выступления воды из русел, ежели было, то где именно, в какой степени и не причинено ли прибрежным жителям разливом этим какого вреда пахотным полям и вообще по состоянию жителей, ежели причинен вред, то в чем именно, кому и на какую сумму» [76].

В ответ на этот запрос «господину Киренскому земскому исправнику» были отправлены следующие сохранившиеся в ГАИО рапорты. Из Орлинского волостного правления:

«По забранию сведений чрез сельских старшин о вскрытии реки Лены по Орлинской волости, по коим оказалось, что река Лена вскрылась 14 минувшего апреля и очистилась ото льда начиная от Грузновского до Турутского селения по 19 число того же апреля и подымалась вода вышиною более обыкновенной до двух сажень и во время ее прохода жителям нигде и никакого повреждения

МУЗЕОЛОГИЯ

кожи, слюда, мыло и др. В составе торгующих людей все чаще стали встречаться имена енисейских и томских посадских и пашенных крестьян.

В Забайкалье помимо предметов сибирского ремесла: хмеля, меда, воска, хлеба, пушнины – также стали поступать китайские ткани и товары из европейской части России. Основной их поток шел в Забайкалье из Иркутска через Байкал по рекам Уде, Чите, Ингоде, Шилке к Нерчинску [11]. В 1699 г. в одной из грамот Сибирского приказа отмечалось: «В сибирских городах перед прежними годами торговых людей с товарами умножилось, и китайские торги почали быть многие» [12].

Итогом деятельности торговых людей в XVII – первой половине XVIII в. стало развитие экономических связей между Сибирью и Россией, между отдельными областями Сибири и соседними государствами. Именно благодаря торговле Сибирь не только втягивалась в систему всероссийского рынка, но и участвовала в его формировании. Торговые люди своими закупками стимулировали местное производство многих видов промышленной и сельскохозяйственной продукции и тем самым содействовали превращению сибирских городов сначала в торговые, а затем и в ремесленные центры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сибирский летописец [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sibir-letopisi.ucoz.ru/news/> (дата обращения: 12.03.2016).
2. Суворов Н. Торговые ряды [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booksite.ru/ancient/mode/commerce_03.htm (дата обращения: 12.03.2016).
3. Половиков А. В. Торговля в старой Руси. М.: Гос. изд-во торговой литературы, 1958. С. 7.
4. Ключевский В. История сословий в России: полный курс лекций // Соч.: в 8 т. М.: Мысль, 1989. Т. 6. С. 7.
5. Чебыкина Г. Н. Торговля устюжских купцов в Сибири в XVIII веке // Устюжане в Сибири, на Дальнем Востоке и в Русской Америке. XVII – I пол. XIX вв. Великий Устюг, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://business.vib.edu.ru/ist_volpr/pr/torg/vol_kup/index.html (дата обращения: 12.03.2016).
6. Кашик О. И. Торговля в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 88.
7. Попов Г. А. История города Якутска. 1632–1917 гг.: краткие очерки. Якутск, 2007. С. 18.
8. Резун Д. Я. К истории бытовой культуры жителей Енисейска в XVII в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://new.hist.asu.ru/biblio/gorsib2_1/75-81.html (дата обращения: 12.03.2016).
9. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Новосибирск, 1983. С. 73.
10. Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 2005. Вып. 7. С. 83.
11. Машанова Л. В. Торговые связи Забайкалья в конце XVII века // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 48.
12. Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги. М.: Наука, 1980. С. 131.

не было кроме того как по обеим сторонам ее заломило льдом берега, отчего нет свободной тяги в лодках вверх на лошадях, исправить бечевника никакой нет возможности, пока лед не растает или по прибыли воды унесет его.

О чем вашему высокоблагородию Волостное правление на благорассмотрение сим имеет честь донести» [77].

Из Петропавловского: «Во исполнение предписания Вашего Высокоблагородия от 26 минувшего апреля за № 59 Волостное правление по забрании чрез участковых старшин сведений имеет честь донести, что реки Лена и Тонгуска вскрылись от льда первая минувшего апреля 20, 21 и 22, а последняя 14, 15 и 19 числа того же месяца благополучно, повреждений жителям прибрежных селений, как строениям, так пахотным полям не было, а равно казенным запасным и экономическим магазинам» [78].

Из Витимского: «Во исполнение предписания Вашего Высокоблагородия от 26 апреля за № 58 Волостное правление честь имеет донести, что от вскрытия льда при проходе реки Лены в сдешней волости прибыль вступления воды из русел не было кроме селений Чуйского и Серкинского, которая могла быть в возвышенности против стоящих домов в тех селениях от земли около полуторых аршин и от какового разлива и возвышенности вода у жителей тех селений хотя и завалило льдом пахотные поля, но однако ж вреда никакого не сделало кроме того, что жители должны уже на оных хлеб засеять позже против оставшихся на высоких местах и льдом не заваленных, а что же касается до прочих повреждений, учиненных от вскрытия льда и возвышенности воды при сем Вашему Высокоблагородию честь имеет представить сведение с разъяснением: у кого, что и на какую сумму» [79].

К рапорту прилагалось «Сведение, составленное Витимским Волостным правлением о повреждениях, учиненных безвозвратно от вскрытия льда и прохода реки Лены в настоящем году. Мая 13 дня 1854 года». В нем перечислялся ущерб, причиненный крестьянам Чуйского и Серкинского селений. Приведем для примера несколько строк из документа с указанием имен крестьян и понесенных ими потерь:

Андрей Горбунов: заплоту 16 сажений на сумму 2 руб., одна рига – 3 руб., полевого огорода 100 сажений – 1 руб. 50 коп.

Алексей Ширяев: одна баня – 1 руб., полевого огорода 150 сажений – 1 руб. 80 коп., сена шесть копен – 6 руб.

Петр Репин: заплоту 15 сажений – 1 руб. 70 коп., одно гумно – 5 руб., полевого огорода 150 сажений – 1 руб. 80 коп.

Петр Зарубин: полевого огорода 100 сажений – 1 руб. 50 коп., гумно изломало на 2 руб., сена 25 копен – 10 руб., лесу соснового 20 штук – 7 руб., и т. д.

Всего пострадало 15 хозяйств в Чуйском селении и десять в Серкинском с общим ущербом в 377 руб. 30 коп. [80].

Со второй половины 1850-х гг. сообщения о происходивших на Лене наводнениях начинают регулярно появляться в периодической печати того времени. Так, в 1857 г. в первом официальном печатном издании Восточной Сибири, газете «Иркутские губернские ведомости», была помещена большая корреспонденция из Киренска, в которой среди прочего сообщалось о наводнении на Лене и на Киренге: «Наконец с началом июня стало и потеплее; провертывались деньки и до 23° в тени. Оводу нет, казалось, лето в полном его блеске, а с ним настала и свобода, после восьмимесячного заключения, возможность подышать свежим воздухом; но не тут-то было, хорошее не вдруг дается. Реки Лена и

Киренга, после спокойного прохода льда, прибыли до того, что, сравнившись с ярами, затопили пахотные и луговые земли, а с ними и часть посеянного озимового хлеба. Вытти было некуда – везде вода, везде текущие протоки, а самые реки, превратясь в озеро непомерной ширины, волновались и шумели от западного ветра. Неутешительно было слышать, когда каждый киренский мужичок, каждая домохозяйка твердили одно и то же: "Ах ты, Боже мой – вода-то еще прибывает; у нас по Киренге хлеб-то весь вынесет, и последние гряды-то затопило; картофель-то погибает". Однако ж, слава Богу, вода с полей сбежала, реки входят в свое ложе, показались везде берега. О большем вреде не слышно; пострадали только жители по Киренге, да и то не в значительном количестве, потому, что от прибыли воды повреждены одни только озимовые хлеба, а яровые еще не были посеяны. Жаль только, что разлив уносит плодородные земли и заставляет земледельцев трудиться над расчистками новых земель под пашню» [81].

В 1865 г. в «Иркутских губернских ведомостях» писалось о наводнении, которое произошло в Орлингской волости: «...при раскрытии р. Лены, с 21 по 26 число апреля против селений Закаменского, Ботовского, Коношановского, Шерстениковского и проч. от весьма значительной и внезапной прибыли воды последовал напор льда, отчего течение воды имело направление по самым селениям, неся стремлением своим большие массы льда, напором коих много разрушило и унесло нежилых строений, разного домашнего скота, особенно в Турукском селении, где погибло такового до 80 штук; на некоторых местах содрало льдами и унесло пахотный слой земли вместе с озимовым хлебом в числе $7\frac{3}{4} \frac{1}{16}$ десятин и смыло озимей на $28\frac{1}{8}$ десятин. От уровня земли, застроенной домами, вода со льдом имела подъема от $1\frac{1}{2}$ до 3 ар. и, заливаясь в амбары и дома, унесла у некоторых крестьян семенной хлеб и другие припасы; сами же жители едва успели перебраться из домов в лодках на высокие и безопасные от наводнения места. Крестьяне от этого наводнения понесли убытка на 2 875 руб. 29½ коп.» [82].

Почти в тех же числах от наводнения пострадал Усть-Кутский солеваренный завод, о чем также было сообщено в губернских ведомостях:

«В Усть-Кутском солеваренном заводе, Киренского округа, весной настоящего года, во время вскрытия р. Лены и впадающей в нее рч. Куты, было наводнение. Завод стоит на речке Куте. 23 апреля лед тронулся против завода, и вода стала возвышаться, хотя и незначительно; 24 апреля, в 5 часов утра, вода прибыла так, что прекратила сухопутное сообщение с варницами; в 6 часов вода начала возвышаться с такою скоростью, что затопила две находящиеся в заводе варницы, казарму рабочих и пекарню до половины, а также и дома жителей, стоящие на низком месте. К 12 часам вода поднялась так, что прекратила доступ к заводской конторе и проживающих в одном с нею здании заставила выбираться вон. 25 числа вода стояла почти все в одном положении, 27 несколько убыла, потом опять прибыла, а 28 числа с утра вода начала спадать, но в 11 часов снова прибыла и перешла выше пределов, до которых достигала в предыдущие дни, так что к вечеру многие из жителей уже переправились вместе со скотом на гору. В это время вода возвысилась так, что в Знаменской варнице стала вершка на 4 выше перекладов, в доме, занимаемом конторою, на 6 вершков выше пола, в квартире управителя завода в нижнем этаже заливалась в русские печи, а казарму рабочих затопила до самого потолка, затопила также казарму казаков, кордегардию и подступила к соляному магазину, так что около двух

ками атласными и тафтяными «с пухом козлячим», галантерейными товарами (завесами, кушаками и поясами разными, венцами, нашивками, шнурками, подвязками ременными, гребешками костяными, зеркалами, серьгами серебряными и медными, перстнями медными «со вставками серебряными»), посудой, главным образом медными котлами для варки пищи с «дугами железными», ковшами и сковородками, хозяйственными товарами (мылом простым и «сладким», восковыми свечами, ножами, замками и т. д.), бакалеей, канцелярскими принадлежностями (бумагой писчей, чернильницами медными), предметами религиозного культа (иконами, нательными крестами, ладаном, церковной литературой), судовой снастью, охотничьими и рыболовными снастями (сетями, неводами, пряжей, бечевой, сумами переметными, топорами, пешнями, обметами соболями, луками вычегодскими, лыжами, камусами лосиными, оленьими и конскими). Торговцы привозили оружие и боеприпасы (пищали, винтовки, «трещотки самопальные», свинцовые пульки, порох, дробь, «петли и замки самопальные», огниво, натруски и т. д.), а также сельскохозяйственный инвентарь (сошники и ральники, косы-горбуши, пилы, седла, подхомутники, шлеи однорядные и двойные, узды ременные, гужи сыромятные). Особое место занимали товары «на иноземную руку»: бисер крупный разноцветный, одекуй синий и белый, колокольчики медные. Попадались и товары западноевропейских производителей, но следует отметить, что количество подобных товаров было незначительным (сукна разных сортов, в том числе «английское», «амбургское», «литовское», шелк, бархат, атласы и т. д.), а также товары иранского, индийского, турецкого и бухарского происхождения, преимущественно шелковые, шерстяные и бумажные ткани разных сортов и названий [10].

Уже в конце XVII в. стали развиваться и межгородские торговые связи в пределах Восточной Сибири. Судя по енисейским, томским, красноярским таможенным выписям, в этот период, хотя и в небольшом объеме, начинают отпускаться товары местного производства: хмель, воск, мед, нити пряденые,

Интерьер лавки в гостином дворе в музее «Тальцы».
Фото О. Фроловой, 2015 г.

торговых людей и наблюдать за тем, чтобы они были проданы в установленных местах и в установленные сроки. В связи с этим на пограничных с Россией местах были поставлены таможенные заставы, а в уездах новой царской «вотчины» – таможенные избы и гостиные двory во главе с таможенными головами и целовальниками.

Таможенная ценовая книга Илимска за 1649 г. свидетельствует об оживленном торговом движении. В течение сентября и октября в Илимске побывали два приказчика гостей, пять приказчиков от гостиной сотни, два – от суконной сотни, 14 торговых людей, 18 промышленных людей, один посадский человек из Тобольска и один крестьянин. Всего было привезено товаров, по илимской таможенной оценке, на 21 638 руб. Из этой суммы приказчики гостей, гостиная и суконная сотен привезли товаров, по илимской таможенной оценке, на 12 396 руб. В числе привезенных товаров были: сермяжное сукно, крашенина (грубая ткань), кафтаны, рубахи, штаны, чулки, рукавицы, топоры, рыболовные снасти, медь, олово, свинец, сошники, косы-горбуши. Продуктов питания поступило немного: 3 109 пудов муки, 186 пудов меда, 85 пудов солода, 87 пудов хмеля, мыло [6].

В Якутский край русские привозили различные железные и оловянные изделия, разноцветный бисер («одекуй»), крашенину, прядево и пр. Иностранцы же давали за все это соболей, лисиц, белок и прочую «мягкую рухлядь» [7].

За короткий промежуток времени сибирская торговля выходит на новый уровень, об этом свидетельствует и ассортимент товаров, поступающих в Сибирь. Например, уже во второй половине XVII в. за девять месяцев в Енисейск было завезено шесть зеркал ярославских, две дюжины стаканов оловянных и чарок, тысяча ложек, пять шкатулок и четыре ларца железных [8].

Цены на привозимые товары различались, помимо обычных денег в торговом обращении использовался и их эквивалент – мех соболя. Например, известно, что в первой половине XVIII в. при торговле в Удском остроге за пуд мелко нарезанного листового табака просили три-четыре соболя, причем соболь стоимостью в 5 руб. принимался как трехрублевый. Кусок китайки стоил 1½ руб., пуд ржаной муки – от 3 до 4 руб., железный котел в одно ведро – один соболь, медный котел – 4 руб., пуд соли – 8 руб., кусок бухарской ткани – 1 руб. 20 коп., охотничий нож – 50 коп., аршин полотна – 20 коп., большие и маленькие стеклянные бусы, швейные иглы, маленькие колокольчики и бубенчики не имели определенной цены, 1½ пуда сливочного масла стоило два соболя, а топленого масла – три соболя [9].

Наиболее полную характеристику товарам, поступавшим на сибирский рынок, дают таможенные ценовые книги XVII в. В этих документальных свидетельствах указано более 200 наименований товаров. Среди них важное место занимали продукты питания: мука ржаная, ячневая и рисовая, крупа ячневая и овсяная, толокно, сало, рыбий жир, сахар, мед (для браги), хмель (для кваса и пива) и др. Изделия русского кустарного промысла были представлены сермяжным сукном, холстами разных видов (тонкими и толстыми, широкими и узкими, гладкими и грубыми), крашеной портишной, лазоревой, трубчатой и т. д., предметами одежды (рубашками, штанами, шубами, кафтанами, зипунами, часто с художественной отделкой – «строченные и вышитые шелком», «вышитые золотом», «с шелковыми нашивками» и т. д.), обувью разных видов и назначений (сапогами и башмаками сафьяновыми мужскими, женскими и детскими, «телятинными» и бараньими, чирками, уледницами лыжными), белой и красной дубленой и сыромятной кожей, головными уборами, в том числе шап-

отделений вода была выше балок, причем подмочило хранящуюся в одном из них соль на 5 вершков с низу. Около 9 час. вечера 28 числа вода вдруг начала сбывать и к утру стекла с лугов, увлекая с собою дрова, бревна и самые заборы.

Наводнение это причинило значительные убытки: в одной варнице подмыло стойки под перекладами и размыло подчренную печь, в другой размыло поддувало, в кузнице разрушило горны, в пекарне размыло печь, в прочих зданиях, залитых водою, подняты полы, повреждены печи, разнесены заборы. Но главный убыток заключается в том, что водою унесено 379 саж. дров, приготовленных для солеварения, на 303 р. 20 коп. и бревен 79 шт. на 19 руб. 69 коп, кроме того, находящийся в особом сарае кирпич от воды сделался рыхлым и потому непрочным. Некоторые повреждения уже исправлены, а к исправлению других приняты надлежащие меры» [83].

Киренск в том году беда миновала. Вскрывшаяся Лена донесла до него лишь последствия бывшего вверху наводнения и неясные слухи. Так, 30 апреля наблюдавшие за ледоходом Лены в Киренске отмечали: «...лед идет стремительно и бешено несет на себе и с собою бревна, жерди и всякий хлам; видно, Лена погостила где-нибудь вверху на жилом берегу и пощупала крестьянское добро» [84].

И лишь через неделю, 7 мая, донеслись первые известия: «В Усть-Кутском селении и Усть-Кутском солеваренном заводе 24 апреля было порядочное наводнение; о подробностях еще неизвестно, но о значительном вреде и убытках говорят утвердительно» [85].

Заметное наводнение в Киренске произошло в 1870 г. О нем упоминалось в опубликованном в «Иркутских епархиальных ведомостях» отчете приходского попечительства при Киренском Спасском соборе: «...бывшим 1-го мая наводнением от рек Лены и Киренги причинило многим бедным прихожанам убытки, а некоторых даже почти вовсе разорило, повредив жилые помещения, затопив и испортив продукты...». В числе потерпевших был «...и приходской диакон Мисаил Громов, у которого в доме повредило полы, размыло печи и разнесло бывшую около дома ограду...». Попечительство приняло решение «оказать пострадавшим от наводнения хотя малое пособие», вручив 50 руб. дьякону и раздав от 5 до 10 руб. семьям беднейших прихожан [86].

По наблюдениям Иркутской магнитной обсерватории, в 1870 г. высота подъема воды над средним уровнем в Киренске достигла 7,31 м [87]. Для сравнения, максимальный уровень воды при наводнении в Киренске в 2001 г. составил 7,37 м.

В 1885 г. в газете «Сибирь» в корреспонденции под названием «С Лены» сообщалось о «большой воде», случившейся в Киренском округе:

«Река Лена, "тронувшись" 2 мая, затопила луга, пашни, села и деревни, так что в некоторых селах и деревнях Макаровской волости, как, например, в Марковском селении, Якуримской, Кокуйской и Заборской деревнях, снесло водою несколько домов, амбаров, бань; много поломало гумен, сараев; в Марковском селении, кроме станции, волостного правления и училища, которые менее других пострадали, все строения повреждены и убыток каждого хозяина определяют не менее 100 рублей; унесло много озимовых посевов и утонуло немало скота, не перегнанного своевременно на более безопасные места. Гибель крестьянского имущества можно отнести к апатичности самых жителей и нераспорядительности сельских и волостных властей, тем более, что почти все население приленского края ожидало большой воды, судя по своим каким-то

приметам, и все-таки никаких мер принято не было, если не считать г. Киренска, где полиция за несколько суток до наводнения заставила жителей с пологих мест перебраться на возвышенные и тем предупредила от разорения, хотя здесь вода поднималась не так высоко, как в Макаровской волости, и повреждений в постройках не сделала, оставив только порядочно льда на улицах, на всем протяжении Киренского округа по р. Лене» [88].

В более поздней корреспонденции в той же газете сообщались и некоторые другие подробности этого разрушительного наводнения:

«Население многоводной, но неприятливой реки Лены, благосостояние которого и так уже падает не по дням, а по часам, постигло нынешней весной одно из величайших бедствий – потоп, свирепствовавший при вскрытии реки на значительном районе, с селения Усть-Илгинского, где топило амбары с хлебом, до г. Киренска, т. е. на расстоянии 600 верст, а также и по реке Киренге. Топило по Лене и ниже Киренска, но без особенного вреда для жителей. С Усть-Илги же до Киренска редкое селение могло избежать затопления, а некоторые из них, как, напр., Якурим, Мысовая, разрушены чуть не до основания. Приток воды был так быстр, что жители некоторых сел едва успевали спастись сами, убегая в горы и другие возвышенные места. Гибели людей не было, но скота, имущества разного и хлеба погибло много. В селениях, более других подвергшихся разрушению, жители остались без всякой домашней утвари. Да что, впрочем, утварь, когда некоторые жители после потопа остались без пищи, без крова и живут теперь по несколько семей в едва уцелевших избах. Потопило запасы семян и мужики лишились возможности посеять хлеб, да, впрочем, и сеять-то у многих было не на чем, ибо приготовленные для посева пашни завалило льдом и илом. Огороды буквально все сгладило и едва ли из них может быть восстановлена этим летом небольшая часть. Такого высокого подъема воды, какой был нынешней весной, не помнят и старожилы, приписывая причину громадной толщине льда, доходившей будто бы до 2-х сажень, отчего при проходе его делались споры и вода, не находя прохода, скапливалась перед спорами громадной массой, а затем, когда спор разрушался, то лед при проходе своем не оставлял ничего целым и, пройдя небольшое пространство, образовывал новый спор, и так по всему пространству до того места, где Лена делается шире, давая возможность проходить льду более свободно.

Что же сделало местное начальство, чтоб хотя сколько-нибудь предупредить печальные последствия постигнутого крестьян бедствия? В некоторых селениях из волостного правления спрашивали мужиков о стоимости понесенных ими потерь, но помощи никакой не оказывалось. Замечательно, что сведения о потерях собирались только в некоторых селениях, а не во всех. Лицо же, поставленное во главе окружной администрации, исправник, не соизволило даже проехать по пострадавшим селениям. Между тем, в подобных случаях всегда спешат к пострадавшим со словом утешения и помощи, даже Высочайшие особы, если резиденция их находится вблизи таких мест» [89].

В июле того же года, в то время, когда идет так называемая коренная вода, на Лене прошли дожди, вода в реке сильно прибыла, и летним паводком были затоплены находившиеся на низменных местах поля и сенокосные луга. Чтобы приступить к сенокосу, киренским жителям пришлось ждать спада вышедшей из берегов воды [90].

Новое большое наводнение в Киренске произошло в 1892 г. По данным Иркутской магнитной обсерватории, тогда вода поднялась над средним уров-

Комплекс зданий гостинного двора в музее «Тальцы». Фото О. Фроловой, 2015 г.

ые привозились сюда и из европейской части России, и из Китая. Так как на начальном этапе освоения сибирской территории процесс развития ремесел и кустарных промыслов, производящих предметы массового потребления, только зарождался, была необходимость постоянного привоза товаров извне.

В XVII в. ведущая роль в торговле принадлежала представителям крупного купечества – гостям и торговым людям гостинной и суконной сотен. В Московском государстве XV–XVII вв. все посадское население делилось на четыре разряда: «гости» («гостинная сотня»), «суконная сотня», «черные сотни» и «слободы». Первые три разряда образовывали высшее купеческое общество и выделялись из торгово-промышленного населения. Самые богатые и имевшие наивысший социальный статус – это гости [4]. Именно благодаря гостям торговые ряды и получили впоследствии название гостиных дворов. Через торговых агентов, приказчиков и лавочных сидельцев крупное купечество распространяло свою продукцию по всей Сибири, но главным образом к востоку от Енисея, в местах, наиболее богатых ценной пушиной.

До строительства Сибирского тракта товарные грузы могли доставляться из Европейской России в Сибирь и обратно только раз в год, в период навигации по сибирским рекам, что обуславливало необходимость сразу закупать на годовой оборот огромную массу товаров. С декабря из городов, непосредственно связанных торговлей с Сибирью, выезжали приказчики, лавочные сидельцы, промышленные и работные люди.

Со многих территорий Российской империи приезжали в Сибирь купцы. Но одной из самых многочисленных была группа выходцев из Великого Устюга. Часть устюжских купцов со временем сосредоточилась исключительно на торговле в Сибири. Некоторые из них навсегда уезжали из Великого Устюга и записывались в купечество по разным сибирским городам. По данным ревизских сказок, на 1763 г. в Сибири находилось более 200 устюжан. Большинство из них выехали в сибирские города с целью торгового промысла [5].

Правительство прилагало усилия к тому, чтобы на местах обязательно соблюдались установленные правила торговли. Оно рассылало в сибирские уезды распоряжения и указы с требованием строго учитывать товары приезжающих

Р. В. Агаитова

ТОРГОВЛЯ И АССОРТИМЕНТ ТОВАРОВ В СИБИРИ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Завоевание Сибири Московским государством началось в XVI в. К началу XVI в. русские землепроходцы были только на пороге реки Оби, а к началу XVII столетия почти вся Сибирь была под властью русского царя. Именно в это время на территории Сибири началось острожное строительство. Были поставлены первые остроги: Тобольский (1587 г.), Тарский (1594 г.), Енисейский (1619 г.), Илимский (1630 г.), Братский (1631 г.) и др. [1].

В момент основания и на протяжении всего XVII в. города-остроги являлись военно-административными центрами. Следует отметить, что Сибирь до прихода русских не имела развитых ремесел, промышленности и земледелия, поэтому главным катализатором процессов, способствовавших социально-экономическому развитию Сибири, стала торговля; именно торговля и обмен были основными источниками удовлетворения хозяйственных потребностей городского населения в это время.

В XVII – первой половине XVIII в. в большинстве русских городов были торговые ряды. В исследованиях по данной тематике содержатся сведения о том, что торговые ряды состояли из разных, различной величины и устройства помещений, в которых или на которых располагались товары и торговцы. Эти помещения имели различные названия, как-то: лавки, прилавки, лари, скамьи, санки, амбары и погреба. Кроме этого упоминаются также места скамейные, ящичные места и шалаш [2].

Во многих источниках отмечается, что основным видом торгового помещения была лавка, т. е. отдельное каменное или деревянное строение, внутри которого велась торговля.

В XVII – первой половине XVIII в. сибирская торговля в основном проходила на территории острогов – в гостиных дворах. Гостиные дворы представляли собой комплексы складских, торговых, а также жилых помещений для продажи, хранения товаров, проживания торговых людей и хранения транспорта. Обычно это были четырехугольные здания в один или два этажа, обнесенные галереями, с внутренним двором. Гостиные дворы были разделены на лавки, каждая из которых имела отдельную дверь наружу.

Товары в лавках хранились, как правило, в коробах, подвешиваемых на шестах в один, два и три яруса. Короба были разных размеров (большие, средние и малые) и предназначались для различных товаров: цеховых, шелковых, женского убранства и т. д.

Затаренные товары складывались на носилки, служившие одновременно подтоварниками. Некоторые товары подвешивались на шесты и спицы без коробов. Были, например, сапожные шесты, седельные спицы и т. д. Соль, сушеная рыба, зерно складывались навалом в закрома или без закромов в особые амбары-пристройки, а в затаренном виде – в отдельные лавки-склады [3].

В начальный период освоения Сибири гостиные дворы были деревянными, но с XVIII в. их стали строить преимущественно каменными. Гостиные дворы и лавки имелись во многих острогах, в том числе в Иркутском, Енисейском, Илимском, Верхнеудинском, Якутском, в Верхотурье и т. д.

В XVII – первой половине XVIII в. Сибирь была не только основным поставщиком ценной пушнины, но и рынком сбыта различных товаров, кото-

нем на 7,83 м и жители города «чрезвычайно опасались, что весь город будет сорван прорвавшимся затором» [91]. В одной из газет того времени было опубликовано сообщение об этом наводнении, которое едва не стало причиной... большого пожара в городе:

«...Лена нынешней весной не на всех угодила. Ниже Марковой, по Киренскому округу, вода поднималась выше желаемого уровня, а в самом Киренске разразилась полным наводнением. 6-го мая против города лед остановился, образовав целые горы затора; вода быстро стала подниматься, заливая улицы, и через 2–3 часа полгорода было в воде. Жители более низких улиц заблаговременно выбрались в гору и угнали скот (говорят, что полиция за три дня предупредила жителей о наводнении); на местах же более высоких, где по местным летописям воды не бывало, некоторые были застигнуты врасплох и пострадали, как например магазин Шелкунова и Метелева. Но особенное несчастье постигло г. Моргена и чуть было не кончилось общей бедой. В амбаре его лежало сотни две пудов негашеной извести. Когда вода поднялась в улице до 1½ аршина, амбары загорели. Вскоре по ветру охватило огнем сеновал и большой дом Моргена. Жителей во всем квартале в это время уже не было. По улице страшно бушевала вода и несла крупный лед. Но дело было днем. К пожару послали в лодке одну машину с несколькими рабочими. Плыть приходилось против быстрого течения, среди льдин, и не менее полверсты. За этой лодкой пошли другие. На пожар собралось до 30 человек, преимущественно таких, которые в огне не горят и в воде не тонут. Зевак не было. Все постройки Моргена, разумеется, сгорели до пояса, до уровня воды, но соседи, несмотря на ветер, не пострадали. От извести в то же время загорелся сарай на другом конце города, во дворе Акулова, но там был народ и огонь скоро был потушен. <...>»

В окрестностях Киренска льдом изрыты поля и сенокосы, снесло несколько мелких строений. Ниже по Лене разлив воды был умереннее» [92].

На следующий день после наводнения, 7 мая, киренским уездным воинским начальником подполковником Карпицким был составлен рапорт о происшедшем, направленный командующему войсками Иркутского военного округа. В рапорте сообщалось:

«6 числа текущего месяца, в 12 часов дня на реках Киренке и Лене, огибающих кругом город Киренск, одновременно тронулся лед, своею огромною массой запрудивший русла этих рек на всем протяжении города, почему вода, не имея исхода, быстро вышла из берегов, заливая все окрестные деревни и поля на противоположных берегах этих рек, а на этом берегу – почти две трети города.

Таким образом, жители низменных городских местностей внезапно были охвачены кругом наводнением в своих домах, и уровень воды быстро стал подниматься, которая, разливаясь и с набережной, и со стороны огородов и задних дворов, быстро проникала в подполья и подвалы, а затем и в жилые помещения <...> в некоторых домах с низкими фундаментами поднялась выше половины окон. Вскоре набережная улица превратилась в стремительный поток с быстро несшимися по нем громадными льдинами, бревнами и великим множеством поленьев дров, выхваченных водою из сложенных на берегу сажень, неслись на воде также большие и малые лодки.

Для подания неотложной помощи охваченному наводнением населению города я вызвал всех свободных от караула нижних чинов вверенной мне команды, из которых, по числу оказавшихся под рукой лодок и в зависимости от величины последних, сформировав команды и назначив над ними старших, отправил их в наводненную местность для спасения людей и их имущества.

Нижние чины, движимые чувством сострадания к ближним, быстро заняв лодки, отважно бросились к затопляемым домам с непомерными усилиями и опасностью для собственной жизни, преодолевая на своем пути всевозможные препятствия в виде несшихся на поверхности воды льдин, бревен и множества других твердых тел.

Вскоре на незатопленном берегу города стали появляться уже спасенные жители с захваченным второпях кое-каким имуществом.

Нижние чины, промокнувшие, безостановочно работали на лодках до 3-х часов дня, подавая скорейшую помощь нуждавшимся в ней жителям и спасая их имущество и даже скот, всюду поспевая своевременно, когда в одном доме залитой водою местности, как говорят, от находившейся в амбаре бочки с негашеной известью, вспыхнул пожар, моментально охвативший все здание, и дом и грозивший уничтожить своим пламенем все то, что могло остаться от наводнения на всем протяжении наводненного и таким образом лишиться жителей последнего убежища. Нужна была энергичная помощь, причем предстояло бороться с двумя противоположными стихиями – огнем и водой, вследствие чего я, оставив часть людей в ведении поручика Ермакова для продолжения той же работы, сам с фельдфебелем, двумя унтер-офицерами и 15 нижними чинами, сев в почтовые лодки и захватив с собой пожарный инструмент, поплыл по Набережной улице к горевшему зданию, причем пришлось протискиваться сквозь несшихся льдин, бревен и прочих предметов.

У пожарища, охватившего все здание и внутренние строения, начавшегося уже распространять свое пламя и на соседние строения, встречая препятствие в бывшей под нами воде в уровень человеческого роста и в плававших по ней предметах, мы общими усилиями работавших с замечательным рвением и самоотвержением нижних чинов и некоторых горожан, в числе коих находились товарищ прокурора и судебный следователь, с наступлением темноты пожар успели потушить, и с наводненной местности никто уже не просил о помощи, она была подана всем своевременно.

В 9½ часов вечера, собрав команду и поверив число людей, оказавшихся невредимыми все налицо, повел их в казарму, где, сделав нужные распоряжения в случае поднятия ночью уровня воды, в 300-х шагах ниже казармы сел в лодку с 4 гребцами из нижних чинов и огородами поплыл к своей квартире и управлению, также окруженных водою, доходившею до крыльца.

Поутру, в 9 часов, тронулся лед и в Лене, и в Киренке, и вслед за ним вода пошла на убыль...» [93].

После снежной зимы 1893/94 г. сильное наводнение случилось в Орлингской волости. В газете «Восточное обозрение» о нем писалось так:

«...старожилы еще зимой предвещали весною "потопу" и, действительно, не обошлось без бед.

14-го апреля с раннего утра вода в Лене стала быстро прибывать, вздымая лед все выше и выше, колыхнула ледяной покров и загрохотала река... Крестьяне были в полной уверенности, что ездить по Лене возможно будет еще с неделей, так как лед был довольно прочен, и не озаботились уборкою с реки лодок и стружков; скот выпускали пастись на острова и многие жестоко поплатились за свою неосмотрительность. В 8–10 верст[ах] ниже с. Орлинги, в островах, сперло лед настолько сильно, что запрудило все русло Лены на протяжении 8–12 верст на целую неделю. Вода, не находя выхода, разлилась по пашням. Множество пашен попорчено водою до того, что о посевах на них нечего и думать.

мысли,ковка и шорное ремесло, а также бондарный и сапожный промыслы. Обращение к теме подсобного крестьянского ручного труда позволит составить полноценное представление о жизни и быте трактового старожильческого населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 113–114.
2. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 250.
3. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). Т. XXIV (1849). Ч. I. 23010. С. 93.
4. Там же. Т. VI (1831). Ч. I. 4628. С. 451.
5. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. С. 241.
6. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII – XIX вв. Новосибирск, 2004. С. 449.
7. Попов Н. Очерки старой ямщины в Прибайкалье // Жизнь Бурятии. 1925. С. 114.

обозначить функциональность архитектурных этапных построек, а также создать собирательный образ заключенного того времени.

Слабозаселенная Сибирь была избрана местом ссылки и каторги не случайно, правительство руководствовалось исключительно благими намерениями. Водворение в регион воров, картежников, бродяг, убийц и шулеров, а именно они составляли основной контингент сосланных, дало бы возможность им встать на путь исправления и вернуться к нормальной жизни, благо наличие никем не занятых земель позволяло обзавестись собственным жильем и хозяйством. Кроме того, государство посредством адаптации ссыльнопоселенцев на новом месте смогло бы решить проблему освоения обширных сибирских территорий.

В Предбайкалье первые арестанты стали прибывать еще в конце XVII в., однако случаи их появления в регионе были крайне редки и немногочисленны. Ситуация преобразилась во второй половине XVIII в., когда смертная казнь в России была заменена вечным поселением в Сибирь. С этого момента поток уголовников и политических преступников в Иркутскую губернию резко увеличился.

Регулировать правовое положение сибирской ссылки и полномочия заключенных был призван «Устав о ссыльнопоселенцах», утвержденный императором Александром I в июле 1822 г. Документ впервые упорядочил движение арестантов в Сибирь, вводил деление на партии, предусматривал обустройство мест для ночевки и отдыха, а также принципы питания в пути.

По уставу ссыльнопоселенцы формировались в партии из 200–400 человек и следовали пешком до места назначения (за день партия могла пройти около 30 верст). С момента ареста и до времени прибытия ссыльные находились на полном государственном обеспечении. Для ночлега и отдыха в крупных трактовых селениях (Шерагул, Куйтун, Кимильтей, Тыреть, Кутулик и др.) устраивались этапы, представлявшие собой комплекс жилых и хозяйственных построек, поставленных на обширном дворе и обнесенных высоким забором – заплотом или частоколом. Внутри ограды стояли два-три барака для заключенных, дом начальника этапной тюрьмы и дом для солдат-конвоиров. По углам огороженной площадки устраивались смотровые будки. В комплекс построек этапной тюрьмы могли также входить лазарет, сарай, склад или же баня.

Входившую в село под звуки звенящих кандалных цепей партию арестантов непременно встречали местные жители: топили им бани, давали выстиранную и починенную одежду, оставшуюся от предыдущих партий заключенных, кормили голодных, измученных и оборванных в пути людей.

Этапные тюрьмы по Московскому тракту функционировали вплоть до прокладки железнодорожных путей. С этого времени основные грузы и пассажиры, в том числе и узников, стали перевозить паровозами. Необходимость в этапных постройках отпала. Тюрьмы были закрыты.

В выставочном пространстве в визуальном воплощении образов постылого двора и этапа должна присутствовать системность наполнения витрин экспонатами, присущая опыту стилизации предыдущих объектов трактовой экспозиционной зоны.

Последние оставшиеся три витрины предназначены для демонстрации ремесел и мелких кустарных производств, сопутствующих жизни трактового населения. Это плотницкое дело, колесный, ободный и санно-тележный про-

С. Орлинга и находящиеся вблизи ее деревни казались как бы населенными островами. Есть деревни, как напр. Пуляева, пониже с. Орлинги, которые топят ежегодно, даже и при малой воде, а ныне вода была в печах даже (дер. Зехина). Жители таких деревень каждый год на время вскрытия реки выкочевывают со всем скотом и домашним скарбом на горы и живут в наскоро устроенных землянках до спада воды. Многие из крестьян, видя быструю прибыль воды, бросились спасать скот на горы, но было уже поздно – некоторым пришлось спасать себя, а скот оставить на волю божию.

Погибло немало скота, пасшегося и на островах. По слухам, крестьяне с. Орлингского лишились до 20 лошадей, а конь для приленских крестьян составляет самое главное богатство: приленцы не так уповают на пашни, как на коней, при помощи которых они, отбывая почтовую гоньбу, получают более верный заработок. Пасха нынешняя была для многих обывателей с. Орлинги и ближних к ней деревень очень печальна. Вместо сухой Пасхи некоторым орлингцам пришлось плавать по улицам в лодках, так как почти все селение было затоплено водою» [94].

После вскрытия реки в 1894 г. на Лене лили каждодневные дожди, что неизбежно привело к сильному летнему паводку. В одной из корреспонденций с Лены, опубликованных в «Восточном обозрении», сообщалось: «В природе творится что-то небывалое. После холодной, ветряной, сырой весны наступило лето чрезвычайно дождливое. За май, июнь и начало июля было 5 ясных дней, в остальное время дождь льет непрерывно. Сначала, в течение июня, мы принимали это за благодать Господню. Действительно, хлеба и травы быстро и сильно росли, обещая роскошные урожаи. Однако же уж давно "напилась воды земля досыта", а дожди еще чаще, сильнее и упорнее обливают нас; прошло уже сорок дождливых дней и ночей, и реки выступили далеко от обычного местного уровня, топят берега, уносят дрова и заливают поля, сенокосы и огороды. Хлеба и травы уже полегли. А солнышка нет, да нет» [95].

Ежегодное вскрытие Лены, грозившее наводнением, а подчас и разорением и гибелью, заставляло ленских крестьян со страхом ждать этого неизбежного явления природы. Так, одна из ленских жительниц писала в своих воспоминаниях: «...люди с тревогой ждали и караулили ледоход по реке Лене, чтобы не застала беда врасплох. Жители деревень собирались на берегу, разжигали костры, пели песни и пекли "яблочки" – картошку» [96].

Испокон веков все, что было неподвластно человеку, начинало сопровождаться обрядовыми действиями, имевшими в своей основе желание умилистить, задобрить стихию, обезопасить себя какими-то жертвами. О подобных явлениях, имевших место на реке Лене, свидетельствует одна из корреспонденций, посланная в 1900 г. в газету «Восточное обозрение» из села Дубровского: «Утром 21 апреля наша "красавица" Лена, после долгих сборов и ожиданий, наконец "тронулась". Во время вскрытия реки на берегу можно было наблюдать довольно характерную сценку. Сюда высыпала почти вся деревня: многие из баб и ребятишек, вооружившись краюшками хлеба и шаньгами, бросали их для чего-то в открывшуюся воду, тогда как другие, зачерпывая из реки "свежую ленскую водицу", с каким-то благоговением совершали свое "омовение". Подобная "процедура" совершается традиционно из года в год во время вскрытия Лены. Наши крестьяне, по-видимому, твердо верят, что ленская вода в момент вскрытия реки обладает чуть ли не целебным свойством, все равно как для индуса вода священного Ганга. К сожалению, я никак не мог добиться объяснения

этого крайне странного обычая. Даже те, кто бросает хлеб, на вопрос, для чего они это делают, отвечают лаконичным: "не знаю". Нужно сказать, впрочем, что дух суеверия и разного рода предрассудков пока еще твердо держится в нашем крестьянине и бороться с ним довольно трудно» [97].

В то же время, возражая автору корреспонденции, современные исследования талой воды действительно доказывают ее благотворные для человека свойства, которые давно уже заметили наши «темные», «суеверные» предки.

Помимо «спасительных» обрядовых действий при вскрытии Лены не избалованные зрелищами ленские крестьяне имели ежегодную возможность любоваться величественной картиной прохода льда по реке. И даже во время сильнейших наводнений, находясь на безопасных местах, люди невольно внимали красоте и мощи разбушевавшейся стихии, оставляющей неизгладимые впечатления в человеческой памяти [98].

Один из невольных жителей Витимской волости в 1890-е гг. писал, что вскрытие Лены «представляет величественное – страшное зрелище. Иногда большою водою топят низкие жилые и пустопорожние места и наносит вред своим потоком. Лена ломается с[о] стуком, с ревом, и резервуар ее быстро пополняется прибылью воды. Громоздкие льдины перегоня одна другую, взбираются друг на друга, образуя у берегов неприступные скалы и стенные городки. Льдина льдину топят, только и видны одни фонтанные брызги. Несомый с волнами лес также с[о] страшным ломом рушится и поглощается, но вот картина изменяется, лед идет реже, реже и наконец исчезает. Начинается постепенная убыль воды и остаются одни нагроможденные бережные ледяные городки, которые также падают с[о] своих высот, производя гигантским падением непрерывную пальбу, эхо которой далеко раздается по соседней с Леной негостеприимной тайге» [99].

В начале XX в. регулярно выходившие газеты позволяли освещать происходившие события более оперативно и не однажды к ним возвращаться. Так, о ленском наводнении, случившемся в 1904 г., сообщалось в «Восточном обозрении» в нескольких корреспонденциях, которые поступили из разных сел ниже Киренска. Первое сообщение было из села Петропавловского, находившегося в 90 верстах от уездного центра. Оттуда писали:

«С затаенной тревогою петропавловцы ждали реколома, и когда 27 апр. Лена тронулась, то все сельчане были на берегу.

Не прошло и часа, как все село, поля и луга наводнились. Вода сквозь окна и двери заливала избы, уносила скот, сено, лес.

Человеческих жертв нет, но убытки крестьян – громадны; в общественном магазине хлеб промок, поля смыло до твердого грунта; общественные дрова, заготовленные для пароходов, унесены, и целые зароды сена исчезли бесследно. Когда вода спала, громадные льдины остались на полях, благодаря чему, если не установится теплая погода, поля придется распахивать очень поздно и, вследствие того, что весь навоз унесен водою, урожая хлебов в этом году ждать не придется» [100].

Неделей позже в газете была помещена корреспонденция из селения Дубровского, располагавшегося еще на 200 верст ниже по Лене:

«Утром 28 апреля вскрывшаяся река с ужасающею быстротою пошла на прибыль, выступила из своих берегов и минут через 15–20 затопила всю низовую часть нашего селения.

Занятия торговлей и извозом в конечном итоге породили новый вид промысла – дворничество, т. е. содержание постоянных дворов. Промысел целиком зависел от развития первых двух, ведь чем больше товаров и почтовых отправок требовалось перевезти по главному и второстепенным трактам, тем большее количество крестьянских дворов включалось в систему обслуживания крестьянских обозов. В свою очередь, торговля и извоз не могли состояться без постоянных дворов: ямщикам требовались остановочные пункты.

Наличие постоянных дворов в тех или иных селениях напрямую зависело от удобства их расположения для дневных и ночных побывок, а также определялось конкурентоспособностью самих дворников, соперничавших между собой из-за чрезвычайной выгодности дела. Доход от занятия промыслом напрямую зависел от размера постоянного двора. Так, крупные дворы, способные круглогодично принимать и успешно обслуживать по 50–100 возов, зарабатывали в указанный период до 1 500 руб. и более. Доход владельцев средних постоянных дворов составлял примерно 500 руб., малых, владельцы которых зачастую вели промысел сезонно и нелегально, – 240 руб. [5]. И все же основной доход хозяевам постоянных дворов давала продажа фуража и сена (пуд сена стоил 30 коп., овса – 80 коп.). За сезон большой двор мог продать до 3 тыс. пудов сена и 1 тыс. пудов овса. Если дворник заготавливал корм для лошадей своими силами, то расходы на выплату жалованья наемным рабочим значительно сокращались и практически не влияли на его собственный доход.

Многие постоянные дворы действовали нелегально, дворники попросту не делали никаких отчислений в государственную казну. Оттого их полное число на тракте было невозможно определить. Только в 1879 г. по Первой Всероссийской переписи часть постоянных дворов, располагавшихся по трактам Иркутской губернии, удалось зарегистрировать, так как их владельцы назвали дворничество основным видом своей хозяйственной деятельности. В Предбайкалье было отмечено 333 постоянных двора [6]. В действительности же их все равно было больше.

Въезжавшим в незнакомое село ямщикам узнать постоянный двор было достаточно просто: к воротам крепился пучок сена или соломы [7]. Кроме того, усадьбы крестьян, занимавшихся дворничеством постоянно, зрительно выделялись крупными размерами и множеством хозяйственных построек. Как правило, на чистом дворе располагались две избы – хозяйская и ямская, несколько амбаров для хранения овса, навесы для телег и укрытия лошадей от непогоды, поилки. Встречались усадьбы и с двухэтажными домами, построенными на городской манер. Первый этаж обычно предназначался ямщикам, второй – хозяйской семье.

В наши дни постоянного двора в полном его облике со всеми надворными жилыми и хозяйственными постройками по тракту уже не встретить. Жители сел очень редко могут указать на дом, некогда составлявший основную постройку усадьбы, а если таковой и имеется, то он полностью изменен и приспособлен к ведению современного хозяйства. С развитием техники и новых условий жизни необходимость в постоянных дворах отпала и они вышли из обихода.

Еще одним объектом трактовой экспозиционной зоны, требующим отдельного детального рассмотрения, является этап. Затрагивая специфику Московского тракта в таком контексте, выставочное пространство должно осветить историю сибирской ссылки и систему этапирования арестантов в Предбайкалье,

«путеводитель». Внешне ямы представляли собой небольшие избы, интерьер которых был достаточно скромен – глинобитные печи, широкие лавки и нары. Ямские станы выполняли функции, возложенные со временем на почтовые станции, здесь путник за определенную плату мог получить ночлег, еду и фураж для лошадей. По сути ямы являлись первыми постоянными дворами, обслуживанием которых занимались крестьяне.

В XIX в. происходит усовершенствование почтовых учреждений. Существовавшие ранее ямы были заменены новыми опорными пунктами – государственными почтовыми станциями. Здесь производился обмен почтой между ямщиками и станционными служащими, проезжающим предоставлялся отдых и возможность смены лошадей и средств передвижения. Строительство станций велось по всему Московскому тракту с промежуточным расстоянием в 25–30 верст. Станции очень быстро оформились в единую систему с практически общими правилами распорядка жизни и деятельности.

В Предбайкалье строительство почтовых станций осуществлялось по типовым проектам, утвержденным высочайшим указом 2 декабря 1848 г. [3]. Внешне станция представляла собой целый комплекс построек жилого и хозяйственного назначения с необходимым для несения почтовой службы количеством помещений. Так, главный фасад почтовой станции составляли станционный дом, ворота и флигель для ямщиков, соединенные высоким заплотом. В набор хозяйственных построек входили амбар и навесы для лошадей и почтового транспорта. Строительство конюшен на территории станционных усадеб было не предусмотрено «по тому уважению, что по большей части станции расположены при селениях, а где в оных, там обыкновенно находятся вблизи станции постоянные дворы. В первом случае ямщики могут держать лошадей при крестьянских домах, а в последнем на постоянных дворах; устройство же конюшен на почтовых дворах требует значительных издержек» [4].

По периметру обширный двор почтовой усадьбы огораживался высоким заплотом. Все почтовые станции отмечались щитом с изображением государственного герба, указанием названия места и расстояния от Петербурга. Станционный дом делился на две половины и выполнял одновременно функцию гостиницы для отдыха или проживания проезжающих, а также жилья для служителя почты. Флигель для ямщиков, в свою очередь, являлся местом отдыха извозчиков.

Кроме казенных почтовых станций, расположенных по тракту, достаточно часто встречались станции, построенные частными лицами. Такие станции располагались в селах, в обычных крестьянских усадьбах, чьи хозяева оформили подряд с государством на осуществление ямской гоньбы и приспособили жилище под учреждение почтового ведомства.

Деятельность почтовых станций была прекращена в связи со строительством железной дороги, взявшей на себя основной объем почтовых и пассажирских перевозок.

Об облике, архитектуре и габаритах почтовых станций позволяют судить предоставленные вниманию зрителя фотографические и иллюстративные материалы, о внутреннем убранстве – копии архивных документов, в частности многочисленные сохранившиеся описи казенного имущества. Любопытна и история сибирских ямщиков как сословия, выполнявшего назначенную ему государством функцию ямской гоньбы. Эту часть выставочного пространства отразят музейные экспонаты – знаковые элементы жизни и быта извозчиков.

Вся береговая улица и прилегающие к ней переулки были буквально затерты льдом.

Позднее, когда вода несколько схлынула, громадные кучи "торосу" остались на месте и еще долгое время создавали препятствия для правильного движения по улицам села.

Крестьяне рассказывают, что такой же значительный разлив Лены имел здесь место 20 лет назад (уровень воды поднялся настолько, что некоторое время сообщение между домами производилось в лодке), но в то время наводнение случилось после ледохода, разлив же реки во время ледохода, как это наблюдалось ныне, – явление до сих пор небывалое.

По счастью, серьезных бед для населения наводнением не причинено. Разрушительная деятельность воды ограничилась лишь тем, что ею уничтожены прясла всех огородов, расположенных по берегу, унесло несколько сажень дров, складенных вблизи реки, оторваны лодки, бывшие у берегов, и т. п.

Покосы и пашни, лежащие по островам и в низких местах берега, занесены илом и затерты льдом. Разбросанные там и сям груды "торосу" нередко достигают 1–2 саж. вышины.

Более всего пострадала от наводнения наша телеграфная линия. Из достоверных источников нам передавали, что на пространстве от Киренска к Чечуйску ледоходом уничтожена линия на расстоянии трех верст, от Ичеры к Дубровскому – на версту, от Дубровского к Витиму линия разрушена в трех местах: в первом – на 3 вер., далее – на 1 вер. и еще на 1½ вер.» [101].

Наконец третья корреспонденция коротко сообщила о наводнении в селе Витим, в 425 верстах от Киренска: «В последних числах мая в Витиме было наводнение, принесшее витимцам немало убытков. Вода, зашедшая с полей, затопила всю заднюю улицу, ведущую со Старого Витима на Новый. По Береговой улице в некоторых местах приходится ездить в лодках» [102].

В 1910 г. жителей села Петропавловского вновь поугубило: «Река Лена в нынешнем году прошла 7 мая при малой воде, но зато послеледовая вода значительно поднялась и затопила луга и пашни даже на высоких местах, и поэтому посев яровых хлебов затянется» [103].

В газетах тех лет нередко сообщали о времени вскрытия рек, даже если никакого половодья не случалось. Словно ожидавшие худшего люди с облегчением вздыхали и крестились: «Слава тебе, Боже!» В 1912 г. из Петропавловского писали: «Р. Лена в наших местах тронулась 22-го и совершенно очистилась ото льда 29 апреля. Вода поднималось не высоко и не смочила лугов» [104].

Однако новые наводнения на Лене происходили неизбежно, и чем дальше они не случались, тем скорее была вероятность очередной беды. В 1913 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях» была опубликована заметка о недолгом ледовом заторе возле села Петропавловского, написанная священником Петропавловской Спасской церкви Михаилом Мацуевым:

«27 апреля у нас тронулась р. Лена. На берегах сразу образовались ледяные горы и затормозили дальнейшее движение.

29 апреля вода в реке значительно прибыла и лед всей своей массой двинулся вперед. Извилистые берега, заваленные льдом, не давали прохода большому количеству льда и вскоре верстах в трех ниже селения образовался затор. Вода быстро хлынула из берегов и по низинам потекла в поля, неся с

собою кучи льду. На реке стоял шум и треск. В деревне шла суета. Люди бегали, выгребали из амбаров муку, зерна, вытаскивали на чердаки разные домашние вещи. Вода полилась в стоящие на низких местах здания и быстро затопила их почти до половины. На берегах понесло и поломало несколько бань.

Крики людей, животных слились в общий гам. Растрепанные женщины то и дело перебегают по улице, спасая куриц, поросят и прочую живность, перегоняют к церкви на более высокое в деревне место. Жизнь кипит. Картина печальная. Солнце с высоты спокойно смотрит на суету, горе и слезы людские... Подул ветер... Ясная погода сменилась дождливой. Образовавшимся течением по улицам понесло хлам, дрова и бревна, которые как хорошие тараны, помогали разрушению. Появились лодки; в них спасали не успевших выбраться из затопленных домов обывателей.

По общему желанию жителей решено было отслужить молебен и, как только с церковной колокольни раздался первый удар колокола, призывающий в дни печали обратиться с молитвой к Господу Богу, церковь стала наполняться молящимися. Минута была торжественная. Чувствовался особый религиозный подъем. Началось молебствие от наводнения и с клироса вскоре полились звуки покаянного канона: "Помощник и покровитель"... При стройном пении детских голосов припева: "Помилуй мя, Боже, помилуй мя", молящиеся пали на колени и сосредоточенно вслушивались в церковные пение и чтение, а во время чтения весьма содержательной, патетической, заключительной молитвы, по церкви раздались вздохи. Чувствовалось, что все молятся единым сердцем.

Через некоторое время лед прорвало и вода быстро стала спадать, оставив на полях горы льду, а по улицам много строевого леса. Населению причинены значительные убытки. Да неизвестно, когда еще растает лед на полях и наш крестьянин может приняться за пахоту» [105].

Заторные наводнения характеризуются высоким, но сравнительно кратковременным подъемом уровня воды в реке. Когда напором воды ледяную плотину прорывает, тогда наводнение по берегам прекращается.

Другая заметка о том же петропавловском наводнении появилась в газете «Сибирь»:

«Надолго сохранится в анналах нашей деревни нынешний ледоход р. Лены, которая в первый раз тронулась 27 апреля, а 29 апреля верстах в трех ниже села образовался затор. Вода быстро вышла из берегов и затопила низко лежащие местности и стоящие здания почти до половины. Лед целыми горами понесло в поле. Село оказалось окруженным водой, по улице несло разный хлам, строевой лес, дрова и проч. К некоторым домам возможно было приблизиться только в лодках, чтобы спасти не успевших выбраться людей. Вода прибывала в течение четырех часов, а потом быстро пала, оставив на полях горы льду. Населению причинены громадные убытки: вынесло огороды, массу строевого леса, соломы и проч. Во многих местах вынесло наземные пары, отчего в нынешнем году крестьяне уменьшат площадь засева...

Из соседних деревень идут вести одна печальнее другой: где потопило скот, где жители сами едва спаслись на крышах домов. Хотя после прохода реки установилась хорошая, теплая погода, но горы льду на полях тают медленно, и крестьяне отправляются долбить их, чтобы ускорить время начала пахоты, которая вряд ли начнется раньше 15 мая.

На значительном расстоянии телеграфные столбы вместе с проволокой унесло льдом. Телеграф бездействовал около 7 суток. Выезжавшими на ремонт почтовыми чинами восстановлен вместо двух только один провод.

Торговля на базарных площадях осуществлялась в воскресные дни. Основным товаром являлся хлеб, благо обилие плодородной земли и климатические условия позволяли крестьянам ориентировать свои хозяйства на товарное производство зерна. Кроме того, хлеб служил основным предметом экспорта в европейскую часть страны. На экспорт из Иркутской губернии также шли масло, рыба, соль, пушнина. Из центральных губерний в край поступали мануфактурные и галантерейные товары, кожевенные, медные и железные изделия, сахар, спирт, табак, керосин, из соседнего Китая – чай и шелк. На крестьянских прилавках можно было встретить и товары повседневного спроса – мочала, рогожи, веревки, деревянную, глиняную или чугунную посуду, плетеные изделия из лозы, стеклянную продукцию Тельминской и Тальцинской фабрик, кожаную – Бельской, спички – Усольской и т. д. Торговля велась в розницу и мелким оптом.

Помимо периодической торговли на базарных площадях в трактовых селах Предбайкалья была развита и постоянная оптово-розничная, осуществлявшаяся в торговых лавках: предприимчивые купцы и крестьяне приспособивали часть своего жилища под нужды торгового заведения. Лавочная торговля могла обеспечивать ежедневные потребности сельского населения.

Купечество, как правило, располагало торговыми точками в крупных трактовых селах – Урик, Усолье, Залари, Тыреть, Кимильтей, Тулун и т. д. Размах их торговли достигал такого уровня, что наряду с торговыми лавками стали появляться оптовые склады. Мелким крестьянам-лавочникам это давало возможность не ездить за товаром в далекие Иркутск и волостные центры, а делать закупки на месте и сбывать его односельчанам с небольшой наценкой.

Купеческие и крестьянские лавки были наполнены товарами разного рода, будь то бакалея, мануфактура, галантерея, скобяные изделия, чугунная, медная или латунная посуда, стекло и фарфор, предметы интерьера и многое другое. Купец, конечно же, обладал рядом преимуществ, поскольку имел возможность выезжать на ярмарки в крупные города и торговые центры, соответственно предлагаемая им продукция была намного разнообразней, и, помимо прочего, он мог предложить более дорогой и изысканный товар.

В начале XX в. базарные площади во многих городах и селах прекратили свою деятельность (с 30-х гг. были упразднены и ярмарки). Активность как купеческих, так и крестьянских торговых лавок также значительно снизилась, большинство из них были попросту закрыты. Этому распространению массовой тенденции способствовало стремительное развитие сельской потребительской кооперации.

Анализируя основные аспекты жизни и хозяйственно-бытового уклада старожильского населения Предбайкалья, необходимо рассмотреть вопрос о характере местной ямской гоньбы (извоз являлся вторым по значимости промыслом после торговли) и способах ее организации, в частности о структурной организации отведенных под нужды почтового ведомства зданий, а также вопросы возникновения, формирования и типологии последних. Следующая витрина должна отразить эту тему.

Регулярное почтовое сообщение по тракту в Предбайкалье было налажено уже в XVIII в. По колесной дороге располагались зимовья – ямские станы, ямы, возникшие еще во времена татаро-монгольского ига как способ поддержки отношений с русскими князьями. Само слово «ям» образовано от татарского «дзям», что означает «дорога», слово «ямщик» – от «ям чи», т. е. «проводник»,

заселения и освоения местных территорий, а также осваивались богатейшие природные ресурсы притрактовой полосы. Тракт обслуживал интересы империи и торгово-промышленного капитала. Дорога явилась связующей артерией в системе карательной политики государства, особенно с 20-х гг. XIX в. Кроме того, Московский тракт оказал несомненное влияние на формирование образа жизни, культуры и хозяйственно-бытового уклада старожильского населения. Тракт кормил людей: наличие дороги послужило поводом для развития жизненно важных промыслов, таких как ямщина, дворничество, животноводство, санно-тележное ремесло и др.

Свое назначение Московский тракт сохранял вплоть до момента открытия Транссиба в конце XIX в. С этого времени основной объем почтовых, торговых и пассажирских перевозок приходился на железную дорогу, а сам тракт постепенно превратился в дорогу местного значения.

В оформлении вводной части выставки будут использованы в основном графические и иллюстративные материалы. Прежде всего это географические карты, наглядно демонстрирующие направление и протяженность Московского тракта, а также существовавших в Предбайкалье трактов второстепенного значения, например Якутского, Кругоморского (Кругобайкальского) или Тункинского. Немаловажными станут копии архивных документов, государственных приказов, различных чертежей и рисунков дорог и мостов, фотографии, книги, дневники и записки путешественников. Отдельно посредством предоставления зрителю планов и чертежей стоит обозначить специфику трактовой села с его линейной двухсторонней или квартальной застройкой улицы. Общую картину дополняют аннотации и сопроводительные тексты.

Демонстративную часть выставки должна продолжить тема торговли, которой отведены две последующие витрины: в первой надлежит осветить периодическую торговлю – на базарных площадях, во второй – постоянную, лавочную. Задача состоит в том, чтобы в небольшом пространстве витрины задействовать необходимое количество тематических экспонатов, стараясь создать визуальный фрагмент дореволюционной базарной площади и частично воспроизвести интерьер торговой лавки. Успешная компоновка музейных предметов позволит посетителю выставки сформировать четкое представление о внешнем облике сельских торговых точек, даст возможность судить об их масштабах, о назначении и функциях отдельных построек, а также о разнообразии товарного ряда.

Поскольку базары издревле располагались вблизи церквей, а причина тому безопасность и надежность «святого», «божьего» места, то объекты трактовой экспозиционной зоны – церковь и базарная площадь – в контексте выставки должны объединиться. Соответственно лавка купца и лавка мелкого крестьянина-торговца подвергнутся тому же сценарию, однако тема заиграет на контрасте.

Сибирский сельский базар представлял собой открытую площадку, с двух или трех сторон огороженную забором и строениями соседних крестьянских усадеб. До революции на таких базарных площадях, ближе к задней линии, размещался амбар для хранения не проданного за день товара, здесь же стояли общественные весы. Для торговли перед амбаром устанавливался стол с навесом под двухскатной крышей, длина стола порой достигала 20 м. По периметру площадки обычно располагались торговые ряды, составленные из небольших лотков и палаток. Приезжим из соседних сел крестьянам разрешалось торговать прямо с возов или саней, но в определенном месте: крестьянские телеги рядами выстраивались в центре площади [2].

5 мая прошел первый пароход с иркутской почтой, которой мы не получали уже три недели» [106].

А еще через два года, в 1915-м, на Лене произошло катастрофическое наводнение. О нем много писалось в газетах того времени.

14 мая в газете «Сибирь» появилась первая корреспонденция, сообщавшая ужасные подробности случившегося:

«Жутко и страшно на Лене... Жутко смотреть на то, что оставил здесь после себя небывалый ледоход.

Двадцать с лишком лет прошло со времени последнего большого разлива, но и тогда не было тех ужасов, того разрушения, какие принесло половодье настоящего года.

Жутко на Лене. В Потаповой, Макаровской вол., из 57 домов осталось лишь 3. В Панской сорван верхний конец деревни – 12 домов. Ни столбов, ни обломков – гладкая, ровная площадь. В Тарасовой, Макаровской вол., унесено 4 дома. В Казимировской улица превращена в груды обломков, перемешанных с ледяными глыбами. Торчат обломки зданий, погнулись сдвинутые с места дома в Олонцевой, Марковой, Мысовой, Назаровой и др. В выселке Мельничном сдвинуто и поломано 8 домов береговой линии. Жители и скот убежали в гору. Выбралась в гору команда глотовских пароходов, отстаивающихся против Киренска.

Разорена Лена. Сорваны и унесены гумна и службы. У хребта ниже Макарова прибита льдом целая деревня: домов 15–20. Поля, считавшиеся наиболее плодородными в верховьях Лены (Макаровское, Панское, Половниковское и др.), по словам крестьян, потеряли ценность. Сорван и унесен льдом верхний слой почвы. Осталась дресва и галька. И глыбы льда. Сорваны озимые. Не на чем сеять. И нечем...

Унесен и подмочен хлеб. Унесен скот. Трупы животных валяются на берегу, плывут по реке...

В Панской, по приблизительному подсчету одного из крестьян, погибло до 40 лошадей и больше 200 голов овец, коров и свиней. На всю Панскую осталось 18 лошадей. Нет, кажется, ни одной деревни от Усть-Кута до Киренска, так или иначе не пострадавшей от ледохода...

Не оправившиеся от испуга крестьяне сами не успели еще вполне точно определить потери, причиненные половодьем.

Выяснением нужды занялись, по-видимому, волостные правления. Из Марково едет на пароходе староста для обследования повреждений в верхних деревнях волости.

В Половники пароходом доставлено 15 голов скота, найденного на мысу ниже Олонцевой. Доставлен и разный скарб: подушки, курмы [107], кузнечный мех и пр. Крестьяне говорят о необходимости передать доставленные вещи через десятского в волость. Последняя должна раздать найденное имущество пострадавшим.

Телеграф разрушен на всем протяжении Лены до Киренска. Все смыто льдом. Редко-редко попадаются уцелевшие столбы. Разрушен телеграф и ниже Киренска. Порвана окружная линия на Охотск. Оторван Киренск. Вероятно, оторвано Бодайбо.

Разлив шел стихийно. Вода прибывала быстро. Некогда было бежать. Негде спастись. Лед окружал деревни. Поля обрацались в русло реки. Люди жались на крышах. И ждали смерти.

В Панской обезумевшие от ужаса люди бросились по затертым льдинам на противоположный берег реки – дети и взрослые, больные и здоровые. Даже слепая («темная», по выражению крестьян) старушка, не выходявшая из избы.

Спертый на Лене лед кинулся полем, к Макарову, унося и ломая на пути строения, изгороди, зароды сена и скот. Возможны и человеческие жертвы. В Панской унесено на крышах 9 человек. Затерло на поле ниже Макарова. Утонул лишь 1. В Тарасовой, Макаровской вол., утонула девочка.

За один день, первый день ледохода, в Киренске насчитывали до 100 строений, пронесенных вместе со льдом. Говорят, что видели целые семьи на крышах...

Перепуганные люди ловили всякий слух. Верили ему. Заставляли верить других. И всякий слух казался вероятным. Слишком велики и ужасны бедствия, причиненные ледоходом.

Часто люди сами создавали страшные картины разрушения. И сами же начинали верить им.

Разорена Лена» [108].

Следующая корреспонденция, написанная непосредственным участником тех событий, повествовала о том, что происходило в селе Макарово:

«Во время ледохода ныне Лена нашла себе новый путь: обогнув с. Макарово, она образовала протоку, и Макарово оказалось на острове. Спешно были отправлены лодки в соседнюю деревню Четкино, где большая часть села была затоплена, и люди спасались на крышах домов. Около пятидесяти человек было снято с крыш и перевезено в Макарово, но часть осталась. Целый день 24-го апреля лед стоял неподвижно. Но к вечеру двинулся лед и быстро, быстро стала прибывать вода. Опять забегали люди, опять заволновались, поднялась спешная работа с уборкой имущества.

Явилась мысль пробраться в дер. Панскую, находящуюся в 6-ти верстах от с. Макарова за д. Четкиной. Отправили лодки, но они не могли справиться с быстрым течением протоки и дошли только до д. Четкиной, откуда вывезли часть оставшихся там жителей. Несколько человек пришлось оставить и на этот раз: лодки были сильно перегружены, и несчастным предстояло дрожать целую ночь на крышах от холода и страха.

Наступала ночь. На берегу Лены и на протоке горели костры и зорко сторожили люди, прислушиваясь к малейшему шуму и шороху. Утром громады льдов двигались по протоке вместе с домами, сараями, амбарами и другими постройками, масса бревен и досок неслась по течению. Иногда на постройках можно было различить черные движущиеся точки, и Бог весть, что это было – люди или животные. Еще раз были отправлены лодки в Четкино, чтобы снять с крыш оставшихся там людей. С великим трудом добрались туда и вывезли оттуда всех, за исключением одной старухи, которая наотрез отказалась спасать свою жизнь. Показался плывущий дом из деревни Панской. На крыше ясно можно было разглядеть людей. То был хозяин дома вместе с семьей, стоявший во весь рост на крыше дома, который, крикнув собравшимся на берегу родным и знакомым "прощайте!", упал вниз лицом на крышу дома. Ужасом и смертью пахнуло в лицо собравшихся на берегу людей. Мужчины засуетились, спустили лодку и несколько человек, перекрестившись, поплыли к погибающим. Но невозможно было справиться с течением и теснившими лодку льдинами. Лодка повернула обратно и с большими трудностями пристала к берегу. Скоро дом с людьми скрылся из виду. Но, к счастью, ниже Макарова его прибило к берегу и люди спаслись.

возможности применить имеющийся немалый объем научного материала в другом ключе. Так, на основе анализа накопленных в экспедициях визуальных и устных свидетельств, исторических, архивных и фотографических материалов, записок и дневников путешественников, а также художественной литературы возникло решение компоновки полученных знаний в формат выставки.

Концепция создания выставки во многом схожа с концепцией самой трактовой экспозиционной зоны, различны лишь способы подачи информации. Цель выставки заключается в желании наглядно показать посетителям музея отличительные черты хозяйственно-бытового уклада жизни старожильческого населения Предбайкалья в отведенных временных рамках, а также обозначить и отразить явления, под воздействием которых эти особенности смогли развиться и стать в общей единой национальной культуре региона преобладающими.

Выставка планируется к размещению в стенах выставочного зала № 1. Помещение располагает девятью витринами, каждая из которых станет площадкой для визуального стилизованного воплощения отдельного объекта, входящего в структуру трактовой экспозиционной зоны, посредством художественной компоновки экспонатов из фондов АЭМ «Тальцы», а также из личных коллекций сотрудников музея.

В проекте экспозиции следующие объекты: церковь, базарная площадь, торговая лавка, купеческая усадьба, почтовая станция, постоялый двор, две крестьянские усадьбы, а также этап. Соответственно выставочное пространство должно отразить основные аспекты хозяйственно-бытового уклада жизни старожил, а именно занятие торговлей, извозом, дворничеством – содержанием постоялого двора, земледелием, различными кустарными производствами, а также оказание помощи при этапировании ссыльных.

Монтаж выставки – дело трудоемкое и кропотливое. Оно требует продуманности и четкой последовательности действий. Двигаться следует от сложного к простому. Наполняя витрины экспонатами, наряду с логикой, важно видеть конечный результат придуманного образа глазами художника: придерживаться стилистики выбранной темы, руководствоваться законами композиции, соблюдать общую цветовую гамму. Помимо музейных экспонатов в работе приветствуется использование дополнительных атрибутов, например отрезков тканей или лент, могут применяться природные материалы – дерево, камень, стекло. Такие стилистические приемы являются не просто дополнением сочиненного образа, они задают тон, делают его живей и интересней взору посетителя.

Первая витрина открывает выставку. Здесь логично осветить историю устройства Московского тракта, как в Российском государстве, так и в Сибири, в частности в Предбайкалье. Акцентировать внимание стоит на развитии дорожного сообщения именно в регионе. Взгляду посетителя должны быть представлены предпосылки возникновения главной государевой дороги, основные цели ее строительства и вмененные ей функции.

Московский тракт являлся основным путем торгового и почтового сообщения, связывавшим города и крупные села Российского государства с Китаем. Решение о строительстве дороги было принято на основании указа Сената от 16 марта 1733 г. «О проведении самого длинного тракта в мире» [1]. Правительство преследовало практические и единственно верные на тот момент цели, ведь создание транспортного гужевого пути способствовало более интенсивному освоению Сибири и Дальнего Востока, сближало Сибирь с Европейской Россией, более плотно соединяло Сибирь с метрополией. Одновременно шел процесс

А. В. Зиброва

**МОСКОВСКИЙ ТРАКТ
В ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЭМ «ТАЛЬЦЫ»**

Экспозиционно-выставочная деятельность – одна из основных составляющих работы Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». На сегодняшний день в музее ведется строительство новой, пятой, экспозиционной зоны – трактовой, предполагающей в полной мере отразить материальную и духовную культуру старожильческого населения Предбайкалья, проживавшего вдоль Московского тракта на территории Иркутской губернии в середине XIX – начале XX в.

Вопрос о существовании такого рода экспозиции в музейном пространстве актуален и вполне обоснован, поскольку главная государственная дорога оказала колоссальное влияние на развитие как Сибири в целом, так и региона в частности. Кроме того, тракт, являясь старинным путем сообщения, торговли и этапного следования арестантов, обладает значимостью уникального комплексного историко-культурного памятника, материальную основу которого составляют остатки средств коммуникации, жилые, хозяйственные и культовые постройки, духовную – культура и быт старожил.

Первые шаги на пути к реализации трактовой экспозиционной зоны были сделаны в начале 1990-х гг. Работа началась с организации экспедиций в трактовые села и деревни с целью выявления, фиксации и последующего переноса в музей объектов деревянной архитектуры и культовых построек, отвечающих требованиям тематической направленности экспозиции, а также со сбора этнографического материала. Параллельно велась работа с историческими и архивными документами. В результате многолетнего скрупулезного труда был накоплен значительный объем научно-исследовательского материала, позволяющего претворить в жизнь масштабный музейный проект.

Сегодня в состав строящейся трактовой экспозиционной зоны входят несколько объектов. Это дом-лавка (конец XIX в.) и дом Горелова (рубеж XIX–XX вв.), вывезенные из села Тулюшка Куйтунского района, дом Усова (конец XIX в.), входивший в состав усадьбы постоянного двора, вывезен из села Кимильтей Зиминского района, и дом купца Воинова (вторая половина XIX в.) из поселка Кутулик Аларского района. Здания именуются по фамилиям их последних владельцев. Все постройки отреставрированы, ведутся лишь финальные строительные работы по обустройству чистых и хозяйственных дворов усадеб, что в конечном итоге сформирует полноценный облик каждой из них.

В перспективе реставрация и реконструкция остальных не менее важных экспозиционных объектов – церкви, базарной площади, почтовой станции, крестьянской усадьбы Шукловой и этапной тюрьмы. Итогом грандиозных работ станет фрагмент русского старожильческого трактового села, воссозданный музеем с исторической достоверностью посредством показа памятников деревянной архитектуры – культовых, жилых, хозяйственных и промысловых, насыщенных в соответствии со своим назначением предметами быта, утвари, сельскохозяйственными орудиями, транспортными средствами и другими экспонатами.

Отметим, что в силу объективных причин, связанных в первую очередь с решением бюрократических и финансовых вопросов, строительство трактовой экспозиционной зоны значительно затягивается, но это не лишает музей воз-

Стала прибывать вода в Лене, поползли струйки воды, извиваясь, как змеи, все выше и выше на берег. И зашевелилась громада льдов, дотоле спокойная и неподвижная. Село заливало водой, и люди бежали за старую церковь спасаться на бугор. Хлынул новый водяной вал из реки, на секунду остановился, отошел было назад и опять с новой силой бросился вперед, заливая старую церковь. Люди метались, как потерянные, тревожно ржали кони и ревели коровы. Плакали женщины и дети. Каждый сознавал, что поднимись еще немного вода и спасения уже не будет. Только маленький клочок сухой земли еще оставался в распоряжении людей, но и его грозила затопить вода. Некоторые готовились к смерти и, забравшись в уединенные уголки, закрывали глаза, чтобы не видеть надвигающейся опасности, другие отыскивали глазами более прочные крыши, возлагая на них последнюю надежду на спасение. Кое-где собирались люди в кружок, ставили самовар и пили чай. И как-то странно было смотреть на мирную картину такого табора. Казалось, что люди хотят обмануть себя этим чаепитием. Пили молча, стараясь не смотреть в глаза друг другу. Уже старая церковь стояла в воде. А по Лене неслись разрушенные постройки, бревна, доски, крыши и скот. Вот показалась целая деревня, которая плыла во льдах, можно было насчитать более тридцати домов. Затертая льдами, она остановилась в протоке р. Лены. Как потом оказалось, это было с. Потапово, отстоявшее от Макарова в 20-ти верстах. Наконец, вода перестала прибывать и медленно пошла на убыль. Солнце склонялось к закату, и старая церковь уже стояла на суше. Вода сбывала все быстрее и быстрее и к заходу солнца река вошла в свои берега. Наступала опять ночь, тихая и звездная. Шумела река, ночной мрак сгустился, загорались костры, слышались голоса людей. Говорили тихо, и лица, освещенные пламенем костров, были скорбны и задумчивы. Не слышно было шуток и смеха и казалось, что резкий звук может опять вызвать опасность и накликасть миновавшую беду.

К утру река очистилась ото льда и беда миновала...» [109].

Столь же сильно, как и Макаровская, пострадала во время наводнения 1915 г. Петропавловская волость. Несколько позже стихия донеслась и до центрального села Витимской волости, откуда сообщали следующее:

«27 апреля тронулась Лена. О небывалом разливе в верховьях реки население уже имело сведения, кроме того, полиция предупредила о возможной опасности. Но никто не ждал столь ужасного разлива реки.

С 12 часов до 8 час. вечера лед быстро шел сплошной массой. Но уже к 8 час. вечера скорость течения уменьшилась, а около 10 ледоход совсем остановился. Горы льда стали поперек реки. Громоздясь друг на друга, огромные льдины рыли набережную. Толстые столбы бичевника разламывались, как прутья. Стоявшие на берегу лавочки были сдвинуты с места и унесены в реку. Около полуночи вода начала заливать село и через полчаса в домах, стоявших на более низких местах, поднялась до 2-х аршин. Нижняя часть села была уже совершенно отрезана. Послышались крики о помощи. Треск оград, ветхих строений, валившихся от напора воды, и плач детей, тревожные свистки полицейских оглашали ночную темноту. Вода сносила лодки, и выбираться из домов стало опасно. В нескольких местах показался дым, загорались склады извести. Но распространение пожара, благодаря принятым энергичным мерам, было приостановлено. К утру вода стала убывать и с восходом солнца отхлынула обратно в берега. Жители стали возвращаться в покинутые дома. Но около 9 час. утра бурные потоки воды вновь стали заливать расположенную вдоль берега часть села. Теперь вместе с водой двинулся и лед. Громадные льдины

неслись по набережной улице и соседним переулкам. Вода прибывала с неимоверной быстротой. Скоро половина села – 55 дворов и три пароходные пристани – оказались сплошь залитыми водой. Жители спасались на крышах домов, пока их на лодках не вывезли в верхнюю часть села. Спасать имущество было некогда. С трудом удалось вывезти на лодках лошадей и коров. Из-под воды виднелись одни крыши домов. Сотни сажен дров, целые плоты заготовленных бревен, сарайчики, бани, наносной речной ил носились над поверхностью воды. Ветхие дома сдвигались со своих мест, новые льдины обрывали крыльца и проламывали ставни. Рекой в это время шел сплошной лед, неся с собою целые дома с верхних селений Лены. Сосчитано около 4–5 таких унесенных к океану домов.

Вода держалась весь день и только к вечеру стала убывать. Жители провели ночь у костров под открытым небом. На третий день вся вода вошла в берега сразу на 1½ аршина.

Убытки населения огромны. По приблизительному подсчету сельских властей, общая сумма их превышает 50 тысяч. Несколько семейств, у которых повреждены и разрушены дома, окончательно разорены. Во всех домах размыты печи, во многих сломаны потолки и перегородки, говорить о мебели, посуде и других вещах, конечно, не приходится. Подмочены товары – меха, мясо, мануфактура. Пароходные пристани разрушены, заготовленные для пароходов дрова, более 1 000 сажен, унесены. На базаре сломаны все 11 лавочек, три из них исчезли. В настоящее время передвижение по набережной и переулкам совершенно невозможно. Все завалено льдинами саженной высоты. Пострадавшая часть села имеет оголенный вид – не уцелела ни одна ограда, снесены ворота и часть пристроек: амбары, гумна, сарай. Поле за селом усеяно дровами, бревнами, мебелью и другим крестьянским инвентарем. Кое-где попадаются утонувшие собаки, кошки и курицы.

К счастью, это бедствие обошлось без человеческих жертв» [110].

Горький опыт постоянно случавшихся наводнений научил ленских жителей заблаговременно отмечать признаки, по которым можно было догадаться о предстоящем «потопе». Перед вскрытием Лены о необходимых мерах предосторожности предупреждала жителей и полиция. Так, 15 апреля 1915 г., за девять дней до наводнения, становой пристав 2-го стана Киренского уезда извещал урядников и волостные правления своего стана:

«Поздняя весна в нынешнем году, обилие снегов и льда, как последствия продолжительной и суровой зимы обещают дружное вскрытие рек с большим разливом. Ввиду этого я поручаю вам распорядиться принять меры предосторожности на случай наводнения:

1. Оповестить жителей о возможности наводнения при вскрытии рек.
2. Предупредить хозяев, чтобы на время ледохода домашний скот был выгнан с низменных на более высокие места.
3. В каждом селе необходимо иметь в готовности несколько вполне оснащенных лодок для спасения людей и имущества.
4. Рекомендовать жителям более низких мест все наиболее ценное имущество хранить на чердаках.
5. Чтобы наводнение от заторов льда не могло захватить жителей врасплох в ночное время, назначить особого наблюдающего караульного для оповещения жителей об опасности» [111].

Но, как водится, предупреждения часто не имели должного воздействия, и стихия неизменно оказывалась для многих людей полной неожиданностью.

Другое направление хозяйственной деятельности – судоходство, возможно, будет представляться в будущих экспозициях путем переноса или реконструкции строений складских пристаней, пакгаузов на берег и имитации плавучих ярмарок на реке. Интересной экспозицией, отсутствующей в других регионах, может стать экспозиция советского времени в верхоленской экспозиционной зоне, состоящая из построек того периода – сельмага, клуба, школы, колхозного двора, механической мельницы и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов Г. Б. Именем Киренги нареченный. Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2002. 400 с.
2. Бубнов А. С. Илимская пашня. Время перемен. Братск, 2000. Ч. 1. 160 с.
3. Бычков О. В. Охотничий промысел русского населения таежного Прибайкалья во второй половине XVIII–XX в. // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2003. Вып. 2. С. 29–52.
4. Иркутские епархиальные ведомости. 1899. № 4.
5. Красноштанов Г. Б. Когда основан Киренск? // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2001. Вып. 1. С. 39–56.
6. Кропоткин П. А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983. 192 с.
7. Лыхин Ю. П. Русское старожильческое население Приленья в конце XIX – начале XX вв.: Историческая справка. Иркутск, 2004. 108 л. // Архив АЭМ «Тальцы». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 338.
8. Лыхин Ю. П., Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Тематико-экспозиционный план Ленской экспозиционной зоны. Иркутск, 2009. 78 л. // Архив АЭМ «Тальцы». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 513.
9. Пушкина Т. Л. Русское старожильческое население Верхней Лены во II половине XIX – начале XX вв.: Историческая справка. Иркутск, 2000. 88 л. // Архив АЭМ «Тальцы». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 229.
10. Серебренников И. И. Промыслы Иркутской губернии. Иркутск: Губерн. тип., 1914. 71 с.
11. Список населенных мест Иркутской губернии. Иркутск: Губерн. стат. ком., 1912. 235 с.
12. Тихонов В. В. Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2006. 214 с.
13. Тихонов В. В. Перспективы сохранения материального наследия традиционной культуры населения Верхоленской историко-культурной зоны Предбайкалья методом этнографических музейных комплексов под открытым небом // Омский научный вестник. Омск, 2013. № 5 (122). С. 219–222.
14. Томшин С. С. На ленских берегах // Ленинская правда. 1969. 27–28 февр. С. 2.
15. Черных А. В. Ленская сплавная ярмарка и очередные задачи экономической политики в Приленском крае. Иркутск, 1925. 107 с.
16. Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX вв. Иркутск: Отгис, 2000. 86 с.

ца. При уличной планировке бани ставились в огороде, в усадьбах, в которых хозяева занимались дворничеством, амбар ставился за навесом, навес выходил торцовой частью на улицу. Планировочной редкостью являлся выход на улицу с одной стороны чистого двора, с другой – огорода, за которым размещался скотный двор. Основные типы домов данного региона – клеть с прирубленными сенями, пятистенки, дом-связь, дом-крестовик. Самыми распространенными были пятистенки и дом-связь.

Разработка с середины XIX в. золотых приисков способствовала появлению купцов, обеспечивавших район продовольствием и мануфактурой, а также паромщиков и золотопромышленников. Это обуславливало развитие городского стиля застройки. В поселке Залог Качугского района стоит полузаброшенный дом купца Сапожникова, характерный для городской архитектурной среды середины XIX в. После того как в Иркутске в 1879 г. случился пожар, уничтоживший всю центральную часть города, дом купца Сапожникова стал почти единственным образцом архитектуры допозарного Иркутска. Сохранились, тоже в бесхозном состоянии, купеческая усадьба Прошутинского в селе Головском Жигаловского района и дом паромщика Мишарина в селе Тутура этого же района [13, с. 221].

На 1897 г. Иркутская губерния делилась на пять уездов. Занимаемые ими территории были: Киренского уезда – 350 тыс. кв. верст, Нижнеудинского – 107 тыс., Иркутского – 68,5 тыс., Верхоленского – 65,5 тыс. и Балаганского – 37 тыс. кв. верст. Население Иркутского уезда составляло 163 тыс. человек, Балаганского – 145,5 тыс., Нижнеудинского – 81 тыс., Верхоленского – 69 тыс., Киренского – 55,5 тыс. человек [5, с. 39]. При этом на 28 января 1897 г. всего населения Иркутской губернии было 514 тыс. человек. По сословному составу главную массу населения (81 %) составляли крестьяне; инородцев было 7,5 %. На 1 января 1911 г. громадный Киренский уезд включал 16 административных единиц: Витимскую, Ичерскую, Карапчанскую, Коченгскую, Макаровскую, Марковскую, Мартиновскую, Мухтуйскую, Нижнеилимскую, Орлингскую, Петропавловскую, Подкаменскую, Преображенскую, Усть-Кутскую волости, а также Нижнеилимское и Сунгаро-Олёкминское инородческие ведомства [11, с. 174–199].

О грамотности населения на рубеже XIX–XX вв. можно судить по количеству школ в Верхоленском и Киренском уездах. В Верхоленском уезде церковно-приходских школ было 14, министерских – 13, домашних – 8. В Киренском уезде церковно-приходских школ было 17, министерских – 10, домашних – 10. На это время в верхоленских школах обучалось 1 595 учащихся, а в киренских – 662 [4, с. 34].

Реконструкция историко-культурной среды верхоленской зоны возможна в варианте этнографических экспозиций в музеях под открытым небом как в форме резервата на юге, так и в форме транслоцирования. Это объясняется тем, что северная часть историко-культурной зоны мало населена и турпоток в музей будет практически отсутствовать. Реконструкция возможна в виде села с двухсторонней или односторонней улицей, с огородами, выходящими на реку.

При музеефикации элементов историко-культурной среды верхоленской историко-культурной зоны в экспозиционной инфраструктуре формируемых в Предбайкалье этнографических музейных комплексов под открытым небом автором рекомендуется реконструировать населенные пункты или их фрагменты посредством переноса домов крестьян, купцов, паромщиков и т. д.

В Витиме человеческих жертв не случилось, но они были в других местах Лены. Макаровский волостной староста сообщал в Киренск о двух жертвах [112]. Имя одного погибшего упомянуто в одном из многочисленных прошений, поданных в созданный в уездном городе Киренский благотворительный комитет по оказанию помощи пострадавшим от наводнения в 1915 г. Крестьянин Панской деревни Андрей Николаевич Монаков писал в своем прошении, составленном 3 декабря 1915 г.:

«В наводнение, бывшее 24–25 апреля сего года, которое разорило очень многих из нас, крестьян, ранее состоятельных, а теперь мы стали нищими, не имеющими не только хлеба, но и крова.

Как известно комитету, что большая доля бедствия выпала на нашу деревню Панскую, пострадавшую всего более, как постройками, так и скотом, погибшим во время наводнения. Одним из пострадавших являюсь и я, ранее имевший достаточно средств на пропитание моего семейства и ведение хозяйства, а теперь я не имею средств хотя бы несколько восстановить в конец разорившееся хозяйство и прокормить собственными средствами свою семью.

Лишился я всего, что мною было добыто трудами многих лет: дома и двора, на месте которых теперь остались уныло смотрящие и покрытые снегом рытвины и водомоины; большей части пахотного поля – около одной десятой земли, сделавшейся совершенно непригодной для посева, всего скота: 3-х лошадей, 7 коров и 7 штук мелкого скота. Но самая тяжелая и скорбная утрата – это мой отец Николай, погибший во время этой страшной стихии» [113].

От наводнения 1915 г. пострадали жители Усть-Кутской, Мартыновской, Макаровской, Марковской, Киренской, Подкаменской, Петропавловской, Ичёрской и Витимской волостей Киренского уезда [114]. В деревнях Леоновой, Карасовой, Верхолукской, Панской и Чететкиной вода поднималась выше крыш домов [115]. А в «летописи» событий села Подымахинского за 1915 г., приложенной к клировой ведомости Подымахинской Казанской церкви, было указано единственное встреченное нами в цифрах свидетельство об уровне воды в то наводнение: «Лед... шел заторами, поднимая воду до 7 сажень вверху от обыкновенного уровня реки» [116]. Семь сажень – это 14,91 м, что значительно превышает указанный в учебнике по географии Иркутской области максимальный подъем уровня воды в Лене – 8,5 м [117].

Сразу после того как стихия отступила, волостными правлениями начали составляться списки «лиц, коим причинены убытки наводнением во время ледохода реки Лены 24–25 апреля 1915 г.» [118]. В конце мая от «казны», т. е. из государственного казначейства, пострадавшим крестьянам раздавался хлеб – «хлебные ссуды», выдаваемые «на продовольствие» и «на обсеменение полей». Деньги за этот хлеб нужно было впоследствии вернуть. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в ГАИО крестьянские подписки:

«Подписка

1915 года мая 30 дня. Я, нижеподписавшийся крестьянин с. Потаповского Савватей Васильев Потапов, дал сию подписку Макаровскому вол. правлению в том, что за взятый купленный за счет казны хлеб в количестве овса три пуд. 8 ф[унтов] и ячменя четыре пуд. 34 ф. обязуюсь уплатить деньги по какой цене будет хлеб поставлен, в том и подписуюсь, Савватей Вас. Потапов, а по безграмотству его и личной просьбе росписался Илья Швецов.

Хлеб выдал и росписку отбирал
Волостной Заседатель [подпись]» [119].

В середине июля Макаровское волостное правление получило из Киренско-

го уездного съезда крестьянских начальников 24 015 руб., которые определялись для пострадавших от наводнения жителей в качестве «домообзаводственных ссуд», т. е. предназначенных на восстановление унесенных и разрушенных водой жилищ. В инструкции по раздаче данных ссуд подчеркивалось, что эти деньги должны были пойти исключительно на восстановление жилых построек, а «лица, ходатайствовавшие о ссудах на восстановление нежилых построек, а также живого и мертвого хозяйственного инвентаря, должны быть осведомлены, что по этому вопросу ожидается особое разрешение Министерства Внутренних Дел» [120]. Крестьянам, которые собирались уезжать с Лены, переселяясь на жительство в Киренск, Бодайбо и другие местности, эти ссуды не должны были выдаваться.

Максимальный размер казенного пособия на восстановление жилья составлял 150 руб., но выдавалось и по 100, и по 50, и даже по 25 руб. [121]. В прессе того времени такая помощь признавалась «крайне незначительной». Восстановить утраченные или «разстроены» хозяйства на эти деньги было невозможно [122].

Бедствия, причиненные наводнением 1915 г., достигли чрезвычайных размеров. Весенний разлив Лены подорвал экономическое благосостояние Киренского уезда. Разорение, нанесенное наводнением, усугубили и погодные условия последовавшего лета. На уцелевших от стихии крестьянских полях остались горы льда. Май на Лене случился холодный и дождливый, что не способствовало скорейшему посеву и получению хорошего урожая хлебов. Во время сенокоса выяснилось, что и на достаточные запасы сена крестьяне рассчитывать не могут: на низких местах трава едва пробивалась сквозь нанесенную толщу ила и песка, а на высоких – трава выгорела. Рухнули надежды на поправку разрушенных хозяйств продажей заготовленного сена. С реки Киренги, основной поставщицы сена, не было «выставлено» и половины обычного количества. Не оправдались также надежды крестьян и на урожай овощей и злаков. 2 июля выпал иней, побивший огурцы, а случившийся 10 августа заморозок погубил на Лене и Киренге невызревший хлеб [123].

В результате крестьяне оказались в крайне бедственном положении, многие из них буквально без куска хлеба и без всякого приюта. Положение усугубило то, что наводнение произошло в условиях разгоравшейся Первой мировой войны, приведшей к повышению цен на предметы первой необходимости. Летом из Киренского уезда начали брать в армию «ратников ополчения». В крестьянских хозяйствах стало не хватать рабочих рук [124]. Разоренные наводнением крестьяне, вынужденные вести борьбу за существование, остро нуждались в помощи.

На беду жителей Лены откликнулось общество – самые разные люди вносили денежные и вещевые пожертвования, предназначенные для пострадавших. Для их распределения в Киренске образовался специальный благотворительный комитет, в который рекой потекли просьбы о помощи. В уже цитировавшемся прошении А. Н. Монакова от 3 декабря 1915 г. писалось:

«Урожай нынешнего года не оправдал и самых скромных на него надежд: на тех местах, где поле испортило водой, хлеба засохли еще в середине лета, а ожидаемый урожай хлеба с уцелевших мест не получился, так как наступившие рано морозы погубили зерно еще почти в зародыше.

И теперь, когда все предметы первой необходимости вследствие великой войны дошли до цен небывалых размеров, особенно трудно без посторонней помощи хотя несколько восстановить хозяйство, имея при этом семью из 8

крестьяне по повинности. Крестьяне должны были или гонять почту от стана к стану по очереди, или подрячать ямщиков. О почтовой гоньбе в Киренском уезде подробно повествует бывший писарь Суровской почтовой станции [14].

Почтовое ведомство заключало трехлетний договор с местными крестьянами. Договор заключала специальная комиссия по оценке и отдаче в торг почтовых станций. Оценивалось все: стоимость лошадей, хлеба, стоимость прокорма лошадей, наем писаря и т. д. В обязанность каждой станции вменялось возить помимо почты и грузов всех проезжающих лиц. Погонная плата за перевозку пассажира взималась 4,5 коп. с лошади за версту. Проезжающим обычно давали пару лошадей, тогда плата увеличивалась вдвое. Лошади на станции должны были отдохнуть один час. На своей станции на корм лошади отводилось 3 часа – и дальше в работу. Почтовая гоньба и гужевой промысел в конце XIX – начале XX в. были практически основным источником дохода крестьян, живших вдоль Якутского тракта и обслуживавших его. Так, в Киренском уезде на 1916 г. почтовой гоньбой занимались 407 человек, их заработок составил 30 тыс. руб. При этом чистый доход всего населения от почтовой гоньбы на 1916 г. составил 178 тыс. руб. [1, с. 138].

Доминирующей конфессией в верхоленской историко-культурной зоне было православие. На рубеже XIX–XX вв. только в Киренском уезде насчитывалось 20 церквей, 24 часовни и 2 монастыря.

Основной колонизирующей территорию Верхнего Приленья силой на первых порах ее освоения были крестьяне с северных территорий Центральной России – из Архангельской, Вологодской, Новгородской, Вятской губерний. Крестьяне являлись носителями строительных традиций, и, придя на Верхнюю Лену, новоселы первоначально строили дома как на месте их прежнего проживания – под единой кровлей с хозяйственными дворами. Еще недавно такой дом, датированный концом XVIII в., можно было встретить в поселке Марково. Сейчас он утрачен. Малоснежье в Предбайкалье, в отличие от северных районов Центральной России, характеризующихся обильными снегами, способствовало архитектурной трансформации всего усадебного комплекса и домов в частности. Дома стали строить с полуоткрытыми дворами, такой дом есть в музее «Тальцы» (дом Непомилуева, конец XVIII в.), а затем чистые, скотные и хозяйственные дворы вообще не стали связывать кровлей с домами.

Широкое распространение получили дома-связи, когда сначала строился дом-четырёхстенка, потом, при развитии семьи, рядом строился аналог. Оба строения связывались холодными сенями. Образцами таких домов являются дома-связи Шеметовых из деревни Шеметово Качугского района (конец XVIII в.) и дом усадьбы из села Головского Жигаловского района с архаичными элементами и поздними нововведениями в оформлении ворот [12, с. 41–45].

Увеличение благосостояния ленского крестьянства за счет дополнительного заработка, постоянная связь части крестьян с городом, развитие в крае торговли привели к середине XIX в. к изменению в домостроении. В этот период на Лене наряду с классическим типом крестьянского дома, сурового и лаконичного в оформлении, начали появляться и дома с элементами городской культуры или полностью городского типа. Большое внимание уделялось оформлению ворот и амбаров. Планировка сел была двух типов: уличная с двухсторонней застройкой и рядовая, повторяющая изгибы реки. Планировка усадьбы двух типов: симметричная, с выходом дома и двух дворов – чистого и скотного – на улицу, и перпендикулярная, когда скотный двор устраивается за чистым. В однорядных селах бани выносились к склону берега, напротив дома владель-

Со второй половины XIX в. на реке Лене начинает развиваться пароходство. Первым пароходчиком был И. С. Хаминов, купец 1-й гильдии. 30 марта 1864 г. между купцами был подписан договор об учреждении «Товарищества Ленско-Витимского пароходства компании Сибирякова и Базанова». Это было связано с необходимостью обеспечения интенсивно развивающейся добычи золота на Бодайбинских приисках. Уже в 70–80-е гг. XIX в. у компании было три парохода: «Св. Иннокентий», «Св. Тихон Задонский», «Синельников» [9, л. 49].

К 1914 г. число пароходов разных владельцев увеличилось до 38. Пароходы обеспечивали в первую очередь перевозку пассажиров, почты и на буксирах тянули баржи с грузами. На начало XX в. 70–80 % перевозок приходилось на приисковые районы и 20–30 % – на перевозки грузов в Якутск [9, л. 51]. Несмотря на наличие во второй половине XIX в. на реках Лене и Витим пароходов, основной объем грузов перевозился на более мелких судах: барках, карбазах, паузках, кулигах и др. Барки представляли собой достаточно крупное сплавное средство, имели четырехугольную форму. Паузки и карбаза обладали преимущественно пятиугольной формой, верхняя часть паузков в отличие от карбазов была крыта тесом. Кулиги были длиннее барж, а утюги по размерам в два раза уступали кулигам [9, л. 43]. За 1910 г. было построено 158 барок, 74 карбаза, 128 паузков [15, с. 52].

Одним из уникальных явлений верхоленской историко-культурной зоны стали сплавные ярмарки, которые начали проводиться с 20-х гг. XIX в. Сразу после освобождения Лены ото льда сплавная ярмарка следовала от верховья реки вниз по течению. С торговых судов, пристававших к берегу почти у каждой деревни, шла бойкая торговля продовольственными товарами и мануфактурой, практически обеспечивавшая жителей на весь последующий год [6, с. 123–130].

Обычно суда сопровождали 70–80 хозяев и приказчиков и на них было задействовано порядка 1 500 рабочих. Хозяевами товаров выступали не только местные иркутские и верхоленские купцы, но и купцы из Благовещенска, Якутска, Перми, Томска и даже Нижнего Новгорода и Казани. На конец XIX в. только через Никольскую ярмарку в Качуге поступало товаров на 2,5 млн руб. Эти товары сплавливались до Верхоленска, Жигалово, Усть-Кута, Киренска и далее в низовье Лены и на Витим. Основными грузами были: мука, ярица, овес, мясо, масло, сахар, спирт, свечи, мед, пряники, мыло, ружья, ткани, мануфактура, бакалея, колониальные и галантерейные товары, скобяные мелочи – общим весом до 500 тыс. пудов. К ярмарке выходили местные эвенки (тунгусы) для уплаты ясака, продажи пушнины и покупки ярмарочных товаров.

К началу XX в. Ленская сплавная ярмарка стала сбавлять обороты. Объемы торговли упали до 2–3 млн руб., тогда как в середине XIX в. они составляли 10–12 млн. Это было связано с уменьшением кустарной добычи золота и значительным увеличением его промышленной добычи, а золотопромышленники свои прииски обеспечивали всем необходимым самостоятельно [15, с. 60].

Еще одним занятием жителей Верхней Лены было обслуживание Якутского тракта. Перевозка грузов по нему была не очень значительной. В основном перевозили пассажиров и почту. Зимой перевозка осуществлялась по грунтовой дороге и замерзшей Лене. В летнее время перевозка происходила с чередованием по грунтовой дороге и на судах по Лене. Протяженность тракта от Иркутска до Якутска составляла 2 769 верст. Только на территории Киренского уезда располагалось 62 почтовые станции с расстоянием между ними от 16 до 30 верст. Содержание почтовых станций обеспечивали близживущие крестьяне за жалованье. Поддержание тракта в рабочем состоянии обеспечивали также

человек, в которой единственным работником являюсь я один.

Ввиду всего вышеизложенного я покорнейше прошу Киренский Благотворительный комитет оказать мне помощь из пожертвованных на сей предмет средств для восстановления разорившегося моего хозяйства и пропитания семьи, ибо помощи на пропитание ее ни от кого не имею» [125].

Пострадавшие от наводнения обращались за помощью всюду, куда было только возможно. Вот строки из прошения жены запасного нижнего чина крестьянки села Потаповского Анастасии Васильевны Шведовой от 22 июля 1915 г., направленного на имя крестьянского начальника I участка Киренского уезда:

«Наводнением во время весеннего разлива р. Лены у меня унесло все имущество, а также и все постройки до основания, благодаря чему я осталась без всяких средств к существованию и была вынуждена переселиться с малолетними детьми в с. Марково, Марковской вол., к своим родственникам. Единственное имущество, уцелевшее после наводнения – это платье, которое было на мне и моих детях. Получаемое мною пособие, как жена запасного, не хватает даже на прокормление себя и детей. Пашня осталась не возделанной, так как найти кого-либо обрабатывать землю я не в состоянии. Все вышеизложенное вынуждает меня убедительно и покорнейше просить Ваше Высокоблагородие войти в мое бедственное положение и ходатайствовать перед кем следует о выдаче мне пособия» [126].

Из прошения в Киренский благотворительный комитет от потаповского крестьянина Василия Петровича Швецова (2 декабря 1915 г.): «...унесло все мое имущество и всю постройку, пришлось все заводить снова, но средств для этого у меня очень мало, не в состоянии даже приобретать все необходимое для жизни, да притом еще неурожайный год, хлеба все пропали, приходится покупать хлеба, особенно на семена. Сын взят на войну, я остался один с семейством, заработать не в состоянии» [127].

Из прошения крестьянина деревни Заборской Ефима Константиновича Ярыгина (11 ноября 1915 г.):

«...унесло амбар, двор вместе с сеном, баню, повредило две избы, одну совершенно разрушило, а другую столкнуло с места, в которых в данное время совершенно нельзя жить, почему приходится сейчас жить на квартире, средств для уплаты за квартиру абсолютно никаких не имею, если зарабатывать самому для этого, то семейство мое, состоящее из жены, трех детей и престарелого, негодного к труду отца, в то время будут оставаться без существования.

От казны по ходатайству Волостного Правления пособие для обзаведения теплого угла я не получил, почему, мне до сего времени не известно. Постройки необходимо сейчас переносить на другое место, средств на это также никаких не имею, почему меня понудило обратиться и просить оказать денежной помощи от Комитета на переставку означенных моих построек в сумме 150 рублей сравнительно с выданными пострадавшим от казны, а равно прошу ввиду плохого урожая, выгибки хлеба от морозов у меня, выдать из средств Комитета хлеб для пропитания моей семьи в количестве хотя бы 30 пудов» [128].

Крестьянка деревни Карасовой Надежда Васильевна Карасова 30 декабря 1915 г. в прошении своем, адресованном «Господину Председателю по раздаче пострадавшим от наводнения пособия Василию Мих[айловичу] Хорошеву», писала:

«Наводнением в 1915 году хозяйство наше <...> совершенно разрушило <...> В настоящее время переношу вострую нужду с двумя малолетними детьми, муж мой в данное время находится на действительной военной службе,

даже сейчас отправлен на театр военных действий; объясняя вышеизложенное, я покорнейше прошу Вас, Василий Михайлович, не оставить моей просьбы без последствия, при распределении пособия, пожертвованного между пострадавшими, выдать и мне соразмерное с прочими жителями...» [129].

И так далее, тексты прошений, полных отчаяния и страха перед будущим, можно было бы приводить и приводить... Однако на этой печальной ноте мы закончим рассказ о наводнении 1915 г., а вместе с тем и всю хронику наводнений.

Подводя итог изложенному, надо сказать, что нам удалось собрать сведения далеко не обо всех наводнениях в Киренском уезде. Но и из того, что перечислено, видно, что разливы Лены, по берегам которой узкой лентой протянулись крестьянские селения, происходили очень часто. В одной из дореволюционных газет было замечено: «Не проходит ни одного года без того, чтобы где-нибудь приленские жители не пострадали от наводнения, принося роковым образом более или менее крупные жертвы стихии» [130]. Кроме постоянно случавшихся небольших разливов Лены периодически, раз в 15–20 лет, происходили и серьезные бедствия. Прежде они даже служили опорными точками местного летоисчисления: ленские крестьяне считали время от наводнения к наводнению [131].

Об экономическом ущербе от наводнений говорить не приходится, это очевидно. Нам хочется обратить внимание лишь на одно последствие этих стихийных явлений в жизни ленских жителей: наводнения корректировали сеть береговых поселений.

После сильного наводнения на Илеме в 1767 г. из Сената пришло распоряжение: «...для предупреждения впредь подобного приключения... имеющиеся ныне на берегах в близости к воде обывательские строения, хотя не в одно время... перенести на высокия, не меньше и выгодные места» [132].

Однако крестьянам не нужны были подсказки правительства в вопросах собственной безопасности. В случае необходимости они переселялись и без сенатских на то указов. Так, через год после «страшного и небывалого» наводнения 1915 г. сплавлявшиеся по Лене наблюдали следующие картины на месте снесенных деревень: «...мы видели, как насельники таких деревень, оставя свои места, уже перебрались в горы, выше и дальше от воды; везде новые постройки, а на месте старых – одни изрытые ямы и столбы...» [133].

Поскольку сильные, разрушительные наводнения на Лене за время ее освоения с середины XVII в. случались неоднократно, они нередко приводили к вынужденному, пусть и недалекому, в пределах нескольких верст, перенесению поселений. А потому к середине XX в. далеко не все ленские села и деревни оставались на тех же местах, на которых они были когда-то основаны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Затопляев. Статистическое описание Киренского округа Иркутской губернии // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 608. Оп. 2. Д. 116. Л. 5.

2. Общие сведения о реке Лене изложены по следующим источникам: Бояркин В. М., Бояркин И. В. География Иркутской области (природа, население, хозяйство, экология). Изд. 7-е, перераб. и доп. Иркутск, 2011. С. 63–64; Мостахов С. Е. Река Лена. Якутск: Кн. изд-во, 1972. С. 37–54; Большая Российская энциклопедия. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2010. Т. 17. С. 220–222; Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. М.: Изд-во «Сов. Энциклопедия», 1973. Т. 14. С. 290; Лена [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%CB%E5%ED%E0> (дата обращения: 02.05.2016).

Производство соли было налажено в Усть-Кутском уезде на Усть-Кутском солеваренном заводе, основанном еще в 1641 г. До середины XVIII в. это было казенное предприятие. На конец XVII в. объем производства соли составлял 3–4 тыс. пудов. В 1734 г. было произведено уже 10 тыс. пудов. После пожара на заводе в 1750 г. он перешел в частные руки. С 1803 г. им владели купцы 3-й гильдии братья Сычевы. Им удалось не только восстановить, но и увеличить производство продукции. Однако к концу XIX в. производство соли на этом заводе прекратилось.

О характере и объемах мукомольного промысла говорят цифры. На 1828 г. количество мельниц составляло 317, а в 1841 г. их было 379. Это примерно 1,6 единицы на село. Среди мельниц преобладали мутовчатые (268 шт.), остальные были наливные. При этом почти в каждом хозяйстве имелись ручные мельницы – крупорушки. Мельницы обычно ставили на небольших речушках и горных ручьях.

В кузнечном производстве работало в 1828 г. 76 кузниц, а в 1841 г. – уже 80.

В подсобных промыслах значительное развитие получила обработка кож [8, л. 60] и работали два частных кирпичных завода.

В Киренске имелись кустарные портняжные и сапожные производства. На 1890 г. здесь было 28 ремесленных производств [2].

В связи с удаленностью района от главных коммуникаций (Московского тракта и Сибирской железной дороги) производство основных предметов быта (мебели, посуды, одежды и т. д.) и инвентаря (телег, колес, саней, кошевок, бочек и т. д.) осуществлялось непосредственно в крестьянских хозяйствах, прежде всего для себя и редко на продажу.

Значительное количество населения Верхней Лены занималось добычей пушнины [3]. Так, только в Киренском уезде в начале XIX в. добывалось в год 500 тыс. шкурок белки, 2 тыс. шкурок соболя. Доходы от продажи пушнины на этой территории достигали почти миллиона рублей в год.

С середины XIX в. в связи с открытием на Лене и ее притоках золотоносных россыпных месторождений возникла острая необходимость обеспечения их продовольствием и инвентарем. Единственным путем их доставки стали реки, главным образом Лена. С этого времени в районе начинают развиваться как судостроение, так и сплавищество.

Судостроение становится одним из основных крестьянских промыслов в верховьях Лены. Строили карбаза, паузки, шитики, баржи, барки, кулиги, утюги [8, л. 17]. Объем судостроения в 1910 г., по данным Верхотурского и Закаменского лесничеств, отпуская лес на строительство судов, составил: карбазов – 407, паузков – 334, полубарок – 27, кулиг – 16, барок – 13, итого – 797 посудин [10, с. 67]. Навигационный период в верховьях Лены был коротким, и это определяло характер судоходства, в основном оно было сплавным. Перевозка грузов проводилась по Лене осенними и весенними сплавами. Зимой и весной велось строительство сплавных средств, использовавшихся исключительно для сплава грузов вниз по реке. После использования по назначению они продавались и в дальнейшем использовались как строительный материал или дрова. Часть сплавных средств использовалась во второй половине лета для сплава сена вниз по Лене, вплоть до Якутска, затем их постигала та же участь, что и другие суда. Изготовление сплавных средств требовало много леса, порой вырубались многокилометровые территории вдоль реки, но это оправдывалось дешевизной сплавных средств и было единственной возможностью доставки значительных объемов грузов на прииски [13, с. 220].

выращивали яровые, главным образом овес и ячмень, совсем немного – яровой пшеницы. Овощеводство носило подсобный характер. Крестьяне выращивали на огородах капусту, редьку, репу, свеклу, морковь, лук, горох и т. д.

Основателем земледелия был устюжанин Е. П. Хабаров, обосновавшийся в Усть-Кутском остроге. Первая пашня заложена им в устье реки Куты в 1639 г. В 1640 г. с этой пашни было собрано 1 300 пудов ржи. А в 1641 г. хлеб стали сеять на основанной им заимке в устье реки Киренги. Костяк крестьянства периода колонизации этих земель составляли вольные промышленные, гулящие и служилые люди. Тому, что они осели на этих землях, способствовали значительная государственная помощь и дарованные льготы, установленные для ленских хлебопашцев. Еще одним источником пополнения людской крестьянской массы по Лене и ее притокам служили ссыльные. Так, только в XVII в. на земли Илимского и Якутского воеводств их переселили 200 семей [16, с. 17]. В целом основную массу осевших на Лене и ее притоках пашенных крестьян составляли выходцы из северных губерний европейской части России (Архангельской, Вологодской, Новгородской, Вятской и др.). Среди ссыльных поселенцев были и черкасы (запорожские казаки), свыше 60 их семей основали ряд деревень от Верхоленского острожка до Чечуйского волока. По категориям населения в Верхоленском округе уже на конец XIX в. в основном проживали: крестьяне-старожилы – 27,5 тыс. душ, имевших 4,5 тыс. хозяйств; кочевые инородцы – 19 тыс. душ, имевших 4 тыс. хозяйств; поселенцы – 3 тыс. душ, имевших 1,2 тыс. хозяйств; крестьяне-новоселы – 2,1 тыс. душ, имевших 422 хозяйства; оседлые инородцы – 1,2 тыс. душ с 210 хозяйствами.

Самыми крупными селениями были: Манзурка (287 дворов) [8, л. 1, 3], Верхоленск (216 дворов), Нижнеслободское (237 дворов), Знаменка (223 двора). В мелких населенных пунктах, в том числе в деревнях-однородках, двухдворках и малодворках, проживало 14 % населения, а в средних (до 100 дворов) – 63 %. Существенное влияние на уровень культуры населения оказывала политическая ссылка, объем которой в конце XIX – начале XX в. был значительным.

По верованию в основном преобладали православные – почти 60 %, и шаманисты – 40 %. Представители других конфессий (католики, иудеи, мусульмане) составляли незначительную часть населения. Поэтому из культовых построек в основном были православные храмы и часовни. Из остальных культовых построек была только одна татарская мечеть в поселке Знаменка Жигаловского района.

Однако из всего объема освоенных под сельское хозяйство земель 60 % составляли кормовые угодья долин рек. При этом при ведении сельского хозяйства все время ощущался недостаток кормовых угодий.

Из промышленных производств, в том числе полукустарных, в основном развивались винокурение, добыча соли и мукомольный промысел. Была попытка наладить производство меди на Ключи-Воскресенском и Троицком медеплавильных заводах, но от этой идеи вскоре отказались.

Из добывающих промыслов на рубеже XVII – XVIII вв. существовала добыча слюды, используемой для окон. Витимская и мамская слюда (по названию рек: Витим и Мама) использовалась в то время во всей Сибири. На XVIII в. наиболее значимыми были винокурное и соляное производства. Кроме казенных винокурных производств работали пять партикулярных производств, выпускающих в год 1 500 ведер вина.

3. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2005. Т. 3. С. 70.
4. Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2012. Ч. 1. С. 44.
5. Здесь и далее числа указываются по старому стилю.
6. Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2013. Ч. 2. С. 48.
7. Там же. С. 117.
8. Там же. С. 689.
9. Там же. С. 690.
10. Там же. С. 913.
11. Там же. С. 926–927.
12. Там же. С. 927. (Отрывок этой отписки приведен также в кн.: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 345.)
13. Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. Ч. 2. С. 928.
14. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. 41: Васильев С. А. Общие сведения о р. Лене с притоками и о работах на них в 1912 году. СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения, 1913. С. 13.
15. Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2013. Ч. 3. С. 300.
16. Там же.
17. Там же. С. 301.
18. Там же. С. 303.
19. Там же.
20. Там же. С. 716.
21. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 254.
22. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 1238. Л. 212. (Этот и другие цитируемые ниже документы РГАДА предоставлены Г. Б. Красноштановым, за что выражаем ему свою благодарность.)
23. Киренский округ // Иркутские губернские ведомости. 1862. 3 февр. Приложение, с. 3.
24. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 2143. Л. 160–174; Ед. хр. 2151. Л. 155–159 об.; Оп. 2. Ч. I. Ед. хр. 738. Л. 35–71; Ед. хр. 740. Л. 87–102.
25. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 2151. Л. 159–159 об.
26. Там же. Л. 158.
27. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 2143. Л. 160 об.
28. РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. I. Ед. хр. 740. Л. 87 об.–88.
29. Там же. Л. 91 об.
30. Там же.
31. Там же. Л. 92 об.
32. Там же. Л. 92.
33. Там же. Л. 94 об.
34. Там же. Л. 94–94 об.
35. Там же. Л. 97 об.
36. Там же. Л. 96 об.
37. Там же. Л. 98 об.
38. Там же. Л. 99 об.
39. Там же. Л. 100.
40. Там же. Л. 101.
41. Там же. Л. 100 об.
42. Там же. Л. 101 об.–102.
43. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. С. 248.
44. Там же. С. 256.
45. РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. II. Ед. хр. 1129. Л. 18.
46. Там же.
47. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. С. 256.

48. Там же.
 49. Там же. С. 257.
 50. РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. II. Ед. хр. 1270. Л. 6.
 51. Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. Ч. 2. С. 785.
 52. ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 120.
 53. Там же. Л. 120 об.
 54. Там же. Л. 121.
 55. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. С. 257.
 56. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 224 об.–225.
 57. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. С. 258. Архивное дело, на которое ссылался В. Н. Шерстобоев, по-прежнему хранится в ГАИО в фонде Киренского земского суда, однако получить его нам не удалось по причине «россыпи» и «грибка».
 58. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. С. 257–258.
 59. Цит. по: Мостахов С. Е. Река Лена. С. 42–43.
 60. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 422. Л. 57–59.
 61. Там же. Л. 61 об.–62.
 62. Там же. Л. 13 об.–14 об.
 63. Там же. Л. 15–15 об.
 64. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 418. Л. 119 об.–120.
 65. Затопляев. Статистическое описание Киренского округа Иркутской губернии // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 608. Оп. 2. Д. 116. Л. 18 об., 98 об.–100.
 66. Баснин П. О весеннем разливе реки Лены в Киренском округе Иркутской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1841. Кн. 5. С. 266–268.
 67. ГАИО. Ф. 26. Оп. 3. Д. 5. Л. 4.
 68. Там же. Л. 6–12.
 69. Там же. Л. 16 об.
 70. Там же. Л. 29–33 об.
 71. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1330. Л. 1–1 об.
 72. Там же. Л. 14–21 об.
 73. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1331. Л. 99–111.
 74. Киренский округ // Иркутские губернские ведомости. 1862. 3 февр. Приложение, с. 3.
 75. Там же.
 76. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1539. Л. 2.
 77. Там же. Л. 7–8.
 78. Там же. Л. 9–10.
 79. Там же. Л. 11–12.
 80. Там же. Л. 13–14 об.
 81. П. П. Киренск. 5 июля 1857 года // Иркутские губернские ведомости. 1857. 1 авг. Неофициальная часть, с. 3–4.
 82. Наводнение // Иркутские губернские ведомости. 1865. 26 июня. Часть неофициальная, с. 5–6.
 83. Наводнение в Усть-Кутском солеваренном заводе // Иркутские губернские ведомости. 1865. 3 июля. С. 7.
 84. Г. Киренск: (Выдержки из дневника) // Иркутские губернские ведомости. 1865. 7 авг. С. 6.
 85. Там же.
 86. Отчет Приходского Попечительства при Киренском Спасском соборе за 1869 год // Иркутские епархиальные ведомости. 1870. 24 окт. С. 366–367.
 87. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. 41: Васильев С. А. Общие сведения о р. Лене с притоками и о работах на них в 1912 году. С. 15–16.
 88. С Лены // Сибирь. 1885. 16 июня. С. 7.
 89. Там же. 7 июля. С. 5.
 90. Киренск // Восточное обозрение. 1885. 5 сент. (№ 36). С. 7.

В. В. Тихонов

ВЕРХОЛЕНСКАЯ (РУССКАЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ) ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЗОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Верхоленская историко-культурная зона в территориальном отношении располагается на севере Иркутской области, она включала в себя Верхоленский (нынешние Качугский и Жигаловский районы) и Киренский (нынешние Усть-Кутский и Киренский районы) уезды. В природно-климатическом отношении на 95 % территория покрыта лесом. Луга, пашни и основная часть населенных пунктов тяготеют к долинам рек, главным образом к реке Лене и ее притокам. Для ведения сельского хозяйства наиболее благоприятны южные районы (Верхоленский уезд).

Освоение верхоленских земель русскими проходило одновременно с освоением Среднего Приангарья. Климатические и природные условия этих двух зон были практически одинаковыми: резкоконтинентальный климат, гористая местность, тайга и соответствующая ей таежная растительность. Речные долины оказались единственными местами, где можно было вести земледелие. Природные условия определили и характер пашни – мелкие участки, рассеянные по склонам гор, спускающиеся в долину реки. Под пашни было пригодно всего 0,3 % территории района. Основной костяк населения края был заложен в XVII – начале XVIII в. выходцами с Русского Севера, уже имевшими богатый опыт освоения таежных пространств. Одинаковые климатические и природные условия, один и тот же контингент засельников обусловили появление здесь общей культурно-хозяйственной модели первого периода освоения региона. Однако уже в XVIII в. у крестьян Верхней Лены возникают характерные особенности ведения хозяйства, связанные с появлением на приусадебных участках утугов (окультуренных лугов, огороженных полей для выращивания травы и зимнего выпаса скота), заимствованных ими у соседей-бурят [13, с. 219].

В дальнейшем большую роль в развитии резких отличий в культурно-хозяйственном освоении Верхнего Приленья и Среднего Приангарья по сравнению с другими территориями региона сыграли Якутский тракт, судоходность реки Лены и Бодайбинские золотоносные прииски. Здесь кроме традиционных занятий земледелием, животноводством, охотой, рыболовством развились судоходство, сплав судов по Лене, судостроение, извоз. Большой спрос на зерно, которое легко было продать, привел к развитию в крае интенсивного земледелия [7, л. 26–27]. Поля стали удобряться навозом, урожайность значительно повысилась. Основной земледельческой культурой была рожь, в меньших объемах

91. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. 41: Васильев С. А. Общие сведения о р. Лене с притоками и о работах на них в 1912 году. С. 15–16.
92. С Лены // Восточное обозрение. 1892. 19 июля. С. 6–7.
93. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 215–217.
94. Александр Ленский. Омолой, Киренского окр., апреля 24-го // Восточное обозрение. 1894. 11 мая. С. 2.
95. С Лены, 5-го июля // Восточное обозрение. 1894. 29 июля. С. 2.
96. Дмитриева М. И. О пережитом // Воспоминания ленских жителей. Иркутск, 2007. С. 91.
97. Село Дубровское, 4 мая: (Вскрытие Лены, несколько слов о распутице, отсутствие дичи, «шпана») // Восточное обозрение. 1900. 2 июня. С. 1.
98. Лыхин П. И. Жизнь и думы, всего понемногу // Воспоминания ленских жителей. Иркутск, 2007. С. 241–242, 364.
99. «Золотое дно», или «Среди тьмы»: Описание Ленского побережья // Научная библиотека ИГУ им. В. Г. Распутина. 258 рх. Л. 2–2 об.
100. С. Петропавловское, Киренского уезда // Восточное обозрение. 1904. 2 июня. С. 2–3.
101. Тот же. С. Дубровское на Лене, 12 мая: (Наводнение) // Восточное обозрение. 1904. 10 июня. С. 2.
102. Неизвестный. С. Витим, 8 июня // Восточное обозрение. 1904. 27 июня. С. 3.
103. Агабыт. С. Петропавловское, Киренского у. // Сибирь. 1910. 16 июня. С. 2.
104. С. Петропавловское, Кирен. уезда // Сибирь. 1912. 23 мая. С. 3.
105. С[вященник] М[ихаил] М[ацуев]. Село Петропавловское, Кирен. уезда: (Стихийное бедствие) // Иркутские епархиальные ведомости. 1913. 1 июня (№ 11). Прибавления, с. 346–347.
106. С. Петропавловское, Киренск. у. // Сибирь. 1913. 25 мая. С. 4.
107. Курма – легкое зимнее полупальто на вате. См.: Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып. 2: К–Н. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. С. 53.
108. С берегов Лены: (Письмо с дороги) // Сибирь. 1915. 14 мая. С. 2.
109. Макарово, Киренского у.: (На краю гибели) // Сибирь. 1915. 28 мая. С. 2–3.
110. Еще о бедствии на Лене: (Письмо из Витима) // Сибирь. 1915. 27 мая. С. 2.
111. ГАИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 423. Л. 228–228 об.
112. Там же. Л. 246.
113. ГАИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 448. Л. 52–52 об.
114. ГАИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 425. Л. 22.
115. ГАИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 423. Л. 245.
116. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 483. Л. 83.
117. Бояркин В. М., Бояркин И. В. География Иркутской области (природа, население, хозяйство, экология). С. 64.
118. ГАИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 423. Л. 1 об.–224, 233–239.
119. ГАИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 424. Л. 41.
120. ГАИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 425. Л. 1 об.
121. Там же. Л. 2–17 об.
122. Киренский уезд, Ирк. губ.: (Деревенская нужда) // Сибирь. 1916. 18 марта. С. 2.
123. Там же.
124. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 483. Л. 83.
125. ГАИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 448. Л. 52 об., 54–54 об.
126. Там же. Л. 41.
127. Там же. Л. 43–43 об.
128. Там же. Л. 62–62 об.
129. Там же. Л. 24–24 об.
130. Восточное обозрение. 1894. 3 июля. С. 2.
131. Селиховкин В. Золото: (Записки инженера) // Год девятнадцатый. Альманах десятый. М.: Худож. лит., 1936. С. 129.
132. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. С. 257.
133. Попов Г. По епархии с Владыкой: (Путевые записки) // Иркутские епархиальные ведомости. 1916. 1 окт. (№ 19). Прибавления, с. 632.

Ю. И. Чивтаев

ЛЕНСКИЙ ВОЛОК В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Сейчас приезжающие по шоссе со стороны Братска в Усть-Кут обращают внимание на то, что дорога извилиста, для автомобилистов, особенно зимой, представляют трудность многочисленные подъемы и спуски, часто сопряженные с опасными поворотами. Есть даже шутка, дескать, шли казаки по тунгусской тропе, теряли ее, искали, кидаясь то влево, то вправо, так и осталось на века. И сделалась тут дорога. Понятно, все зависит от рельефа местности, но доля правды в шутке есть. Обращение к древним документам в этом убеждает.

Конечно, до прихода русских аборигены давным-давно проделали себе тропы вдоль речек и по водоразделам, и пришельцы с их большими по сравнению с лодками местных тунгусов судами, с их лошадьми, санями, тележками и грузами воспользовались путями бродячих охотников, где-то спрямляя, где-то делая ответвления, а где-то и прорубая новые дороги. Делали под себя, как им удобнее.

Движение на восток по рекам и волокам между ними привело на реку Илим и оттуда к устью Куты, с которого «открылся обоесторонний ход к югу и востоку, на тысячи верст» [1]. Путь с Илима через ангаро-ленский водораздел называли Ленским или Илимским волоком, и при этом в документах одного и того же периода имели в виду то участок от Илима до реки Муки, то весь путь до Усть-Кута.

Например, будущий первый приказчик ленских крестьян Скоблевский, описывая в челобитной свой путь на службу в Олёмминскую таможенную летом 1640 г., жаловался, что ему не дали казенных подвод и он «через Ленский волок до усть Муки реки волокся» на наемных лошадях [2]. Торговые люди нанимали крестьян возить свои запасы «за Ленской волок с Ылиму на усть Муки в зимовье» [3].

Но в челобитных об отпуске на Лену для промыслов в 1640/41 г. писали: бьет челом такой-то, вели отпустить «за волок для рыбной ловли на Лену реку» или «за Ленским волоком на усть Куты реки про свою нужду и для своего промыслу соли поварить» [4].

Когда говорили о выходе волока на Муку, то в одних случаях речь шла о верхнем ее течении, в других – об устье. В самые первые годы говорили просто «волок», и речь шла о пути с Илима на Купу или Куту. Видимо, такая «разноголосица» привела к тому, что два ученых, подробно исследовавших пути на Лену, по-разному представляли Ленский волок как направление движения.

Так, в 1949 г. В. Н. Шерстобоев, сам побывавший на волоке, написал: «От Илимска шел знаменитый Ленский волок до устья р. Муки...» [5], а за 20 лет до этого, в 1928 г., у профессора С. В. Бахрушина сказано: «От устья Идирмы или от устья Туры начинался так называемый "Ленский волок", который вел к верховьям реки Муки...» [6]. Впрочем, и тот и другой ученый в своих работах Ленским волоком называют и весь переход с Илима на Лену.

В документах Ленским волоком называли не только путь к Лене, но и само промышленное становище на Илеме (с 1647 г. острог), и примеров таких множество [7].

Первоначально на ангаро-ленский водораздел вышли от устья Игирмы, поднимаясь по ней вверх и переваливая с ее притока реки Читормы на Куту. Или же от притока реки Дидилмы (Черной) шли сухим путем к Куте к месту

К МУЗЕЙНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

20. Иркутские губернские ведомости. 1892. 15 июля.
 21. Весь Иркутск. С отделом Забайкальской области: адресно-справочная и торгово-промышленная книга на 1908 г. Иркутск, 1908. С. 311, 318, 339.
 22. Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 г. Иркутск, 1915. Отд. II. С. 60.
 23. Иркутские губернские ведомости. 1893. 29 дек.; 1901. 6 апр.; 1904. 26 сент.; 1898. 8 апр.

впадения в нее Купы. Так проходили на Лену в 1628–1629 гг. В. Бугор и сборщики ясака отряда Я. И. Хрипунова [8].

Передовой отряд стрельцов атамана И. Галкина во главе с десятником И. Ермолиным в конце лета 1630 г. прошел на Купу и затем сплыл на Лену от места расположения будущего Илимского острога, где уже поставили зимовье, но этот маршрут оказался непригодным для зимнего пути, так как с нартами «ходить не можно, потому что гористы крепко» [9]. Уточняющих сведений о том, где вышел на Купу Ермолин, нет, но, скорее всего, была тропа, выводившая на реку несколько выше впадения Муки, именно здесь крутые подъемы перед самой Купой и крутые спуски к ней «гористы крепко».

Поэтому сам Галкин зимой 1631 г. пошел на Лену не с этого места, а из Игирминского зимовья, и, волоча на нартах «и запасишко и платишко свое» и «государеву и ыную казну и хлебные запасы <...> и всякую судовую снасть, дроги и ноги, шеймы и парусы и якори, скобы и напарьи и сверла...», вышел «...на Куту реку, на усть Купуя (Купы. – Ю. Ч.)», а оттуда, построив струги, сплыл на Лену за два дня [10]. Как зимним путем он с Игирмы добирался до устья Купы, в сообщениях атамана не сказано.

Пришедший на смену И. Галкину П. Бекетов летом 1631 г. перешел на реку Купу уже с нового Илимского зимовья и сплывал до Лены пять дней из-за того, что Купа «мелка и порожиста», а сам волок, по словам П. Бекетова, «не мал» и труден, запасы «на великую силу переносили, а болши тово не возможно было переносить запасы» [11]. И вновь место выхода на Купу не указано. Думается, что Бекетов шел уже известным маршрутом Ермолина.

Сам Галкин же возвращался с Лены в конце лета 1631 г. тем маршрутом, которым ходил Ермолин и которым к этому времени прошел П. Бекетов.

В литературе упомянут еще один путь, начинающийся от устья Туры, впадающей в Илим выше Игирмы, и отсюда волоком [12]. Найти подтверждение этому не удастся. В «Расписании рек», составленном в 1641/42 г. первым якутским воеводой П. П. Головиным, сказано о Туре, что она в двух днях пути от устья Игирмы вверх по Илимю и речка эта «впала в Илим реку с правую сторону» (отсчитывается вверх по течению, т. е. это левый приток Илима) и от Туры «дорога в Браты» (т. е. в сторону Ангары и Братского острога). «А от Туры реки до Ленского волока два дни ходу» [13]. Очевидно, что речь идет о речке с современным названием Турига. Это левый приток Илима, и от нее, по словам Н. Спафария, «...ездят сухим путем через камень на реку Ангару» [14]. О волоке от Туры (Туриги) в сторону Лены ничего нет.

О найденном волоке было известно и в Мангазее, воевода которой А. Палицын в 1633 г. докладывал в Приказе Казанского дворца, что «на Куту реку днем человек перейдет, а зимним путем тем волоком ходу не живет, потому что залегли горы высокие да камень и с нартою на собаках волочися не можно». Именно эти сведения попали в наказ первым якутским воеводам, который был им дан в августе 1638 г. [15]. Сам Палицын не бывал на волоке, и конечно, на Куту за день ни с какого места на Илимю перейти невозможно. Здесь ошибка, Купу ошибочно назвали Кутуей. В том же наказе со слов енисейского служилого записано о «нартянном» трехдневном ходе к Купе, а оттуда «до реки Куты судами – день, а Кутую рекою вниз же до реки <...> Лены день же» [16].

В сообщениях о первых способах пересечения водораздела не упоминается река Мука, но это не значит, что о ней не знали и ею не пользовались.

Посланные с ясаком с Вилюя в Москву тобольские и берёзовские казаки в конце июля 1636 г., оставив в устье Куты коч, поднялись на паузке до устья

Муки «и Мукою шли до Илимского волоку два же дни» и за день перешли на Илим [17]. А те, кто направлялись на Лену из Илимска, сначала шли два дня к верховьям Муки, к месту начала сплава по ней, там строили суда, «да в тех судах от волоку от Ленского по Муке реке до Купы реки судового ходу днище». Так говорил в 1637 г. в Москве казак Колесников [18].

Ко времени прибытия в 1640 г. на Ленский волок якутских воевод путей через водораздел было несколько.

Использовалась летняя конная дорога из Илимска до вершины реки Муки. И хотя здесь были «горы и грязи большие» [19], но вьюками возили «через Камень, до колодца» по пяти-шести пудов, а от «колодезца на вершину Муки реки на тележках пудов по 10 и по 12 возят», и по Муке сплавливались «на плотех, пудов по пятнадцати и по дватцати, до Купы реки два дни», написал воевода [20]. Известна также жалоба служилых пашенных крестьян, поданная позже, в 1646 г., о том, что они гоняли летние подводы «по шти и по семи на человека» до устья Муки «под государевыми гонцами и под ссыльными людьми» [21].

Существовала уже и зимняя санная дорога, которая «лежит через Камень на усть Муки реки» и «с Илима с возом ехать до усть Муки реки два дни» [22]. Следующий якутский воевода, В. Н. Пушкин, хотел было осенью 1645 г. до заморозков попасть в Якутский острог, но не успевал, потому что с Ленского волока «через Камень до усть Муки реки, где деланы плоты, итить полтретья, а Мукою (правильно – Купою. – Ю. Ч.) да Куюю реками до устья, где та Кута в Лену пала, итить будет на плотах день пять или шесть» [23].

О том, как шла дорога в верховья этой речки, в документах ничего найти не удастся. Возможно, туда существовала какая-то зимняя тунгусская тропа, идущая по реке Зырянке, а может быть, как раз по ней и шла летняя дорога русских мимо «колодца». Именно по Зырянке в верховья Муки бежал в декабре из-под стражи в Илимске и был там пойман в самом начале января 1641 г. князец Звероул [24]. И хотя это зима, но в документах о побеге нет упоминаний о лыжах ни у князца, ни у гнавшихся за ним служилых. Значит, не очень убрдно идти.

Гидронимы водораздела позволяют высказать некоторые предположения о летнем маршруте в верховья Муки. Выше устья Муки на расстоянии около 50 км справа в нее впадает ручей Конный [25]. Если считать в днях, то расстояние от устья Муки до этого ручья вполне можно преодолеть за два долгих летних дня на лодке или по тропе. Именно столько шли тобольцы и берёзовцы. А вниз от ручья Конного на плотах с грузом это расстояние тоже преодолевается за два дня (о двух днях писал Головин), а при большой воде и за день, как сообщал Колесников.

На топографической карте до сих пор показана вьючная тропа, ведущая от Илимска к верховьям Муки и выводящая на саму реку Муку в нескольких сотнях метров южнее ручья Конного. Тропа идет и выше по Муке к месту, обозначенному «разв.» у ручья Балаганного [26]. Хорошо известно, что старые дороги в тайге используются веками как выверенные до сотен метров по их удобству. Не исключено, что это именно те маршруты, которые были проложены еще первопроходцами в 1630-е гг., а название ручья – Балаганный – напоминает о существовании здесь каких-то строений, какого-то пункта, где путники могли останавливаться на пути от Илимска на Лену или обратно, где мог оставаться на зиму груз для весеннего сплава, могли, например, храниться тележки и т. п.

Есть еще одна речка где-то на волоке между Мукой и Илимском. Это речка Вежейка, упоминаемая в связи с розыском одного ссыльного летом 1647 г. [27].

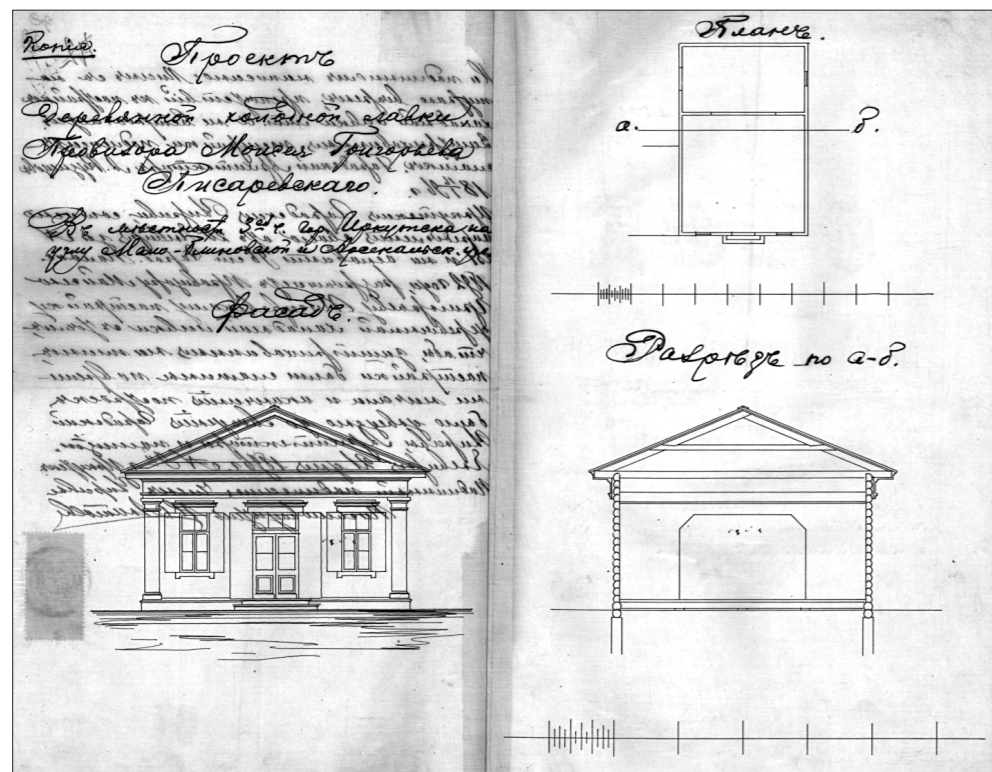
Что еще можно рассказать о М. Г. Писаревском? Как уже отмечалось, в 1881 г. он окончил Харьковский университет и приехал в Иркутск. Здесь Моисей Григорьевич служил провизором – заведующим Михеевской аптекой (1885 г.) [18]. В 1888 г. приобрел аптеку у братьев Прейсман. Уйдя с должности заведующего Михеевской аптекой, Писаревский некоторое время состоял членом попечительного совета Михеевской лечебницы [19].

В июле 1892 г. Иркутским горным управлением ему было выдано дозволенное свидетельство на поиски и разработку золотосодержащих россыпей и коренных месторождений золота [20]. Насколько эта деятельность была успешной, выяснить не удалось. Но в дальнейшем М. Г. Писаревский не только занимался содержанием аптеки, но и вел коммерческую деятельность, торговал, например бензином, гигиеническими принадлежностями, парфюмерными товарами [21]. Тем не менее он являлся членом Общества врачей Восточной Сибири [22].

Не чужд был М. Г. Писаревский благотворительности, жертвуя благотворительному обществу в пользу бедных жителей Иркутска, Иркутского приюта арестантских детей, Иркутского добровольного пожарного общества. Состоял действительным членом Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [23].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ларионов Д. Д. Губернский город Иркутск: Пожары 22 и 24 июня 1879 г. Иркутск, 1880. С. 46.
2. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск, 2012. Т. 1: А–Л. С. 162; Петров А. В., Плотникова М. М. Иркутская дума: городские головы, гласные и депутаты. 1787–2014: биографический справочник. Иркутск, 2014. С. 220.
3. ГАИО. Ф. 447. Оп. 1. Д. 101. Л. 20 об.–21.
4. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 2564. Т. 1. Л. 382; Иркутские губернские ведомости. 1895. 3 мая.
5. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 487. Л. 28–29.
6. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 587. Л. 339.
7. Восточное обозрение. 1899. 3 сент. С. 1.
8. Власть труда. 1923. 26 окт.
9. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 588. Т. 1. Л. 191–192.
10. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4в. Д. 49. Л. 265. (Мы вынуждены приводить нумерацию дел по старой шифровке, так как в выдаче этого дела нам было отказано со ссылкой на то, что дело находится в россыпи. Поэтому мы пользуемся ранними нашими выписками.)
11. Там же. Л. 289–290; Оп. 3. Д. 990. Л. 7.
12. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4в. Д. 165. Л. 185 (номер дела приводится в старой нумерации по тем же причинам, что указаны в примеч. 10).
13. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 2563а. Л. 207–208.
14. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4в. Д. 245. Л. 382 (номер дела приводится в старой нумерации).
15. Геллер Л. Н. Вехи истории: становление, формирование и развитие аптечной службы и фармацевтического образования в Иркутской области. Иркутск, 2010. С. 24.
16. Весь Иркутск с отделами Забайкальской и Якутской областей на 1909 г. Иркутск, 1909. Отд. 4. С. 136.
17. Там же. С. 147, 151, 153; Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 год. Иркутск, 1911. Реклама.
18. Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом МВД на 1885 г. СПб., 1885. С. 585; Известия Иркутской городской думы. 1886. № 15–16. Авг. С. 334; 1888. № 8. Апр. С. 436, 440.
19. Известия Иркутской городской думы. 1891. № 3. Февр. С. 113.

Планируемая деревянная холодная лавка в усадьбе М. Г. Писаревского.
Январь 1897 г.

Это было очередное здание, возведенное по плану талантливого и очень работоспособного городского архитектора Алексея Ивановича Кузнецова. И создавал свой проект Кузнецов специально под нужды аптеки. Любопытно, что интерьеры и обстановка торгового зала сохранились до наших дней. Правда, на дверях красовался царский герб, но как «ненужное украшение» был ликвидирован [8].

На плане города съемки 1897–1899 гг. видно, что на углу улиц Малой Блиновской и Графо-Кутайсовской расположен объем, по форме схожий со зданием аптеки. Вполне вероятно, что строящееся здание успело попасть на план.

10 марта 1898 г. Писаревский вновь обращался в городскую управу, на этот раз за разрешением на постройку «каменного одноэтажного корпуса для торговых помещений» (так значится в его прошении). В докладе технического отделения, которое рассматривало все планы и проекты, предполагаемая постройка именуется «каменными одноэтажными магазинами» [9]. План в деле отсутствует. Здесь уместно сказать об этимологии слова «магазин». Сегодня мы больше привыкли к такому значению слова «магазин», как помещение, приспособленное для розничной продажи товаров; большая лавка. Но в XIX в. этот термин имел и несколько иное значение – склад, помещение для хранения продовольственных запасов, огнестрельных припасов и др. Например, хлебный магазин – это помещение для хранения хлебных запасов, провиантский магазин – для хранения провианта, соответственно артиллерийский магазин – запасов снарядов. Поэтому помещение, которое планировал возводить Писаревский, можно представлять и как склад для хранения медикаментов, где мог производиться и их оптовый отпуск, что Писаревский и делал, являясь поставщиком аптечной продукции для всей губернии.

Следующее прошение владельца аптеки относится уже к первому году нового века. В марте 1901 г. он ходатайствует о разрешении строительства дере-

«Вежа» – это «зимовейка», «избушка» [28]. Так как сейчас такого названия нет, нельзя сказать, относится ли Вежейка к маршруту вверх по Муке или к дороге от ее устья на Илимск. Отследить направление не удастся, слишком мало информации.

А вот о ходе к устью Муки, ставшем основным, материалов достаточно.

В 1640 г. воевода Головин велел переписать все то, что есть из построек на ленской стороне волока. В устье Муки стояла изба некоего Афанасия, «ниже креста [29] у большой избы вместе 6 амбаров». А всего насчиталось 24 крытых и некрытых больших и малых амбаров с пристенами и без пристенков, стоявших по обе стороны речки, в том числе два амбара «на государевы запасы»: один «...мерю по обе стороны по 3 сажени...», другой «...мерю по долгой стене 3-х сажень без полуаршина, по короткой 2 сажень с аршином...» [30]. В устье Муки готовили барочный лес для постройки судов, ставили сено, которое зимой везли в Илимск. Насколько интенсивно использовался путь к устью Муки, можно судить по сообщению Головина о том, что близко от Муки «...лесу нет, вынут преж сего на суды торговыми и промышленными людьми» [31]. Уже в апреле 1641 г. была здесь и съезжая изба, в ней пребывают приказчики Ленского волока, целовальники, останавливаются проезжающие воеводы.

Хотя никаких сведений об устройстве дороги в 1640-е гг. найти не удалось, но, учитывая, что движение по ней было постоянным, а в период заезда якутских воевод особенно интенсивным, можно полагать, что от Илимска к устью Муки дорога очищалась от упавших деревьев, устраивались в нужных местах объезды, мостки и т. п. Например, в зимы 1645/46 г. и 1646/47 г. к устью Муки сходило 384 санных подводы с грузом по 20 пудов каждая только для перевозки запасов воеводы В. Н. Пушкина [32]. Были в то время на дороге и промежуточные станы, ведь расстояние от Илимска до устья Муки преодолевалось зимой за два дня, а летом за два с половиной. О наличии станов есть упоминание в одной наемной записи о доставке муки с Илимска в устье Муки. Нанятый в зиму 1641/42 г. для этого человек обязывался «везучи запас с Ылимму на усть Муки в зимовье, по станам и по волоку беречь» [33]. Станы содержали откупщики. Волоковые откупщики, у которых было на двоих пять лошадей, переписаны в «Конной росписи», составленной в 1645/46 г. [34]. В «Дозорной книге» Качанова указано расстояние от Илимска до устья Муки – 28 верст и названа избушка на половине пути, которая отдается на откуп Илимской приказной избой [35].

Содержание дорог всегда было обязанностью населения России. Об этом, например, писал И. Я. Гурлянд, исследуя ямскую гоньбу до конца XVII в. [36]. Центральная власть устанавливала общие правила. В Соборном уложении 1649 г. есть несколько статей, посвященных дорогам, требованиям по содержанию в исправном состоянии мостов, гатей, перевозов, плотин и об ответственности за неисправность этих сооружений [37]. В писцовых наказах межевщикам 1683 и 1684 гг. определялась ширина дорог: две сажени «в полевых и проселочных местах к рекам для водопоев» и ко всяким другим угольям общего пользования, «а для большой проезжей дороги ширина три сажени...» [38]. Ленский волок был большой дорогой.

Как справедливо отмечал В. Н. Шерстобоев, «вначале в деле открытия, устройства и освоения путей участвовали все слои населения, тем более что оно двигалось на Восток <...> Но по мере устройства края и заселения его главным классом того времени – крестьянством, государство перелагает на его плечи всю тяжесть осуществления транспортных связей» [39]. Именно «по мере заселения».

А в середине XVII в. для работы на Ленском волоке невозможно было обойтись и без других слоев населения. Неслучайно в «Конной росписи», о которой упоминалось выше и которая составлена была, собственно, для того, чтобы отправить людей за Ленский волок для перевозки государевых запасов воевод, сменявших Головина, учтены были лошади не только у десяти пашенных крестьян, живших по Илимю и по Лене от Орлинги до Чечуйского волока (крестьян было больше, но новопоселенным на пашню давалась отсрочка от подводной повинности), но и у двух торговых людей, у двух волоковых откупщиков (один из которых промышленный человек с Илима), у одного целовальника (из других документов известно, что этот человек был в то время целовальником у соляной варницы на Куте), у одного служилого (из других документов известно, что этот служилый был в Усолье при приказчике «для письма»), у одного промышленного человека с Лены и у одного посадского жителя [40].

С 1648 г. Ленский волок переходит в ведение образованного в том же году Илимского воеводства. Растет число крестьян. По крестьянской окладной книге, на Илиме и Лене до 1652 г. поселена 121 душа, с 1652 по 1656 г. построено в пашню еще 46 душ [41].

2 сентября 1652 г. илимскому воеводе Богдану Оладьину из Сибирского приказа **поступила грамота** «...тотчас послать на Илимской волок Илимского острогу служилых людей и пашенных крестьян, сколько человек пригож, и велеть им от Илимского острогу до Лены реки... на грязех и на болотах помостить мосты добрые, чтоб впредь... на Илимском волоку... мешкоты ни за чем не было» [42]. Это было связано с тем, что на Ленский волок прибывал московский дворянин Дмитрий Зиновьев с отрядом в 150 человек для дальнейшего движения в Даурию и тогда же на волок прибыл новый якутский воевода Лодыженский. Воевода отчитался, что служилых и крестьян мостить мосты послал, но вряд ли из-за осеннего времени года удалось многое сделать. В 1655 г. Оладьин все же предпринял меры для устройства дороги по Ленскому волоку, и это вновь связано с отправлением отряда в 60 человек в Даурию. На этот раз крестьяне «мостили мосты от Илимского острогу через весь Ленской волок на грязех и через болота, и через речки, и протоки, на десятину сажень по сту и больше», а потом государеву казну «на телегах возили за Ленской волок <...> и работали в самую страдную пору» [43].

Однако летнюю колесную дорогу содержали не постоянно, слишком трудоемко. О дорожных работах, проводившихся при Оладьине, есть упоминание в «Дневнике» И. Г. Гмелина. 25 марта 1736 г. обоз ученого прибыл в деревню Каймоновскую, Гмелин сделал запись о путешествии от Илимска и отметил, что дорога из-за Камчатской экспедиции сильно разбита, а «...лет 80 назад путешествия через этот Волок были намного удобнее, на дороге были мостки, и летом можно было ехать на повозке. Теперь от мостков не осталось и следа...» [44]. Правда, неясно, откуда он знал об этом. Может быть, со слов местных жителей, а может быть, от Г. Ф. Миллера, которому переписывались архивы Илимского воеводства. Сам же Миллер составил подробное описание маршрута до Усть-Кута, о чем будет сказано далее. Но факт остается фактом, колесной дороги от Илимска уже не было.

Представление об интенсивности движения по Ленскому волоку и другим дорогам, идущим от Илимска, дают записные разгонные книги илимских ямских подрядчиков Татка Афонасьева сына Петровых и Петрушки Панфилова, которые нанялись гонять ямскую гоньбу за всех пашенных крестьян уезда с

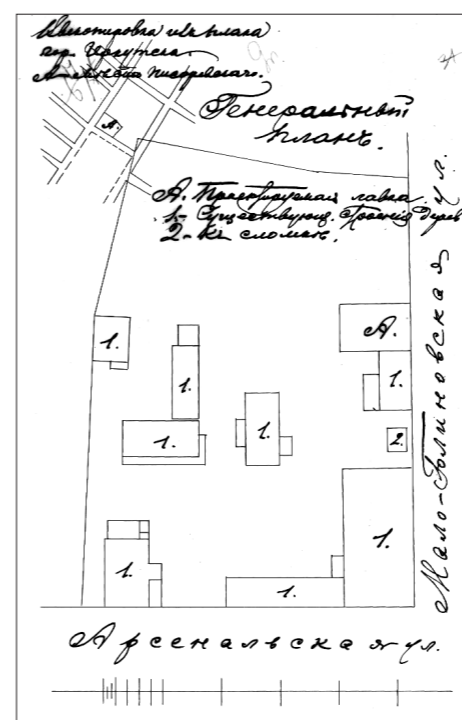
Моисей Григорьевич Писаревский

текарским магазином». Причем Писаревский был обязан «все имеемые поступить в магазин ядовитые и сильнодействующие вещества записывать своевременно в особо выданную от Врачебной управы шнуровую книгу, хранить таковую и производить отпуск их по законным документам с записью в расходе по такой же продаже книге и с росписью в ней получателей, а также продажу и других аптекарских товаров производить согласно установленных законом правил, под личным наблюдением... за все же нарушения и неправильные действия Писаревский отвечает лично» [3].

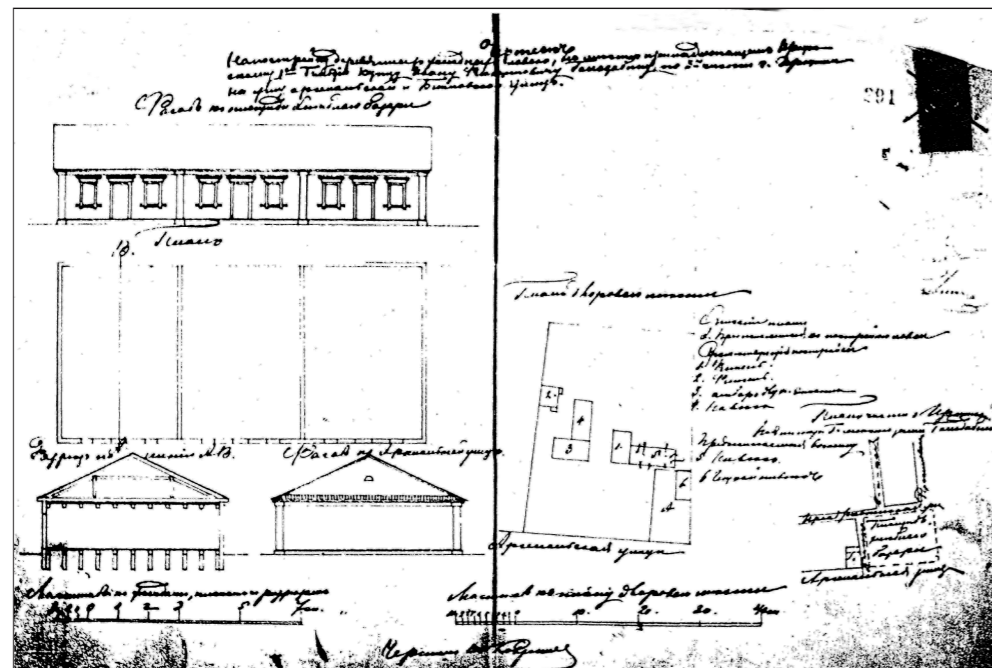
18 апреля 1895 г. Писаревский приобретает за 13 тыс. руб. у потомственной почетной гражданки Елизаветы Ивановны Голдобиной место земли со всеми постройками. В это время усадьба имела следующие размеры: по Арсенальской улице – 28 сажень (59,6 м), по М. Блиновской – 37½ (79,3 м), по левой меже – 36½ (78 м) и правой – 23½ сажени (50,5 м) [4], несколько отличающиеся от той, которую покупал сам И. Ф. Голдобин.

Новый хозяин начинает активную строительную деятельность. Нам удалось выявить семь запросов М. Г. Писаревского в городскую управу за разрешениями на различные постройки в период 1897–1907 гг.; к сожалению, только в двух из них сохранились планы. Приведем эти запросы в хронологическом порядке. 13 января 1897 г. М. Г. Писаревский обратился за разрешением на постройку холодной лавки. В этом деле имеется план участка, который можно сравнить с планом Голдобина. Планируемая лавка, «означенная на плане буквой а, относится на 4-х саж. расстояние от № 1. Не изменяя ни вида, ни фасада» [5].

25 ноября 1897 г. М. Г. Писаревский направил другое ходатайство – позволить ему строительство одноэтажного каменного дома с подвалом. Это прошение и разрешение по нему интересны в первую очередь тем, что именно по данным документам мы узнаем, кто был архитектором планируемого здания аптеки. В документе городской управы отмечается: «Проект построек Писаревского составлен Городским архитектором г. Кузнецовым, и на нем сделана следующая надпись: "Постройки № 2, 8 и заштрихованная часть № 7 – подлежат сломке"» [6]. 28 ноября строительство было разрешено. К сожалению, сам план в деле отсутствует. 10 марта 1898 г. началось сооружение одноэтажного кирпичного дома с подвалом на углу Арсенальской и Мало-Блиновской улиц, которое шло до середины 1899 г. [7].

Усадьба М. Г. Писаревского. Январь 1897 г.

План места и проектируемые лавки в усадьбе И. Ф. Голдобина. 1887 г.

по минимальным ценам (не дороже 30 коп. за пуд) хлеб и чаще всего платил за него натурой (вином или товаром) по максимальным ценам. В Верхнеудинске содержал склад, четыре ренских погреба и около десяти кабаков. Развивал также стекольное и мукомольное производства. Стал купцом 1-й гильдии.

Жертвовал на иркутский Александринский детский приют, на просвещение и здравоохранение. Делал взносы на содержание Якутской женской гимназии. В 1880 г. подарил ВСОИРГО 1 тыс. руб. для восстановления научных коллекций, сгоревших во время пожара 1879 г. Член распорядительного комитета Иркутского благотворительного общества. С 1881 г. – член-соревнователь ВСОИРГО. Гласный Иркутской городской думы в 1877–1880 гг. В 1882–1885 гг. – директор комитета Иркутского тюремного управления, в 1870–1887 гг. – почетный старшина Александринского приюта. В 1882 г. награжден как попечитель Кузнецовской больницы золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте, в 1887 г. – золотыми часами, украшенными изображением государственного герба. 21 июня 1891 г. в его доме по Амурской улице состоялся прием в честь наследника, цесаревича Николая Александровича [2].

В середине 1880-х гг. (в 1886 г. он уже был в городе) в Иркутск приезжает Моисей Григорьевич Писаревский (1855 – 18 июня 1916, Иркутск), провизор, закончивший Императорский Харьковский университет (1881 г.). Еще до его прибытия, 6 марта 1886 г., братьями Рафаилом и Исаем Прейсман была основана аптека в арендуемом помещении дома купчихи Поповой на хлебном базаре (ныне ул. Чехова, 23), рядом с будущей усадьбой Писаревского, под названием «фирма Френкеля». 13 апреля 1888 г. М. Г. Писаревский купил ее у братьев Прейсман за 5 тыс. руб. с условием сохранения контрактов на наем дома купчихи Поповой, поставку медикаментов в иркутскую Кузнецовскую гражданскую больницу (с приказом общественного призрения) и с провизором Герсони на управление аптекой до 1 декабря 1890 г. В 1895 г. Писаревский принял на себя управление и заведование принадлежащим Патушинскому «вновь открытым им в Иркутске с разрешения надлежащего начальства и приговора купеческого общества ап-

1687 до 1692 г. Разумеется, в книгах учитываются не все перевозки, так как якутские грузы доставлялись на Лену не только в порядке ямской гоньбы, но и служилыми людьми или возчиками по отдельному найму. Торговые и промышленные люди в большинстве случаев передвигались своим транспортом самостоятельно.

В РГАДА хранится всего две книги. Одна за период с 1 сентября 1688 г. по 1 сентября 1689 г. [45], другая за период с 1 сентября 1689 по 1 сентября 1690 г. [46].

Ямщики называют дороги, по которым гоняют подводы от Илимского острога. Первая дорога – до устья Якурима; на ней пять разгонов, в том числе четвертый «с Лены же реки от Усть-Куцкого острожка вверх по Куте и по Купе рекам до волоку до усть Муки реки пятьдесят две версты, ходят в стругах летом водою» [47] и пятый разгон «за ленской волок, гоняют подводы илимские ямские подрядчики до усть Муки реки и с усть Муки реки в Ылимской острог мерою дватцать восемь верст» [48].

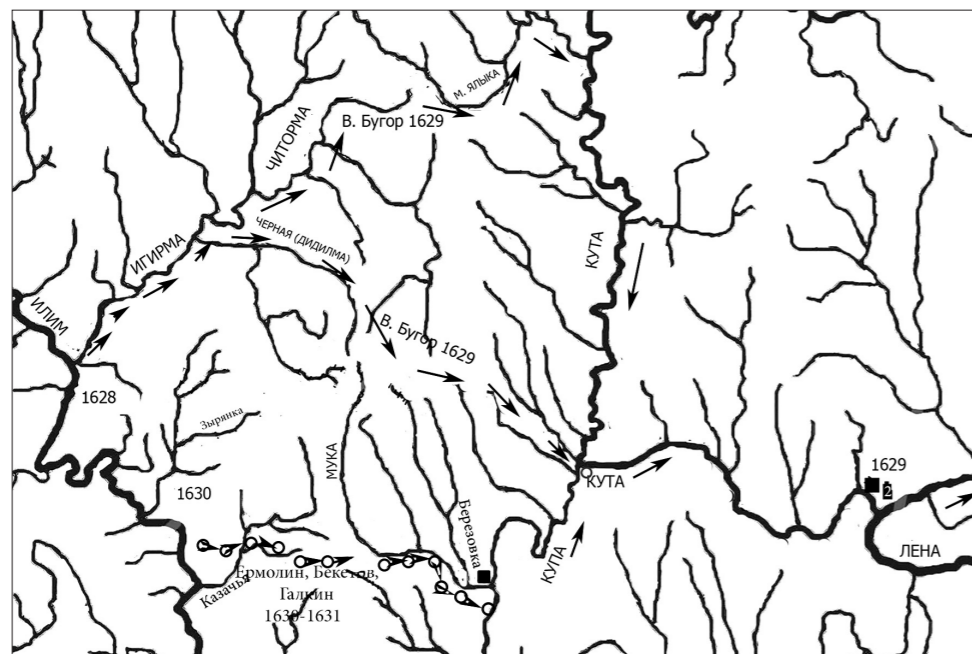
Вторая дорога – на Ангару до Кежемской слободы; третья – «вверх по Илиму реке <...> до Шестачковские заимки и до Подволочные заимки пашенного крестьянина Игнашки Максима, и за волок на Ангару реку» [49]. Четвертая – вниз по Илиму реке «летом водою до Ганкины заимки Оглоблина, а зимою по Илиму реке и через волок гоняют подводы до Васкины заимки Степанова» [50].

В таблице приведены сведения из этих книг. Книги условно обозначены римскими цифрами I (книга 1688/89 г.) и II (книга 1689/90 г.).

Дорога	Подводы летние верховые с седлами и проводниками /включая струги вверх бечевником		Подводы летние тележные с проводниками		Подводы зимние санные		Летний груз, пуд. (кладь проезжающих здесь не учитывается)		Зимний груз, пуд. (кладь проезжающих здесь не учитывается)	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
С Илима на Лену	107/12	87/3	56	30	103	98	518	30	2 387	1 700
На Ангару до Кежмы	2	22	-	-	2	7	-	-	-	-
Вверх по Илиму	33	31/4	-	-	35	25	20	-	-	-
Вниз по Илиму	23	30	-	-	15	46	-	-	-	-

Основная работа ямщиков была на маршруте Илимск–Лена. Содержание разгонных книг подтверждает, что в это время действовала летняя колесная дорога только до устья Муки, так как «подводы с телеги и с проводники» ходили «за волок до усть Муки» и обратно [51]. Учитывая, что летом возили по 15 пудов на телегу, ямщицких грузовых подвод за два года прошло от Илимска до устья Муки и обратно 72–74 (на Лену везли кричное железо и смолу, в Илимск возили соль), а с учетом телег с людьми (в основном так везли ссыльных на Лену, разных служилых на службу и со службы) всего летом сходило по волоку 208–209 колесных телег.

А вот вдоль Купы и Куты ни в эти годы, ни в первой трети следующего столетия колесной дороги не было.

Ил. 1. Карта-схема «Первые маршруты Ленского волока». Составлена автором

На карте-схеме маршрутов Ленского волока (ил. 1) направление движения И. Галкина в 1631 г. из Игирминского зимовья с выходом в устье Купы и общий ход из Илимского зимовья по Зырянке в сторону верховий Муки не показаны, так как где проходили эти маршруты, точно не известно.

Более поздние документы позволяют уточнить маршрут к устью Муки и дальше. В так называемой дозорной книге илимского воеводы Качанова (1699 г.) указано расстояние от Илимска до устья Муки 28 верст (версты тогда считались по тысяче сажений) и названа избушка на половине пути [52]. От устья Муки вниз по Купе до деревни Каямоновской считалось 20 верст, а «через камень горою двенадцать верст до Каямоновых деревни». Деревня Каямоновская стояла тогда не на левом берегу Куты, как сейчас, и даже вовсе не на Куте, а «над Купою рекою вниз по левой стороне» [53]. Участок пути от этой деревни вверх по Купе, в сторону Муки, назывался Каямоновым камнем или Каямоновским волоком [54].

Со слов своего кормщика описал путь от Лены до Илимска Д. Г. Мессершмидт [55].

Особенно подробное «Описание зимнего пути от города Илимска через Илимской Ленской волок и до Усть-Кутского острогу и от Усть-Кутского острогу вверх по реке Лене до Усть-Илгинской деревни» составил академик Г. Ф. Миллер, проехавший здесь зимой 1736 г. [56]. Ценность описания состоит в том, что ученый указывает расстояния по дороге между речками и, что очень важно, расстояния от этих переездов до устьев речек. А это позволяет проследить его маршрут по современной карте, проставив координатные точки, соответствующие указаниям Миллера. Затруднения возникают только в том случае, если сейчас у этих речек и прочих объектов другие названия.

Дорога начиналась от Илимского острога и шла до слободы [57]. Сейчас здесь мост через Илим. Оттуда ехали по Сумину ручью (сейчас ручей Слободской) «и переехавши через оной ручей поднялись на хребет и со онаго спустились» на Казачью речку, от переезда Казачья. Эта речка Казачья, «по-тунгусски

постоялых дворов, кондитерских, кухмейстерских, пивных, хозяйственных складов, лавок. Велась торговля и в самом 97-м квартале, который по своему местоположению, особенно со стороны Малой Блиновской улицы, был втянут в активную хозяйственную деятельность.

Застройка усадьбы и ее владельцы

Сохранившиеся к настоящему времени каменные постройки в усадьбе возведены после пожара 1879 г., в конце XIX – начале XX в. Предшествовавшие им деревянные усадебные строения, появившиеся здесь после пожара, частично были сломаны.

Известно, что в начале 1820-х гг. усадьбой владел урядник Иркутского казачьего полка Трофим Митляев, выстроивший жилой дом и деревянные службы. Его движимое и недвижимое имущество перешло по наследству сыну – Петру Трофимовичу Митляеву, уряднику того же полка, а от него внукам – уряднику Михаилу и казакам Якову и Константину Петровичам. Братья не согласились жить тремя семьями в одной усадьбе и поэтому решили продать ее. Часть земли у них приобрел иркутский мещанин Петр Петрович Нефедьев, которую у него в конце 1860-х гг. купил иркутский купец Иван Флегонтович Голдобин. Размеры усадьбы были таковы: по Главно-Арсенальской улице – 36 м, по задней линии – 26,8, по сторонам – по 77 м. В усадьбе Иван Флегонтович построил новые деревянные здания. Через десять лет пожар уничтожил почти все строения центральных площадей и улиц Иркутска, нанеся огромный ущерб жителям. Среди иркутян-погорельцев оказался и купец И. Ф. Голдобин, который не принял мер по защите своего имущества, а покинул усадьбу. Огонь достиг Блиновской улицы, отсюда перекинулся на угловые деревянные постройки купца (это отмечено и на плане, приведенном выше). Известно, что до пожара в усадьбе помимо «тесно настроенных надворных служб» имелись два дома: один угловой, другой – выходящий на Главно-Арсенальскую улицу. Оба сгорели [1].

Иван Флегонтович Голдобин

После пожара И. Ф. Голдобин решил восстановить свою усадьбу. 13 ноября 1887 г. его доверенный Я. С. Комаров обратился в городскую управу за разрешением на постройку деревянных холодных лавок. В архивном деле за 1887 г. имеется план усадьбы, составленный городским архитектором Э. Я. Гофманом. На плане показаны: предполагаемая угловая лавка с глухим навесом, два флигеля, амбар в два этажа, два навеса и в восточной стороне сад. Там же имеется рисованный фасад деревянных лавок от угла по нечетной стороне Блиновской улицы. Фасад лавок был обращен в сторону хлебного базара, что говорило об их торговом назначении.

Иван Флегонтович Голдобин (около 1830 – 27 марта 1892) – выходец из мещан. Занимался золотопромышленностью, владел приисками в Верхотенском, Читинском и Акшинском округах. Параллельно производил водку, имел в Иркутске водочный завод, оптовый склад вина. В начале 1865 г. он открыл на Амурской улице магазин по продаже хлебного вина и разных водок. Скупал

Место будущей
усадьбы
по ул. Дзержинского, 34

Фрагмент плана Иркутска 1862–1864 гг.

мента плана города съемки 1872 г. с нанесенными на нем границами пожара, территория интересующей нас усадьбы попала в зону огня и частично выгорела.

После пожара происходят значительные изменения, связанные как с общими тенденциями развития города – активизацией кортомной деятельности, торговли, ремесел, так и с особенностями места расположения квартала № 97 – его положением по отношению к хлебному базару. На мелочном и хлебном базарах, а также на связывающих их улицах – Ивановской (Пролетарской) и Пестеревской (Урицкого) – сосредоточилась основная торговля, а сопутствующая деятельность по обслуживанию этой важной торговой артерии города осуществлялась на близлежащих территориях: на улицах Котельниковской (Фурье), Малой Блиновской (Чехова), 6-й Солдатской (Литвинова), Преображенской (Тимирязева). Здесь активно строятся доходные дома, сдаваемые в аренду, которые полностью вытесняют сады и огороды, кроме того, именно на этих улицах появляется большое количество гостиниц и меблированных комнат,

Усадьба № 7 – место
будущей усадьбы
по ул. Дзержинского, 34.
Линией показана
граница пожара

Фрагмент плана Иркутска 1872 г.

Омичан», «впала в реку Илим верстах в 12 (версты в послепетровское время считались 500-саженные. – Ю. Ч.)» [58].

Современная дорога пересекает речку Казачью тоже примерно в 12 км от устья, т. е. практически в 12 верстах (в 500-саженной версте 1 065 м).

Потом дорога 3 версты шла до Глубокого ручья, который от переезда верстах в двух «впал в Казачью». «Летом оной ручей пересыхает». На топографической карте масштаба 1 см – 1 км ручей Глубокой не показан, а современная дорога за Казачьей пересекает какой-то ручеек, текущий с севера в ручей Еланный. От этого пересечения до Казачьей около 3 км. Вроде бы это и есть Глубокой.

Дальше у Миллера читаем: «Еланной ручей от прежнего в 4 верстах вышел верстах в 2 с северной стороны из хребта и в версте от переезде впал в Глубокой ручей. А от Глубокого до сего ручья переехали через хребет» [59].

Здесь что-то непонятное. По Миллеру получается, что от Казачьего ручья до переезда через Еланный 7 верст. Действительно на современной карте есть ручей Еланный, дорога пересекает его правую вершинку в 7–8 км от Казачьей речки и от этого пересечения до места слияния правой и левой развилин Еланного ручья всего несколько сот метров. Однако по современной карте ручей Еланный – это основной водоток, а предыдущий, который без названия, в него впадает. Но если раньше нынешний безымянный ручей считался главным – и это Глубокой, то переезд через Еланный никак не может быть в версте от впадения Еланного в этот Глубокой, так как расстояние между переездами этих двух ручьев около 4 км.

Хотя, повторимся, расстояния между переездами совпадают.

Но смотрим дальше. Следующий объект у Миллера – Избушкинское зимовье, стоящее от Еланного ручья в 9 верстах. И это зимовье, оказывается, стоит «над речкою, которая никакого звания не имеет, а близ зимовья из ключей вышла, а устье верстах 6 от зимовья в следующую речку впала (здесь и далее выделено мною. – Ю. Ч.)» [60]. Но следующая речка уже река Мука. Значит, Избушкинское зимовье стоит у речки, впадающей в Муку.

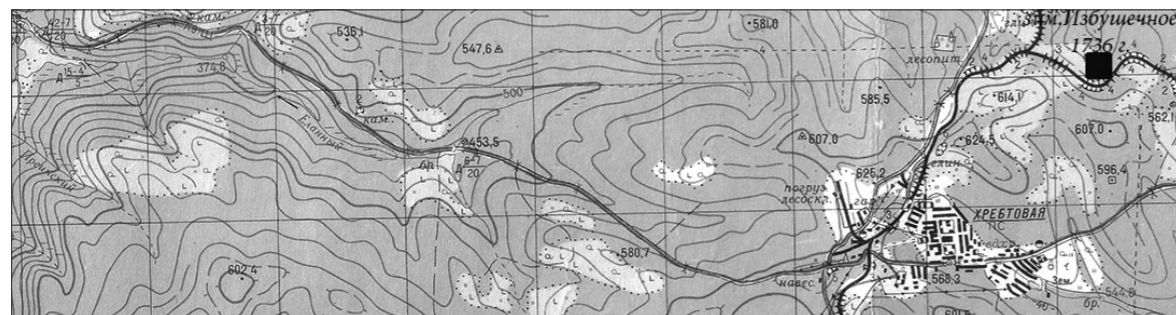
От Избушкинского зимовья 20 верст до переезда через Муку, и эта река «в 6 верстах от переезде впала в речку Купу» [61]. «Березовка речка от переезда Муки реки в 2 верстах вышла с северной стороны ис хребта», – написано дальше.

Это все полностью совпадает с современной дорогой.

И наконец, Муцкое плотбище – зимовье «на левой стороне Муки реки, выше устья оной реки саженьях в 100» [62].

Местоположение Избушечного зимовья на речке, впадающей в Муку, отметил и И. Г. Гмелин, проехавший по этой дороге в марте 1736 г. и ночевавший в зимовье. «Зимовье лежит у источника, который вытекает в ручей, который впадает в Муку и превращается в Ленские Покати», зимовщик живет здесь «со времени его постройки и летом и зимой» «четырнадцатый год», – записал ученый в «Дневнике» [63]. «Покати» – это и есть спуски с водораздела в сторону Лены, а зимовье построено в 1722/23 г. Не исключено, что это зимовье построено взамен старого, о котором писал воевода Качанов в 1699 г.

Так как других ручьев, впадающих в Муку слева в районе начала спусков на ленскую сторону водораздела, нет, можно довольно обоснованно предположить, что Избушечное зимовье находилось на указанном ключе (ил. 2. Значок нанесен на карту автором). Вероятно, позже избушку построили в вершине другой речки, получившей потом название Избушечной, и там возник уже

Ил. 2. Фрагмент топографической карты масштаба 1 см – 1 км

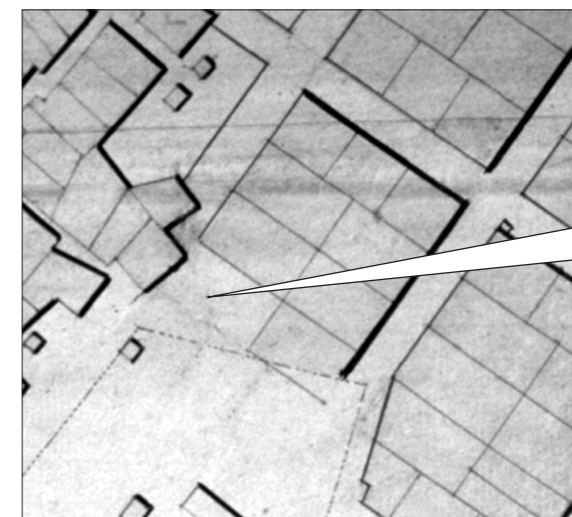
постоянный населенный пункт. Во всяком случае, В. Н. Шерстобоев отметил, что после третьей ревизии (1762 г.) к пятой (1795 г.) по Верхне-Илимской волости отмечено две новые деревни и «Ленского волоку Избушечное зимовье» [64]. На карте Киренского округа, составленной в 1867 г., населенный пункт отмечен как «Заим. Избушкина» [65]. В списке населенных мест, помещенном в «Памятной книжке Иркутской губернии 1909 года», у деревни два названия – Избушина, она же Хребтовая [66]. А на карте, составленной в 1912 г., название деревни – Избушечная [67].

Некоторые сведения о пути через водораздел можно почерпнуть из карты С. У. Ремезова (ил. 3).

На карте Ремезова показана дорога от Илимского острога до Усть-Кутского, указаны расстояния (28 верст до устья Муки от Илимского острога и 50 верст от устья Муки до Усть-Кутского острога) [68]. По чертежу, река Кута образуется слиянием рек Муки и Купы (на самом деле Мука впадает в Купу в 43 км от впадения Купы в Куту).

Ил. 3. Фрагмент «Чертежа земли Илимского города»

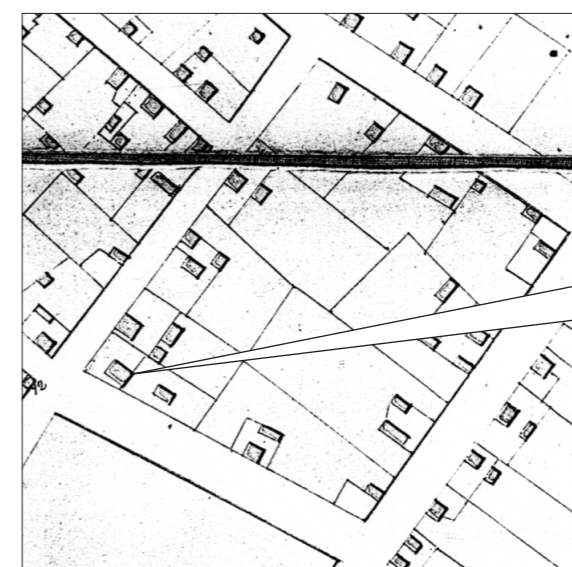
Фрагмент плана Иркутска 1784 г.

Примерное место будущей усадьбы по ул. Дзержинского, 34

В конце XVIII – первой половине XIX в. городская застройка мало чем отличалась от сельской. Жилые усадьбы делились на чистый и хозяйственный дворы и имели большой огород. Планы города 1843 и 1865 гг. дают наглядное представление о застройке раннего периода. Для этого времени был характерен достаточно разреженный дискретный лицевой ряд, состоящий из отдельно стоящих близких по габаритам деревянных, преимущественно жилых одноэтажных домов и хозяйственных строений, которые вследствие небольшой глубины участков также выходили на улицу.

Ко второй половине XIX в. застройка заметно уплотняется, в усадьбах появляются дополнительные подсобные и жилые сооружения, постепенно уменьшается территория, занимаемая садами и огородами.

В 1879 г. в Иркутске случился огромный пожар, в результате которого выгорела практически вся центральная часть города. Один из очагов возгорания находился на Котельниковской улице (ул. Фурье), недалеко от места будущей усадьбы по улице Дзержинского, 34. Причем, как видно из приведенного фраг-

Фрагмент плана Иркутска 1843 г.

Место будущей усадьбы по ул. Дзержинского, 34

А. Н. Гаращенко**ЗАСТРОЙКА УСАДЬБЫ М. Г. ПИСАРЕВСКОГО**

Настоящая усадьба включена в «Список вновь выявленных объектов г. Иркутска, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» (Иркутск, 2000) под номером 212.

Любопытный факт. Сложилось так, что после окончательного установления в Иркутске в 1920 г. советской власти и проведенной в дальнейшем муниципализации во многих помещениях, ранее занимаемых известными до революции аптеками, разместились также аптеки.

Иркутянам хорошо известно красивое здание в районе Центрального рынка – аптека, принадлежавшая М. Г. Писаревскому, имеющая сегодня адрес: улица Дзержинского, 34 (ранее усадьба имела адрес: ул. Малая Блиновская, 23/40, подробный номер указывает на ее угловое положение).

История места

Исследуемая усадьба находится в историческом центре города, в квартале № 97, ограниченном улицами Дзержинского, Чехова, Тимирязева, Карла Либкнехта (ранее соответственно Главная Арсенальская и Графо-Кутайсовская, Малая Блиновская, Преображенская и Саломатовская), в квартале, выходящем на бывший хлебный базар, а ныне Центральный рынок.

Со второй половины XVIII в. наиболее интенсивно застраивается пространство, непосредственно прилегающее к палисаду, т. е. к месту, где сегодня проходит улица Карла Маркса, а именно – у бывших Заморских (угол улиц Ленина и К. Маркса) и Мельничных (угол Декабрьских Событий и К. Маркса) ворот, а также в районе современных улиц Литвинова, Урицкого, Фурье и Чехова, это место, связывавшее посадскую часть города с местом, где был расположен арсенал (сегодня там Центральный рынок и Торговый комплекс). В начале 1770-х гг. там, где сейчас находится рынок, размещались на огороженной территории: каменный пороховой погреб (построен в 1773 г.), деревянные слесарня, амбары, склады, сторожевой дом и др. Со второй половины XVIII в. здесь находились материальная часть и мастерские иркутской гарнизонной артиллерии. По мере роста города они стали представлять серьезную опасность для окружающих построек. В 1842 г. по согласованию с Морским министерством арсенал был переведен на территорию закрытого к тому времени адмиралтейства в Знаменском предместье. Оставшиеся постройки проданы городскому обществу за 1 200 руб. серебром и использовались им как лавки и склады для товаров открытого на площади после 1845 г. хлебного рынка.

Улицы 1-я Арсенальская, Пестеревская, 2-я Арсенальская, Котельниковская и Малая Блиновская (нынешние Урицкого, Фурье и Чехова) оказались на своеобразной торговой оси, сложившейся между хлебным и мелочным базарами (площадь перед цирком).

Застройка территории, где расположена нынешняя усадьба по улице Дзержинского, 34, начинается во второй половине – конце XVIII в. и особенно в первой половине XIX в., о чем свидетельствуют планы города 1768, 1780-х и 1792 гг.

Очертания квартала, близкие современным, прочитываются уже на плане города 1784 г., но на нем нет территории, где в будущем и расположилась интересующая нас усадьба.

Ремезов показал, что Мука образуется слиянием рек Берёзовки и Там. Сама же дорога, по чертежу, выходит к реке Берёзовке, пересекает ее, потом пересекает реку Там и потом идет вдоль левого берега реки Муки. Но реки с названием Там нет, а Берёзовая (Берёзовый) слева впадает в Муку. Кажется, что эта карта не дает никакой информации. Но это не так.

Обратимся к современной карте и к описанию Миллера и сравним их с чертежом Ремезова.

Надо учесть, что Ремезов пользовался разными источниками, в том числе и непроверенными. Если считать реку Берёзовку на его чертеже за саму реку Муку, а реку Там считать рекой Берёзовкой, то мы получаем совершенно точно такую же гидросеть, как на современной карте.

По Миллеру, в 20 верстах от Избушечного зимовья переезд через Муку, а сам переезд в 6 верстах от устья Муки. А «Берёзовка речка от переезда Муки реки в 2 верстах вышла с северной стороны из хребта, и из переезду впадала в Муку. Муцкое плотбище, зимовье, от речки Берёзовки в 4 <...> верстах <...>. От переезду Муки реки до помянутого зимовья, ехав вниз по одной реке по левую сторону болотными местами, и у одного зимовья кормили лошадей» [69]. Значит, во времена Миллера проезжающие пересекали Берёзовку и через 4 версты оказывались у зимовья Муцкое плотбище, которое ниже этой речки, но несколько выше впадения Муки в Купу.

И у Ремезова дорога идет по левому берегу Муки, сначала пересекая Там. Но если Там – это на самом деле Берёзовка, то все совпадает с описанием Миллера. А «городище Плещей» и есть строения Муцкого плотбища. А это не одно зимовье. Миллер записал, что «здесь прежде того строились казенные суда для плавежу отсюда по рекам Купе к устью и Лене в Якуцк. А ныне строят здесь иногда только купецкие суда» [70]. А в 1699 г. Качанов назвал здесь часовню, «три анбара государевых, торговых приезжих людей два анбара. Да тут же на усть Муки реки судовое плотбище... На усть Муки ж изба судовых плотников. Другая изба ямских подрядчиков» [71].

Итак, в течение XVII – начале XVIII в. окончательно сложился маршрут движения по Ленскому волоку. Из Илимского острога к устью Муки шла летняя колесная и зимняя санная дорога через расположенное на полпути зимовье Избушечное, являвшееся откупным станом. От Муцкого плотбища до устья Куты добирались верхом на лошадях или на судах, которые вверх тянули бечевником. Зимой ездили по льду этих рек. Расположение Избушечного зимовья и деревни Каямоновской несколько отличалось от местоположения нынешних населенных пунктов Хребтовая и Каймоново, а расположение Муцкого плотбища соответствует местоположению Семигорска. Направления современной региональной трассы Р-419 Тулун – Братск – Усть-Кут на участке от моста через Илим до моста через Муку и железной дороги, идущей от Тайшета к Усть-Куту, на этом же участке примерно совпадают с маршрутом Ленского волока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Книга первая с 1585 до 1742 года. М., 1838. С. 73.
2. Цит. по: Красноштанов Г. Б. На Ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М., 2013. Ч. 2. С. 50.
3. Цит. по: Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 2008. С. 131.

4. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 209. Л. 2, 24.
5. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня: в 2 т. Иркутск, 1949. Т. 1. С. 98.
6. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и в XVII вв. М., 1928. С. 125.
7. См., напр.: ДАИ. Т. 2. № 89. С. 245; РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 821. Л. 2.
8. Чивтаев Ю. И. Выход енисейцев на Лену (к вопросу о возникновении Усть-Кута) // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2015. Вып. 7. С. 17.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 153.
10. РГАДА. Ф. 214. Ст. 31. Л. 384, 385–386.
11. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. № 18. С. 166–167.
12. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и в XVII вв. С. 125.
13. ДАИ. Т. 2. № 89. С. 245.
14. Цит. по: Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 41.
15. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Ст. 966.
16. Там же. Ст. 969.
17. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 52. Л. 246.
18. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 53. Л. 740.
19. ДАИ. Т. 2. № 85. С. 239.
20. Там же. № 89. С. 245.
21. Цит. по: Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М., 2012. Ч. 1. С. 675.
22. ДАИ. Т. 2. № 89. С. 245.
23. Там же. Т. 3. № 6. С. 39.
24. Бродников А. А. Побег Звероула: Из истории русско-тунгусских отношений на Илимском волоке // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2001. С. 39–48.
25. Топографическая карта ГПЦ, лист О-48-112 // Карты всего мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://loadmap.net/ru/m52345> (дата обращения: 20.06.2016).
26. Там же.
27. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Ед. хр. 772. Л. 27.
28. Вежа // Словари и энциклопедии на Академик [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B2%D0%B5%D0%B6%D0%B0&from=xx&to=ru&did=&stype=> (дата обращения: 21.06.2016).
29. Крестом называли часовню. В «Дозорной книге» Ф. Р. Качанова 1699 г. – «часовня Нерукотворенного образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». РГАДА. Ф. 214. Кн. 1227. Л. 134.
30. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 149. Л. 10–12.
31. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 148. Л. 2.
32. Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. С. 175, 186.
33. Цит. по: Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. С. 131.
34. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 5. Ед. хр. 2913. Л. 9 об.
35. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1227. Л. 134.
36. Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900. С. 66.
37. Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. Гл. IX. Пункты 1, 3, 8, 11, 13. С. 91–96.
38. ПСЗРИ. Т. 2. № 1013. С. 527. П. 10; № 1074. С. 697. П. 34.
39. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. С. 413.
40. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 5. Ед. хр. 2913. Л. 9–10.
41. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. Табл. 14. С. 244.
42. Цит. по: Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. С. 360.
43. Цит. по: Красноштанов Г. Б. На Ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. Ч. 2. С. 410.
44. Gmelin J. G. Reise durch Sibirien, Zweyter Theil. Goettingen, 1752. S. 222–233.
45. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 910. Л. 285–384 об.
46. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1042. Л. 302–378 об.
47. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 910. Л. 296 об.
- ных городской плановой комиссией и одобренных городской думой 14 января и 21 декабря 1899 года. [Б/м], [6/г].
109. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 93, 94; Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 180.
110. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 734. Л. 139, 144.
111. Известия Иркутской городской думы. 1908. № 15–16. С. 815.
112. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. С. 181–182, 183.
113. Медведев С. И. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917. С. 466.
114. Дулов А. В. Девичий институт. С. 144.
115. Гаращенко А. Н. Дома на Шелашниковской. С. 77.
116. Душкин Ю. С. Из истории застройки территории, занимаемой заводом им. В. В. Куйбышева.
117. Там же.
118. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 849. Т. 1. Л. 235–238.
119. Адрес-календарь г. Иркутска: справочная книга. Иркутск, 1901. С. 375.
120. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 1273. Из работы Ю. С. Душкина.
121. Душкин Ю. С. Из истории застройки территории, занимаемой заводом им. В. В. Куйбышева.
122. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4. Д. 573. Из работы Ю. С. Душкина.
123. Душкин Ю. С. Из истории застройки территории, занимаемой заводом им. В. В. Куйбышева.
124. Первенец тяжелого машиностроения Восточной Сибири. М., 1983. С. 14.
125. Там же. С. 15.
126. ГАИО. Ф. р-1569. Оп. 1. Д. 1. Л. 171.
127. Первенец тяжелого машиностроения Восточной Сибири. С. 16.
128. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 526.
129. ГАИО. Ф. р-1569. Оп. 1. Д. 1. Л. 171.
130. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 528, 537, 542.
131. ГАИО. Ф. р-541. Оп. 1. Д. 139. Л. 5.
132. ГАИО. Ф. р-541. Оп. 1. Д. 141. Л. 201.
133. Там же. Л. 60.
134. ГАИО. Ф. р-1569. Оп. 1. Д. 18а. Л. 1.
135. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 542.
136. ГАИО. Ф. р-541. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.
137. ГАИО. Ф. р-541. Оп. 1. Д. 132. Л. 95.
138. Там же.
139. ГАИО. Ф. р-541. Оп. 1. Д. 141. Л. 56.
140. Первенец тяжелого машиностроения Восточной Сибири. С. 215.
141. ГАИО. Ф. р-1569. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.
142. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 582.
143. Колесникова В. Первенцу Восточно-Сибирской индустрии тридцать пять лет // Металлист. 1964. 8 апр.
144. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 626.
145. ГАИО. Ф. р-541. Оп. 1. Д. 128. Л. 14.
146. Материалы музея ИЗТМ.
147. Торшина Н. Г. Историческая справка на здание заводууправления ИЗТМ. Иркутск, 2006. С. 7 // Архив Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области; ГАИО. Ф. р-541. Оп. 1. Д. 141. Л. 105.
148. ГАИО. Ф. р-1569. Оп. 1. Д. 67. Л. 72.
149. Первенец тяжелого машиностроения Восточной Сибири. С. 213.
150. Иркутская летопись 1941–1991 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2010. С. 19, 29.
151. Первенец тяжелого машиностроения Восточной Сибири. С. 40; Рост завода за три года Великой Отечественной войны, 1944: Альбом. Музей ИЗТМ.
152. Иркутская летопись 1941–1991 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 699.
153. Первенец тяжелого машиностроения Восточной Сибири. С. 216.
154. Иркутская летопись 1941–1991 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 307.
155. ГАИО. Ф. р-1569. Оп. 3. Вводная статья.

66. Там же. С. 82.
67. Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). С. 337.
68. Там же.
69. Восточно-Сибирский календарь на 1906 г.: Настольно-справочная книга со включением отдела «Весь Иркутск». Иркутск, 1906. С. 210–211; Чирков Н. С. Иркутск в кармане: справочник 1908–1909 гг. Иркутск, 1908. С. 33.
70. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. С. 210.
71. Чирков Н. С. Иркутск в кармане: справочник 1908–1909 гг. С. 128.
72. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. С. 426; Спутник по городу Иркутску и Иркутской губернии. Иркутск, 1926. Ч. II. С. 10.
73. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 571.
74. Там же. С. 699; Материалы музея ИЗТМ.
75. Материалы музея ИЗТМ.
76. Душкин Ю. С. К истории владения двухэтажным деревянным домом Е. А. Кузнецова. Иркутск, 1990. // Архив Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области.
77. Там же. С. 1.
78. Там же. С. 4.
79. Гаврилова Н. И. Кузнецов Ефимий Андреевич. 1783–1850 // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменат. и памят. дат Иркут. обл. на 2008 г. / сост. С. В. Горькова. Иркутск, 2007. С. 40–42.
80. Гаращенко А. Н. Дома на Шелашниковской. С. 78.
81. Там же; Душкин Ю. С. К истории владения двухэтажным деревянным домом Е. А. Кузнецова. С. 4.
82. Подробнее см.: Гаращенко А. Н. Дома на Шелашниковской.
83. Там же. С. 83.
84. Петров А. В., Плотникова М. М. Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011: биографический справочник. Иркутск, 2011. С. 264.
85. Там же. С. 265.
86. Гаращенко А. Н. Дома на Шелашниковской. С. 83.
87. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 27.
88. Коллекции фонда редких книг и рукописей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.isu.ru/ru/collections/rarity/supchestvo.html> (дата обращения: 15.06.2016).
89. Шиленков В. Г. Мемориальная страница [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zin.ru/ANIMALIA/Coleoptera/rus/rodionov.htm> (дата обращения: 15.06.2016).
90. Гаращенко А. Н. Дома на Шелашниковской. С. 77.
91. Там же. С. 78.
92. Там же. С. 79.
93. Там же.
94. Там же.
95. Там же.
96. Щербин В. Т. Историческая записка по формированию застройки квартала № 107 в г. Иркутске (планографический раздел). Иркутск, 2011. Л. 2 // Архив Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области.
97. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2004. С. 56.
98. Там же. С. 57.
99. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 15. Л. 68 об.–69.
100. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 331. Л. 176 об.
101. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 3697. Л. 139.
102. Спутник по городу Иркутску и Иркутской губернии. С. 10.
103. Справочник по Иркутску и Иркутскому округу на 1930 год. Иркутск, 1930. С. 155.
104. Иркутская летопись 1941–1991 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 699.
105. Проектная документация на памятник архитектуры XIX века – т. н. дом Сперанского по ул. Октябрьской Революции, 11-6 в г. Иркутске. Т. II, кн. I. Натурные исследования (описание данных, фотофиксация). М., 1991. Л. 13.
106. ГАИО. Ф. р-541. Оп. 1. Д. 128. Л. 14.
107. Дулов А. В. Девичий институт // Сибирь. 1999. № 6. С. 144.
108. Перечень изменений в плане существующего расположения г. Иркутска, выработанный
12. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 299. Л. 15; Д. 378. Л. 22, 30.
13. Попов С. А. Армейская и гарнизонная пехота Александра Первого. Полковые униформы. М.: Фонд «Русские витязи», 2010. С. 90.
14. Церемониал... С. 3.
15. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками... С. 27.
16. Церемониал... С. 3.
17. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 299. Л. 15; Д. 378. Л. 113.
18. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1804. XXIV, 279, 335, XI. С. 74–76.
19. Там же. С. 74.
20. Церемониал... С. 2.
21. Громов П. Начало христианства в Иркутске, и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и прославление. Иркутск, 1868. С. 306–307. (Описание шитой иконы: ГАИО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 90. Л. 26 об. Ее изображение: «Альбом видов Иркутского Вознесенского Святителя Иннокентия монастыря», изданный Е. И. Фесенко в Одессе в 1914 г.)
22. Изотова М. А., Царёва Т. Б. Все награды России и СССР: Ордена, медали и нагрудные знаки: Полная энциклопедия орденов и медалей России. Ростов н/Д: Владис; М.: РИПОЛ классик, 2008. С. 81–82.

С. В. Гузенков

**СУДОХОДСТВО НА АНГАРЕ
(60–70-е гг. XIX в.)**

Ангара играла важную роль в хозяйственном освоении Восточной Сибири на протяжении длительного исторического периода.

По естественным условиям судоходство на Ангаре делилось на три участка: от Байкала до Братского острога (606 верст), от Братского острога до устья Илима (277 верст) и от устья Илима до впадения в Енисей (877 верст). Верхний участок был вполне судоходным. Нижний представлял серьезные затруднения для взводного судоходства. Наиболее сложным был средний участок. Здесь находились труднопроходимые ангарские пороги.

Первым препятствием был порог Похмельный, расположенный в пяти верстах от села Братского и левого притока Ангары – Оки. Опасный для прохождения считался порог Пьяный, что находился в пяти верстах «от первой преграды» и в четырех верстах от деревни Пьяновой. Самым грозным из трех верхних порогов считался Падун. Располагался недалеко от села Падунского (1,5 версты) и в 31,5 версты от села Братского. Не уступал ему и Долгой, или Долгий (60 верст от Падуна), находился в семи верстах от села Ильинского, а через 149 верст – Шаманский у села Шамановского. Сложны были и ангарские шиверы: Седанова залегала после Долгого порога, Шаманская проходила перед одноименным порогом. Всего от села Братского до соединения Ангары с Енисеем на расстоянии 1 200 верст существовало 46 «каменных преград» [1], которые затрудняли сплавное судоходство и делали почти невозможным судоходство взводное.

В статье автор ставит задачу проследить развитие судоходства в бассейне Ангары в 60–70-е гг. XIX в., опираясь на фонды Государственного архива Иркутской области (ГАИО), опубликованные источники, относящиеся ко второй половине XIX в. и ставшие сегодня библиографической редкостью, и работы своих предшественников: В. Н. Большакова, А. А. Распопиной.

С середины XVII в. до начала 30-х гг. XIX столетия ангарский водный путь был единственной транспортной магистралью (поскольку Сибирский тракт не был населен) для транспортировки транзитных грузов и местных тяжестей как вверх, так и вниз по течению. Караваны судов с товарами двигались на Енисейск, затем переваливали на Кеть и шли речным путем до Тюмени.

По мере заселения Сибирского тракта от Томска до Иркутска его роль в транзитных грузоперевозках постепенно увеличивалась, а значение Ангары как транспортной артерии уменьшалось, и в 30–50-е гг. XIX в. (судоходство характеризовалось уже как «бедное и ничтожное»). Попытки оживить ангарский водный путь не предпринимались в угоду интересам владельцев гужевого транспорта на Сибирском тракте. Удорожание перевозок гужевым транспортом являлось гарантией (отчасти) сохранить груз [2].

В 60-е гг. XIX в. судоходство на Ангаре постепенно восстанавливается, хотя и остается не столь интенсивным (табл. 1).

Движение судов было неравномерным. В отдельные годы оно либо увеличивалось, как, например, в 1860 г., когда по Ангаре прошло 470 судов (максимум!), что следует связывать с исключительной потребностью в хлебе для Енисейских золотых приисков, либо резко сокращалось. В 1866 г. «проехало» только 43 судна (минимум!), что было почти втрое меньше, чем в навигацию 1865 г.

16. РГАВМФ. Ф. 3/л. Оп. 23. Д. 3529.
17. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.
18. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 342. № 577.
19. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 51.
20. Романов Н. С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. Иркутск, 1914. С. 87.
21. Там же. С. 274–275.
22. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 731.
23. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 423.
24. Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии, XVII – начало XX века. М., 2000. С. 106.
25. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 199. Л. 534; Александров М. Воздушный тарантас // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 415.
26. РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 8.
27. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 476. Л. 4.
28. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 36.
29. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5368. Л. 8–8 об.
30. Там же. Л. 3–3 об.
31. Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 год. Иркутск, 1915. Отд. II. С. 12.
32. Душкин Ю. С. Из истории застройки территории, занимаемой заводом им. В. В. Куйбышева. 1985. С. 10. (Рукопись. Находится в частном хранении.)
33. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 476. Л. 4.
34. РГВИА. Ф. 1502. Оп. 1. Д. 1. Л. 86, 120.
35. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 88. Т. 1. Л. 59.
36. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 88. Т. 3. Л. 104.
37. РГВИА. Ф. 1502. Оп. 1. Д. 1. Л. 120.
38. Душкин Ю. С. Из истории застройки территории, занимаемой заводом им. В. В. Куйбышева. Выписки автора из: ГАИО. Ф. 70. Оп. 4. Д. 1164 (по старой индексации).
39. Там же.
40. Душкин Ю. С. Из истории застройки территории, занимаемой заводом им. В. В. Куйбышева. Приложение № 5
41. Душкин Ю. С. Из истории застройки территории, занимаемой заводом им. В. В. Куйбышева. С. 2.
42. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 50. Л. 10.
43. Там же.
44. Там же. Л. 1–4.
45. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 91.
46. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5616. Л. 5.
47. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 476. Л. 44; Оп. 2. Д. 356. Л. 3.
48. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 91.
49. Во власти истории: Евгений Шободоев: сб. ст. и публикаций / сост. А. В. Шободоева. Иркутск, 2009. С. 321.
50. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 698. Л. 8.
51. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 771. Л. 15.
52. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 356. Л. 8.
53. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 771. Л. 22; Д. 5750. Л. 7.
54. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 50. Л. 10.
55. Медведев С. И. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917. М., 1996. С. 458.
56. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 635. Л. 39.
57. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. С. 424.
58. Гаращенко А. Н. Дома на Шелашниковской // Земля Иркутская. 2010. № 2. С. 80.
59. Там же.
60. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 52.
61. Гаращенко А. Н. Дома на Шелашниковской. С. 76–87.
62. Ячменёв Е. А. Дом Волконских в Иркутске // Земля Иркутская. 2006. № 3. С. 56.
63. Гаращенко А. Н. Дома на Шелашниковской. С. 81.
64. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 88. Т. 1. Л. 115, 121–123; Т. 3. Л. 133–156.
65. Гаращенко А. Н. Дома на Шелашниковской. С. 81.

Таблица 1

Динамика ангарского судоходства (60-е гг. XIX в.)

Год	Прошло		Число судорабочих, чел.	Общая стоимость груза, руб./коп.	Количество пристаней
	судов	лесных плотов			
1860	470	102	2615	1 516 821/73	6
1861	462	107	2 580	1 324 002	6
1862	48	4	350	400 000	6
1863	120	80	390	233 721/60	6
1864	133	1 155	2 940	453 282/40	7
1865	137	575	3 846	458 304/96	9
1866	43	445	2 569	300 000	6
1867	115	991	4 219	332 650/20	7
1868	161	1 090	5 422	462 207/90	7
1869	180, лодок 39	1 336	10 535	510 125/99	7
Итого	1 908	5 885	35 656	5 991 116/78	

Таблицы составлены по: ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 131. Л. 83; Д. 165. Л. 75; Д. 191. Л. 86–86 об.; Д. 217. Л. 84; Д. 245. Л. 68; Д. 43. Л. 58; Д. 77. Л. 56; Д. 102. Л. 49; Д. 119. Л. 67; Д. 140. Л. 60.

Разница между данными 1860 г. и 1866 г. составляет 10,9 раза.

По сведениям земских исправников, по Ангаре по территории Карапчанской волости в 1860–1863 гг. проследовало 426 судов, по Братской и Нижнеудинской – по 20 судов с разнообразными товарами [3].

Наиболее распространенным транспортным средством являлись плоты. С 1860 по 1869 г. включительно по реке «промчалось» 5 885 плотов (в 2,5 раза больше, чем сплавных судов другого типа – 1 908). Движение их было также неравномерным, то резко сокращаясь, как, например, в 1862 г., когда сплывили только 4 лесных плота (минимум!), то значительно увеличивалось. Максимум приходится на навигацию 1869 г., когда «снарядили» 1 336 плотов. Итак, в 60-е гг. XIX в. по Ангаре прошло 7 793 сплавных судна, которые перевезли разных грузов на сумму 5 991 116 руб. 78 коп.

В 60-е гг. XIX в. грузы принимали и ангарские притоки. В 1860–1869 гг. левый ангарский приток Иркут «пропустил» 6 029 плотов с грузом на сумму 86 414 руб. (табл. 2).

Разница между данными 1864 г. – 303 плота (минимум!) и 1867 г. – 1 218 плотов (максимум!) составляет 4 раза.

По Уде в 1864–1866 гг. сплывили 77 плотов с грузом стоимостью 1 769 руб., по Оке в 1869 г. проследовало 2 судна с товаром, и 18 крытых лодок-илимок в 1868–1869 гг. «пропустил» Илим в Енисейскую губернию [4].

По данным А. Сиденсера, из Иркутска в Енисейск в 70-е гг. XIX в. проходило иногда до 25 судов с грузом 150 тыс. пудов [5]. В 1874 г. в Енисейск из Иркутска прибыло 25 судов, доставивших 150 тыс. пудов груза, и 50 порожних судов с Ангары, предназначенных для перевозок на прииски по реке Пит. В 1875 г. этим же путем прошли только четыре судна с солью, чаем и спиртом [6]. В 1878 г. по Ангаре и Иркуту по территории Смоленского отдельного общества Иркутской губернии прошло 1 086 плотов с общей ценностью груза 42 209 руб. Груз сопровождали 4 344 судорабочих [7].

29.05.1992 – 23.03.1993 – акционерное общество закрытого типа «Иркутский завод тяжелого машиностроения» (АОЗТ «ИЗТМ»);

23.03.1993 – 18.07.1996 г. – акционерное общество открытого типа «Иркутский завод тяжелого машиностроения» (АООТ «ИЗТМ»);

18.07.1996 – 29.12.2003 – открытое акционерное общество «Иркутский завод тяжелого машиностроения» (ОАО «ИЗТМ»).

В 2003 г. открытое акционерное общество «Иркутский завод тяжелого машиностроения» было ликвидировано на основании определения Арбитражного суда Иркутской области о завершении конкурсного производства от 15.09.2003 г. [155].

В настоящее время завод значится как открытое акционерное общество «Промышленное объединение Иркутский завод тяжелого машиностроения» (ОАО «ПО ИЗТМ»).

Производственные площади завода уменьшились в несколько раз. Сейчас завод расположен только на территории исследуемого квартала и занимает ту его часть, которую он начал осваивать после 1933 г. и где расположены наиболее «новые» производственные здания. Если привязать ее к историческим усадьбам, то можно сказать, что ныне завод располагается на месте бывших усадеб от Интендантского сада до кадетской школы, не считая почти всю, за некоторым исключением, красную линию застройки по улице Октябрьской Революции, т. е. постройки завода почти все находятся внутри квартала.

Таким образом, исторический квартал № 107 в советское время претерпел коренные изменения, полностью утратив историческую планографическую структуру, историческую застройку и прибрежную зеленую зону исторических садов. На всей территории квартала сохранилась одна историческая постройка, имеющая сегодня адрес: улица Октябрьской Революции, 11 б/3 – флигель купцов Родионовых, возведенный в 1868–1873 гг.

В постсоветское время на территории квартала произошли изменения: появился Большой Литейный проспект с новыми зданиями, разделивший квартал на две части. Одна часть занята в основном постройками ИЗТМ, а на другой – земля и постройки, уже не принадлежащие заводу и находящиеся в частной собственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 354.
2. См., например: Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) / Труды ВСОИРГО. Иркутск, 1911. С. 114, 142, 158.
3. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 41.
4. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 317. Л. 6.
5. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5750. Л. 52.
6. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5616. Л. 2.
7. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 6087. Л. 32.
8. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 317. Л. 19.
9. Ушаковка (приток Ангары) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ушаковка_\(приток_Ангары\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ушаковка_(приток_Ангары)) (дата обращения: 10.06.2016).
10. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 476. Л. 4.
11. Геттинген. Б-ка Нижнесаксонского ун-та. Отдел рукописей. № 267.
12. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 111. Ч. 1.
13. Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск, 1988. С. 62.
14. РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 5.
15. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. С. 41, 44.

Таблица 2

Динамика судоходства по Иркуту (60-е гг. XIX в.)

Год	Число лесных плотов	Стоимость груза, руб.	Количество судорабочих, чел.
1860	348	6 877	1 301
1861	352	6 507	1 273
1862	384	7 500	1 382
1863	395	7 850	1 407
1864	303	5 850	1 150
1865	1040	–	3 860
1866	1218	10 340	1 685
1867	1192	15 616	3 064
1868	1152	12 745	3 739
1869	645	13 129	1 963
Итого	6 029	86 414	19 824

Ассортимент «ангарских» товаров отличался большим разнообразием. Сплавляли хлеб главным образом для Енисейских золотых приисков, соль, спирт, соленую рыбу, купеческие товары, овес, мелочной товар для торговли на сельских ярмарках, табак местного производства, «материалы для приисков», фабрично-заводскую продукцию, строевой лес, дрова, сено транспортировали на плотках [8]. По Иркуту сплавляли в Иркутск плоты с сеном, дровами, строевым лесом, домашней птицей, деревянной посудой и другими необходимыми товарами [9]. По Илиму в Енисейскую губернию доставлялись известь, табак местного производства [10].

Для грузоперевозок по Ангаре строились суда. «Прежде суда строились до 7 аршин длины и до 8 аршин ширины, а теперь (60-е гг. XIX в. – С. Г.) до 11 сажень длиною и до 8½ – 9½ аршин шириною с осадкой 7 и 8 четвертей (4–5 фут.)» [11]. Характеризуя их, подполковник Д. Романов, исследовавший по поручению генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского судоходные возможности Ангары осенью 1860 г., пишет: «Эти подобию новых ковчегов строятся без всякой системы, при отсутствии всяких здравых начал, и без всякого соображения местных особенностей и характера водяного пути, по которому они предназначаются плавать. Все основывается только на том, что так строили наши праотцы, и что лучше этого в 100 лет еще не успели выдумать. Чтобы свободно проходить пороги и чтобы удобно в них управляться и изворачиваться, суда не должны быть слишком велики, а здесь все наоборот, размер судов все увеличивается».

Понятно, что когда подобная безобразная, неуклюжая и неповоротливая машина попадет в порог на быстрое течение, между камнями, то нужно весьма много силы и ловкости, чтобы повернуть или направить ее в ту или другую сторону» [12].

Со второй половины 60-х гг. XIX в. появились паузки «с верхами (бревна) вместо весел и руля слабой конструкции с осадкою 18 вершков, потом их довели до 24 и 28 верш[ков]» [13].

Ангарский паузок А. Пашковского, занимавшегося сплавом с 1863 г., представлял собой следующую конструкцию: «...длина 10 саж[еней], ширина 3 саж., величина от киля 1 саж. Шпангоуты имеют расстояние один от другого на 5 четвертей и более. Палубные бимсы на 1 саж., скрепление самое легкое,

В период войны наряду с выпуском оборонной продукции завод начал осваивать производство металлургического оборудования.

Отсутствие планографических материалов после 1933 г. (с 1941 г. предприятие становится оборонным и все материалы были засекречены) не позволяет проследить освоение территории производственными цехами завода. Назовем еще несколько фактов, способствующих раскрытию этой картины.

В 1956–1957 гг. был построен склад сталелитейного цеха, в 1958–1962 гг. возведен обрубной цех, в 1960–1962 гг. цех № 12 надстроен и реконструирован.

В сентябре 1963 г. по улице Октябрьской Революции, 11 (территория бывшей усадьбы Родионовых) было введено в эксплуатацию новое здание автовокзала пригородного сообщения [152]. Здание было построено на заводской территории, изъятой по указанию обкома КПСС.

В 1965 г. правительство утвердило проект очередной реконструкции завода [153].

В 1974 г. возведен новый цех общей сборки машин № 1, а в 1978 г. к нему пристроен цех сварных металлоконструкций № 10, которые уменьшили территорию усадьбы бывшего кадетского училища (в советское время – военкомат).

В 1975 г. возведен административно-бытовой корпус блока цехов, в 1980 г. – цех дражных цепей (в садовой части бывшей усадьбы Родионовых).

В 1979 г. построена новая столовая на 530 мест (по красной линии бывшей усадьбы губернского управления).

В 1982 г. – инженерный корпус на месте бывшего дома губернатора, перенесенного в комплекс «Декабристы в Иркутске» к Преображенской церкви [154].

К этому следует еще добавить строительство заводского овощехранилища в начале 1980-х гг. на месте военкомата, перенесенного в новое здание на улице Ударника.

К 1984 г. вся территория 107-го квартала, за исключением автовокзала, была занята зданиями завода тяжелого машиностроения.

В 1990-е гг. после перестройки и «бархатной» революции прошло несколько реорганизаций завода, перечислим их:

28.01.1992 – 29.05.1992 – товарищество с ограниченной ответственностью «Иркутский завод тяжелого машиностроения» (ТОО «ИЗТМ»);

Ил. 33. Здание заводоуправления. Фото 1933 г. Музей ИЗТМ

Ил. 32. Строительство двухэтажного шлакобетонного дома для специалистов метзавода им. В. В. Куйбышева. Фото 1931 г. На заднем плане восточный фасад дома губернатора. Веранда второго этажа зашита и приспособлена под жилье. Справа виднеется двухэтажный деревянный дом завода постройки 1930 г.

Повторим, что сам дом губернского управления в 1932 г. был отдан под общежитие рабочих-немцев, приехавших на строительство завода. В 1931–1932 гг. на территории усадьбы Родионовых с захватом территории усадьбы губернатора был поставлен жилой двухэтажный шлакоблочный дом [145] (ил. 32).

На задах усадьбы кадетского училища, ближе к Ушаковке, вероятно в 1930-е гг., были возведены жилые двухэтажные бараки (отмечены на реестровом плане 1929 г. с изменениями на 1950-е), которые просуществовали до 1970-х гг. В 1974 г. на этом месте был возведен цех общей сборки машин № 1 [146].

На углу улиц Карла Маркса и Октябрьской Революции в 1931–1933 гг. по проекту инженера Б. Тетевина было построено здание заводууправления [147] (ил. 33).

Героический труд рабочих завода, участвующих в стахановском движении и социалистическом соревновании, – это человеческий фактор, который работал постоянно, а параллельно ему существовал технический. К 1 июля 1938 г. при смене директора о состоянии завода был сделан следующий вывод: основное оборудование завода по своему составу и состоянию не обеспечивает нормального выполнения производственной программы [148].

С началом Великой Отечественной войны началась перестройка производства на выпуск военной продукции. 24 июля 1941 г. был утвержден план по реконструкции цехов. С 21 ноября 1941 г. завод перешел из системы Наркомцветмета в ведение Наркомата тяжелой промышленности и стал называться Иркутским заводом тяжелого машиностроения (ИЗТМ) им. В. В. Куйбышева [149].

В ноябре 1941 г. завод принял оборудование эвакуированного Старо-Краматорского завода им. С. Орджоникидзе и часть оборудования Ново-Краматорского завода им. И. Сталина. В сжатые сроки все было размещено в цехах и на свободных площадках иркутского завода и в декабре выдана продукция для фронта [150]. Для этого были созданы новые цеха и участки, реконструированы старые цеха. За три года, с 1941 по 1944, производственные площади выросли в полтора раза, а выпуск продукции вырос на 158 % [151].

все судно деревянными скреплено нагепями или петниками. Здесь нет ни костылей, ни болтов, ни гвоздей. Обшивка как днища, так и равно и баргоут-плахи в $\frac{1}{2}$ верш[ка]. Палуба состоит из $\frac{3}{4}$ верш. теса в 2 ряда и придерживается в концах обведенным брусом вокруг всего паузка, который заменяет палубный планцырь» [14].

Распространенным типом судов были дощаники и лодки, ходившие, в частности, от Иркутска до села Братского. Дощаники строились двух типов: большие – 10 сажень длины, 2 аршина осадки, грузоподъемность до 3 тыс. пудов, стоимость до 500 руб., и малые – в 7 сажень длины, с осадкой $1\frac{1}{2}$ аршина, стоимость 300 руб. Дощаники работали 8–10 навигаций. Лодки могли принять до 500 пудов груза [15], а лодки-илимки (длина 20 вершков, ширина 5 вершков), работающие на Илеме, были рассчитаны на 500–1 500 пудов [16].

Строили суда в 70-е гг. XIX в. главным образом в деревнях Суховой и Жилиной, а также на Байкале (с. Лиственичное) [17]. Для строительства «посуд» набиралась артель из опытных мастеров-крестьян прибрежных селений.

Доставка грузов по Ангаре была делом непростым. Прохождению судов мешали затонувшие деревья-карчи; хотя они и не приносили большого вреда плавсредствам, но могли «подарить неприятные минуты» во время рейса.

Влияло и мелководье. Часто, подойдя к Аплинскому порогу, Кашиной или Аладыной шиверам, паузки и лодки вынуждены были останавливаться, иногда на несколько недель, и ждать прибыли воды (падение уровня воды доходило до 2 футов), чтобы продолжить путь. Задержки случались по нескольку раз за навигацию [18]. Мелководье не позволило в 1867 г. сплавить груз по Уде [19].

Самым сложным было преодоление порогов. Д. Д. Ларионов пишет: «Пороги состоят в меньшей части из ряда камней овальной формы, а в большей – из громадных плоских и овальных плит, плотно друг на друге лежащих, свойство их самородного крепкого серовика. Как они расположены и как глубоко в порогах, несясь по ним весьма быстро и не безопасно, рассмотреть решительно некогда и невозможно, но к тому же вода в порогах не светла, течет и вертится во все стороны, пенится, шумит... словом кипит как в котле, набегает с ужасною быстротою на камень, но облив его, только получает отпор, рассыпаясь во все стороны, где сталкивается опять с другими камнями и другими волнами, разбрызгиваясь и образуя белые большие валы... все гряды плит и камней идут поперек реки от одного берега к другому – прямо и косвенно, а относительно глубины можно сказать только то, что в предпорожьях вообще не глубоко, а в подпорожьях ужасная глубь. Путь к воротам в порогах указывает в предпорожье не широкая струя воды, стремящаяся быстрее общего течения. На нее то и стараются попасть в предпорожье, чтобы войти в ворота порога, течение в которых с виду более гладкое и весь проход кажется как бы несколько углубленным. Кормчий с помощью нескольких человек, правя рулем, лавирует, направляя судно по этой гладкой полосе и переменяя ежеминутно направление то вправо, то влево, потому, что проходы в порогах не прямые, а извилистые, и, кроме того, встречаются выделившиеся камни, мимо которых и приходится проходить от одного к другому, так, например, струя идет возле камня с правой стороны, судно проходит мимо его по струе, оставляя его в левой, а там навстречу прямо пути опять камень, около которого струя идет влево, влево направляют и судно. Кажущееся же углубление образуется от сбегающей с плит и камней воды в это место, где конечно глубже и более возможен проход. В большую воду камней бывает не видно на поверхности, а в малую – река

становится как бы усеянной плитняком и камнями, вышиною на глазомер от аршина до сажени. В малую воду ворота бывают виднее всего» [20].

Преодоление первого ангарского порога – Похмельного – не представляло особых затруднений. «Фарватер его широк и глубок, хотя наплыв судов и затруднителен по крутизне поворота, далее же, успевшие попасть на струю фарватера, уносятся быстринию беспрепятственно, хотя при выходе из порога фарватер суживается между камнями. Суда на этом пороге никогда не разгружаются, даже в самую малую воду; зимой он замерзает весь, что доказывает... течение на нем не так быстро. Ширина [Похмельного]... в предпорожье сажень 15... а в длину порог не более версты, а падение воды сажень 3½, а в середине порога не более 5 саж. Правая сторона (берег) – утесистая довольно высокая гора» [21].

Пьяный порог «лежит накось реки от правого берега вниз к левому, поэтому наплыв в него кривой и, кроме того, затрудняется еще двумя воротами (уловами), находящимися по обеим сторонам фарватера при входе в порог. Малейшая неловкость или оплошность лоцмана, малейшее неправильное движение рулем увлекают судно или в правое (речное) или левое (бережное) улово (водоворот) и в первом случае его бросает на камни порога, а во втором – на прибрежную каменную гряду. Кроме того, в самом пороге на середине фарватера находятся камни, которые заставляют судно, вошедшее в порог, быстро от них отгребаться... фарватер узок, подводные камни весьма остры, и потому суда, попавшие... на камни, часто ломаются. Жители рассказывают, что деревья с ветвями и корнями, плывущие по реке и попавшие в улово, затягиваются в него, через несколько времени выплывают наверх совсем очищенные от ветвей и корней, чем... подтверждается, что камни этого порога весьма остры. Лоцмана (по здешнему, вожи) называют этот порог хитрым по трудности сноровки в проплаве через него. Ширина [Пьяного] во всю реку у надплыва две версты, в самом же пороге не более версты. Береговые ворота у надплыва шириной до 20 саж., а в середине не более 10-ти, длина порога 1½ версты, падение... воды 4½ сажени» [22].

Проход через Падунский порог таил в себе немало опасности. Он «лежит накось реки... и перед ним находятся длинный остров Интей, покрытый лесом, лугами и частью пашнями. Оба рукава реки, омывающие остров, глубоки и потому суда, смотря по состоянию воды на пороге и по осадке своей в воде, идут тем или другим рукавами. Порог этот имеет весьма большое и крутое падение (примерно от 4 до 5 сажень на версту), отчего слив воды на нем весьма быстр, но перед этим крутым сливом вдоль всего порога залегает щель или шивера из крупных и гладких камней. Длина этой шиверы по течению реки до 150 сажень, фарватер через нее узкий и извилистый, идет около середины реки; суда, проходя эту шиверу, хотя часто становятся на камни, но так как дно здесь гладкое, течение не быстрое, то повреждений никаких не случается. Пройдя же шиверу и попав в узкие ворота между камнями, откуда начинается крутой слив воды, суда стремительно уносятся вниз по глубокому и довольно широкому фарватеру длиной около полуверсты. В малую воду глубина фарватера через шиверу уменьшается до 3 четвертей (2 фута), и тогда все суда разгружаются у левого берега совершенно и спускаются через порог пустыми. Кладь обвозится левым берегом на телегах и ниже порога снова нагружается на суда. При средней воде суда снимают половину груза и проходят порог с осадкою 4½ – 5½ четвертей (2½ – 3 фут.). Глубже этого фарватер чрез порожную шиверу если и бывает, то от случайной прибыли воды, и тогда ангарские суда, поднимающие до 5 000

[140]. А все проблемы решались не только чрезмерным административным давлением, но и героическим трудом и энтузиазмом простых инженеров и рабочих, которые верили, что они строят «светлое будущее – коммунизм», а вера, как известно, творит чудеса.

В годовом отчете Иркутского металлического завода за 1932 г. отмечалось, что этот год является первым годом с нормальным выпуском изделий. В этом году впервые выпущены основные изделия завода в более или менее массовом масштабе. Вся работа прошлых лет была подготовкой к выпуску основного объекта – драг [141].

С ростом производства число рабочих на заводе увеличилось: в 1929 г. их было 400, в 1930 г. – 1 200 и в 1933 г. – 3 300 человек [142]. В 1932–1934 гг. текучесть кадров доходила до 95–98 % всего состава [143].

Поскольку завод строился «бесплано и бессмысленно», уже в 1936 г. он был подвергнут реконструкции. На нее потребовалось 90 млн руб., территория завода после реконструкции должна была увеличиться в три раза [144].

К сожалению, на сегодня нам не удалось выявить планы завода, кроме 1930–1933 гг., чтобы наглядно представить, в каком направлении шло расширение территории завода. Несомненно, что оно коснулось нашего квартала, так как, кроме застроенной полосы, в основном вдоль красной линии улицы, вся остальная территория до Ушаковки была свободна от застройки.

В 1930-е гг. завод остро нуждался в квартирах для рабочих. Ближайшая к заводу местность застраивалась жилыми домами, и использовалось все, что можно было превратить в жилые помещения. Это прежде всего касалось территории исследуемого квартала: использовались все существующие постройки. Мы не можем документально подтвердить это, но несомненно, что все здания использовались заводом, кроме усадьбы кадетского училища, где разместился военкомат. В 1930 г. во дворе усадьбы губернского управления было построено два деревянных дома: двухэтажный и одноэтажный (ил. 31), они были снесены в начале 1971 г.

Ил. 31. Дома метзавода им. В. В. Куйбышева в бывшем губернаторском дворе. Музей ИЗТМ

Ил. 30. Строительство чугунолитейного цеха. 1930 г. Музей ИЗТМ

изводственных объектов, или внести в них те или иные коррективы для своевременной ликвидации недочетов» [138].

Строительство завода меж тем шло своим ходом, с просчетами, с недоделками и не очень высоким качеством. 6 ноября состоялся торжественный пуск вновь выстроенного чугунолитейного цеха (ил. 30).

Обратимся к еще одному документу, который коренным образом мог изменить сложившуюся ситуацию с заводом и ограничить его развитие, сделав его «подсобным механическим и обделочным цехом» для нового гигантского завода на Енисее. Это письмо, которое было написано в декабре 1931 г. представителем рабочего контроля Машковским в вышестоящую инстанцию – объединение и трест «Востокзолото», а также в крайком ВКП(б), крайплан и крайсоюз и отражало мнение определенного круга специалистов. Написание его было связано с приказом ВСНХ СССР № 764 от 10 ноября 1931 г. о расширении металлического завода. В письме обосновывалась точка зрения, что «завод строится не на месте и расширять его здесь нецелесообразно и нельзя по следующим причинам: 1) Вода почвенная на первом метре; грунт – трясина, почва – бывших озер; на полутора метрах – вода Ангары. Приведу яркий пример из постройки второго Мартена, где вода давила до невозможности во время строительства. Ряд зданий построен неустойчиво. Установку парового молота душила вода, как и ряд других работ. Строится бесплано и бессмысленно; 2) Место под заводом находится в середине города и вдобавок в низине, почему не гарантировано от наводнения и затопления всего завода, причем могут быть жертвы» [139].

Несмотря на обоснованность и правоту данного мнения (постоянно повторяющиеся наводнения), завод продолжал развиваться и застраиваться. Решающее значение в размещении завода на этой площадке имело наличие первоначальной материальной базы – дореволюционных производственных цехов, а экономическую рентабельность никто не считал. К слову будет отметить, что, несмотря на постоянную информацию в прессе о победах в социальном соревновании, о развитии стахановского движения, о выполнении и перевыполнении производственных планов, рентабельным завод стал лишь в 1957 г.

пуд., при осадке до четвертей, проходят порог не разгружаясь. Ширина порога в предпорожье версты три, а в самом пороге не больше версты во всю реку; ворот в нем трое: двое береговых и одни стрежные; ширина стрежных ворот не более 10 сажень, а береговых – 6,7 сажень, предпорожье стрежных ворот сильно извилисто, в самой же стреже лукообразное, а береговые ворота... в подплыве... и самой стреже еще извилистее по всей длине их, весьма мелки и опасны... плиты в среднюю воду почти на виду, а в малую совсем голы. По ним спускают только лодки и то с большой опасностью, так как нужны большие усилия, чтобы справиться с лодкою при крутых саженных волнах. Величина вала в главной стреже еще больше – до 2-х сажень. Длина порога 1½ версты, падение воды до 7½ сажень; течение необыкновенно быстро... стрежными воротами проплывают порог этот в две минуты. Правый берег реки составляют весьма высокие отвесные скалы» [23].

Долгой, или Долгий (Дубынинский), порог представляет собой «...спертое отвесными утесами русло Ангары, наполненное огромными камнями и имеющее весьма крутой склон на протяжении 7 верст. Суда сплывают это расстояние в 9 минут. Фарватер через порог начинается у правого берега, потом постепенно погибает к левому накось порога и в нижнем конце разрезывает порог посередине. Выше порога есть две незначительные шиверы, проход между которыми незатруднителен. Фарватер чрез порог всегда глубок, т. е. во всякую воду имеет более 7 фут. глубины, но в верхней части порога есть три улова (водворота), в которые нередко суда затягиваются и попадают на камни. Верхнее называется большое улово и длина каждого из них простирается до 30 саж. Кроме этого, фарватер чрез порог, на семиверстной своей длине, местах в 10 суживается между подводными камнями до 5 сажень. Но эти узкости при хороших жоках не составляют затруднения, а все опасности Долгого порога заключаются в... трех уловах... ширина во всю реку в предпорожье и самом пороге с небольшим верста стрежевые ворота в ширину сажень до 15-ти, извилистые волны величиною в сажень, а в большую воду бывают до 2-х саж. находятся ближе к правому берегу, тогда, как другие береговые, а у самого левого берега шириною около 6-ти сажень... волны... бывают до сажени величиною... береговыми [воротами] порог проплывают в 15 [минут]; течение воды с виду будто обыкновенное, а на самом деле чрезвычайно быстрое, стремительное. По ту и по другую сторону порога идут огромные горы со страшными утесами, особенно в подпорожье, плывя около которых чувствуется небольшой страх и опасение, потому, что в некоторых местах части утеса откололись и стоят на тонких основаниях, совсем отделившись от утесов, некоторые же из них наклонились в реку, как бы падая, что впрочем и бывает. Предпорожье порога... на расстоянии двух с лишком верст все усеяно по дну камнями, но меньшей величины, чем в самом пороге, и хотя качки тут нет, но вода шипит и клокочет так, как бы начиная кипеть в котле» [24].

Шаманский порог «...подобен Долгому, но в середине разделен длинным островом на два русла. Длина порога до 5 верст, и суда проходят его правым руслом, где фарватер всегда глубок (более 1 сажени) и широк, исключая входа, который не шире 10 сажень и называется Боярские ворота. Уловов в... пороге нет, но есть косое течение, которое бьет прямо на скалу левого берега, мимо которой надобно проходить в весьма близком расстоянии.

Затем... порог не представляет каких-либо особых затруднений к выходу судов, кроме того, что от сильного течения и огромных камней здесь бывает всегда большое волнение, захлестывающее иногда палубу, особенно в высокую

воду. Фарватер хотя и извилист, но не имеет крутых поворотов. В середине порога остров разрезан протокою... – Прорва, в которую при неловкости лоцмана суда затягиваются течением и попадают на камни. Но главное препятствие суда встречают не в пороге, а в находящейся выше его Шаманской шивере, где вода падает иногда... менее 2 фут[ов]. По неимению здесь ни лодок, ни телег для перевозки груза, при неспособности соседних скалистых берегов для тележной дороги, суда здесь не перегружаются... а стоят по несколько недель и ждут прибытия воды. Когда же состояние воды позволяет пройти эту шиверу, то... порог суда проходят безостановочно, потому что он гораздо глубже шиверы. Суда проплывают его за 10 минут... кроме скрытых в нем громадными волнами, равняющимися с верхом судна и захлестывающими его водоворотов, на нем дуют всегда ветра, большей частью противные и переменяющие свое направление беспрестанно чрезвычайно сильными порывами» [25].

При прохождении судов на маршруте учитывалось и наличие кармакулов, это «подводные камни на тихом течении, не производящем поверх их никакой зыби и от этого издали совершенно незаметные» [26]. Так, ряд кармакулов простирался поперек реки между тремя небольшими утесистыми (каменными) островами, залегающими в 50 верстах ниже устья Илима в Киренском округе Иркутской губернии [27].

Характеризуя прохождение судов через ангарские пороги, Д. Д. Ларионов пишет: «Ход судна или лодки (последние спускаются только большие, могущие подымать не меньше 500 пудов тяжести) по порогам вообще ужасен, – и продолжает: громадные седые валы подхватывают судно и бросают то вверх, то вниз, так неправильно и так сильно, что плывущим в судне или лодке нет никакой возможности устоять на ногах, не держась крепко за что-нибудь, воды заплескивается много так, что ее все время выкачивают, силою волн судно становятся или носом или кормою, или боком вверх, удар волны в руль часто сшибает всех стоящих у него, нередко выбрасывая отважных кормчих и в пучину, из которой спасение удается редким» [28]. Ларионов замечает также, что случаи гибели людей бывают ежегодно и особенно в половодье [29].

«В хорошую воду, без сильного противного ветра» паузки из Иркутска в Енисейск с перегрузкой у Падуна шли 18 суток, а при неблагоприятных обстоятельствах – месяц, причем 16 дней занимал переход от Усть-Кежмы до деревни Монастырской (120 верст). По приходе в Енисейск паузки шли на дрова [30].

Фрахты на Ангаре держались на высоком уровне. В 60-е гг. XIX в. доставка пуда груза от Иркутска до Енисейска обходилась в 25 коп., что составляло $\frac{1}{68}$ коп. с пудо-версты. Сплав паузка, вмещавшего, например, 800 мест чая, обходился в 70-е гг. XIX в. в 2 300 руб. Эта сумма складывалась из следующих расходов: судно со всем оборудованием стоило около 1 200 руб., оплата труда судорабочих и лоцманов – 770 руб., береговая доставка в обход Падунского порога – 60–120 руб. [31].

Перевозка грузов вверх по течению стоила на Ангаре очень дорого и была нерентабельна по затратам средств, труда и времени. Взводное судоходство оправдывалось только на нижнем плесе Ангары, но и здесь доставка пуда груза, например, от Енисейска до Илимска обходилась в 1 руб. [32].

В служебные командировки чиновники ездили за счет средств лоцманских обществ, что освобождало их «одной душой» от выполнения натуральной земской повинности по исправлению дорог – Московского тракта и участка дороги от села Братского до села Тулуновского, т. е. до соединения проселочного Братского тракта с Московским [33].

Ил. 29. Группа рабочих после заседания заводского комитета профсоюзов в беседке Интендантского сада. 1932 г. Музей ИЗТМ

в целом. Директор Иркутского металлического завода им. Куйбышева Сурик обратился в вышестоящую инстанцию, к председателю правления «Цветметзолото» А. П. Серебровскому с письмом, в котором констатирует «почти полную неосведомленность завода о стоящих перед ним задачах и перспективах, как в части его строительства, так и в эксплуатации». Это положение он связывал «с недостаточно четким выявлением потребности золотопромышленности нашего края в отдельных объектах механизации вообще» и с отсутствием «установки, предопределяющей степень возможного развития нашего завода в соответствии с подходом правительства СССР к золотопромышленности в целом». В связи с этим директор завода ставил под большое сомнение целесообразность «проводимого сейчас строительства и оборудования, поскольку далеко не исключена возможность последующих решительных и коренных изменений». Эта ситуация заставляла его «опасаться в будущем крупнейших прорывов на всех участках его (завода. – Р. П.) деятельности» [137]. Поэтому он просил «срочного и достаточно конкретного разрешения следующих вопросов:

1. Выявить перспективы развития завода в связи с общими для всей золотопромышленности установками.
2. Определить потребность золотопромышленности обслуживаемого нами района в механическом оборудовании на предстоящий ряд лет.
3. Твердо определить номенклатуру продукции нашего завода с учетом возможного перехода на изготовление новых видов машин и оборудования.
4. Определить будущий масштаб деятельности нашего предприятия под углом зрения частичного обслуживания его продукцией нужд Восточно-Сибирского Края (помимо золотопромышленности).
5. Точно и окончательно выявить размеры дальнейших капиталовложений в строительство и оборудование завода.
6. Получить одобрение и утверждение имеющегося на сегодняшний день генерального плана нашего строительства, а равно и проектов отдельных про-

потребления, так и на сторону – для приисковых управлений [129]. 18 июня состоялась закладка фундамента первой в Сибири сталелитейной печи.

В 1930 г. был введен в эксплуатацию механический цех, и завод приступил к изготовлению 150-литровых паровых драг с ручным управлением. 6 марта 1930 г. мартен завода выдал первую сталь.

С 7 июля 1930 г. в связи с изменением профиля деятельности завод стал называться металлическим, а через месяц, 7 августа, ему было присвоено имя В. В. Куйбышева, председателя Высшего Совета Народного Хозяйства. Накануне был выпущен первый бур «Эмпайер», давший при испытаниях хорошие результаты [130].

Всем строительством на заводе занималась Иркутская строительная контора, первоначально подчиненная объединению «Цветметзолото». В докладе стройконторы о планах строительства завода на 1931 г. отмечалось, что «подготовительные работы в сильной мере тормозятся загроможденностью мест построек существующими на них зданиями... ни одной постройки нельзя начать, не сломав предварительно существующей» [131]. И это было естественно, так как завод начал строиться не на пустом месте, а на территории двух первых (от ул. К. Маркса) усадеб, где существовала застройка.

5 января 1931 г. заведующий проектным бюро докладывал начальнику управления строительством о состоянии дел: «Вопрос со строительством на Мехзаводе в 1931 г. до сих пор находится в неопределенном положении, так как меняется не только назначение цехов, но и самые размеры их и таким образом, хотя и было приступлено к некоторым проектам, но фактически ничего еще нет, так как все менялось» [132].

31 марта 1931 г. на инженерно-техническом совещании работников завода был обсужден проект генерального плана строительства завода, где пришли к неутешительному выводу: «несмотря на то, что предлагаемый проект строительства не обеспечивает полностью правильного расположения цехов по ходу производственных процессов, и учитывая то, что часть цехов завода уже построена, в результате чего иного расположения цехов достичь невозможно, [следует] согласиться с проектом генерального плана строительства завода, предлагаемым Правлением ВЦМЗ» [133].

На этом же совещании в связи с обсуждением генерального плана строительства завода было решено «дальнейшее расширение завода вести в сторону сада имени Р. Люксембург», что нашло отражение в генеральном плане реконструкции завода 1933 г. [134], где постройки завода перешли на прибрежную часть Интендатского сада. До этого времени они занимали только две первые усадьбы квартала (не считая территории от Ангары до К. Маркса). Хотя, по данным летописи Ю. П. Колмакова, сад был передан под застройку заводскими зданиями еще постановлением президиума городского Совета от 24 июля 1930 г. [135].

17 августа 1931 г. из объединения «Цветметзолото» на имя директора завода пришло разное письмо, в котором внимание обращалось на «недопустимо позорное положение завода, как в отношении выполнения промфинплана, так и в отношении темпа реконструкции и капитального строительства». Из этого делался простой вывод, что завод «позорным выполнением программы способствует невыполнению программы золотодобычи» [136].

Обратимся к одному из архивных документов от 2 октября 1931 г., ярко характеризующих хозяйственное состояние не только завода, но и всей страны

Начальным пунктом ангарского судоходства был Иркутск, где существовали пристани, в том числе и лесная на Иркуте (с 1868 г.). В 65 верстах от Иркутска в селе Тельма также работал причал для приема судов и лодок. Пристани находились и в селе Усолье (в 4 верстах от Тельмы), в деревне Бархатовой, где разгружали чай, привезенный из Кяхты, у устья реки Белой (в 103 верстах от центра губернии), в Балаганске, в селе Громы (осуществлялась меховая торговля), в Усть-Кежме (устроены соляные амбары). С пристани в селе Рыбинском на Енисейские золотые прииски отправляли скот, сено, строительные материалы [34]. Прииски Енисейской системы обслуживала Мотыгинская пристань [35].

Проведением судов традиционно занимались крестьяне населенных пунктов Братского, Падунского, Ильинского (Дубынинского), Шамановского и соседних с ними.

«Судоходство действительно составляет важный подспорный промысел здешних жителей, хлебопашество в здешней скалистой, лесистой и угрюмой местности весьма ничтожно. Ангара от Братского острога сжата крутыми каменистыми берегами в такое узкое русло, что ни пахотных, ни сенокосных мест по берегам ее почти нет, везде глухая и мрачная тайга, утесы, камни – или красная глина, заросшая дремучим лесом, ничего не дающая без удобрений. Бочковых долин и речек, удобных для хлебопашества, здесь весьма мало: из таких в верхних порогах попадаетея – текущая параллельно Ангаре – р. Вихоревка, на которой все ангарские деревни: Братское, Падунское, Дубинина... имеют свои заимки и свои лучшие пахотные и сенокосные места... хлебопашество от Братска вниз по берегам Ангары есть промысел трудный, неблагоприятный, насильственный к природе и местности. Крестьяне лучше всех чувствуют это сами и потому обращают больше внимания на подспорные промыслы: звероловство, рыболовство, но так как и они нынче оскудели – то главное на судоходство», – отмечает Д. Романов в своем отчете [36].

Обычно на плавсредство нанимались два лоцмана, которые и подготавливали судно к рейсу, в частности, нанимали гребцов, если в этом была необходимость.

Братские лоцманы проводили суда до Падуна, падунские преодолевали Падунский порог, ильинские – Дубынинский до Шамановского, а шамановские – по своему порогу и далее по пути следования судна [37]. Сплав и проводничество давали возможность участвующим в них промысловикам «неплохого заработка», хотя и сезонного.

В навигацию 1860 г. братские вожи за проход ангарских порогов Похмельного, Пьяного и Падунского вносили по 28 руб. с каждого судна. Значительный объем работы побудил лоцманскую бригаду на свои средства привлечь рабочих с оплатой труда 60 коп. каждому [38]. В Падуне разгрузили до 100 судов. Береговая доставка в обход Падунского порога (1,5 версты) обошлась в 50–70 руб. Из верхних братских деревень в грузоперевозках приняло участие до 500 лошадей с телегами [39].

Оплата труда вожей и рабочих, обслуживающих труднопроходимые участки, выглядела следующим образом: «...за провоз от Падунского порога до деревни Дубининой (50 верст) брали вожи от 3 до 5 руб., рабочие по 1 руб. с судна и в благоприятную погоду доходили за 12–15 часов. За провод через Долгой порог дубынинские лоцмана брали по 15 руб. с судна и успевали в день спускать до 3-х судов, далее вожи нижних деревень за провод чрез Седанову шиверу и 1-й Шамановский бык до селения Шамановского брали по 15 руб.

Вожи Шаманского селения за проход чрез Шаманские: шиверу, 2-й бык и порог до конца последнего брали по 20–25 руб. Таким образом, за проход чрез первые пять порогов, на пространстве 240 верст каждому судну приходилось заплатить одним лоцманам от 80 до 88 руб., что с 250 судов, проплывавших чрез пороги, в нынешнюю навигацию *составит сбор от 20 до 22 тыс. руб.* Кроме того за обвоз клади в Падунском пороге со 100 судов по 50 руб. было заплачено *5 000 рублей...* местные жители на пространстве 240 верст выручили в нынешнем году от прохода судов *26 000 рублей* (курсив автора. – С. Г.). ...Недаром... местные жители считают пороги главнейшим источником своего существования и недаром народная молва исстари считает Падунский порог своим золотым дном», – пишет подполковник Романов [40].

По данным Д. Д. Ларионова, за спуск посуды через пороги Похмельный, Пьяный Бык, Падун в зависимости от типа судна лоцманы зарабатывали 10–15 руб., а иногда и 20 руб. каждый, а гребцы и рабочие получали рубль серебром. За сопровождение по Падунскому порогу вожи получали 6–10 руб., а команда – до рубля. Такса за преодоление Дубынинского и Шаманского порогов устанавливалась в 8–12 руб. для лоцманов, а для судовой команды – от 1 руб. до 1 руб. 55 коп. За сплав судна до устья или до Енисейска лоцманы могли заработать за рейс 25–35 руб. [41].

Лоцманы – особая группа речников, среди которых было немало потомственных, продолжавших дело дедов и отцов. Труд их, требовавший знания, мастерства, смекалки и выносливости, физической силы, ценился и высоко оплачивался. Однако опытных специалистов не хватало. Бывало, и нередко, что на промысел нанимались люди случайные, стремящиеся «легко заработать» и не представляющие себе всех сложностей, трудностей проводничества через ангарские пороги. Подтверждение сказанному находим в докладной записке Романова. Ее автор пишет: «...в вожи нанимается кто хочет, в знании ими своего дела не существует никакого контроля и надзора. Получить несколько десятков рублей за три, четыре часа всякий желает, и вот к судну выезжает в лодочке крестьянин, ходивший в рабочих раза два через порог, называет себя вожем... утверждает, что он много судов воживал через порог, что ниже лоцманов не найти, или они дороги, а он возьмет подешевле. Дешевизна нравится более всего и вот, перекрестившись или сходявши в кабак для храбрости, хозяин, а чаще приказчик с небывалым вожем пускаются через порог, рискуя и судном, и грузом и жизнью рабочих. Хозяева сами следующие на судах и сплававшие уже не один раз через пороги, знают лучших лоцманов в каждой деревне и потому не даются на обман, но так как в большей части судов находятся приказчики, и часто даже один приказчик заведывает несколькими судами, то и никогда не бывшие лоцманами находят себе много работы» [42].

Понимая исключительную роль лоцманов, неоднократно заинтересованные лица, прежде всего судовладельцы, ставили вопрос об утверждении лоцманских артелей или обществ на постоянной основе по примеру Вышневолоцкого, Днепровского, Волжского обществ.

Впервые к обсуждению этого вопроса обратились в сентябре 1838 г. Однако согласно постановлению Иркутской градской думы было решено оставить его до тех пор, «пока судоходство по р. Ангаре не увеличится и не представится действительная надобность в учреждении лоцманских управлений» [43]. Снова к этой проблеме вернулись весной 1861 г., полагая, что существование на реке обязательных лоцманов является необходимой мерой для устранения встречаемого затруднения при сплаве на этой реке грузов.

Освоение территории квартала заводом тяжелого машиностроения им. В. В. Куйбышева

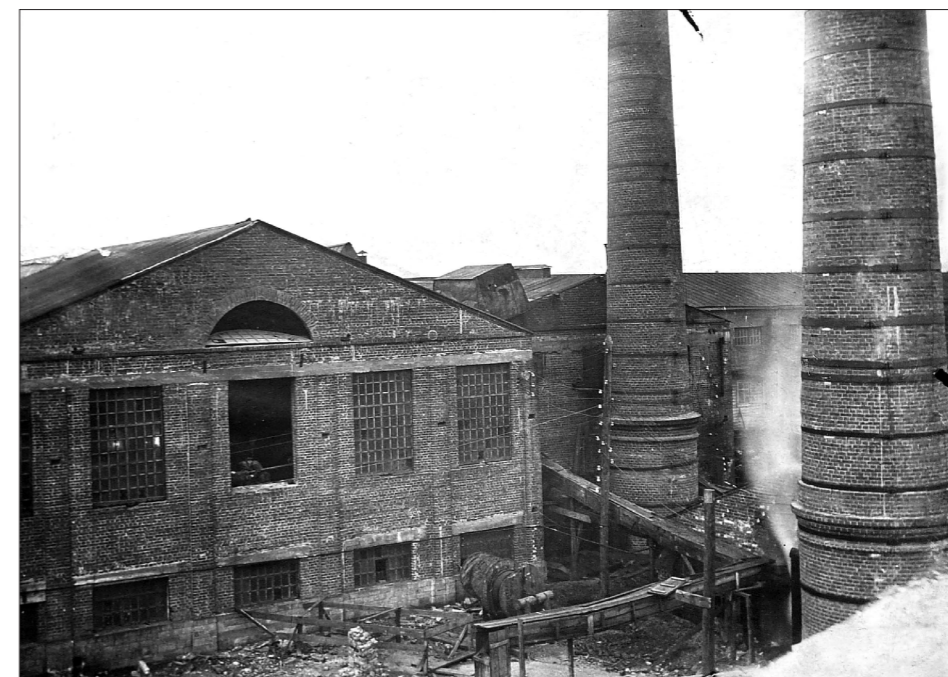
В данном разделе история завода им. В. В. Куйбышева рассматривается только в той мере, в которой освещает вопрос постепенного освоения территории квартала.

В 1920 г. обозная мастерская, в которую в 1915 г. вошел составной частью завод Е. А. Ханова, из военного ведомства была передана Иркутскому губернскому совету народного хозяйства и переименована в Иркутский завод сельскохозяйственных машин [124].

В 1927 г. Иркутский завод сельскохозяйственных машин становится механическим заводом, а после образования в апреле 1928 г. золотопромышленного акционерного общества «Союззолото» передается в его ведение. На базе механического завода решено было создать специализированный завод, основная задача которого состояла в производстве оборудования для золотодобывающей промышленности и прежде всего в выпуске золотодобывающих драг. Необходимость их производства на территории Восточно-Сибирского края обуславливалась наличием здесь богатейших месторождений золота [125].

Завод начал строиться с весны 1929 г. на основе существующих производственных помещений завода Ханова и обозной мастерской, также ему были переданы имущество и материальные ценности от общества «Добролет» на общую сумму 157 тыс. руб. [126].

К началу пуска завод имел деревообрабатывающий, слесарный, станочный, малярный, строгальный, сборочный цеха, кузницу, паровой молот, склады [127]. Все существующие постройки подверглись или капитальному ремонту, или переустройству. Наряду с этим производилась постройка новых зданий и сооружений, а также установка новых машин и оборудования. 18 апреля 1929 г. был заложен фундамент первой мартеновской печи [128] (ил. 28). С мая начались в некоторых цехах незначительные сначала и увеличивающиеся из месяца в месяц по объему работы по выпуску продукции как для внутризаводского

Ил. 28. Новый и старый мартеновские цеха. Вид с востока. 1930-е гг. Музей ИЗТМ

Ил. 27. Здания чугунолитейного и механического завода Е. А. Ханова на набережной Ушаковки. В 1930-е гг. использовалось по назначению, позднее – оборотный склад деталей цеха № 5. Фото 1930-х (?) гг. Музей ИЗТМ

Завод изготавливал отливки из чугуна, меди и прочих металлов, ваго-неточные и тачечные колеса, металлические втулки, выполнял кузнечные, котельные, токарные и другие работы, установку и ремонт машин, котлов для фабрик и заводов; принимал заказы на памятники, надгробные, половые и очажные плиты, колосники, дверки для печей, выполнял отливку и переливку колоколов для церквей и часовен.

В 1906–1908 гг. Е. А. Ханов отдал завод в аренду военному инженеру А. Л. Васильеву и мещанину И. Н. Кухаркину за плату 1 750 руб. в год. В 1910–1911 гг. завод арендовали председатель комитета Восточно-Сибирского отдела Общества содействия русской промышленности и торговли К. А. фон Эссен и его компаньон Тараев [122].

В связи с началом Первой мировой войны перед обозными мастерскими, которые располагались по соседству в усадьбе Интендантского управления, была поставлена задача увеличения выпуска продукции: военных повозок, двуколок для действующей армии. Военное ведомство добилося разрешения на покупку завода Ханова вместе с земельным участком. Усадьба была куплена, вероятно, в 1914–1915 гг., так как в 1915 г. военное ведомство называло участок Ханова «вновь приобретенным» [123].

Таким образом, производственные корпуса механического и медночугунолитейного завода Ханова, а также производственные цеха обозной мастерской легли в основу завода тяжелого машиностроения им. В. В. Куйбышева. Поэтому отсчет времени создания производственной базы завода нужно вести не с 1907 г., когда в данном квартале располагалась обозная мастерская, а с 1901 г., когда здесь начала работать механическая мастерская Е. А. Ханова.

В заключение необходимо особо отметить тщательное изучение истории застройки данной усадьбы историком Ю. С. Душкиным, без которого этот пробел в истории города продолжал бы существовать и ныне.

Одним из тех, кто считал необходимым восстановить институт обязательных лоцманов (упраздненных в 1822 г. в связи с ликвидацией округа путей сообщения), был отставной подпоручик Чаплевский, направивший на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Корсакова докладную записку (4 мая 1861 г.), в которой попытался аргументированно доказать, что в интересах улучшения ангарского судоходства и наведения порядка в нем это необходимо сделать.

Чаплевский, характеризуя ангарский водный путь, отмечает: «Река Ангара, этот важный для торговли путь, сокращающий более чем на 1 000 верст трудную летнюю и гужевую доставку тяжестей, до сих пор находится в первобытном состоянии. Множество физических препятствий, как-то: порогов, сильных течений, каменистых россыпей с узкими кривыми фарватерами, рассеянных по Ангаре на пространстве почти 1 000 верст, делают плавание по этой реке весьма затруднительным, а отсутствие обязательных лоцманов превращает этот род полезной промышленности в совершенный риск» [44].

Солидаризируясь с мнением Романова, Чаплевский отмечает, что никакого порядка и контроля за сплавом судов не существует. Не хватает и опытных лоцманов. «Ныне провожают суда в местах опасных прибрежные ангарские жители за плату весьма произвольную. Гарантией для сплава за целость груза служит одна совесть проводника, которым может назваться каждый крестьянин или поселенец, ни в каком случае ничем не рискуя» [45].

На основании изложенного Чаплевский заключает: «При таком порядке вещей становится ясно, почему Ангара, несмотря на свое выгодное положение, не сделалась до сих пор путем для товаров, отправляемых из Восточной Сибири» [46].

Чаплевский считал, что ангарское судоходство нуждается в улучшении, и одним из путей улучшения, и в этом он был твердо убежден, является восстановление обязательных лоцманских обществ на постоянной основе. «Учреждение на Ангаре обязательных лоцманов обеспечит почти плавание по этой реке вниз по течению, потому, что в настоящее время все почти несчастные случаи с грузами происходят от незнания проводниками своего дела» [47]. Далее Чаплевский продолжает: «Началом движения грузов по Ангаре должно все-таки служить учреждение обязательных лоцманских артелей, потому, что знание местности необходимо везде при каких бы то ни было условиях, а тем более по такой реке, как Ангара. Пока на этой реке не будет обязательных проводников, никакая потребность не может сделать Ангару постоянным путем для движения товаров, разве только какие-нибудь судорожные кризисы в промышленности будут иногда вызывать сплав по этой реке» [48].

Автор докладной записки высказал мнение о возможности использования на Ангаре новейших приспособлений пароходов, и тогда можно ожидать, что «по всей Сибири образуется водное сообщение, прерываемое только в одном месте волоком около 100 верст между системами Енисея и Оби... по существующему мнению, соединение систем Енисея и Оби возможно... может существовать непрерывная линия водяного пути от Усть-Кяхты до Тюмени, заменяющего почти 4 000 верст гужевой доставки тяжестей» [49].

Чаплевский выразил надежду, что его предложение не затеряется, а будет рассмотрено и реализовано. Уверенности придавало то, что Корсаков «сочувствует всему полезному для края», однако надежды автора докладной записки не оправдались.

Поступившая в канцелярию генерал-губернатора Восточной Сибири докладная записка 12 мая 1861 г. была направлена, в частности, енисейскому и

иркутскому гражданским губернаторам с настоятельной рекомендацией высказать свое мнение по данному вопросу, что и было выполнено.

Опираясь на доклады земских исправников, иркутский гражданский губернатор Шелихов отметил в рапорте от 6 июля 1862 г., что проблема организации лоцманских артелей на Ангаре существовала, но в настоящее время она решается. Руководствуясь соответствующими статьями Устава путей сообщения, сделаны распоряжения об избрании лоцманов из местных жителей, о выдаче им от общества письменных заверений в том, что они могут проводить суда на известном расстоянии по Ангаре, и частные лица, нанимая проводников на работу, должны в обязательном порядке требовать от них письменное свидетельство в том, что им может быть поручено проведение судов на известном пространстве [50].

Информация, собранная земскими исправниками, позволила чиновнику высказать мнение об организации вожей. Он писал: «...признано... необходимым учредить лоцманов только в тех селениях Братского и Карапчанского волостей, где находятся на Ангаре пристани для судов или где хозяева судов по значительной опасности проведения судов через пороги имели необходимость до ныне без найма для проведения судов особых лоцманов из местных жителей» [51]. И далее: «...в округах же Иркутском и Балаганском надобности в лоцманах частные лица не встречаются... и притом никто из жителей этих округов не изъявил желания поступить в сословие лоцманов» [52].

К рапорту прилагался разработанный по заданию генерал-губернатора Восточной Сибири «Проект положения о лоцманах, назначенных для проведения судов через пороги по р. Ангаре в Братской и Карапчанской волостях» [53].

Более категорично на докладную записку Чаплевского отреагировали енисейские чиновники. По заданию енисейского гражданского губернатора земский исправник Красииков «выяснил интересующий вопрос» и 16 августа 1861 г. написал донесение, в котором изложил свою позицию по данному вопросу. Текст донесения енисейский гражданский губернатор одобрил и поддержал [54].

Было опровергнуто утверждение о произвольной оплате труда проводников: «Крестьяне, провожавшие суда, получали плату смотря по тому, сколько где требовалось трудов и времени, от 2 до 8 рублей с каждого судна и в каждом месте» [55]. Подчеркнуто, что вожи не могут нести ответственность за сохранность груза, поскольку никто не застрахован от возможных случайностей: судно может быть отброшено с путевого течения, разбито о камни [56]. Не соответствовало действительности утверждение Чаплевского о неподготовленности вожей и о слабом знании ими маршрута, поскольку существуют предписание бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского от 8 апреля 1858 г. и распоряжение енисейского гражданского губернатора от 28 апреля 1858 г., согласно которым «крестьяне, провожающие суда, снабжены от своих обществ особыми удостоверениями, подтверждающими, что они действительно знают хорошо опасные места на известном пространстве водного пути и способны быть надежными вожжами, внушено со стороны земской полиции прибрежным жителям, чтобы они... не отказывали в пособии хозяйствам для безопасного проплыва, за что конечно судохозяева обязаны с[о] своей стороны вознаграждать их по обоюдному и добровольному согласию» [57]. Опираясь на информацию исправника Красиикова, енисейский гражданский губернатор обратил внимание на то, что некоторые суда проплывают почти все опасные места без приглашения вожаков из прибрежных жителей (подчеркнуто в документе) [58].

Как и предыдущие землевладения, усадьба имела большой сад. Упоминания о нем сохранились в воспоминаниях современников. Небольшой сад существовал здесь уже при институте благородных девиц [114], затем вследствие посадки деревьев и естественного прироста территория его увеличилась. При военном училище здесь был уже большой сад для гуляний [115]. Он отмечен на планах города 1887, 1899, 1924 гг., сохранился на исторических фотографиях.

В советское время в усадьбе размещался военкомат, который в начале 1980-х гг. переехал в новое специально построенное для него здание на улице Ударника. На этом месте было построено здание овощехранилища ИЗТМ.

Набережная Ушаковки. Усадьба Е. А. Ханова

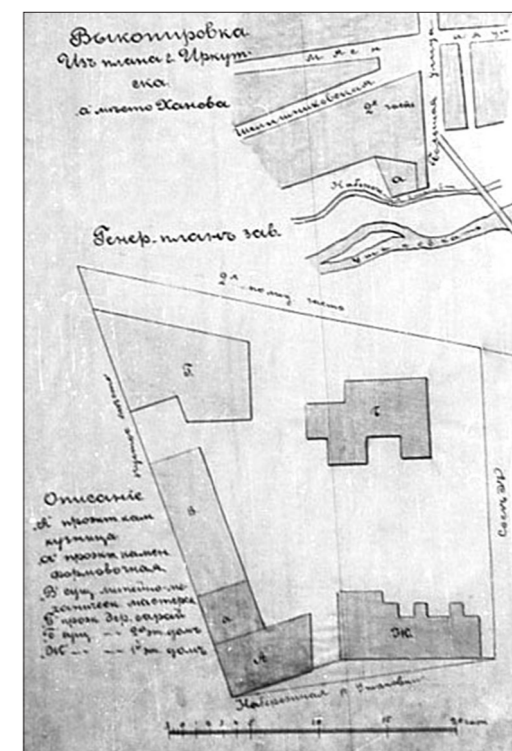
В 1899 г. в квартале появилась еще одна частная усадьба, которая расположилась на задах 2-й пожарно-полицейской части на берегу Ушаковки. Она принадлежала екатеринбургскому мещанину Евгению Алексеевичу Ханову, который приехал в Иркутск в начале 1890-х гг., жил с семьей на квартире и содержал механическую мастерскую со слесарным и водопроводным заведениями на углу Баснинской (Свердлова) и Луговой (Марата) (по заказу городской управы изготовил все медные приборы для строящегося здания городской думы на ул. Амурской /Ленина, 14/) [116].

18 мая 1899 г. Е. А. Ханов купил пустопорожний участок земли на берегу Ушаковки площадью 600 кв. саженей [117], который разделил на две зоны: жилую и производственную. Осенью 1899 г. возвел одноэтажный деревянный дом для жилья и двухэтажный амбар [118]. Кроме этого в 1903 г. на жилой части усадьбы он построил двухэтажный деревянный флигель (в 1906 г. сделал к нему одноэтажный пристрой), который сдавал внаем своим рабочим.

В 1901 г. здесь открылась механическая мастерская Е. А. Ханова [119], следовательно, первый одноэтажный каменный корпус в это время уже был построен.

К 1904 г. на производственной территории Ханова разместился небольшой механический чугунолитейный завод: к одноэтажному каменному корпусу было пристроено литейное отделение. В 1904 г. он пристроил еще два каменных корпуса для формовочного и котельно-кузнечного цехов [120] (ил. 26).

Далее в течение 1904–1908 гг. к существующим Ханов добавил еще несколько каменных корпусов, в том числе и двухэтажные. В 1905 г. на заводе работало 20 человек, которые выпускали продукции на 40 тыс. руб. в год [121].

Ил. 26. Генплан участка Е. А. Ханова с предполагаемыми постройками каменной кузницы (А) и каменной формовочной (а). 1904 г. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 1273

Кроме двухэтажного деревянного флигеля и каменного одноэтажного здания на участке по красной линии стоял деревянный дом с мезонином и в глубине двора – хозяйственные постройки. По главному фасаду землевладения проходила каменная ограда с двумя большими воротами с двух сторон от каменного здания (ил. 21). В усадьбе сохранился огромный сад, включающий в себя рукава Ушаковки.

Для характеристики благоустройства усадьбы добавим воспоминания старожилов: в единственной сохранившейся сегодня постройке Родионовых – двухэтажном деревянном флигеле, было электричество, на втором этаже в темном срединном помещении находилась большая мраморная ванна, а на чердаке был установлен бак, куда закачивалась вода из Ушаковки [105].

С. Н. Родионов имел первый в городе мотоцикл, затем автомобиль. Но более всего он прославился как создатель известного в научных кругах богатого энтомологического музея и библиотеки при нем.

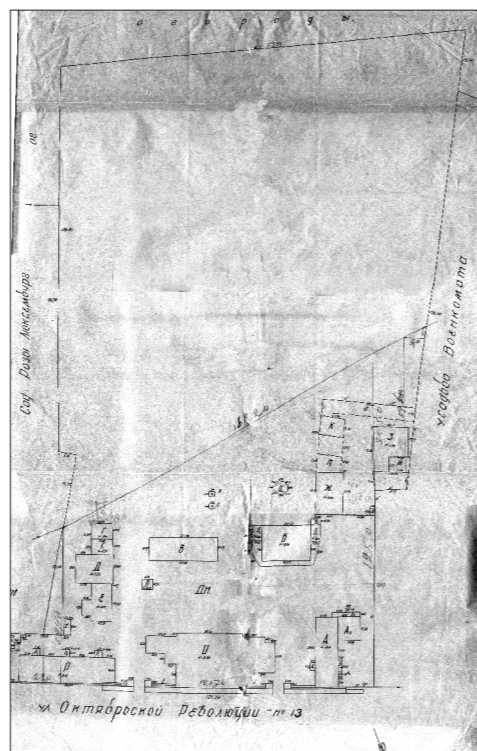
На реестровом плане исследуемого квартала 1929 г. с последующими изменениями кроме дореволюционных построек Родионовых обозначены уже два дома, возведенные в советское время, – это жилые двухэтажные дома для работников завода. Двухэтажный деревянный дом (лит. В – ил. 22), по данным БТИ, был построен в 1927 г., а двухэтажный шлакобетонный дом (лит. Р) начал строиться в 1931 г. [106].

Шелашниковская, 15. Приготовительная Иркутская школа Сибирского кадетского корпуса, ранее военная прогимназия, ранее Девичий институт Восточной Сибири

Первоначально на этом месте располагался загородный губернаторский дом (план Иркутска 1768 г.), затем дом поручика-правителя (план 1784 г.), позднее – дом вице-губернатора (план 1829 г.).

В 1840 г. генерал-губернатор Восточной Сибири решил открыть в Иркутске девичий институт, «чтобы дочерям благородных чиновников дать по возможности сообразное с их званием и состоянием образование» [107]. Место для института было выбрано на левом берегу Ушаковки, по дороге на Острожный мост. Дошедшее до 1980-х гг. здание было построено специально для девичьего института и открыто 1 июля 1845 г. (на плане Иркутска 1843 г. отмечено «как вновь строящийся институт благородных девиц»). Институт просуществовал здесь 16 лет и был переведен в новое трехэтажное здание на Набережной Ангары (бульвар Гагарина, 20), так как низкий затопляемый участок мало подходил под женское учебное заведение.

Исследуемый участок, вероятно, был продан военному ведомству, и здесь разместилась военная прогимназия. К деревянному зданию со двора

Ил. 22. Ул. Октябрьской Революции, 11.

Генплан усадьбы. Инвентарные обмеры БТИ 1934 г. Под лит. В и Р – деревянные дома, построенные в советское время

Ошибочным, по мнению Красикова, было утверждение Чаплеевского о частой аварийности плавсредств. В 1858 и 1859 гг. лишь два судна разбились о камни при проходе через Аладьину шиверу. Причина катастрофы – перегруз судов, неисправность их и «недостаток силы постоянных работников, бывших на тех судах» [59].

Енисейский гражданский губернатор не поддержал предложение о необходимости существования лоцманских артелей на постоянной основе. Чиновник обратил внимание на то, что для формирования таких артелей потребуется привлечь значительное число крестьян из многолюдных селений, а из малолюдных – всех взрослых работников и «освободить их от некоторых местных натуральных повинностей, в особенности от подводной, что показалось бы, с одной стороны, новым налогом, могущим упасть уже на... их волости, а с другой – некоторым порабощением вовсе уже не современным» [60]. Конечно, в приведенной аргументации имелось рациональное зерно.

Кроме того, Чаплеевский обошел молчанием вопрос об оплате труда вожей и будет ли вознаграждение достаточно обеспечивать их домашний быт, поскольку промыслом придется заниматься все лето, а значит, крестьяне будут оторваны от своих домашних и прежде всего от пашни, резонно заметил чиновник [61]. Возникает и другая проблема – как осуществлять выполнение обязательных повинностей, если значительная часть мужского населения будет находиться в летнее время на промысле [62].

Не предполагалось Чаплеевским решение еще одного, не менее важного вопроса – как будут осуществляться взыскания «за несчастья с грузом и возможную поломку судов, поскольку во время рейса всякое может произойти» [63].

Поскольку ангарские жители, писал енисейский гражданский губернатор, провожая суда, «не берутся ответственность за целостность груза по причине физических препятствий», то «не мешало бы г. Чаплеевскому и прочим лицам, имеющим в виду всю важность водяного по Ангаре пути для торговой промышленности, подумать о способах к устранению прежде физических препятствий, имеющихся на нем» [64]. Автор заострил вопрос о необходимости улучшения судоходных условий на Ангаре и считал, что «учреждение Акционерной компании при направлении поставки всех кяхтинских товаров от самого Иркутска по водяному пути Ангары и потом на реку Кеть, бывшую еще прежде путем для поставки иркутских товаров и других тяжестей, кажется, могло бы открыть средства и указать, какие должно принять меры к тому» [65].

Заключения, полученные на докладную записку Чаплеевского, дали основания не рассматривать вопрос о создании лоцманских артелей на постоянной основе.

В сплавно промысле принимало участие немало промысловиков. С началом навигации (май) крестьяне нанимались на работы. Они находились в составе экипажей судов, сопровождали грузы, привлекались к погрузке и разгрузке тяжестей, выполняли и другие работы. В 1860–1869 гг. на Ангаре в границах Иркутской губернии на сплаве было занято 35 656 человек; на Иркуте – 19 824 (34 % от общей численности речников Ангарского бассейна) в 1864–1865 гг. сплав лесных плотов по Уде обслуживало 179 судорабочих, а по Илимю в 1868–1869 гг. – 98 [66]. Численность судорабочих зависела от грузового потока, привлеченных плавсредств. Если необходимо было «отправить» значительные грузопотоки, то и судов требовалось немало. Нужны были и рабочие руки.

На основании имеющихся в нашем распоряжении статистических данных, отраженных на страницах отчетов о состоянии Иркутской губернии, возможно

приблизительно определить удельный вес судорабочих, обслуживавших водный транспорт Ангарского бассейна, в группе речников Иркутской губернии в 1860–1869 гг. Расчеты показывают, что в 60-е гг. XIX в. ангарский водный путь обслуживало 52 348 человек, или 60 % речников Иркутской губернии (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес судорабочих, обслуживавших водный транспорт Ангарского бассейна, в группе рабочих-речников Иркутской губернии (60-е гг. XIX в.)

Год	Судорабочих, чел.	Обслуживало Ангарский бассейн, чел.	%
1860	7 230	3 916	54,1
1861	7 327	3 853	52,5
1862	3 987	1 732	43,4
1863	5 573	1 797	32,2
1864	6 558	4 185	63,8
1865	12 082	7 790	64,4
1866	6 418	4 254*	56,2
1867	10 140	3 064	30,2
1868	12 034	9 247	76,8
1869	15 862	12 510	78,8
Итого	87 211	52 348	60

* Учтены данные по Иркуту.

Их удельный вес колебался от 30,2 % в 1867 г., когда трудилось чуть более 3 тыс. человек (минимум!), до 78,8 %, или 12 510 человек, в 1869 г. (максимум!).

В 60-е гг. XIX в. появляются предложения об организации пароходного сообщения на Ангаре.

В январе 1861 г. губернский секретарь Ю. А. Волков совместно с подполковником Романовым и гамбургским негодантом Годафруа обратились в Министерство финансов с просьбой о выдаче 25-летней привилегии на учреждение пароходства в бассейне Енисея, Ангары, Селенги и по двум притокам Оби – Кети и Чульму – под фирмой «Общество Сибирского пароходства и торговли» [67].

«Общество» брало на себя обязательство расчистить ангарские пороги и проложить в течение 10 лет дорогу между Маковским селением и Енисейском. Учредители считали возможным открыть пароходное движение по Ангаре, но с условием, что оно будет прерываться у Падунского порога, который очень трудно преодолеть и где пассажиры и грузы будут перевозиться сухопутно по Маковскому волоку, а далее вновь следовать водным путем.

Генерал-губернатор Восточной Сибири поддержал стремление предпринимателей открыть пароходство на Ангаре, однако в целом проект, предусматривающий создание непрерывного водного пути, который должен был, по мнению устроителей, сократить сроки доставки товаров к месту назначения, а значит, удешевить стоимость их транспортировки, отклонили по заключению Министерства финансов, признав дорогостоящим (затраты составляли 2 млн руб. серебром) и невыгодным [68].

Не получила поддержки просьба гофмедика Круневича об организации пароходства на Ангаре [69].

Единственный письменный документ, касающийся застройки усадьбы, относится к июню 1909 г. С. Н. Родионову было разрешено «производство подготовительных работ по заготовке строительных материалов и выемок котлованов для постройки и огородиться по улице, заняв таковую не более ¼ ширины ее» [101]. В связи с отсутствием в деле планографических материалов трудно определить, какую постройку предполагал возвести домовладелец в это время.

Загадкой остается большая каменная одноэтажная постройка Родионовых по красной линии усадьбы. По расположению и конфигурации в плане ее можно было бы назвать главным домом землевладения. На существующих фотографиях здание просматривается только издали, фрагментарно и нечетко. В плане Иркутска 1899 г. по красной линии усадьбы на этом месте нанесена прямоугольная постройка. Можно предположить, что дом находился в процессе строительства, так как двух боковых входных объемов в плане не отмечено.

В 1926 г. в усадьбе по улице Октябрьской Революции, 13 (этот адрес соответствует адресу усадьбы Родионова и на 1915 г.) находился детский дом «Свежие всходы» [102]. А с 1929 г. территория квартала была отдана под строительство механического завода. В 1930 г. завод входил в систему Всесоюзного государственного золотоплатинопромышленного акционерного общества «Союззолото» и в усадьбе располагалась Стройконтора «Союззолото» под управлением Б. Тетевина [103].

На реестровом плане исследуемого квартала 1929 г. здание обозначено нежилым, на поэтажном плане за 1934 г. не имеет ни одного окна, а в материалах техпаспорта за 1941 г. названо складом. Эти факты можно объяснить тем, что дом в советское время был приспособлен под складское помещение для завода и эти изменения уже были внесены в реестровый план 1929 г., так как известно, что план дополнялся до 1950-х гг. Не исключаем и той версии, что дом остался недостроенным в связи с отходом молодого хозяина от дел. Каменное здание Родионова было, вероятно, снесено в конце 1950-х гг. перед постройкой автовокзала (1963 г.) [104].

Ил. 21. Каменные ворота усадьбы купцов Родионовых. Фото начала XX в. Архив В. Т. Щербина

Ил. 20. Двухэтажный флигель в усадьбе Родионовых. Фото В. К. Ястремского. Конец 1890-х гг. Собр. С. И. Медведева

заносились в книги, которые составлялись по полицейским частям и назывались по-разному: «Окладная книга домовладельцев», «Алфавит недвижимым имуществом», «Раскладочная книга». Сравнивая данные таких книг по конкретному землевладению, можно сделать определенные выводы о застройке усадьбы. При этом нужно учитывать такой факт, как амортизация построек, которая со временем удешевляла их стоимость. Добавим к этому еще одно замечание: имущество оценивалось по городским расценкам и они были гораздо ниже коммерческих цен, по которым, как правило, землевладения продавались частным лицам.

Здесь сделаем еще одно отступление от нашей темы. В дореволюционной России долгое время существовал двойной счет денег – на ассигнации (бумажные деньги) и на серебро. Впервые бумажные деньги появились в России в 1769 г. [97]. Вначале ассигнационный рубль был равен серебряному, но в связи с чрезмерным выпуском ассигнаций, не обеспеченных серебром, началось падение курса: медные и бумажные деньги ходили в одной цене, а серебряные ценились выше. Только в 1839 г. был установлен твердый курс серебряного рубля по отношению к бумажному как 1 к 3,5. Все официальные сделки велись на ассигнации. К 1843 г. вместо ассигнаций ввели государственные кредитные билеты [98].

Стоимость имущества Родионовых в 1873 г. составляла 16 тыс. руб. [99]. Эту цифру нельзя формально сравнивать с ценой, которую заплатили братья при покупке, так как в сумму 10 тыс. входила еще стоимость земли, при этом заплачено было 10 тыс. руб. серебром. Это в пересчете по официальному курсу означало 35 тыс. руб. бумажными деньгами. А в 1873 г. суммой 16 тыс. руб. было оценено только имущество Родионовых, т. е. постройки усадьбы без учета стоимости земли и, конечно, не серебром. Но эту цифру можно сравнить с подобными данными за другие годы. Например, оценочная стоимость имущества Родионовых в 1876 г. по-прежнему равнялась 16 тыс. руб. [100], следовательно, за три года никаких новых построек в усадьбе не появилось.

«Дозволения учредить постоянное пароходство по реке Ангаре от начала... от озера Байкала или от города Иркутска до селения Долоновского или до Братского острога с обязательством улучшения русла реки и организации пристаней, где в этом будет надобность» просил владелец Николаевского железоделательного завода потомственный почетный гражданин С. К. Трапезников, направивший соответствующее прошение от 27 февраля 1867 г. на имя министра финансов [70].

Просьбу С. К. Трапезникова рассмотрели, и 29 апреля 1867 г. товарищ министра путей сообщения вынес решение, что «со своей стороны препятствий к открытию Трапезниковым буксирного пароходства по р. Ангаре не встречает». Принятое решение поступило в Иркутск 30 июня 1867 г. [71]. Предпринимателю рекомендовалось согласовать все вопросы, связанные с организацией пароходства, с иркутским гражданским губернатором и представить в установленном порядке проект по улучшению русла Ангары и другие предложения по развитию и улучшению судоходства, какие он признает необходимым. Однако и это осталось нереализованным [72].

А. Сиденснер сообщает, что в верхней части Ангары до порогов пароходы ходили в первой половине 70-х гг. XIX в. [73].

Таким образом в 60–70-е гг. XIX в. судоходство на Ангаре было постоянным, хотя и не столь интенсивным. Водный транспорт проигрывал в конкуренции за грузоперевозки Главному Сибирскому тракту. Ангарская флотилия, преодолевая сложность фарватера, перевозила разнообразные грузы, что развивало и поддерживало хозяйственную жизнь не только в Иркутской, но и в соседней Енисейской губернии и вовлекало местное крестьянство в обслуживание речного транспорта, предоставляя работу, а значит, и возможность заработка, хотя и сезонного.

В 60-е гг. XIX в. деловые люди, отчетливо понимая важность и необходимость организации пароходного сообщения, которое, по их мнению, способствовало бы хозяйственному освоению сибирского края, начали ставить этот вопрос перед «Главным начальником края» и столичными чиновниками. И хотя власти разделяли мнение деловых людей, прежде всего купечества, положительного решения так и не было принято. Перелом наступил в первой половине 70-х гг. XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 290. Л. 12 об. – 13; Титов В. Я. Ангарские пороги // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. С. 1–42.
2. Субботин А. Экономическая записка по вопросу о соединении рельсовым путем Ангары и Лены. СПб., 1897. С. 27–28.
3. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 291. Л. 59.
4. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 245. Л. 61; Д. 43. Л. 58; Д. 77. Л. 56; Д. 119. Л. 67; Д. 140. Л. 60; Ларионов Д. Д. Экономическая статистика Иркутской губернии. Иркутск, 1870. С. 353.
5. Сиденснер А. Экспедиция Министерства путей сообщения на водораздел Оби и Енисея 1875 // Известия ИРГО. 1878. Т. 14, вып. 3. С. 242.
6. Большаков В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. Новосибирск, 1991. С. 114–115.
7. ГАИО. Ф. 90. Оп. 4. Д. 520. Л. 454.
8. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 19. Л. 86 об.; Д. 217. Л. 84 об.; Д. 119. Л. 67 об.; Д. 140. Л. 63 об.
9. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 217. Л. 85; Д. 245. Л. 68; Д. 43. Л. 59.
10. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 119. Л. 67; Д. 140. Л. 63 об.
11. Романов Д. Ангарские пороги // Морской сборник. 1863. № 1. С. 96.
12. Там же.
13. Субботин А. Экономическая записка... С. 29.
14. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 313. Л. 43.

15. Субботин А. Экономическая записка... С. 29.
16. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 84. Л. 98.
17. Субботин А. Экономическая записка... С. 29.
18. Романов Д. Ангарские пороги. С. 95–96.
19. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 102. Л. 49.
20. Ларионов Д. Д. Экономическая статистика Иркутской губернии. С. 247–248.
21. Романов Д. Ангарские пороги. С. 93.
22. Там же.
23. Там же. С. 93–94.
24. Там же. С. 94–95.
25. Там же. С. 95.
26. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 290. Л. 12 об.
27. Ларионов Д. Д. Экономическая статистика Иркутской губернии. С. 245.
28. Там же. С. 249–250.
29. Там же. С. 250.
30. Субботин А. Экономическая записка... С. 29.
31. Большаков В. Н. Очерки истории... С. 115.
32. Там же. С. 116.
33. Ларионов Д. Д. Экономическая статистика Иркутской губернии. С. 251.
34. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 119. Л. 67; Субботин А. Экономическая записка... С. 26–27.
35. Ларионов Д. Д. Экономическая статистика Иркутской губернии. С. 250.
36. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 290. Л. 20–20 об.
37. Ларионов Д. Д. Экономическая статистика Иркутской губернии. С. 250.
38. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 290. Л. 21.
39. Там же. Л. 21–21 об.
40. Романов Д. Ангарские пороги. С. 98–99.
41. Ларионов Д. Д. Экономическая статистика Иркутской губернии. С. 250–251.
42. Романов Д. Ангарские пороги. С. 97.
43. Распопина А. А. Становление и развитие паромоводства в Байкальском водном бассейне в середине XIX – первой четверти XX века: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003. С. 111.
44. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 291. Л. 18.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же. Л. 19.
49. Там же. Л. 18.
50. Там же. Л. 51.
51. Там же. Л. 58.
52. Там же.
53. Там же. Л. 1–27.
54. Там же. Л. 11–11 об.
55. Там же. Л. 13 об.
56. Там же. Л. 14.
57. Там же.
58. Там же.
59. Там же. Л. 14 об. – 15.
60. Там же. Л. 15–15 об.
61. Там же. Л. 15 об. – 16.
62. Там же. Л. 15 об.
63. Там же. Л. 16.
64. Там же. Л. 16 об.
65. Там же.
66. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 245. Л. 68; Д. 43. Л. 58; Д. 119. Л. 67; Д. 140. Л. 60.
67. Распопина А. А. Становление и развитие... С. 115.
68. Там же. С. 116.
69. Там же.
70. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 311. Л. 2.
71. Там же. Л. 3.
72. Там же.
73. Сиденер А. Экспедиция Министерства путей сообщения... С. 242.

после смерти Е. А. Кузнецова, когда наследники его еще не были введены в наследование и в городе их не было, в усадьбе был незначительный пожар, который повредил флигель с мезонином, а в пожаре 1859 г. сгорели надворные постройки и дом, выходящий на улицу [92], т. е. двухэтажный деревянный дом, построенный в 1848 г. Не имея достаточной информации, трудно судить о том, что осталось на участке после пожара. Поскольку с наследниками вопрос в это время оставался открытым в связи с судебным делом, вероятно, никто постройки после пожара не восстанавливал.

Родионовы купили усадьбу в 1868 г. за 10 тыс. руб. серебром (для сравнения: Е. А. Кузнецов купил у К. Я. Дарагана усадьбу с перестроенным по проекту А. Е. Разгильдеева домом в 1849 г. за 40 тыс. руб. серебром). В купчей на продажу упоминался «...дом, состоящий по 2-й части города Иркутска, по Институтской улице, со всем, что при том доме есть, как то: со всеми службами и землею...» [93]. Под «домом» в купчей могла подразумеваться сама усадьба. Значительную часть суммы, конечно, составляла стоимость земли, ведь усадьба была одной из самых больших частновладельческих в городе. Но и постройки какие-то на ней, называемые в купчей службами, сохранились.

Историк А. Н. Гаращенко в своей статье сделал вполне обоснованное предположение, что ныне стоящий двухэтажный деревянный флигель усадьбы Родионовых (Октябрьской Революции, 11 лит. Б) мог быть восстановлен из флигеля Е. А. Кузнецова, пострадавшего в пожаре 1859 г. [94]. Однако это предположение не подтвердилось натурными исследованиями. В 2015 г. в процессе подготовки проекта реставрации дом был обследован архитектором-реставратором Т. В. Гусевой, следов пожара на нем не обнаружено.

Следовательно, флигель был заново отстроен Родионовыми и не связан с пребыванием в Иркутске в 1819–1821 гг. в качестве генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского, как сообщает мемориальная доска на здании. Сомнение в этом вербально высказывали многие исследователи. А. Н. Гаращенко в своей статье доказательно, с привлечением фактов подтверждает эту мысль [95].

Усадьба была застроена Родионовыми в соответствии с их капиталами и с привлечением профессионального архитектора, о чем говорят сохранившийся флигель (ил. 20) и фотографии ворот и служб. Известный иркутский историк архитектуры В. Т. Щербин, учитывая все перечисленные данные, опираясь на стилистический анализ постройки, датировал строительство флигеля Родионовых периодом 1868–1873 гг. «Образцовые фасады, как новационный принцип обновления застройки, в Иркутске приобрел "права полного гражданства" только к середине XIX века (и медленно затухал еще в 1870-е гг.)... что в ряде наиболее значительных объектов подтверждает строительная практика 107-го квартала: здание с каланчой 2-й пожарной части, дом Дарагана (индивидуальный проект с характером пластической тектоники образцовых фасадов)... и, конечно, двухэтажный деревянный флигель в усадьбе Родионовых» [96].

По застройке усадьбы Родионовыми не сохранилось ни проектной, ни разрешительной документации, кроме одного документа (об этом ниже). Исследователи в случае когда отсутствует архивный проектный материал, используют косвенные данные, чтобы констатировать в определенный период факт появления или отсутствия в усадьбе новых построек. К таким косвенным данным относится стоимость имущества. Проясним этот вопрос.

Городская управа периодически проводила в городе оценку частновладельческого имущества на предмет обложения его налогом. Данные эти

Иркутске университета [85]. Являлся почетным блюстителем Пушкинского женского училища (1912–1914), членом попечительского совета «Детского сада», попечителем детских приютов. С 1910 г. состоял членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). Личным участием и своим состоянием содействовал научным исследованиям в Восточной Сибири. Оказал помощь в создании астрономической обсерватории на здании музея ВСОИРГО. В 1910 г. первым в городе приобрел аэроплан и предоставил его аэроклубу для знакомства всем желающим [86].

Но более всего он известен как создатель интереснейшего «энтомологического кабинета» и богатой при нем библиотеки по энтомологии не только на русском, но и на иностранных языках. Поработать с коллекцией Родионова приезжали специалисты из разных городов России и из-за рубежа. «Американцы предлагали Родионову за музей большие деньги, но он заявил, что музей и библиотека будут переданы Иркутскому университету, когда он откроется» [87].

Ил. 19. Семен Николаевич Родионов. Фото 1930-х гг.
Из архива Б. А. Демьяновича

После революции С. Н. Родионов лишился всей недвижимости. На основе его коллекции был создан областной музей, а сам он был назначен его хранителем. Сейчас энтомологическая коллекция хранится в Зоологическом институте в Санкт-Петербурге и входит в его золотой фонд. Коллекция книг хранится в научной библиотеке Иркутского университета [88].

Позднее С. Н. Родионов работал старшим научным сотрудником Восточно-Сибирского филиала Института защиты растений. В 1937 г. был арестован и в возрасте 72 лет умер в заключении [89].

Застройка усадьбы Е. А. Кузнецова представлена на планах Иркутска 1829 и 1843 гг. и перечислена в «Списке обывательского города Иркутска» за 1829–1832 гг. [90]. Эти источники не дают полного представления о постройках Кузнецова.

В декабре 1844 г. купец увеличил территорию своей усадьбы, купив еще полосу земли шириной по улице 8 сажень [91]. Этот кусок земли был куплен, как можно предположить, у воспитательного дома, который находился в ведении приказа общественного призрения. В 1848 г. Е. А. Кузнецов построил на своем участке двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте. В 1853 г.,

Л. В. Мельникова

РАССЕЛЕНИЕ КАРАГАСОВ И ДОБЫЧА ЗОЛОТА В XIX ВЕКЕ

Как известно, одним из исследователей Тофаларии (прежнее название Карагасия), который опубликовал довольно обширные сведения о хозяйственной деятельности коренного кочевого населения, был этнограф профессор Иркутского государственного университета Б. Э. Петри. Он посетил Карагасию зимой 1925 г. Экспедиция, начав путь в Тулуне, прошла через вершины рек Барбитай и Ии, вышла в долину реки Дотот (современная Тува), откуда по реке Кара-Бурени дошла до широкой межгорной долины, где сейчас располагается самый большой поселок Тофаларии Алыгджер. Далее через вершину Большой Бирюсы старой приисковой тропой вышла в Нижнеудинск [1].

Главной целью экспедиции было разностороннее исследование кочевого населения для последующего его перевода на оседлость. Во время работы ученый составил общую условную «Карту карагасской земли», которую опубликовал в 1927 г. [2]. Здесь восточная граница расселения народа проходила по верховьям реки Ии, включая ее левый приток реку Кирей, а западная – по долине реки Агул. Правые притоки Агула являлись частью карагасской земли, а левые – «татар Минусинского края» [3]. Южная граница проходила по Удинскому хребту. На его северных склонах размещались карагасские летники, а на южных – сойотские. Северная граница по предгорьям не была определена. Кочевья доходили до земель, занятых русским населением.

Замечательно то, что Б. Э. Петри зафиксировал интересный факт в расселении коренного населения: «у западной группы карагас несколько менее твердо выдержаны границы родовых и фамильных охотничьих угодий, где промысел вне своей земли и даже вне территории рода встречается. У некоторых карагас это связано с большим их обеднением» [4].

По результатам опроса, проведенного в 1925 г., Б. Э. Петри определил, что западные территории принадлежали двум родам: верховья рек Большой Бирюсы, Морхой, Агул и Кан роду Хааш, а примыкающая к ним площадь с севера, где в XIX в. возникли прииски, роду Сара(Сарыг)-Хааш. При этом ученый указал на малочисленность представителей рода Сара(Сарыг)-Хааш. Это род, «состоящий всего из двух фамилий, образующих 5 хозяйств общей численностью в 25 человек... владеющий... обширной охотничьей территорией в 1.040.875 десятин, что составляет 41.635 на человека или в верстах – 400 кв. верст на человека: в роду Сара-Хааш всего 6 охотников, т. е. на каждого охотника приходится 1.665 кв. верст» [5]. Пытаясь объяснить данное положение дел, он выдвинул гипотезу о проживании здесь задолго до прихода русских в Сибирь большой группы населения, которая освоила значительную горно-таежную территорию, включая и предгорья Восточных Саян. По невыясненным причинам к XIX в. численность кочующих семейств резко сократилась. Освободившиеся земли начало быстро занимать русское население. По мнению Б. Э. Петри, русские охотники, что особенно раздражало карагасов, активно применяли пассивную охоту на пушного зверя. Русские заимщики (зимовщики) скупали за бесценок (обменивали на продукты) пушнину у карагасов, преследуя свои интересы, что вызвало появление дополнительного термина «карагасники». Русские золотопромышленники использовали родовые земли карагасов для добычи золота. В итоге произошел сильный «нажим на северо-западный

угол карагасских земель, вследствие чего и границы древнего землевладения в этом районе более смяты» [6].

Автор данной статьи неоднократно в 90-е гг. XX в. посещала прииски Бирюсинской системы. На отдельных участках были зафиксированы фрагменты разнообразных сооружений. Крепи штолен и участков берегов, шлюзы, искусственные сливы, подовые печи, сложенные из крупного галечника, ямы для обжига извести, остатки кладбищ – все это свидетельствовало о когда-то протекавшей здесь другой, неизвестной нам жизни [7]. Именно тогда возникла идея об изучении деятельности золотопромышленников на территории Восточных Саян, чтобы понять, насколько сильным было давление «на северо-западный угол карагасских земель» со стороны русского этноса в XIX в.

В научной литературе нет сведений, освещающих работу приисков Бирюсинского горного округа. Общая картина развития золотопромышленности в Восточной Сибири представлена в монографии С. Ф. Хроленка [8]. Бирюсинский горный округ в ней упоминается в связи с открытием золотоносных песков в верховьях реки Бирюсы. Большая часть разделов посвящена техническому оснащению приисков Сибири, положению рабочих, государственным налогам и банковскому делу. Поэтому в основу исследования истории западного района Карагасии, где в XIX в. располагались горные округа Бирюсинский и частично Канский, легли ранее не опубликованные полевые материалы автора данной статьи и архивные материалы дореволюционного периода (1836–1920 гг.), хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО). Они представлены следующими группами документов: ежемесячные и ежегодные ведомости добычи шлихового золота по приискам; годовые отчеты окружных инженеров; межевые акты; реестры приисков; переписка об отправке караванов с золотом на Монетный двор; циркулярные письма; переписка по отдельным вопросам окружных инженеров с главой горного управления; списки горных инженеров и чиновников горного управления.

Исследование поставленного вопроса тесно связано с собственно работой приисков. В процессе фиксации их появления и местонахождения дополнительно выбирались сведения о хозяевах, сезонных сроках функционирования, технической оснащенности, найме рабочих и разделении их на специализированные группы, объемах добычи. Полученная разносторонняя информация позволила, во-первых, прояснить процесс освоения западной территории, как карагасами, так и русскими, во-вторых, на примере работы маленьких приисков наглядно показать работу частной золотопромышленности. В статье автор использует принятые в XIX – начале XX в. этноним «карагасы» и название территории Карагасия.

Административно в XIX в. «северо-западный угол карагасских земель» располагался в двух губерниях, граница между которыми проходила по реке Большой Бирюсе. Ее правые притоки, а также территория до долины реки Ии находились в выделенном Бирюсинском горном округе Иркутской губернии, левые притоки Большой Бирюсы – в Канском горном округе Енисейской губернии [9].

Началом добычи шлихового золота в бассейне Большой Бирюсы послужили разведывательные работы двух отрядов, проведенные по долине реки Хормы (правый приток Большой Бирюсы) в 1836 г. Деньги выделены екатеринбургскими купцами Акимом (Якимом) Рязановым и Гаврилой Федоровичем Машаровым, а также купцом Архипом Сильчем Толкачевым. Оба отряда, не-

на Губернаторской улице с заводом купил Е. А. Кузнецов, который владел ею до своей смерти в 1850 г. [78].

Ефим Андреевич Кузнецов (1783–1850) – один из крупнейших сибирских торговцев первой половины XIX в., иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин (1836), статский советник (1850), крупный золотопромышленник, пароходовладелец, кавалер орденов Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 3-й степени, городской голова (1826–1829; 1832–1835), миллионер, крупнейший благотворитель (Иркутская гражданская больница, девичий институт, училище для девиц духовного звания, Казанский кафедральный собор, здание театра, библиотеки, храмы и др.) [79].

После смерти коммерции советника Е. А. Кузнецова «недвижимое имение, заключающееся в деревянном доме со строением и землею» по духовному завещанию перешло племяннице Кузнецова – жене губернского секретаря Екатерине Александровне Занадворовой. Но введена она была во владение имением Иркутским городским судом только 13 августа 1868 г. [80]. Связано это было с тем, что мужа Занадворовой – Фавста Петровича, который еще при жизни Кузнецова получил от него полную доверенность на управление делами, другие наследники обвинили в сокрытии части наследства и подали на него в суд [81].

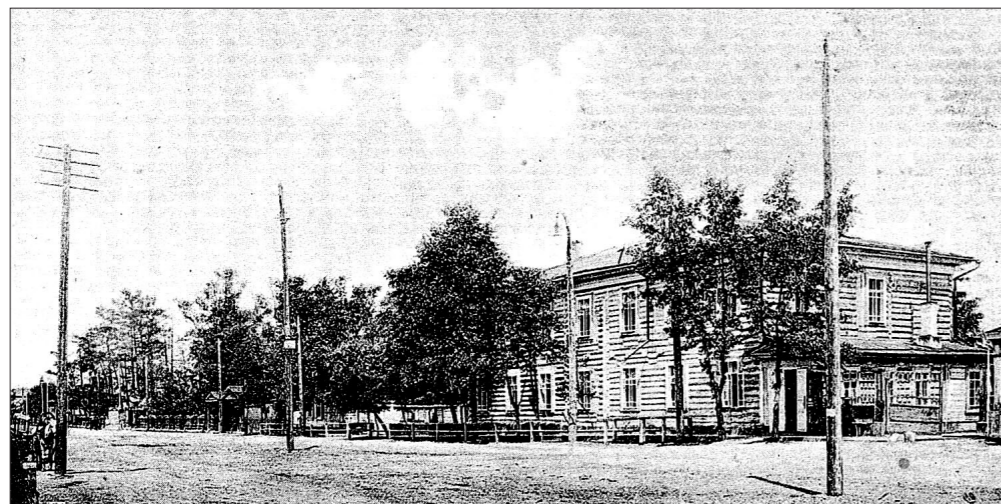
В связи с судебными делами в доме Кузнецова постоянно никто не жил. Е. А. Занадворова в 1868 г., через десять дней после введения в наследство, продала усадьбу Кузнецова, тем более что сама она в это время уже жила в Петербурге [82].

Усадьбу купили братья Родионовы: томский купец Николай Львович и иркутский купец Василий Львович. С конца 1880-х гг. единоличным хозяином стал Николай Львович, а с 1903 г. его сын – Семен Николаевич, который владел усадьбой до революции. Для напоминания приведем краткие характеристики владельцев, более подробную Семену Николаевичу Родионову, внесшему неоценимый вклад в научную и культурную историю Иркутска.

Николай Львович Родионов (1824–1903) – купец 1-й гильдии в течение 23 лет. С 1888 г. – потомственный почетный гражданин. Вел активную торговлю в Кяхте. В 1860 – 1870-е гг. – совладелец фирмы «Родионов, Хаминов и К°», которая владела чайными плантациями в Китае и занималась покупкой и продажей чая, владелец кожевенного завода в селе Бельск, крупный домовладелец. Вел активную общественную и благотворительную деятельность: гласный городской думы в течение 19 лет (с 1870 по 1889 г.), заседатель в городском суде, попечитель Сиропитательного дома Е. Медведниковой и промышленного училища, на его средства была построена и содержалась Преображенская церковно-приходская школа, жертвовал на строительство городского театра, часовни Христа Спасителя [83].

Василий Львович Родионов, иркутский купец 1-й гильдии, гласный городской думы (1872–1876), член попечительского совета банка Е. Медведниковой (1874–1879), член комитета по призрению пострадавших жителей Иркутска от пожара 1879 г. [84], занимался торговыми делами вместе с братом, подробных сведений о нем не сохранилось.

Семен Николаевич Родионов (1865–1937) получил отличное для купеческой семьи образование (Иркутская мужская гимназия, Петербургский университет). Естественное отделение физико-математического факультета окончил в 1890 г. Вернувшись в Иркутск, свернул все торговые дела отца и занялся энтомологией и общественной деятельностью: бессменный гласный городской думы в 1894–1917 гг. За это время состоял членом различных комиссий городской думы, в том числе член комиссии для разработки вопроса об открытии в

Ил. 18. Губернское управление. Открытка 1912 г. Из кн. С. И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках»

В 1930-е гг. дома использовались под жилье работников завода им. В. В. Куйбышева. В 1932 г. здание губернского правления отдано под общежитие рабочих-немцев, приехавших из Германии на строительство метзавода [73].

В 1979 г. дом губернаторов был разобран и перенесен для реставрации в мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». На его месте в 1982 г. построен инженерный корпус завода тяжелого машиностроения [74].

Дом губернского правления был, вероятно, разобран перед строительством фабрики-кухни ИЗТМ, которую возвели в 1979 г. [75].

Шелашниковская, 13. Усадьба купца Е. А. Кузнецова, позднее купцов Родионовых

Это единственная усадьба в квартале, которая с начала освоения территории и до революции 1917 г. находилась в частных руках. Согласно плану Иркутска 1784 г. усадьба была меньших размеров, чем исторические, и принадлежала Солдатову. Вероятно, он и был первым застройщиком участка. В усадьбе кроме главного дома показаны еще четыре постройки.

Первому исследователю этой усадьбы историку Ю. С. Душкину удалось выяснить всех владельцев участка начиная с 1796 г. и до революции и связать сохранившийся до нашего времени двухэтажный деревянный флигель по улице Октябрьской Революции, 11 лит. Б с последними дореволюционными владельцами – купцами Родионовыми [76].

В 1796 г. владельцем участка был иркутский купец 2-й гильдии Василий Иванович Ситников, которому ранее принадлежала в этой местности пивоварня, отмеченная на плане 1784 г. и расположенная на перекрещивании продолжения улиц будущих Жандармской и Шелашниковской. В 1797–1798 гг. на месте пивоварни В. И. Ситников выстроил водочный и солодовый завод [77].

Следующим двум владельцам – Н. Ф. Сеницыну и Е. А. Кузнецову – кроме жилой усадьбы принадлежал также и завод (завода на этом месте не стало в начале 1830-х гг.).

Иркутский купец 3-й гильдии Никифор Федорович Сеницын, владевший усадьбой после В. И. Ситникова, был объявлен несостоятельным должником, и все его недвижимое имущество в 1817 г. продано с аукционного торга. Усадьбу

зависимо друг от друга, открыли месторождения золота как в верховьях реки (А. Рязанов и Г. Ф. Машаров), так и в ее устье (А. С. Толкачев) [10].

Первый прииск под названием Велико-Никольский был организован в 1837 г. в верховьях Хормы. Его хозяевами стали екатеринбургские купцы, создавшие золотопромышленную компанию Рязановых, Баландиных и Толкачевых [11]. В 1838 г. на этой же реке заработал второй прииск – Велико-Николаевский – екатеринбургской золотопромышленной компании братьев Федота Сильча и Архипа Сильча Толкачевых, в которой принимали участие камергер Иван Дмитриевич Асташев и купец Максим Коробков [12]. Судя по имеющимся статистическим данным, этот прииск являлся самым богатым в Бирюсинском и Канском горных округах [13]. В 1839 г. первый пуд шлихового золота добыт на третьем – Георгиевском – прииске, располагавшемся также в верховьях Хормы. Его территория заявлена и отведена в 1838 г. «Высочайше утвержденной в 1835 году золотопромышленной К^о» Вениамина Ивановича Асташева [14].

Для названия приисков золотопромышленники в большинстве случаев пользовались именами православных святых, реже называли в честь главных христианских празднеств, еще реже приискам присваивали имена хозяев (иногда вместе с отчеством). В реестрах фигурируют и такие названия, которые, вероятно, должны были отразить качество золотоносных участков: Надежный, Запоздалый, Непостоянный, Неожиданный, Радостный, Породистый, Миниатюрный, Крошка. В отдельных названиях явно прослеживаются теплые семейные отношения (Детский, Семейный).

Работа разведывательных отрядов положила начало золотой лихорадке в Восточных Саянах. Уже во второй половине 1830-х гг. сюда хлынули представители дворянства, военных и купечества из различных городов Российской империи (Санкт-Петербурга, Вязьмы, Дедюхина/?/, Шадринска, Ростова, Таганрога, Кольвани, Семипалатинска, Екатеринбурга, Тобольска, Красноярска, Иркутска). Они занимались проведением разведывательных работ на всей территории проживания карагасов с тщательным обследованием северных и южных склонов всех хребтов. При обнаружении признаков золота производились запрос, отвод (межевание) и утверждение выделенных участков. Учет велся по названиям приисков посредством создания реестров, где записывались года запроса, межевания и утверждения, имя и фамилия хозяина, иногда общая площадь, название реки или ее притока (местонахождение), время зачисления в казну и информация о передаче новому хозяину. В отдельных реестрах фиксировалась информация об объемах намытого шлихового золота по отдельным годам, количестве занятых рабочих и задействованных инструментах.

Интересен первый реестр, где местонахождение приисков отмечено весьма условно: «на поляне левого берега» или «по верхним полянам», «по ключам / ключикам» или «по вершинам ключей», «по правому / левому сухому логоу», «по первой вершине безымянного ручья» конкретной реки, «по урочищу левого / правого берега» [15]. Безусловно, эти записи свидетельствуют об отсутствии каких-либо карт, находящихся в пользовании золотопромышленников, и о вынужденной быстроте закрепления выделенных территорий за хозяевами.

В Восточных Саянах золотая лихорадка продолжалась около 30 лет. После открытия золота в долине Хормы золотоискатели обследовали систему реки Уды (от истока до ее левого притока р. Хальты, где сейчас находится пос. Нерха) с выходом в систему рек Кара-Бурени и Бедий. На большинстве их притоков были запрошены участки. В это же время продолжились изы-

скательные работы в системах рек Ии, Большой и Малой Бирюсы, Кан [16]. Однако на месте запрошенных участков по системам рек Уды и Кара-Бурени прииски не возникли.

На востоке и юге Карагасии отдельные прииски появляются в 40–50-е гг. XIX в. Так, в 1851 г. в верховьях реки Барбитай (левый приток р. Ии) красноярскому купцу 1-й гильдии Сидору Григорьевичу Щеголеву утвержден прииск Ахтырский. Следы золота здесь были обнаружены его доверенным лицом «суздальским купеческим сыном Алексеем Шиповым» [17]. Однако уже через четыре года за неразработку (нарушение ст. 2374 Горного устава) прииск оказался зачислен в казну и объявлен свободным для новых заявок [18]. Известно, что участок никогда не работал.

Интерес представляют документы о приисках, утвержденных по реке Хогтыг-хем (приток р. Бедий в системе Енисея), текущей по южному склону Удинского хребта (современная Тува). В период 1846–1849 гг. были запрошены участки под названиями Николаевский, Семионовский, Спасский и Иннокентиевский [19]. Первый из них утвержден капитану Бастрыгину, второй – золото-промышленной компании петербургских купцов 1-й гильдии Блинову, Плитте и Громме, третий, открытый Василием Бабушкиным, – иркутскому купцу 2-й гильдии Павлу Федченко, четвертый – коммерции советнику Семипалатинска кавалеру Степану Ивановичу Попову.

В 1849 г. Совет Главного управления Восточной Сибири при утверждении площадей предупредил хозяев, что заявленные ими территории лежат в пределах Китая. В случае востребования Китаем своих земель золотопромышленники не должны претендовать на отведенные территории. Тем не менее государство не желало упускать возможной прибыли, поэтому от хозяев потребовали: «Что же касается до взноса подати с добываемого золота, то она должна быть назначена двадцатипроцентная, а срок владения приисками, кроме случая вышеупомянутого, двадцатилетний» [20].

За три года (1849–1851) на двух приисках (Николаевский и Иннокентиевский) добыли всего около 3 фунтов золота [21]. Два других прииска никогда не работали. В итоге за неразработку в период с 1851 по 1856 г. участки зачислены в казну, а впоследствии объявлены свободными для новых заявок [22]. На протяжении всех последующих десятилетий вторично они не были задействованы.

В 1989 г. во время полевых исследований автор оказалась на территории одного из приисков в долине реки Хогтыг-хем. Уже на подходах к некогда жилому месту мы натолкнулись на серию глубоких (до 5–6 м) шурфов, стенки которых были укреплены небольшими бревнышками (крепь). В нескольких километрах ниже по склону обнаружили частично сохранившийся сруб избы, рядом с которым виднелись нижние венцы еще пяти строений. В нескольких метрах от избы, судя по расположению сохранившихся покосившихся ошкунных столбов, вероятно, находился навес.

Размеры частично сохранившегося сруба составляли 5 × 5 м. В двух стенах, расположенных по отношению друг к другу углом, имелось по два окна (0,6 × 0,6 м). Когда-то они были закрыты толстой промасленной бумагой, следы которой обнаружены под узкими деревянными планками на внешних стенах вокруг оконных проемов. Одну четвертую избы (справа от входа) составляла полуразрушенная подовая печь, сложенная из крупного речного галечника, длинной своей стороной перекрывшая одно окно. Ее основание

линии, рядом с будущим домом губернаторов, вряд ли отнесли бы к службам, как мы предполагаем, в это время он еще не был построен. На плане Иркутска 1843 г. флигель не отмечен. Впервые в летописи он упоминается в 1854 г.: в июле отмечается факт начала строительства Александринского приюта и определяется его место – «против флигеля дома военного губернатора Венцеля» [67], следовательно, упоминаемый флигель стоял по красной линии улицы и речь в летописи идет о данном объекте. Следующая запись за этот год гласит: «В первых числах августа общее губернское управление переведено во вновь отделанный большой флигель при доме военного губернатора Венцеля» [68]. Эта запись, скорее, свидетельствует о ремонте флигеля, а не о его постройке. По имеющимся данным можно считать, что здание это было построено в период 1843–1854 гг.

В этом доме до самой революции находилось губернское управление, здесь вели прием губернатор и чиновники четырех отделений (ил. 18). В этом же доме в 1906–1909 гг. находились губернский статистический комитет и губернское по воинской повинности присутствие [69].

Коротко скажем об изображениях дома gubernского управления на открытках, помещенных в альбоме-каталоге С. И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках» и на фото в летописи Н. С. Романова [70]. На более поздних, после 1906 г., фотографиях есть расхождения во внешнем облике здания по сравнению с первоначальным (изменение оконных проемов и переплетов, обшивки, отсутствие парапета). Эти факты свидетельствуют о ремонтах дома, в результате которых вид его менялся.

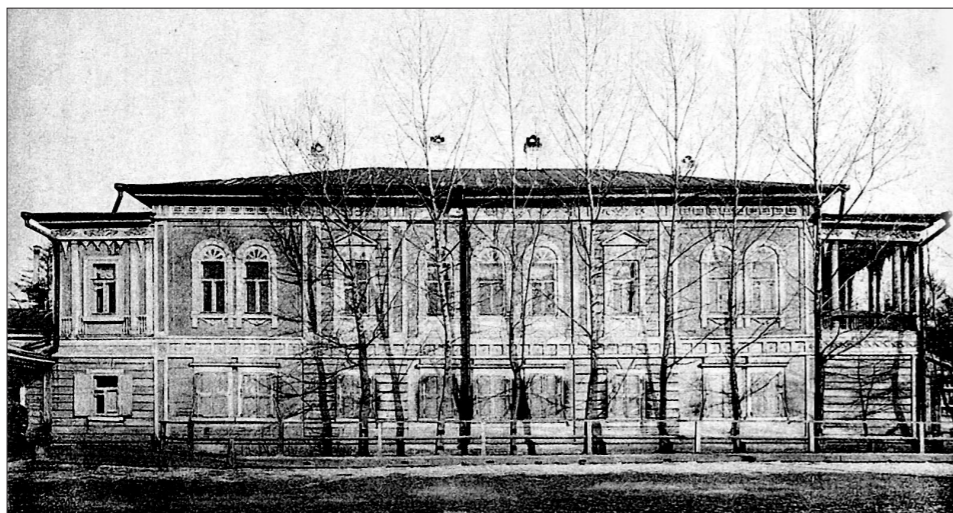
В усадьбе gubernского правления в общественном доме располагался тир общества охотников. На городских планах он впервые отмечен в 1885 г., но внесен в экспликацию как тир на плане Иркутска 1899 г. В здании тира находились библиотека, коллекция ружей, чучел птиц и зверей. Также при доме общества охотников имелся питомник породистых собак: гончих и пойнтеров [71].

Кроме этого, следует добавить, что в усадьбе был большой сад, который соединялся водными канавами с Интендантским.

После революции дома были муниципализированы, в 1920 г. в усадьбе были открыты два детских дома: Дом ребенка им. 3-го Интернационала и Дом ребенка им. Луначарского, в 1926 г. здесь размещался детский дом «Юный труд» [72].

Ил. 17. Дом губернатора и здание gubernского управления. Открытка. Фото 1904 г. Из кн. С. И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках»

Ил. 16. Дом губернатора (арх. А. Е. Разгильдеев, 1847 г.). Открытка. Фото 1914 г.
Из кн. С. И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках»

Сразу напрашивается возражение: Кузнецов купил у Дарагана усадьбу за 40 тыс. руб. серебром, вряд бы старый, еще не перестроенный дом с землей стоил таких денег. И как тогда быть с письмом М. К. Юшневской И. И. Пущину от 16 июля 1847 г.: «С[ергей] Гр[игорьевич] пополнел и очень загорел, зато построил дом и службы на чудо» [62], опираясь на которое декабристовед Е. А. Ячменёв делает вывод о постройке собственного дома Волконских (пер. Волконского, 10) в 1847 г., следовательно, Волконские выехали из дома Дарагана в этом же году.

Приведенный в статье А. Н. Гаращенко контракт на поставку строительного леса Дарагану, где расписано, что лиственничный лес должен быть поставлен к 30 мая, сосновый к 15 июня, а плахи к 30 июня [63], также свидетельствует в пользу того, что лес сразу же предполагалось пускать в дело.

Вопросы остаются, разрешить их можно только с привлечением более широкого круга источников и глубокого изучения темы пребывания декабристов в Иркутске.

Неоспоримым остается факт, что в марте 1853 г. перестроенный дом был передан казне и первым здесь поселился военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор К. К. Венцель. И до революции здание было резиденцией всех иркутских военных и гражданских губернаторов (ил. 16).

Дом губернаторов регулярно ремонтировался. Известно, что исправления в доме, где квартировал начальник губернии, производились в 1861 г. (на сумму 7 376 руб. 76 коп.), в 1862 г. были утверждены чертеж и смета на постройку бани на сумму 689 руб. 27 коп. и смета на разные постройки и исправления на сумму 732 руб. 72 коп., составленные архитектором А. Е. Разгильдеевым [64]. К 1869 г. сумма ремонта составила 23 830 руб. 51 коп. Дом, по определению местных властей, считался настолько ветхим, что председательствующий в Совете Главного управления Восточной Сибири генерал-майор Дитмар обратился с ходатайством к министру внутренних дел о постройке нового каменного дома. В просьбе было отказано [65].

О другой постройке в этой усадьбе, стоящей по красной линии, известно гораздо меньше. В 1849 г. Е. А. Кузнецов пожертвовал казне дом для квартиры губернатора «со службами и землей» [66]. В источнике не расшифровывается, какие постройки подразумевались под службами. Жилой флигель по красной

покоилось на фундаменте из рубленых плах, уложенных в три венца. Судя по пазам, расположенным приблизительно в 1 м от пола, дальнюю половину помещения (под окнами) занимали сплошные нары. На стенах слева от двери и против печи также имелись короткие пазы, вероятно, предназначавшиеся для встроженных лавок.

Вдоль одной внешней стены избы сохранились следы (настил пола и порог) небольшого по своим размерам помещения прямоугольной формы. Пол выложен тесаными жердями. В одном углу имелась невысокая куча речной гальки. Вдоль стены со стороны избы стояла корытообразная емкость, вырубленная из комля лиственницы (диаметр около 0,7 м, длина 1,2 м). Против нее, вероятно, располагалась лавка (или полка), от которой осталась доска толщиной около 0,1 м. Возможно, данное помещение использовалось в качестве бани, где могли мыться максимум два человека.

Трудно сказать, кто пользовался такими избами и сколько человек могло в них разместиться. Следы подобного строения автор видела на одном из приисков в долине Черной Бирюсы в 1994 г. [23]. В силу постоянной переработки долин в бассейне верхнего течения Большой Бирюсы дома служащих и казармы рабочих не сохранились. Тем не менее на южном склоне Удинского хребта в долине Хогтыг-хема нам посчастливилось увидеть часть жилого старательского поселка. Остается предположить вероятную стандартность ряда жилых помещений с маленькими окнами, огромной подовой печью и широкими нарами.

В одном из документов оказалось описание казарм, построенных для рабочих: «Для служащих выстроены особые помещения, а для рабочих устроены общие казармы, размер которых от 20 до 25 сажень квадратного пространства, вышиною от 3 до 4 аршин, в каждой из них помещаются рабочие не более 25 человек. Казармы в холодное время отапливаются посредством железных печей обыкновенными дровами за счет компаний. Для очистки воздуха в казармах устроены вентиляции, а в некоторых нет таковых, потому что при избыточности строевого лесу казармы строятся довольно больших размеров. Так что на каждого живущего рабочего вмещается воздуха гораздо более кубической сажени» [24]. Исходя из описания можно сказать, что дома, отапливаемые стационарными подовыми печами, предназначались точно не для рабочих. В них, скорее всего, могли располагаться служащие или казаки, призванные как для охраны приисков, так и для сопровождения рабочих (на прииски и обратно).

Архивные документы показывают, что золотопромышленники имели полное право свободно передвигаться на чужой территории на основании положения Комитета финансов «о распространении открытий и умножении разработки золотоносных песков», утвержденного в 1824 г. Земли бродячих карагасов объявлялись казенными. По положению на казенных землях «дозволено безпрепятственно всякому отыскивать золотые рудники» [25]. Для организации прииска по закону 1831 г. разрешалось запросить участок размером в 250 тыс. сажень, причем ширина прииска составляла не менее 100 сажень, а длина – не более 5 верст [26]. С 1860 г. было разрешено производить отвод «во всю ширину долины от горы до горы» при той же длине в 5 верст [27].

Собранные предварительные статистические данные XIX в., касающиеся количества работающих и неработающих приисков, а также мест их расположения, показывают, что в западном районе в период с 1836 по 1900 г. имелось более 140 приисков, большая часть из них не работала (табл. 1).

Таблица 1

Количество приисков в Бирюсинской системе (XIX в.)

Название реки	Работало приисков:			Никогда не работало	Не работало в XIX в.	Нет информации	
	всего	из них					
		1 год	2 года				3 года
Большая Бирюса	21	1	1	1	11	3	1
Притоки Большой Бирюсы	36	5	2	1	31	7	9
Агул и его притоки	8	4	0	1	8	3	4
Итого	65	10	3	3	50	13	14

Рассмотрим территориальное расположение работающих приисков с востока на запад.

В верховьях Малой Бирюсы действовало четыре прииска. Основная производственная деятельность их происходила во второй половине XIX в. Один из них проработал меньше десяти лет. Два других (Амурский и Александровский) функционировали около 20 лет. Оба в разные годы принадлежали купцам из городов Ачинска (Василию Озерову), Томска (Луке Ивановичу Некрасову), Красноярска (Ивану Ивановичу Токареву), Нижнеудинска (Авксентию Григорьевичу Воронцову), а также красноярскому мещанину Павлу Гавриловичу Красноперову. И только один прииск (Трех-Святительский), утвержденный в 1837 г. крупным золотопромышленным компаниям (К° екатеринбургских купцов Рязановых, Баландиных, Толкачевых и К° Вениамина Ивановича Асташева, «Высочайше утвержденной в 1835 году»), работал с перерывами около 40 лет [28].

По долине Большой Бирюсы прииски располагались компактной группой на участке, ограниченном устьями ее притоков – Хормой (верхний правый) и Мокрым Мирючуном (нижний левый). Из них более десятка работало на протяжении от 30 до 60 лет, причем наибольшая активность приходилась на вторую половину XIX в. (70–90-е гг.). Среди них четыре прииска действовали постоянно (с 1837 по 1900 г.): Преображенский, Покровский, Успенский и Николаевский / Сергиевский. Первые два принадлежали двум крупным золотопромышленным компаниям (К° екатеринбургских купцов Рязановых, Баландиных, Толкачевых и К° В. И. Асташева «Высочайше утвержденной в 1835 году»). Прииск Успенский до конца 1880-х гг. был собственностью В. И. Асташева. После смерти основателя компании до конца XIX в. находился в аренде у красноярского мещанина Сергея Сергеевича Токарева [29]. Четвертый прииск, имеющий двойное название, первоначально утвержден под названием Николаевский компании надворного советника Пономарева и купца Лапина. После смерти Пономарева (с начала 1860-х гг.) его приобрела золотопромышленная компания отставного майора Михаила Степановича Безносикова и вольного штурмана Алексея Кирилловича Триполитова, утвердив под названием Сергиевский [30]. Следует отметить, что двойные и даже тройные названия приисков были обычным явлением для частной золотопромышленности XIX в., так как прежде всего отражали смену хозяев.

На верхних притоках Большой Бирюсы, расположенных над описанным участком долины (выше устья Хормы), имелось около 20 приисков, основная производственная деятельность которых также падала на вторую половину XIX в. Из них девять работало от 20 до 60 лет. Четыре прииска функциониро-

О находящихся в саду постройках и прочем имуществе свидетельствуют описи, которые составлялись при передаче сада в аренду. При невыполнении условий договора городская управа расторгала контракт, так, в 1913 г. договор был заключен с Обществом народных развлечений сроком на 12 лет, однако через год контракт был разорван в связи с запущенностью сада и невыполнением условий его содержания.

Синельниковский (Интендантский) сад был любимым местом горожан и поддерживался городским самоуправлением, несмотря на все трудности содержания и постоянное беспокойство с арендаторами, как сад, «который для города нужен, с точки зрения общественного здоровья» [54].

Во время летних сезонов в саду выступали гастролирующие театры, музыканты, циркачи; зимой устраивали каток и саночные горы. В июле 1897 г. прошли оперные спектакли «Паяцы» и «Фауст» в исполнении петербургских артистов во главе с известным баритоном И. В. Тартаковым [55]; в июле 1898 г. состоялись японские акробатические представления [56].

В 1920 г. Интендантский сад был переименован в сад Розы Люксембург [57].

После 1933 г. территория сада постепенно начала заниматься корпусами завода им. В. В. Куйбышева.

Шелашниковская, 9–11. Губернское управление, дом гражданских губернаторов

На городском плане 1784 г. на месте усадьбы отмечена «конюшня для лошадей драгунских штатных рот». Место еще недостаточно обжитое, кроме конюшни и небольшой постройки у рукава Ушаковки, ничего нет. Постройку здесь казенного дома относят к 1820-м гг. [58]. На плане Иркутска 1829 г. он обозначен как «воспитательный дом» (воспитательный дом в Иркутске был открыт 22 июля 1808 г.). Возможно, что дом и усадебные постройки (их четыре) были возведены специально для воспитательного дома.

По крепостному акту от 4 марта 1847 г. приказ общественного призрения, в ведении которого находился воспитательный дом, продал усадьбу титулярному советнику, а позднее – коллежскому асессору Козьме Яковлевичу Дарагану. К. Я. Дараган заказал проект на переделку главного дома городскому архитектору А. Е. Разгильдееву. 24 мая 1847 г. проект был готов [59].

О дальнейших событиях, связанных с этим домом, мнения историков расходятся. По летописным сведениям Ю. П. Колмакова, дом Дарагана был перестроен по проекту А. Е. Разгильдеева и освящен 10 мая 1848 г. В 1849 г. продан иркутскому купцу Е. А. Кузнецову, который пожертвовал его казне для квартиры губернатора. Дом был передан во владение казны только 31 марта 1853 г. [60].

Исследуемой усадьбе и соседней с ней – усадьбе Кузнецова–Родионова (см. далее) посвящена интересная и подробная статья историка А. Н. Гарашенко [61]. Мы в своей работе используем только основную канву событий, необходимых для нашего исследования.

По любопытному и небезосновательному предположению историка дом К. Я. Дарагана был перестроен позже, поскольку в нем с 1845 по 1849 г. жила семья декабриста С. Г. Волконского. В начале 1848 г. он был куплен у К. Я. Дарагана купцом Е. А. Кузнецовым, пожертвован казне в 1849 г., когда семья Волконских переехала в собственный дом, и после этого был перестроен по проекту А. Е. Разгильдеева и передан казне в 1853 г. Именно таким ходом событий историк объясняет столь позднюю передачу дома казне.

4 мая 1872 г. городской голова С. К. Трапезников по просьбе генерал-губернатора подал докладную записку «по поводу устройства Интендантского Сада и вообще необходимости его для города», в которой писал: «Ввиду действительной необходимости городу иметь сад и принимая в соображение, что единственным и самым лучшим в этом роде является сад Интендантский, передача которого в собственность ли города, или в арендное содержание, сколько мне известно, задерживается тем, что место, где расположен Интендантский Сад, принадлежит Военному Министерству и не может быть уступлено им в постороннее ведомство, как нужное для будущих построек Военного Министерства. Между тем, Городскому Обществу, как я позволяю себе думать, весьма важно знать, останется ли Сад собственностью его или нет, без чего оно затруднится может в разрешении пожертвований на его теперешнее устройство» [42].

Из этого документа можно сделать вывод, что переговоры о передаче сада городу ведутся, но сад еще полностью не устроен. В записке была высказана мысль об уступке интендантству взамен сада другого городского участка земли. «Таким путем я позволяю себе полагать, что вопрос об уступке городу Интендантского Сада мог бы гораздо скорее вырешиться даже и в Петербурге, при том ходатайстве, которое, как мне передали, Ваше Высокопревосходительство намерены возбудить» [43].

К этому добавим: в декабре 1871 г. члены коммерческого собрания обсуждали вопрос об их участии в предполагаемой постройке вокзала в Интендантском саду, а благодарность от генерал-губернатора за выделенные 500 руб. на постройку вокзала была отправлена для публикации в «Иркутские губернские ведомости» только в январе 1872 г. [44]. Губернатору был представлен отчет об израсходовании этих денег на покупку леса и инструментов.

Отчет об устройстве сада и израсходованных на это средствах был опубликован в «Иркутских губернских ведомостях» № 91 за 1873 г.

На устройство городского сада было израсходовано свыше 10 тыс. руб., из них 8 тыс. пожертвовано купцами Я. А. Немчиновым и коллежским советником И. И. Базановым. Эти средства истратили на возведение зданий вокзала, павильона, летнего театра, буфета, а остальные деньги поступили от городского общества и членов коммерческого собрания. Эта сумма ушла на устройство собственно самого сада, т. е. на рассадку кустов, разбивку аллей, организацию прудов, каналов, постройку мостов, беседок, скамеек и пр. [45]. Выкопанные в саду пруды соединялись между собой канавами, через которые были построены мостики. Доступ воды в пруды осуществлялся из соседнего Губернаторского сада [46].

Постановление думы о приобретении Интендантского сада в собственность города в обмен на другой участок земли площадью 9 064 кв. сажени, выбранный городским головой совместно с окружным интендантом, было принято 28 апреля 1875 г. [47]. А сам обмен участками состоялся в 1876 г. При этом участок, переданный городом военному ведомству, в два раза превышал размеры Интендантского сада. По данным городской управы, площадь сада составляла 4 524 кв. сажени.

Инициатива превращения Интендантского сада в общественный принадлежала генерал-губернатору Восточной Сибири Н. П. Синельникову, который цель устройства городского сада определял следующим образом: «доставлять полезное удовольствие жителям и особенно бедным без траты трудовой копейки». При этом он рекомендовал городской управе самой распоряжаться садом, а не сдавать его в аренду, которая обязательно повлечет за собой введение платы за вход, что

вало бесперебойно около 60 лет: Велико-Никольский, Велико-Николаевский, Николаевский и Троицкий. Первые три принадлежали двум крупным золотопромышленным компаниям (К° екатеринбургских купцов Рязановых, Баландиных, Толкачевых и К° В. И. Асташева). Четвертый – также двум компаниям (К° екатеринбургских купцов братьев Толкачевых и «Высочайше утвержденной в 1835 году» К° В. И. Асташева).

На западе (в системе Агула) золотоносные участки разрабатывались четырьмя приисками. Деятельность трех из них падает на первую половину XIX в., где два работали около 20 лет. Оставшиеся два прииска просуществовали пять лет (один в начале, другой в конце XIX в.). Продолжительно работавшие прииски принадлежали одному хозяину – почетному гражданину Ефиму (по другим документам, Евсею) Кузнецову [31].

Таким образом, главная приисковая часть находилась в верховьях Большой Бирюсы. В первое десятилетие XX в. здесь наряду с вновь образованными приисками продолжили работу: Преображенский, Покровский, Успенский, Сергиевский, Николаевский, Велико-Никольский, Велико-Николаевский и Троицкий.

Занятость рабочих на приисках была различной. Она зависела от объема вскрышных работ. Примером служат данные 1892–1893 гг. о количестве рабочих по специализации и лошадей на самых крупных приисках в системе Большой Бирюсы, принадлежавших компании екатеринбургских купцов Рязановых, Баландиных, Толкачевых [32] (табл. 2).

Таблица 2

Занятость рабочих на приисках компании екатеринбургских купцов Рязановых, Баландиных, Толкачевых (1892–1893)

Прииск	Река	В поденщине		На золотничных работах	
		людей	лошадей	людей	лошадей
Преображенский	Б. Бирюса	4 556	18 607	1 273	543
Покровский	Б. Бирюса	1 240	13 585	552	193
Велико-Никольский	Хорма	2 345	6 691	3 531	1 798
Трех-Святительский	М. Бирюса	696	4 592	327	144
Николаевский	Унгурбей			730	1 913
Сергиевский	Катышиндагой			245	461

Как видно из таблицы, рабочие делились на две группы. Одна группа (по численности самая большая) называлась «хозяйской». Часть людей этой группы занимались рубкой леса, строительством, рытьем канав, заготовкой дров. Другая часть проводила вскрышные работы ручным способом «посредством лома, кайлы, клина, лопаты и гребков» [33]. Оплата производилась по дням выхода на работу, отсюда возник термин «поденщина». Вторую (по численности меньшую) группу составляли «золотничники». Они занимались старательством, т. е. промывкой песков и сдачей золотого шлиха в приисковую контору, что оплачивалось по установленной таксе.

Однако столь большое привлечение рабочих было нечастым явлением. Для сравнения приведем данные по этим же приискам конца 70-х и 80-х гг. XIX в. (табл. 3).

Таблица 3

Занятость рабочих на приисках компании екатеринбургских купцов Рязановых (1872–1873 и 1882–1883)

Годы	Прииск	Река	Общее количество рабочих, чел.	Ссылка
1872–1873	Преображенский	Б. Бирюса	55	[34]
1873	Покровский	Б. Бирюса	10	
1872–1873	Велико-Никольский	Хорма	40	
1872–1873	Трех-Святительский	М. Бирюса	133	
1872–1873	Николаевский	Унгурбей	60	
1872–1873	Сергиевский	Катышиндагой	20	
1882–1883	Преображенский	Б. Бирюса	11 698	[35]
1882–1883	Покровский	Б. Бирюса	17 213	
1882–1883	Велико-Никольский	Хорма	13 273	
1883	Трех-Святительский	М. Бирюса	1 441	
1882–1883	Николаевский	Унгурбей	4 988	
1883	Сергиевский	Катышиндагой	1 304	

Мы видим, что численность рабочих, занятых в 1882–1883 гг., значительно превышает их общее количество десятью годами ранее. Это объясняется тем, что в 1872–1873 гг. на указанных приисках проводились только золотничные работы.

Из отчета за 1882 г. следует, что «старателями (золотничниками) разрабатывалось... в Канском и Нижнеудинском округах 4 прииска, кроме того в Канском округе разрабатывались 17 приисков и хозяевами и старателями вместе... промывку старатели редко ведут на бутарах (специальная машина. – Л. М.), обыкновенно же на маленьких вашгердах, несовершенное устройство которых обуславливает снос всего мелкого золота» [36]. Пустую породу отвозили в отвалы на таратайках при помощи лошадей [37].

Привлекались ли для работы на приисках представители коренного населения? Архивные документы показывают их единичную занятость в Бирюсинском и Канском горных округах в конце XIX в. (табл. 4).

Таблица 4

Общее количество карагасов, работавших на приисках Бирюсинской системы

Год	Общее число работавших карагасов, чел.	Ссылка
1877	14	[38]
1879	11	[39]
1881	5 на Покровском компании Рязановых	[40]
1882	3	[41]
1883	11	[42]
1889	15	[43]
1893	6	[44]

Ил. 11. Первоначальное здание обозной мастерской. Музей ИЗТМ

го, механического, чугунолитейного и деревообделочного завода, который был организован в 1918 г. на территории обозных мастерских и бывшей усадьбы Е. А. Ханова [40]. В музее ИЗТМ сохранились фотографии построек, которые, по воспоминаниям очевидцев, остались в наследство от обозной мастерской и завода Е. А. Ханова и первоначально использовались под цеха металлического завода, будущего Иркутского завода тяжелого машиностроения (ил. 12).

Шелашниковская, 7. Синельниковский (Интендантский) сад

Первоначально территория сада входила в усадьбу Интендантского управления. По данным историка Ю. С. Душкина, работы по распланировке сада были проведены силами арестантов в мае–июле 1871 г. и 1 августа сад был открыт [41]. Приведем здесь вновь обнаруженные архивные материалы, которые уточняют картину происшедших событий.

Ил. 12. Котельное и машинное отделение при обозной мастерской, после реконструкции – цех № 20. Музей ИЗТМ

В то же время из отчета горного инженера Бирюсинского горного округа за 1883 г. следует, что привлечение карагасов к работе на приисках, вероятно, было обычным делом, более того, они работали старателями: «В числе бирюсинских старателей немало крещеных инородцев, так называемых карагазов, отличающихся баснословной неряшливостью, леностью и самым неприхотливым образом жизни. За намытое золото они получают из приисковых магазинов хлеб и табак и ни в чем другом не нуждаются; денег им тоже не надо. Намыв на своем вашгерде один или два золотника в день и получив за него из приискового магазина самые необходимые припасы, карагаз не выходит в следующие за тем дни на работу, а предпочитает бродить бесцельно или спать. Такое бездействие карагаза продолжается до тех пор, пока не истощится у него весь хлеб или табак, и тогда он отправляется опять порыться один день в песках и запастись провизией на несколько дней, в течение которых снова погружается в спячку. Можно представить себе, как часто ведется промывка подобными господами, работающими в большинстве случаев поодиночке и без всякого контроля со стороны приискового управления. При всей вялости и медленности работы карагаза, при неумении протирать пески на вашгерде, мелкое золото сносится с последнего, а прииски засоряются эфелем и галькой, которые, конечно, никогда не отвозятся карагазом от его вашгерда» [45].

В данном случае налицо прекрасный пример встречи двух культур – оленеводческой (кочевой) и земледельческой (оседлой). С позиции представителя оседлой культуры, естественно, кочевник характеризовался лентяем и разгильдяем. Он не хотел выполнять тяжелую работу планомерно день за днем, отдыхая только один день в месяц. Тем не менее какая-то часть карагасов вынуждена была работать на приисках, вероятно, в связи с потерей оленей. О том, что такие семьи были, писал Б. Э. Петри. Селились они поближе к русским и бурятам [46].

Насколько мешали приисковые работы кочевым семьям, имеющим оленей?

Обратимся к данным исследователей, отметивших места расположения карагасских родов Хааш, Сара(Сарыг)-Хааш и Чептей в XVIII – начале XX в. Ряд ученых (Ю. Шгубендорф, Н. Ф. Катанов, К. Н. Миротворцев, М. Е. Золотарев, Я. Н. Ходукин, Б. О. Долгих) род Сара(Сарыг)-Хааш относили к Карагасскому улусу, род Хааш – к Кангатскому, род Чептей – к Маньчжурскому [47]. В 30-е гг. XVIII в. Карагасский и Кангатский улусы кочевали в истоках рек Уды и Бирюсы. В середине XIX в. Карагасский улус кочевал по притокам Кана, в частности по Агулу, Кангатский – в бассейне Енисея. В конце XIX в. Карагасский улус находился в бассейне реки Гутары, Кангатский – в Белогорье, а появившийся в западном районе Маньчжурской кочевал в среднем течении Бирюсы. В начале XX в., по данным Б. Э. Петри, картина расселения родов выглядела следующим образом: род Хааш кочевал в верховьях рек Агул, Тагул, Гутары, Большой и Малой Бирюсы, род Сара(Сарыг)-Хааш занимал среднее течение этих же рек, род Чептей кочевал по нижним долинам перечисленных рек, доходя до вершины реки Рубахиной [48].

Другими словами, три рода на протяжении XIX в. и не помышляли уходить с территории, на незначительной части которой (верховья Большой Бирюсы) постоянно работали самые большие прииски Бирюсинского горного округа.

Это объясняется тем, что основные пути сезонных миграций кочевого населения продиктованы природными условиями, в первую очередь наличием ягельников – основного корма домашних оленей. Следовательно, они долговременно остаются неизменными. Еще Б. Э. Петри отметил, что в течение хозяйственного

года семьи кочевали в меридиональном направлении, т. е. от предгорий (на севере), где были их зимние охотничьи угодья, до отрогов Удинского хребта (на юге), где располагались сочные ягельники: «Олень диктует карагасу режим жизни. Летом он его гонит из теплых радостных долин на мрачные вершины Саян к самым вечным снегам на высокогорную тундру, где он находит спасение от гнуса. Если вы поедете по осенним и весенним кочевьям карагас, не ждите встретить их стойбища на сухих пригорках, на солнцепечных открытых местах. Там, где долина сомкнулась в полутемное сырое ущелье, где растет по мшистым склонам ягель, где олень найдет себе вдоволь пищи, и стены скал не пустят оленей разбежаться, там разбивает карагас свою юрту» [49].

Миграции проходили частью по водоразделам, частью по долинам рек. В западной Карагасии миграционные пути осуществлялись по водоразделу Большой и Малой Бирюсы, не захватывая их верховья, т. е. именно те территории, где были прииски. Другой путь проходил по водоразделу Большой Бирюсы и Гутары. Выход в долину Агула совершался по верхним притокам Тагула.

Там, где путь следовал по долинам рек, карагасы проходили его тогда, когда рабочие либо уже находились на приисках (март), либо уходили из тайги (после 10 сентября) [50]. Сроки передвижения нанятых групп рабочих указаны в отчетных документах: «Наемка приходится в ноябре и декабре месяцах, а отправка на прииски – в феврале и марте, возвращаются рабочие не позднее 10 сентября. На прииски рабочие следуют небольшими партиями под наблюдением служащих, а возвращаются оттуда в сравнении довольно большими партиями под наблюдением Горного Исправника и отрядов казаков» [51].

Фактическую картину возможного вмешательства приисков в хозяйственную деятельность карагасов начала XX в. позволяют рассмотреть материалы Д. К. Соловьева, наложенные на архивные данные.

Научная экспедиция под руководством Д. К. Соловьева работала в 1914 г. в западном районе с целью выделения территории для организации государственного соболиного заповедника. По результатам исследований предполагалось изъять из землепользования карагасов значительные по площади угодья, заключенные между реками Тагул и Агул [52]. В начале XX в. здесь располагалось несколько карагасских стойбищ. Из них ряд весенних и летних – в верховьях Большого и Малого Агула, одно весеннее – в верховьях Туманшета, два осенних и три зимних стойбища – в верховьях Тагула. Указанными стойбищами пользовались пять семей для содержания 510 голов оленей [53].

Из архивных документов следует, что в верховьях Тагула в XIX в. имелся один прииск – Макарьевский, утвержденный в 1879 г. красноярскому купцу 2-й гильдии Ивану Николаевичу Зорину [54]. В 1884 г. в связи с отказом И. Н. Зорина от владения неработавший прииск был зачислен в казну и впоследствии объявлен свободным [55].

В верховьях Туманшета было три прииска. Один из них – Воскресенский, утвержденный в 1853 г. екатеринбургскому купцу 2-й гильдии Игнатию Рязанову, в 1856 г. за неразработку зачислен в казну [56]. Второй – Благовещенский – и третий – Успенский – прииски, утвержденные в 1887 г. красноярскому купцу 1-й гильдии Павлу Яковлевичу Прейну, в XIX в. не работали [57].

В верховьях Большого Агула в период с 1836 по 1888 г. работал только один Большереченский прииск, располагавшийся в долине Большой речки (левый приток Большого Агула) [58]. Два прииска – Васильевский и Владимирский – никогда не работали. Первый из них, утвержденный в 1836 г. екатеринбургскому купцу Акиму Рязанову, зачислен в казну в 1842 г. [59].

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИРКУТСКА

Второй, утвержденный в 1838 г. компании надворного советника Пономарева и купца Лапина, был также зачислен в казну в 1853 г. [60]. Два прииска, принадлежавшие с 1879 г. крестьянину Вятской губернии Орловского уезда Василию Николаевичу Дунаеву, не работали в XIX в. [61].

В верховьях Малого Агула запрошено пять приисков. Первый из них – Воскресенский, утвержденный в 1836 г. красноярскому купцу Ивану Суханову, зачислен в казну в 1853 г. Второй – Александровский, утвержденный в 1854 г. отставному инженер-полковнику Александру Ивановичу Риппасу, зачислен в казну в 1858 г. [62]. Два прииска работали по одному году. Из них Яковлевский, утвержденный в 1879 г. канскому мещанину Якову Иосифовичу Кашанскому, намыл золото только в 1884 г. [63]. Крестовоздвиженский, утвержденный жене отставного учителя Анне Федоровне Савенковой в 1884 г., намыл золото в 1886 г. [64]. Один прииск – Вознесенский, утвержденный в 1836 г. коммерции советнику Семипалатинска Степану Ивановичу Попову, работал до 1842 г. В 1853 г. за неразработку зачислен в казну и объявлен свободным [65].

Таким образом, отведенные под добычу золота участки в верховьях рек Тагул, Туманшет, Большой и Малый Агул не имели и не могли иметь никакого влияния на хозяйственную деятельность (оленоводство и охота) пяти карагасских семей.

В пределах приисков бассейна Большой Бирюсы в 1914 г. было только два больших стойбища. Одно из них (весеннее) располагалось в долине Сухого Мирючуна, второе (осеннее) – в долине Мокрого Мирючуна (правый и левый притоки Большой Бирюсы). Указанные долины являлись своеобразной границей, ниже которой приисков по Большой Бирюсе не было.

По долине реки Сухой Мирючун и ее притокам было запрошено восемь приисков, из них никогда не работали шесть. Два прииска – Александро-Невский и Балдагайский, утвержденные в 1837 г. екатеринбургским купцам Акиму Рязанову и Диомиду Баландину, работали только в 1837 г. [66].

В долине Мокрого Мирючуна запрошено пять приисков, три из них никогда не работали [67]. Четвертый – Владимировский, утвержденный Прасковье Никитичне Каролицкой, жене потомственного дворянина, в 1870 г., закончил работать в 1871 г. [68]. Пятый – Радостный, утвержденный сургутскому мещанину Александру Алексеевичу Шешину в 1894 г., завершил работу в 1911 г. [69].

Общую картину дополняют статистические данные о численности карагасов, приведенные Б. Э. Петри: на период 1868–1878 гг. их насчитывалось от 450 до 431 человек, на период 1882–1883 гг. – примерно столько же (456 человек), на период 1890–1893 гг. – от 364 до 376 человек. Не нужно забывать, что эта горстка людей со своими оленями была рассеяна на значительном пространстве Восточных Саян, что в конечном итоге заставило ученого назвать карагасов «народом-осколком» [70].

Таким образом, приведенные фактические данные позволяют сделать следующие выводы и выдвинуть новые предположения, касающиеся проблемы этногенеза этнической группы.

Во-первых, так называемый «северо-западный угол карагасских земель» в XIX в. в процессе организации и работы приисков не испытал никакого нажима в силу того, что там проживало незначительное число карагасов.

Во-вторых, отслеженное перемещение карагасов в XVIII–XIX вв. позволяет предположить, что западные территории начали осваиваться ими накануне появления русских охотников в предгорьях саянской тайги или даже одновременно с ним.

В-третьих, в рассуждениях Б. Э. Петри касательно землепользования карагасских родов на 1925 г. присутствует определенный диссонанс. С одной стороны, ученый опирался на рассказы стариков о разделе горной тайги между пятью родами, произошедшем однажды на суглане: «Давно это было не помним сколько колен назад... Каждый род получил свой пай, каждый хозяин свою реку» [71]. С другой стороны, он отметил, что «в настоящее время такого твердого соблюдения родовых границ и фамильных наделов не наблюдается», объяснив данный факт не чем иным, как сокращением поголовья домашнего оленя, произошедшим в начале XX в. [72]. Не правда ли, странное объяснение? Ибо в этой же работе ученый отметил общепринятое у карагасов: люди, потерявшие оленей, нанимались к своим родственникам, где вынуждены были заниматься ведением чужого хозяйства [73]. В то же время ни у одного из исследователей, занимающихся этнографией коренного кочевого населения, не отмечен факт массовой гибели домашних оленей.

В-четвертых, замечание Б. Э. Петри о суглане, на котором произошел раздел территории между родами, заставляет предположить вероятное время появления карагасов в бассейне реки Уды, т. е. на той территории, где всеми исследователями отмечалась наибольшая численность этнической группы.

В качестве основы для рассуждений возьмем наиболее полные генеалогии, сохранившиеся среди современного бурятского населения, где перечислено 15–16 колен, восходящих к предку Буха-нойону. Простым подсчетом поколений выясняется, что предок отстоял от современных отпрысков примерно на три столетия, т. е. обитал где-то в XVI в. Возникает вопрос – а не проходил ли карагасский суглан тогда же, т. е. в XVI в.? Ведь этническая память удержала распределение территорий по родам?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мельникова Л. В. Тофы: историко-этнографический очерк. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. Карта на форзаце.
2. Петри Б. Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927. 32 с.
3. Там же.
4. Там же. С. 25.
5. Там же. С. 14.
6. Там же. С. 25–26.
7. Мельникова Л. В. Тофы и добыча золота в бассейне реки Бирюсы // Тальцы. 2000. № 3 (10). С. 8–20.
8. Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 312 с.
9. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 28.
10. Гофман Г. О золотых промыслах Восточной Сибири: статья. СПб., 1844. 156 с.
11. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 609. Л. 228.
12. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710.
13. Там же.
14. Там же.
15. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 972.
16. Там же. Ед. хр. 1006.
17. ГАИО. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 1639. Л. 61.
18. Там же. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1006. Л. 542–543.
19. ГАИО. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 1649. Л. 12; Ед. хр. 1652. Л. 27, 43; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1006. Л. 546–547.
20. ГАИО. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 1652. Л. 33.
21. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1006. Л. 545–547.
22. Там же. Ед. хр. 1012. Л. 202–204.

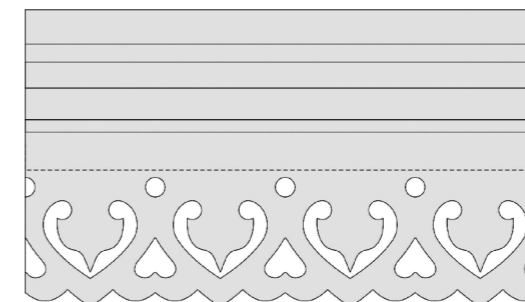

Рис. 64. Ул. Лебедева-Кумача, 39

Следует сказать, что описанными нами рисунками далеко не ограничивается богатый декор пропильной резьбы Иркутска, выполненной с включением различных форм трилистника. В единичных количествах существуют и более сложные рисунки, в том числе и композиция, составленная сочетанием трех видов трилистника на Баррикад, 79/1 и Баррикад, 79/2.

Таким образом, мы можем сказать, что трилистник на подзорах наличников Иркутска встречается достаточно часто, имеет самые различные очертания, размеры и конфигурацию. Он встречается в свободно свисающей форме, а также бывает вписанным в различного вида формы, в основном – в окружности и сердечко. Изображение трилистника зачастую дополняется прорезями в виде кругов, треугольников, ромбов, капелек, лучей, множества других порезок и их сочетаний.

Богатый растительный пропильный декор Иркутска, несмотря на огромные утраты и частичную сохранность, продолжает оставаться украшением города и привлекает внимание как самих горожан, так и многочисленных туристов и гостей столицы Восточной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подзоры – деревянные доски с глухой или сквозной резьбой, окаймляющие свесы кровли, фризы и очелья наличников.
2. Пилястры – прямоугольные полуколонны, полуутопленные в стены здания.
3. Фриз – декоративная композиция в виде горизонтальной полосы или ленты, увенчивающей или обрамляющей ту или иную часть архитектурного сооружения.
4. Наличники – декоративное оформление оконных или дверных проемов в виде накладных фигурных профилированных планок.
5. Фронтоны – треугольные или полукруглые верхние части зданий, ограниченные двускатной кровлей, а также подобные украшения над окнами и дверями зданий.
6. Исаев А. Ю. Солярные навершия прямоугольных наличников Иркутска, выполненных в технике пропильной резьбы // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2013. Вып. 6. С. 128–152; Он же. «И душу радуя, и пользу принося»: основные мотивы пропильной резьбы на подзорах жилых зданий Иркутска // Архитектор и время: материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения Г. Г. Оранской (1913–1986). Иркутск, 2013. С. 96–134; Он же. Трилистник на подзорах Иркутска // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2015. Вып. 7. С. 273–311.
7. Скворцов А. И. Русская народная пропильная резьба. Л., 1984.
8. Исаев А. Ю. Трилистник на подзорах Иркутска.
9. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 494.

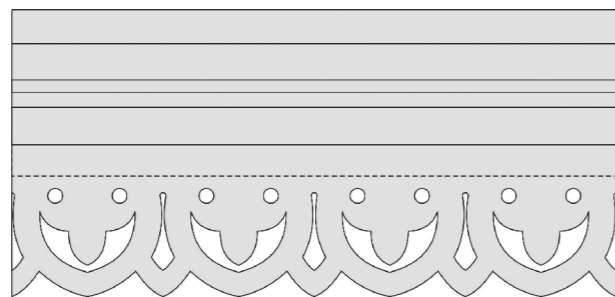

Рис. 61. Ул. Байкальская, 33 (утрачен)

Встречаются на улицах Иркутска и комбинированные способы оформления нижнего края подзорной доски наличников. Например, на зданиях по улице Карла Либкнехта, 207/2, Красных Мадьяр, 25а, в проезде Лазарева, 1а (утрачен) он составлен комбинированным зигзагом, где сердечку со вписанным в него трилистником соответствует приостренный абрис, а разделяющим сердечки ромбам – округленный (рис. 62).

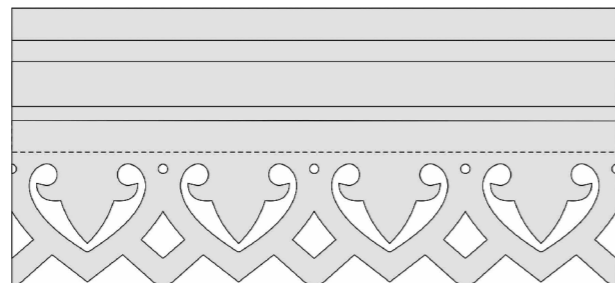

Рис. 62. Ул. Красных Мадьяр, 25а

В единичных случаях, например, на 4-й Советской, 56 (рис. 63); Лебедева-Кумача, 14; Лебедева-Кумача, 39 (рис. 64) мы можем найти подобное же оформление с той разницей, что абрис нижнего края подзорной доски образует чередование сдвоенных полукружий и зигзагов. Сердечко остается не до конца оформленным вследствие того, что в основаниях трилистника отсутствуют пропилены.

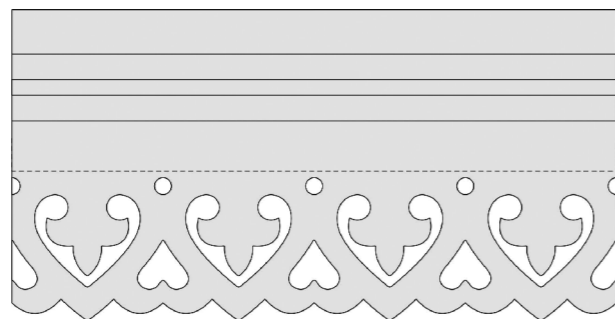

Рис. 63. Ул. 4-я Советская, 56

23. Мельникова Л. В. Тофы и добыча золота... С. 12–13.
24. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 2067. Л. 12.
25. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1524. Л. 7–8.
26. Там же. Л. 12.
27. Там же. Л. 19.
28. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710.
29. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1567. Л. 35–36.
30. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 71.
31. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1006. Л. 374–376.
32. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1575. Л. 87–89.
33. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 643в. Л. 162.
34. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1648. Л. 113–115; Ед. хр. 1650. Л. 45–47.
35. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1973. Л. 11–14; Ед. хр. 2000. Л. 11–16.
36. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 643в. Л. 168–169.
37. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 598. Л. 311.
38. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1457. Л. 198.
39. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 598. Л. 95.
40. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1530. Л. 220.
41. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 643в. Л. 160.
42. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1558а. Л. 163.
43. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 375.
44. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1575. Л. 10–11.
45. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 6436. Л. 153–154.
46. Петри Б. Э. Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927. С. 5.
47. Мельникова Л. В. Тофы. С. 36.
48. Там же. С. 40.
49. Петри Б. Э. Охотничьи уголья... С. 1.
50. Мельникова Л. В. Тофы. С. 43.
51. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 643. Л. 29.
52. Соловьев Д. К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Пг., 1920. 458 с.
53. Там же. С. 288–289, 294.
54. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 124.
55. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1823. Л. 115.
56. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 30.
57. Там же. Л. 25, 236.
58. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1006. Л. 329–330; Ед. хр. 1823. Л. 22.
59. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1006. Л. 331–332.
60. Там же. Л. 334–335.
61. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 123; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 598. Л. 327.
62. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1006. Л. 413–414, 417–418.
63. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 140; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1823. Л. 243.
64. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1823. Л. 99–100.
65. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1006. Л. 390–391.
66. Там же. Л. 178–181.
67. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710.
68. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 923. Л. 38–39.
69. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1784. Л. 2–3.
70. Петри Б. Э. Охотничьи уголья... С. 18–20.
71. Там же. С. 21.
72. Там же. С. 25.
73. Там же. С. 5.

Т. А. Крючкова

«НЕУСТАННЫЙ ТРУЖЕНИК»:

**БИОГРАФИЯ, ДУХОВНОЕ СЛУЖЕНИЕ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ПРОТОИЕРЕЯ АФАНАСИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВИНОГРАДОВА***

Мало кто из иркутян знает, что на площади им. Кирова в Иркутске, недалеко от часовни-памятника, установленной в память о взорванном в 1932 г. Казанском кафедральном соборе, до сих пор покоится тело протоиерея Афанасия Александровича Виноградова, одного из виднейших представителей духовенства Восточной Сибири, оставившего глубокий след в истории Иркутской, Камчатской и Якутской епархий. Он был надежным помощником Святителя Иннокентия (Вениаминова), занимая ответственные посты в Новоархангельске (о. Ситха, Русская Америка) и Якутске. В Иркутске его имя тесно связано со строительством кафедрального собора в честь иконы Божией Матери Казанской.

В храме-усыпальнице во имя Второго Страшного Пришествия Христова, устроенном в цокольном этаже этого собора, он был похоронен. При взрыве собора была разрушена наземная часть, и есть все основания полагать, что храм-усыпальница не подвергся уничтожению.

Афанасий Александрович Виноградов родился 4 января 1832 г. в семье дьячка-бурята в селении Ундинском Нерчинского округа и крещен в Ундинской Преображенской церкви. Первоначально учился в Нерчинском духовном училище, затем с 1846 по 1852 г. – в Иркутской духовной семинарии, а с 1852 по 1856 г. – в Казанской духовной академии. Свои студенческие годы о. Афанасий описал сам. В 1892 г. он публикует в «Иркутских епархиальных ведомостях» воспоминания о своей учебе в Иркутской духовной семинарии, которыми оспаривает сложившийся в обществе после известной книги Н. Г. Помяловского [1] негативный образ бурсы: «...под старость, в своих воспоминаниях о прежних годах своей жизни с особенным радостным чувством люблю останавливаться на своих школьных годах; ни одного чувства горести во мне от них не осталось; напротив, во мне осталось одно только чувство глубокой благодарности за то образование и воспитание, какое дала мне старая духовная школа; для меня дороги и самые стены заведения, под покровом которых я провел лучшие счастливейшие годы своей жизни; дороги и все лица, которые руководили моим воспитанием и образованием» [2].

Одним из таких лиц был учитель истории Иван Онисифорович Катаев, который своими рассказами сумел сделать историю любимейшим предметом для семинаристов. До встречи с Катаевым Виноградов считался одним из последних учеников по разрядному списку. Но Иван Онисифорович, заметив хорошие способности мальчика, стал деятельно следить за его умственным развитием. Не только рядовые учителя, но и сам ректор архимандрит Нифонт (Мерцалов) принимал участие в судьбе учеников. Как пишет о. Афанасий, ректор подбирал индивидуально для каждого ученика литературу для чтения и расширения кругозора провинциальных мальчиков. К концу семинарского курса А. Виноградов считался одним из лучших учеников и был рекомендован для продолжения обучения в Казанской духовной академии.

* Статья подготовлена при грантовой поддержке РГНФ, № проекта 16-04-00434.

Интересный вариант оформления абриса сердечка можно увидеть на подзорной доске наличника дома по улице Дзержинского, 37в. Схема практически полностью соответствует предыдущему рисунку: трилистник, вписанный в сердечки, разделяется пропилом, напоминающим шахматную пешку (рис. 59). Однако имеются и существенные отличия: во-первых, распадок сердечка в основании трилистника выделен сквозным круглым отверстием, а во-вторых, очертания самого абриса сердечка, обычно читаемые только визуальнo, в данном случае выделены специально путем среза верхней части зигзага между абрисами самих сердечек. Очень трудоемкая операция, выполненная далеко не случайно.

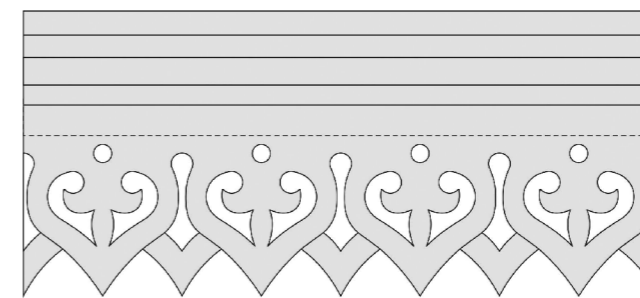

Рис. 59. Ул. Дзержинского, 37в

Еще более четкие очертания имеют сердечки на подзорах наличников соседнего здания (рис. 60). Здесь уже никакого воображения не требуется: к порезкам и пропилам, отмеченным выше, добавился еще ряд треугольников в верхней части подзора, в результате чего абрис сердечек, в которые вписан трилистник, выделен практически полностью. Большая полнота и реалистичность изображения возможна только в накладной или рельефной резьбе. На этих подзорах можно обратить внимание и еще на один аспект оформления их нижнего края: притупленные края сочленений полукружий, врезанных в плоскость доски.

Рис. 60. Ул. Дзержинского, 37б

Однако подобная детализация и дополнение пропильной резьбы рельефной встречаются нечасто. Это, скорее всего, либо собственная причуда мастера, либо следствие желания хозяина придать декору дома еще большую оригинальность, стремление еще больше выделиться.

Однажды на наличниках утраченного ныне здания по Байкальской, 33 довелось увидеть оригинальный вариант своего рода выпуклого зигзага (рис. 61). При этом трилистник выделен довольно схематично, а очертания фигуры, в которую он вписан, вообще невозможно определить.

На подзорных досках наличников домов по улицам Богграда, 8; Франк-Каменецкого, 30 сердечко со вписанным в него трилистником выделено треугольниками и асимметричными ромбами (рис. 56). Причем прямоугольным сандрикам первых этажей соответствуют сандрики в виде домиков на наличниках вторых этажей.

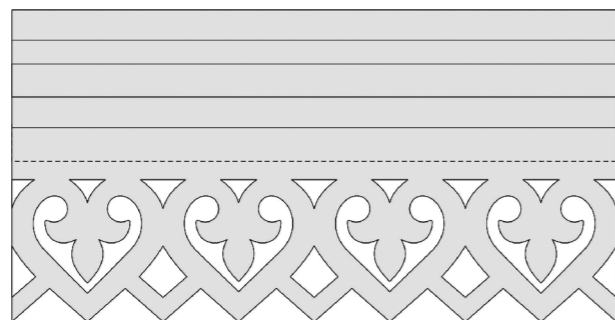

Рис. 56. Ул. Франк-Каменецкого, 30

Приостренный зигзаг нижней кромки наличников дома по улице Уткина, 36 дополнен трилистником, вписанным в сердечко, абрис которого определяют ромбы и треугольники (рис. 57).

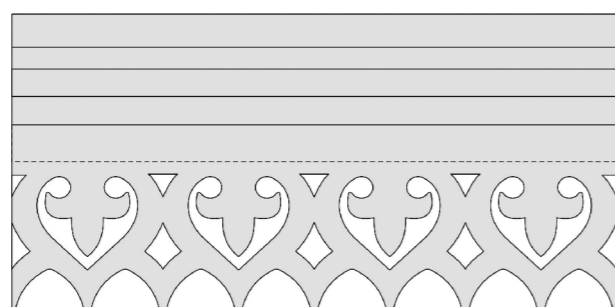

Рис. 57. Ул. Уткина, 36

А абрис сердечка на наличниках дома по улице Красноказачьей, 15 определяет прорезь, напоминающая очертаниями шахматную пешку (рис. 58). Следует отметить, что декор наличников этого здания совсем недавно утрачен.

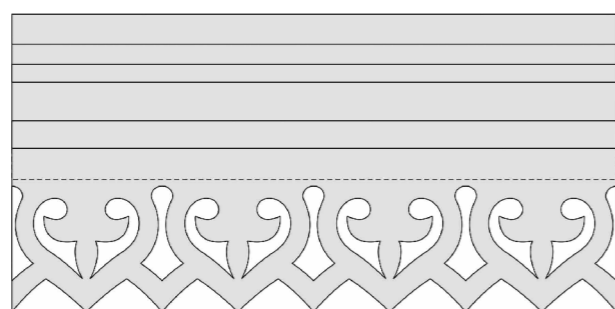

Рис. 58. Ул. Красноказачья, 15 (декор наличников утрачен)

В академию он поступил вместе со своим сокурсником и тезкой Афанасием Прокопьевичем Щаповым. О том, как проходила учеба, мы опять же узнаем из первых рук – подробных «Воспоминаний...» Виноградова, опубликованных в 1890 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях» [3]. Поводом к их написанию было обращение профессора П. В. Знаменского к прежним ученикам с просьбой сообщить воспоминания о профессорах академии и своих товарищах по случаю предстоящего в 1892 г. 50-летнего юбилея Казанской духовной академии [4].

Мемуары А. Виноградова очень интересно читать, в их содержании: обстоятельное и подробное описание поездки из Иркутска в Казань; рассказ о вступительных экзаменах и самом процессе учения в Казанской духовной академии; емкая и образная характеристика тогдашних ректоров академии – архимандритов Парфения (П. Т. Попова), впоследствии возглавившего кафедру Иркутской епархии, и Агафангела (А. М. Соловьева); описание учебных методов и отношения к студентам инспекторов, профессоров и преподавателей Ф. Бухарева, Н. П. Соколова, Д. Ф. Гусева, И. П. Гвоздева, И. Я. Порфирьева, Г. З. Елисеева, А. А. Бобровникова, Н. И. Ильминского, Г. С. Саблукова и др.; любопытные эпизоды из студенческой жизни.

Значимое место в жизни о. А. Виноградова, что нашло отражение в его воспоминаниях, занимал Афанасий Щапов – известный публицист, историк, представитель областничества. Щапов был уроженцем села Анга, земляком святителя Иннокентия (Вениаминова) и даже имел с ним дальние родственные связи.

Изначально в судьбах Виноградова и Щапова было много общего: оба Афанасии, они имели родовые бурятские корни: у Виноградова отец происходил из бурят, а у Щапова – мать. Оба первоначально закончили духовные училища: Виноградов – Нерчинское, а Щапов – Иркутское. Затем одновременно поступили в Иркутскую духовную семинарию, успешно ее окончили и вместе поехали поступать в Казанскую духовную академию, которую также с отличием окончили в 1856 г. и были оставлены при ней в качестве преподавателей. Щапов начал читать лекции по русской истории, а Виноградов был определен преподавать монголо-калмыцкий язык. Затем пути их расходятся. В 1860-е гг. многие выпускники духовных учебных заведений, увлекшись демократическими идеями, уходили из лона Церкви. Этим путем и пошел Щапов [5].

Виноградов выбрал созидательный путь духовного служения. В 1857 г. его направили в Русскую Америку на должность инспектора Новоархангельской духовной семинарии. В Новоархангельске он пробыл немногим более года. По распоряжению святителя Иннокентия (Вениаминова) семинария была перемещена из Новоархангельска в Якутск. Вместе с ней туда переехал и А. Виноградов, где прожил 12 лет (с 10 сентября 1858 г. по 9 сентября 1870 г.). Сам архиепископ Иннокентий определил его в духовный сан: 8 февраля 1859 г. Афанасий Александрович был рукоположен во диакона, а на следующий день – во священника к Якутскому Спасскому монастырю с оставлением в инспекторской и учительской должностях в духовной семинарии. 15 октября 1859 г. его определили священником к Якутской Преображенской церкви вновь с оставлением в должности инспектора и учителя семинарии. С 12 марта 1861 по 12 марта 1862 г. он безвозмездно преподавал Закон Божий в Якутском детском приюте. 18 августа 1863 г. переведен к Якутскому Троицкому собору. 1 января 1867 г. определен членом Якутского духовного правления. 5 декабря 1867 г. назначен исправляющим должность ректора Якутской духовной семинарии [6].

Вследствие закрытия Якутской духовной семинарии и перевода ее в Благовещенск А. Виноградов принял решение переехать в Иркутск, где и трудился до последних дней своей жизни. Его послужной список, хранящийся в Государственном архиве Иркутской области, фиксирует занимаемые им должности и полученные награды: 1.01.1871 г. определен преподавателем Священного Писания в Иркутской духовной семинарии. С 11.08.1871 по 20.09.1880 г. состоял секретарем Иркутской духовной семинарии. 20.10.1871 г. по собственному прошению и по сдаче трех пробных уроков по общей русской и церковной истории утвержден преподавателем этих предметов с увольнением от должности преподавания Священного Писания. С 6.03.1872 по 10.09.1874 г. состоял надзирателем при воспитанниках Иркутской духовной семинарии. 6.04.1873 г. за отлично-усердную службу по духовному ведомству награжден наперсным крестом. С 5.02.1873 по 1.09.1879 г. состоял преподавателем немецкого языка в Иркутской духовной семинарии. С 1.01.1871 г. состоял членом педагогического собрания Иркутской духовной семинарии. 21.03.1876 г. произведен в сан протоиерея. 20.04.1880 г. за отлично-усердную службу по семинарии награжден орденом св. Анны 3-й степени. 7.09.1880 г. определен кафедральным протоиереем Иркутского кафедрального Богоявленского собора. С 7.09.1880 г. состоял председателем Комитета по постройке в Иркутске нового кафедрального собора. С 15.08.1881 по 1.01.1888 г. состоял законоучителем Иркутской женской гимназии. С октября 1882 г. избран градоиркутским духовенством членом Комитета по свечной операции. За отлично-усердную службу по духовно-учебному ведомству 15/20.03.1884 г. награжден орденом св. Анны 2-й степени. С 18.10.1884 по 30.04.1886 г. состоял председателем Иркутского епархиального училищного совета. 27.03.1887 г. за проверку отчетов Иркутского духовного училища преподано архипастырское благословение с искреннею благодарностью с занесением в формулярный список. 21.12.1887 г. назначен редактором «Иркутских епархиальных ведомостей». В апреле 1888 г. за отлично-усердную службу по учебному ведомству Св. Синодом награжден палицей [7]. Позднее о. Афанасий Виноградов получал еще награды: 5 февраля 1889 г. иркутским духовенством и гражданами ему был поднесен золотой украшенный драгоценными камнями наперсный крест по случаю 30-летия в сане священства [8], в 1892 г. получил правительственный орден св. Владимира 4-й степени, в 1895 г. – орден св. Владимира 3-й степени и в 1899 г. золотой наперсный крест из Кабинета его императорского величества [9].

Не только эти награды говорят о том, что протоиерей А. Виноградов имел в Иркутской епархии очень высокий авторитет. Известно, что архиепископ Вениамин (Благодоров) предлагал ему должность викарного епископа, однако о. Афанасий отказался, сославшись на свою неподготовленность и слабые силы. Но главное свидетельство уважения и любви к неустанному труженику, любимцу иркутского духовенства от лица современников выразил его сослуживец священник Дмитрий Гагарин в своей речи 6 марта 1900 г. в Иркутском кафедральном соборе при отпевании А. Виноградова: «19½ лет ты был настоятелем и благочинным градо-Иркутского Кафедрального собора. За этот немалый период времени ты неустанно заботился о благоустройстве вверенных тебе причта и собора, строил новый Казанский собор, благоукрашал старый Богоявленский собор и оглашал с церковной кафедры своим мощным словом св. соборы, а чрез них и весь Иркутск...

В обыкновенных житейских сношениях с подчиненным духовенством ты всегда был ровен: одинаково любезно и внимательно принимал и выслушивал

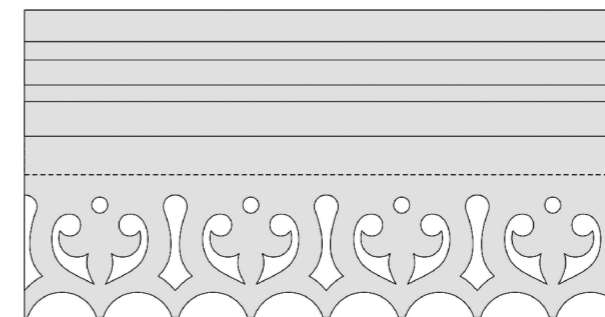

Рис. 53. Ул. Седова 33а

Нередко встречаются подзорные доски наличников, нижний край которых составляет зигзаг, созданный при помощи прямых или криволинейных абрисов, сходящихся под острым углом.

Например, на наличниках зданий по улице Карла Либкнехта, 85 (утрачен); Карла Либкнехта, 82а, Тимирязева, 11а прямоугольный зигзаг нижнего края дополнен трилистником, вписанным в сердечко, и линиями круглых отверстий и неправильных ромбов (рис. 54).

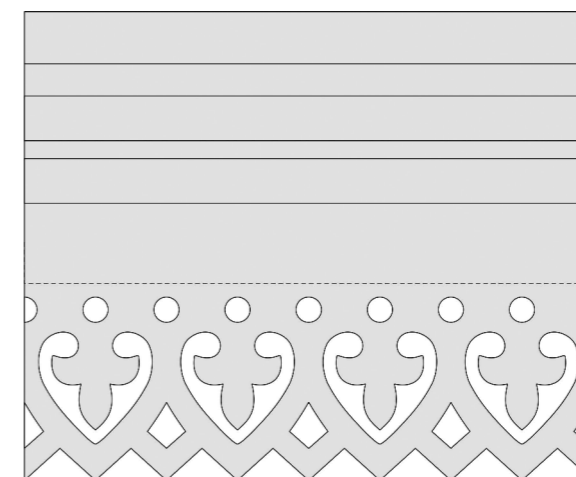

Рис. 54. Ул. Карла Либкнехта, 85 (утрачен)

Оформление подзорной доски на улице Пекинской, 15 – практически полный аналог предыдущим, разве что основание трилистника ничем не выделено, как и сердечко, в которое он вписан (рис. 55).

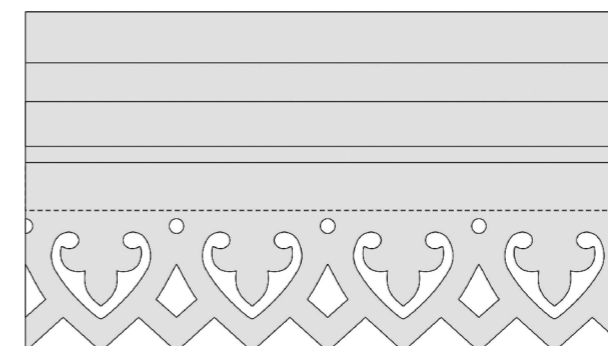

Рис. 55. Ул. Пекинская, 15

Рис. 49. Ул. Фридриха Энгельса, 27

Встречаются и несколько другие варианты врезки полукружий, когда их края не соприкасаются, а находятся на различном расстоянии друг от друга, порою напоминая или не напоминая вариант недоработанной волны (Подгорная, 44; Горького, 16а; рис. 50; Партизанская, 18, утрачен; рис. 51; Партизанская, 6; рис. 52).

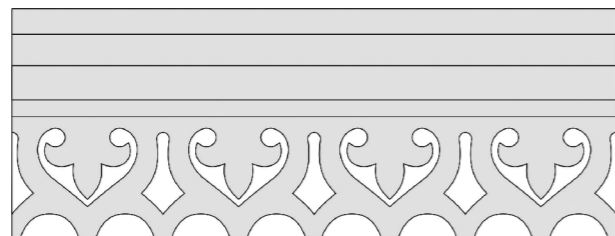

Рис. 50. Ул. Подгорная, 44 (поврежден пожаром)

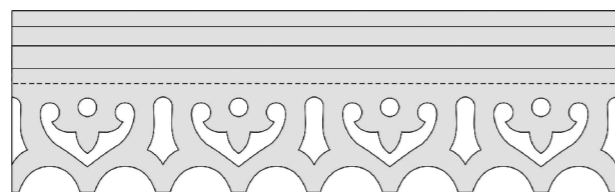

Рис. 51. Ул. Партизанская, 18 (утрачен)

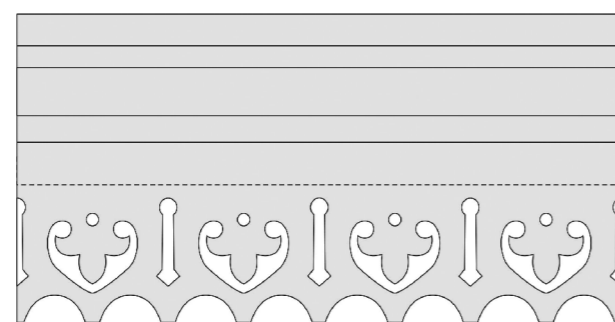

Рис. 52. Ул. Партизанская, 6

Наконец, вариант, когда расстояние между краями врезанных полукружий почти сходит на нет, образуя уже зигзагообразную линию (рис. 53).

священника и псаломщика. У тебя за чаем нередко приходилось видеть и псаломщика и диакона. Высокомерия и гордости в тебе никто не замечал. Ты не гнушался дельного совета младшего клирика. Этим ты привлекал и располагал к себе подчиненных. От тебя ничего не скрывали, с тобой говорили искренно, как с отцом. При решении каких-либо спорных дел между членами причта ты был справедлив и всегда старался уладить дело миром или какими-либо домашними мерами. Доносить по начальству ты решался очень редко и то при явных нарушениях дисциплины, приличия и благоповедения. Зато с удовольствием делал представления о наградах, о повышениях и проч.

...Таким гуманным и осмотрительным управлением ты достиг, что причт полюбил тебя, дорожил тобой и глубоко скорбит о тебе...

Заботясь о благоповедении и усовершенствовании причта, ты не оставлял без внимания его духовных и материальных нужд. Завел при соборе богатую библиотеку, ежегодно выписывая лучшие сочинения из богословской литературы и лучшие религиозно-нравственные и богословские журналы. Выписка книг всегда производилась по твоему указанию, а журналов под твоим наблюдением. При частных разговорах ты располагал причт к чтению и в этом отношении особенно поощрял меньшую братию. Возбудил ходатайство о прибавке причту жалования. Купил землю и нашел средства построить дом для помещения двух членов причта. При тебе и, конечно, не без твоего содействия пожертвованы г. Сиверс дома для причта. Сам следил за ремонтом домов, заботился о том, чтобы все имели возможные удобства в квартирах. Наконец, чтобы дать средства на наем квартир для двоих о. о. дьяконов, переехал из большого помещения в малое. Да, ты показывал нам хороший пример хозяина-семьянина.

Церковным хозяйством ты дорожил, как своим собственным имуществом... Всем хозяйством заведовал сам, все знал, везде давал советы, составлял отчеты и проч. Ты теперь оставляешь соборы благоустроенными и с капиталом в 80 т. руб.

Постройке сего Казанского собора ты отдавался всей душой. Достаточно сказать, что во время постройки и при составлении о ней отчетов не редкость было застать тебя не спавшим по несколько ночей. Я уверен, что если бы при жизни тебя спросить, сколько ушло на собор кирпичей, то ты, подумав, безошибочно ответил бы. Словом, ты подробно вникал в каждое дело и работал в ущерб своему здоровью. Я не преувеличу, если скажу, что сей величественный собор, ты, о. прот., вынес на своих крепких духом и мыслью плечах. ...

Твои изустные проповеди, отличаясь строгой логичностью, новизной выводов, точностью и простотою, во множестве привлекали богомольцев. Да, ты был выдающийся, талантливый и многозначительный оратор...» [10].

Несмотря на большую загруженность священнической и преподавательской работой в Иркутске, о. Афанасий оставил после себя обширное литературное наследие. Выше мы уже приводили выдержку из его воспоминаний, свидетельствующую о том, что автор владеет простым и в то же время образным языком, позволяющим с интересом следить за повествованием.

Первая публикация его появилась в «Иркутских епархиальных ведомостях» в 1872 г. Прошел лишь один год со времени переезда о. Афанасия в Иркутск, и, несмотря на напряженный ритм работы в Иркутской духовной семинарии, он успел собрать обширный материал по истории этого учебного заведения, о педагогической и учено-литературной деятельности его ректоров, инспекторов и преподавателей, об успехах выпускников. Помимо этого он

проанализировал достоинства и недостатки, результаты и особенности прошедшей накануне реформы образовательной системы. Весь этот объемный массив логично и последовательно был им изложен [11].

Необходимо отметить широкий круг творческих интересов А. Виноградова: агиография, летописание, мемуаристика, миссионерство, церковная история, путевые записки и др. Он написал воспоминания о святителе Иннокентии, митрополите Московском, сосредоточив внимание на нравственном облике иерарха и отметив отличительную черту его характера – неустанную деятельность, доходившую до страсти к труду [12]. Частично эти воспоминания вошли составной частью в известный труд агиографа святителя Иннокентия – И. П. Барсукова [13]. Виноградов свое служение в должности редактора «Иркутских епархиальных ведомостей» начал с публикации писем святителя Иннокентия к протоиерею Стефану Константиновичу Попову [14].

Особо интересовала А. Виноградова тема миссионерства. В 1873 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях» появилась его статья о миссионерском стане, учрежденном на берегу оз. Жессей в Туруханском округе и расположенном в 1 000 верст от Туруханска и 2 500 верст от Якутска. Используя путевой журнал миссионера-священника Матвея Попова, который 14 марта 1862 г. отправился из Вилюйска к месту своего служения среди жессейских тунгусов и вернулся оттуда на следующий год, А. Виноградов обстоятельно описал трудности путешествия, историю заселения этого отдаленного и сурового края, особенности и условия миссионерской работы [15].

9 октября 1883 г. в Иркутском Вознесенском монастыре состоялась хиротония начальника Иркутской духовной миссии архимандрита Макария (Дарского) во епископа Киренского, второго vicария Иркутской епархии. Начав свою статью с этого исторического события, протоиерей А. Виноградов изложил историю миссионерской работы в Предбайкалье, особо остановившись на роли иркутского архиепископа Парфения (Попова) в этом виде деятельности, а также подчеркнул необходимость и важность открытия второго vicариатства [16] в Иркутской епархии, которое было учреждено по инициативе Вениамина (Благогонравова) [17], принявшего бразды епархиального управления после смерти архиепископа Парфения [18].

В 1885 г. о. Афанасий опубликовал статью о ламаизме за Байкалом. Он не только сделал добротный исторический обзор появления и распространения ламаизма в Забайкалье, обратил внимание на вредность увеличения количества лам среди забайкальских бурят в экономическом, политическом и религиозно-нравственном отношениях, но и высказал свои предложения о мерах, которые смогли бы ограничить негативное влияние ламаизма на бурят [19].

Очень интересные мысли и изложение факта крещения русского народа князем Владимиром с миссионерской точки зрения высказал А. Виноградов в своем докладе на торжественном собрании в Иркутске по поводу празднования 900-летия Крещения Руси. Обосновав огромную роль в деле первоначального распространения и утверждения христианства среди русских св. князя Владимира, он сделал вывод, что значительный успех миссионерской работы может быть только при деятельном и энергичном содействии в миссионерском деле гражданской власти [20].

Одно из последних сочинений А. Виноградова – довольно обширный труд «Летопись о построении в Иркутске нового Кафедрального собора» – было опубликовано сначала в 17 номерах «Иркутских епархиальных ведомостей», а затем в 1895 г. издано отдельной книгой.

личия эти не то что не бросаются в глаза – они практически вообще не заметны. А вот перекрытие подзорной доской части накладной резьбы на поверхности лобани не заметить просто невозможно. Да не любили наши предки скучной монотонности и абсолютной идентичности, стараясь избегать их, как черт ладана!

Встречаются и подзоры, где трилистник, вписанный в сердечко, разделяют не стрелочки и пирамидки, а сердечки (рис. 46). Абрис трилистника здесь более пластичен и изящен.

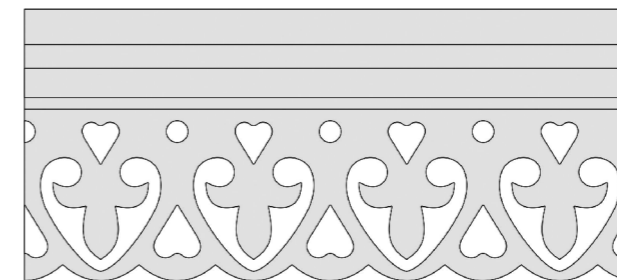

Рис. 46. Ул. Лесная, 7

Встречаются на улицах Иркутска и подзорные доски наличников, нижний край которых образован полукругиями не выступающими, а как бы врезанными в него. И здесь мы также можем наблюдать самые различные варианты такой врезки. Например, когда соприкасающиеся стороны полукружий образуют острый угол, своего рода зигзаг. Разница уже только в кривизне дуг полукружий, в очертаниях трилистника и в вариациях абрисов дополнительных прорезей, обогащающих рисунок. Это могут быть ромбы (рис. 47) или капельки (Карла Либкнехта, 54в; Седова, 37; Богдана Хмельницкого, 19а; рис. 48).

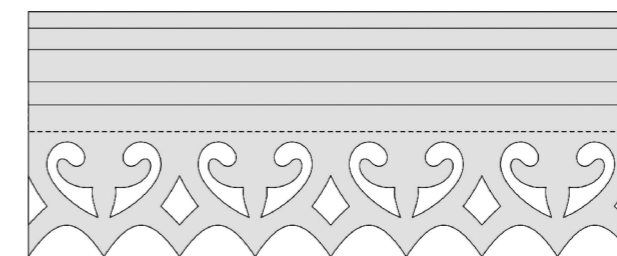

Рис. 47. Ул. Карла Либкнехта, 54б

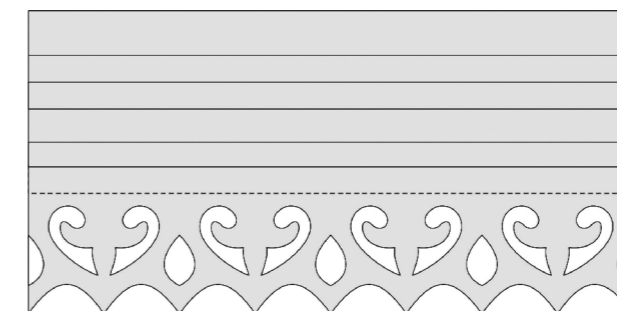

Рис. 48. Ул. Карла Либкнехта, 54в

Этот рисунок может обогащаться и дополнительными линиями (рис. 49).

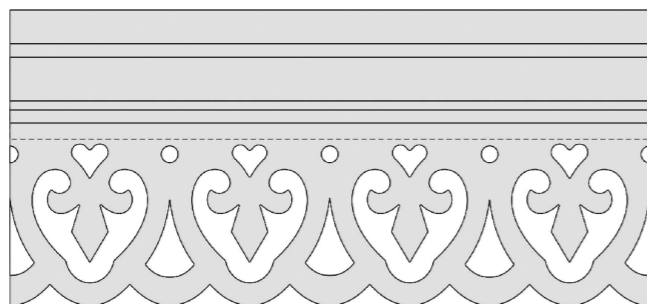
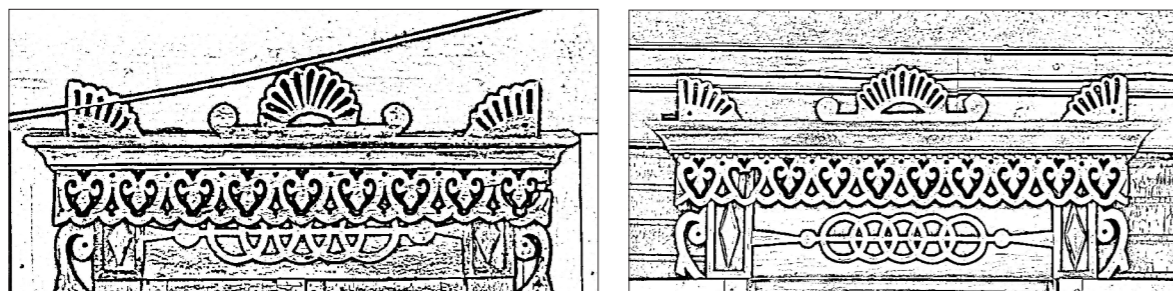

Рис. 44. Ул. Писарева, 11

Позволю себе подробнее остановиться на двух последних примерах, для большей наглядности рассматривая не только подзоры наличников, но все их очелье в совокупности. Весьма своеобразная манера исполнения солярных наверший, одинаковое количество лучей в полудиске солнца, почти идеальная идентичность в декоре подзоров, лобани, ушей и их деталей (рис. 45). Не увидит в их исполнении руку одного Мастера разве что слепой – близнецы да и только!

Дмитрия Донского, 22

Писарева, 11

Рис. 45. Сходство и различие в декоре наличников на ул. Дмитрия Донского, 22 и ул. Писарева, 11

Но и близнецы – далеко не клоны, а абсолютная идентичность в деревянном зодчестве – нонсенс, если речь идет не о декоре одного и того же здания, хотя и в этом случае очень часто не схожи наличники разных этажей. Так и здесь! – Если знаки восходящего и заходящего солнца практически неотличимы друг от друга и отображены правильно, то с изображением полуденного светила далеко не так. Как правило, над границей карниза показывается чуть менее половины солнечного диска, чтобы не нарушалась отраженная в декоре стройная картина мироздания и солнце не выходило за пределы среднего неба. На Писарева, 11 так оно и есть. Присутствует и схематичное изображение ладьи, в которой Солнце путешествует по Небу. А вот на улице Дмитрия Донского, 22 более сложная картина: если мы приложим к выступающему контуру солнца круг или окружность – окажется, что большая часть солнечного диска находится выше карниза. Впрочем, и здесь Мастер не отходит от канонов, показывая неполноту солнечного диска едва выступающим небольшим пропилом в центре и достигая увеличения объема за счет вариативности длины лучей-пропилы. Однако существенные различия в изображении полуденного солнца на этих навершиях налицо.

О еще двух отличиях в декоре этих наличников (небольшой вариативности в объеме трилистника и замене стрелочки пирамидкой) мы уже упоминали. Раз-

Какую бы тему ни раскрывал в своих литературных произведениях, статьях, речах о. Афанасий Виноградов, всегда чувствуется его глубокое погружение в материал. Он умел выделить главное, выбрать интересные и важные аспекты и ясно и логично изложить свои мысли и чувства.

Когда Вы, дорогой читатель, будете проходить мимо часовни-памятника во имя Казанской иконы Божией Матери на площади им. Кирова в Иркутске, остановитесь на несколько минут, помяните добрым словом многогранно одаренного, удивительного человека Афанасия Александровича Виноградова и пожелайте ему Царствия Небесного.

Труды протоиерея Афанасия Александровича Виноградова

Виноградов А., священник. Историческая записка об Иркутской духовной семинарии за последние 25 лет, составленная секретарем правления семинарии священником Афанасием Виноградовым // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1872. № 1. С. 1–8; № 3. С. 25–32; № 4. С. 39–48; № 5. С. 51–62.

Виноградов А., священник. Речь при перенесении тела в Бозе почившего архиепископа Иркутского Парфения из Архиерейского дома в собор, 23 числа января 1873 года // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1873. № 5. С. 56–61.

Виноградов А., священник. Ваше Высокопреподобие, достоуважаемый отец протоиерей (Слово, сказанное на юбилее 50-летнего служения в пастырском звании протоиерея Прокопия Громова 31 мая 1873 г.) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1873. № 27. С. 477–481.

Виноградов А., священник. О Жессейском миссионерстве // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1873. № 44. С. 695–698; № 45. С. 715–720; № 47. С. 723–736.

Виноградов А., протоиерей. Две речи, произнесенные преподават. Ирк. д. семинарии 1) Протоиер. Афанасием Виноградовым на прощальном обеде в честь о. ректора, 4 февраля // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1877. № 12. С. 156–157.

Виноградов А., протоиерей. Приглашение к пожертвованию на сооружение памятника над могилою бывшего ректора Иркутской духовной семинарии, архимандрита Нифонта // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1877. № 17. С. 252.

Виноградов А., протоиерей. Речь в день столетнего юбилея Александра Благословенного // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1878. № 5. С. 55–62; № 6. С. 65–72; № 9. С. 105–116.

Виноградов А., протоиерей. Воспоминания о высокопреосвященном Иннокентие, митрополите Московском // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1879. № 39. С. 441–457.

Виноградов А., протоиерей. Несколько заметок о скопцах, поселенных в Якутской области // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1879. № 51. С. 611–619; № 52. С. 625–629.

Виноградов А., протоиерей. Речь, сказанная воспитанникам Иркутской учительской семинарии 19 февраля 1880 года // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1880. № 10. С. 112–119.

Виноградов А., протоиерей. Речь при погребении кафедрального протоиерея Прокопия Васильевича Громова // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1880. № 38. С. 488–494.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день Воздвижения честного и животворящего креста // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1880. № 40. С. 514–520.

Виноградов А., протоиерей. Извещение от Комитета по постройке кафедрального собора // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1880. № 40. С. 521–522.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день празднования чудотворных иконы Божией Матери Казанская, 22 октября // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1880. № 45. С. 566–570.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день Рождества Христова // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1881. № 1. С. 1–6.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день Нового года // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1881. № 2. С. 15–19.

Виноградов А., протоиерей. Слово о Страшном суде (в неделю мясопустную) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1881. № 9. С. 99–105.

Виноградов А., протоиерей. Речь пред панихидою по убиенном благочестивейшем государе императоре Александре Николаевиче // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1881. № 11. С. 125–127.

Виноградов А., протоиерей. Слово при погребении воспитанника Иркутской духовной семинарии VI класса Андрея Писарева // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1881. № 24. С. 273–276.

Виноградов А., протоиерей. Слово при погребении наставника Иркутской духовной семинарии Ивана Петровича Токарева // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1881. № 26. С. 295–300.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день первоверховных апостолов Петра и Павла // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1881. № 27. С. 303–307.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день восшествия на престол благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1882. № 11. С. 135–140.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день Знамения Божией Матери // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1882. № 49. Л. 629–635.

[*Виноградов А., протоиерей.*] Краткий очерк распространения христианства в Сибири // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1882. № 51. Л. 655–665.

Виноградов А., протоиерей. Второе викариатство в Иркутской епархии // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1883. № 42. С. 531–540; № 43. С. 543–556.

Воспоминания протоиерея А. Виноградова о семилетнем пребывании Иннокентия в Якутске // Барсуков И. Иннокентий митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 468–480.

Виноградов А., протоиерей. Небывалое в Иркутске совершение богослужения пятью иерархами // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1884. № 11. С. 135–144.

Виноградов А., протоиерей. Речь, произнесенная в Иркутской духовной

Однако именно хочется: очертания, размеры, манера исполнения... Но вот само исполнение! Приглядишься и ахнешь: сердечки несовершенны или недоработаны, стрелочки заменены небрежно выполненными асимметричными ромбами (существенное упрощение формы стрелочки), а нижний край подзора оформлен не рядом полукружий, а зигзагом. Но очень не характерным зигзагом: пологим, растянутым, тупоугольным, больше напоминающим те же самые недоработанные полукружия. То ли хозяин сам решил украсить наличники, да умения, терпения и старательности не хватило, то ли не хватило их кому-то другому, то ли время поджимало – и бросить жалко, и довести до совершенства некогда. Так или иначе – далеко не ювелирная работа и небрежность исполнения прямо-таки бросается в глаза.

А вот уже работа если и не другого мастера, то не по лекалу, а по мотивам. Все выполнено в высшей степени старательно и аккуратно, но при всей общности деталей и схемы построения декора объемы и пропорции сильно отличаются от выше рассмотренных: трилистник более объемный и массивный, а вот стрелочки, круги и сердечки имеют гораздо меньшие размеры (рис. 42).

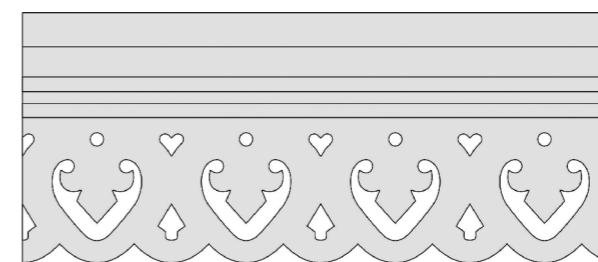

Рис. 42. Ул. Сарафановская, 6

Еще одна работа по мотивам – все детали декора подзорной доски повторяются в мельчайших подробностях, но вот форма! Как будто кто-то специально вытянул и сами трилистники, и сердечки, в которые они вписаны, и стрелочки, их разделяющие (рис. 43).

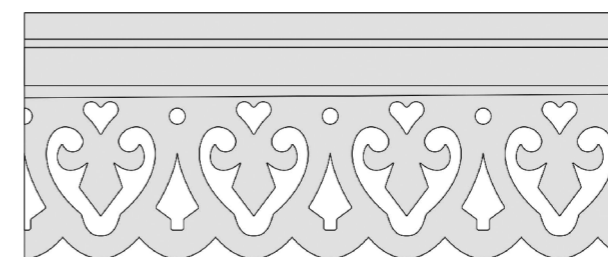

Рис. 43. Ул. Дмитрия Донского, 22

А при декорировании еще одного дома неподалеку более изящно прочертил абрисы трилистника и заменил стрелочки пирамидками (рис. 44). Причем отнюдь не ради минимизации усилий и упрощения процесса работы, как это было на Ремесленной, 29.

В аналогичный декор подзорной доски наличника могут добавляться и дополнительные детали:

а) круглые сквозные отверстия над вершинами стрелочек (рис. 38);

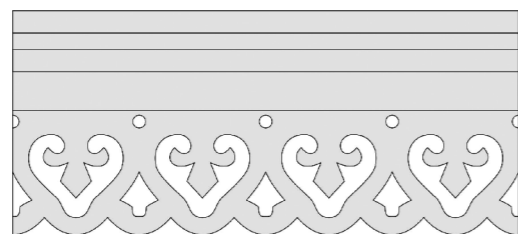

Рис. 38. Ул. Освобождения, 145

б) круглые сквозные отверстия над вершинами стрелочек и основаниями трилистника (рис. 39);

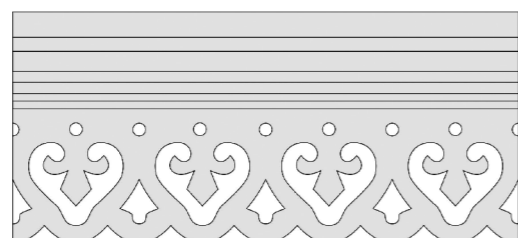

Рис. 39. Ул. Освобождения, 153

в) круглые сквозные отверстия над вершинами стрелочек и сердечки над основаниями трилистника (Каштаковская, 38, Освобождения, 147; Писарева, 24в; рис. 40).

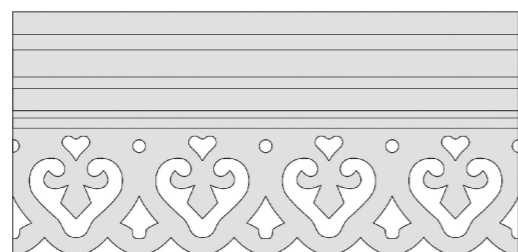

Рис. 40. Ул. Каштаковская, 38

Так и хочется сказать, что абсолютно тот же самый шаблон применялся при оформлении подзоров наличников еще одного дома предместья Рабочее (рис. 41).

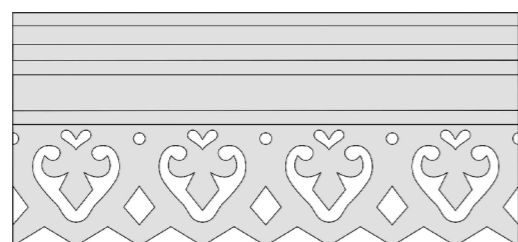

Рис. 41. Ул. Ремесленная, 29

семинарии в день празднования тысячелетнего юбилея св. просветителей славянских Кирилла и Мефодия, 6 апреля 1885 года // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1885. № 18. С. 213–225.

Виноградов А., протоиерей. Речь, произнесенная в общем собрании членов благотворительного общества 15 ч. октября 1885 года // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1885. № 43. С. 517–522.

Виноградов А., протоиерей. О ламаизме за Байкалом // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1885. № 48. С. 581–596; № 49. С. 597–606.

Виноградов А., протоиерей. Речь, произнесенная в общем собрании Иркутского благотворительного общества кафедральным протоиереем А. Виноградовым 28 ноября 1886 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1886. № 48. С. 521–529.

К. П. А. В. [кафедральный протоиерей Афанасий Виноградов]. Слово в день Нового года // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 1. С. 1–5.

[*Виноградов А., протоиерей*]. От новой редакции Иркутских епархиальных ведомостей // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 1. С. 5–8.

П. А. В. [протоиерей Афанасий Виноградов]. Письма высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, к охотскому протоиерею Стефану Попову // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 2. С. 15–18.

К. П. А. В. [кафедральный протоиерей Афанасий Виноградов]. Отчет о приходе и расходе сумм по содержанию приюта для престарелых и немощных при дешевой столовой благотворительного общества с 1 ноября 1886 г. по 31 декабря 1887 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 6. С. 54–58.

Виноградов А., протоиерей. Речь, произнесенная кафедральным протоиереем А. Виноградовым за обедом в день празднования 50-летнего юбилея Сиропитательного дома Е. Медведниковой, 29 ч. апреля 1888 года // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 19. С. 174–178.

Виноградов А., протоиерей. Речь при погребении протоиерея Александра Назанского // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 20. С. 182–185.

Ред. [протоиерей Афанасий Виноградов]. Некролог протоиерея А. Назанского // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 20. С. 188–190.

Виноградов А., протоиерей. Крещение русского народа св. равноапостольным князем Владимиром, рассматриваемое с миссионерской точки зрения // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 34. С. 354–359; № 35. С. 360–367.

К. П. А. В. [кафедральный протоиерей Афанасий Виноградов]. Урок педагогам // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 41. С. 438–443.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день восшествия на престол благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1889. № 15. С. 1–6.

Виноградов А., протоиерей. Воспоминания о Казанской духовной академии, относящиеся к 1852–1856 годам // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1890. № 1. С. 1–9; № 2. С. 1–9; № 3. С. 1–8; № 4. С. 1–8; № 5.

С. 1–6; № 7. С. 1–7; № 8. С. 1–4; № 9. С. 1–6; № 10. С. 1–7; № 11. С. 1–5; № 12. С. 1–5; № 13. С. 1–3.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день восшествия на престол благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1891. № 10. С. 1–7.

Виноградов А. Слово в день священного коронования Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1891. № 23. С. 1–7.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день Покрова Божией Матери, по случаю неурожая в 17 внутренних губерниях России // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1891. № 40. С. 1–8.

[*Виноградов А., протоиерей.*] Речь, сказанная иркутским кафедральным протоиереем при первом вступлении его высокопреосвященства, высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского и Нерчинского в Иркутский кафедральный собор // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1892. № 24. С. 1–3.

[*Виноградов А. А.*] Из воспоминаний воспитанника дореформенных семинарий и своей школьной жизни (1840 – 52 гг.) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1892. № 49. С. 1–8; № 50. С. 1–7.

Виноградов А., протоиерей. Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1893. № 5. С. 1–6; № 6. С. 1–4; № 7. С. 6–11; № 8. С. 1–7; № 9. С. 4–10; № 10. С. 1–10; № 11. С. 6–14.

Виноградов А., протоиерей. Слово в день освящения нового Кафедрального собора в Иркутске // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1894. № 34. С. 1–8 (вкладыш).

Виноградов А., протоиерей. Слово в день восшествия на престол благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1894. № 34. С. 1–6.

Виноградов А. А. Слово в день освящения нового Кафедрального собора в Иркутске [25 янв. 1894]. [Иркутск]: Тип. А. А. Сизых, [1894]. 8 с.

[*Виноградов А.*] Краткая летопись о построении в Иркутске нового Кафедрального собора // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1894. № 3. С. 1–8; № 5. С. 1–10; № 6. С. 1–8; № 7. С. 1–5; № 9. С. 1–4; № 10. С. 1–7; № 11. С. 1–5; № 12. С. 6–10; № 13. С. 1–8; № 15–16. С. 1–13; № 17. С. 1–8; № 18. С. 1–6; № 24. С. 5–9; № 25. С. 4–7; № 27. С. 1–8; № 29. С. 1–9; № 31. С. 1–6.

Виноградов А. Летопись о построении в Иркутске нового Кафедрального собора / сост. кафедральный протоиерей А. Виноградов. Изд. тип. Сизых с разрешения сост. Иркутск: Тип. Сизых, 1895. 70 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Помяловский Н. Г. Очерки бурсы. СПб., 1865.
2. [Виноградов А. А.] Из воспоминаний воспитанника дореформенных семинарий и своей школьной жизни (1840 – 52 гг.) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1892. № 49. С. 1–8; № 50. С. 1–7.

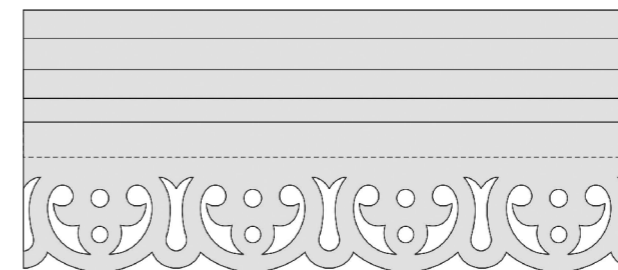

Рис. 35. Ул. 1-я Советская, 44

В данном случае мы видим игру воображения Мастера и его отход от привычного: полукружия разделены не зигзагом, а полукружиями меньшего размера; центр трилистника обозначен не одним, а двумя сквозными круговыми отверстиями.

Ну и очередной уход от стандартов: впрочем, может ли Мастер вовсе обойтись без своеобразия и избежать исключения из правил, – привычный зигзаг между полукружиями заменяют уже не полукружия, как в предыдущем примере, а нечто совсем уж неопределимое, что с известной долей воображения можно назвать «весьма стилизованным трилистником» (рис. 36).

Рис. 36. Ул. Дзержинского, 54б

Во всех предыдущих случаях выступающим полукружиям нижнего края подзорной доски соответствовал трилистник, вписанный в круг или окружность.

Впрочем, как уже не раз говорилось, бывают и у Мастеров свои причуды в исполнении. В качестве примера можно привести несколько вариантов оформления подзорных досок в предместье Рабочее, когда нижний абрис подзора составляет чередование выступающих полукружий, а трилистник вписан как бы в сердечко. При этом стрелочки, их разделяющие, по очертаниям напоминают черешковые наконечники стрел (Лесная, 26; Лесная, 26б; Лесная, 36; Лесная, 37а; Освобождения, 120; Освобождения, 183; Фрунзе, 70; рис. 37).

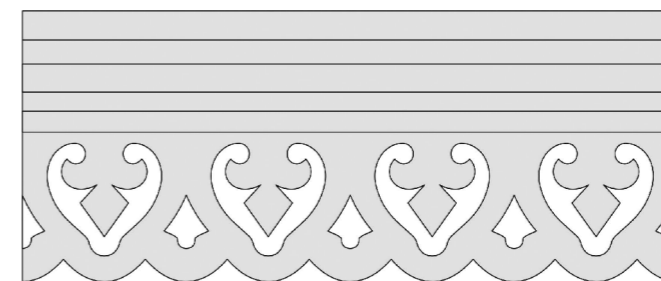

Рис. 37. Ул. Лесная, 26

7) чередования лучей и сердечек (рис. 32).

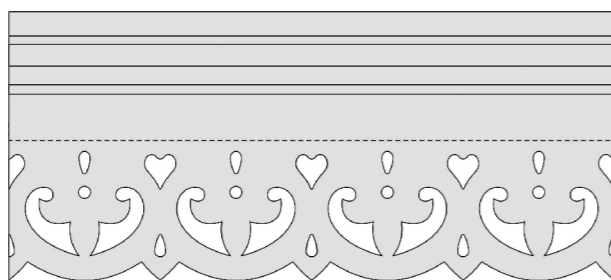

Рис. 32. Ул. Горького, 12

Порою дополнительные пропилы как бы отделяют трилистники друг от друга. Эти разделительные фигуры могут быть вполне определенными, например, луч (рис. 33).

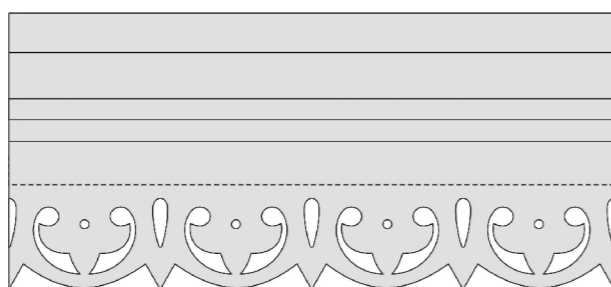

Рис. 33. Ул. Степана Разина, 33

Но они могут иметь и достаточно своеобразные очертания, которым довольно непросто подобрать название или найти аналогию. Например, объединение пропилом:

1) луча и ромба (рис. 34). Иногда абрис подобного объединения отдаленно напоминает шахматную пешку, штамп или печать, но в данном случае...;

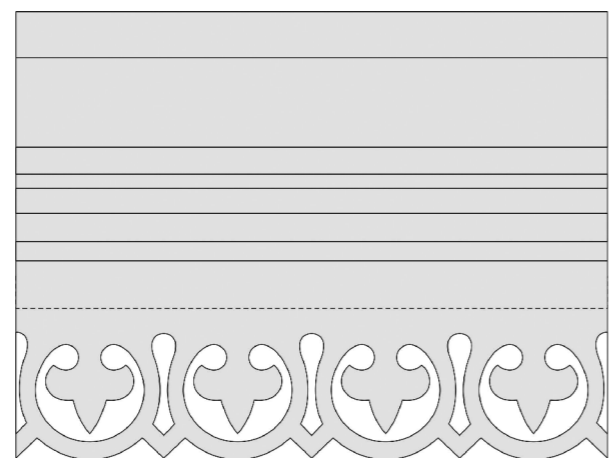

Рис. 34. Ул. Верхняя Набережная, 105

- 2) двух ромбов (рис. 27);
- 3) галочки (птички) и круга (рис. 35).

3. Виноградов А., протоиерей. Воспоминания о Казанской духовной академии, относящиеся к 1852–1856 годам // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1890. № 1. С. 1–9; № 2. С. 1–9; № 3. С. 1–8; № 4. С. 1–8; № 5. С. 1–6; № 7. С. 1–7; № 8. С. 1–4; № 9. С. 1–6; № 10. С. 1–7; № 11. С. 1–5; № 12. С. 1–5; № 13. С. 1–3.

4. К этому торжеству профессор П. В. Знаменский написал обширный труд («История Казанской Духовной Академии за первый /дореформенный/ период ее существования /1842–1870 годы/». Казань, 1891–1892. Вып. 1–3), в котором использованы воспоминания Виноградова.

5. Щапов увлекся областническими и демократическими идеями, вступил в тайное студенческое общество. 16 апреля 1861 г. выступил на панихиде по крестьянам с. Бездна Спасского уезда Казанской губернии, убитым во время крестьянских волнений. Вскоре был арестован, затем находился под полицейским надзором, а в 1864 г. он был выслан «по неблагонадежности» на свою родину, в с. Анга, откуда переведен в Иркутск. Умер в Иркутске 27 февраля 1876 г.

6. ГАИО. Ф. 592. Оп. 1. Д. 13: Клировая ведомость Иркутского кафедрального собора за 1888 г.

7. ГАИО. Ф. 592. Оп. 1. Д. 13: Клировая ведомость Иркутского кафедрального собора за 1888 г. Л. 11 об.–16.

8. О поднесении наперсного креста кафедральному протоиерею Афанасию Виноградову // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1889. № 7. С. 1–12; № 12. С. 1–13; № 13. С. 1–5; № 14. С. 1–8.

9. Протоиерей о. Афанасий Виноградов: (Некролог) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1900. № 7. С. 153–155.

10. Речь, произнесенная священником Дмитрием Гагариным 6 марта 1900 г. в Иркутском Кафедральном соборе при отпевании кафедрального протоиерея о. А. А. Виноградова // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1900. № 10. С. 240–242.

11. Историческая записка об Иркутской духовной семинарии за последние 25 лет, составленная секретарем правления семинарии священником Афанасием Виноградовым // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1872. № 1. С. 1–8; № 3. С. 25–32; № 4. С. 39–48; № 5. С. 51–62.

12. Виноградов А., протоиерей. Воспоминания о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1879. № 39. С. 441–457.

13. Воспоминания протоиерея А. Виноградова о семилетнем пребывании Иннокентия в Якутске // Барсуков И. Иннокентий митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 468–480.

14. П. А. В. [протоиерей Афанасий Виноградов]. Письма высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, к охотскому протоиерею Стефану Попову // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 2. С. 15–18.

15. Виноградов А., священник. О Жессейском миссионерстве // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1873. № 44. С. 695–698; № 45. С. 715–720; № 47. С. 723–736.

16. Первое – Селенгинское – викариатство было учреждено в 1862 г., его миссионерская деятельность распространялась по территории Забайкалья.

17. До назначения в Иркутск Вениамин в качестве викарного епископа Селенгинского и начальника Забайкальской духовной миссии занимался миссионерской работой в Забайкальском крае (с 1862 по 1873 г.).

18. Виноградов А., протоиерей. Второе викариатство в Иркутской епархии // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1883. № 42. С. 531–540; № 43. С. 543–556.

19. Виноградов А., протоиерей. О ламаизме за Байкалом // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1885. № 48. С. 581–596; № 49. С. 597–606.

20. Виноградов А., протоиерей. Крещение русского народа св. равноапостольным князем Владимиром, рассматриваемое с миссионерской точки зрения // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 34. С. 354–359; № 35. С. 360–367.

Л. В. Гаращенко

**ЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ
С. Е. ДЕТЫШЕВОЙ И С. К. ПРОТАСОВОЙ В ИРКУТСКЕ
(к 110-летию открытия учебного заведения)**

В истории отечественного образования особую нишу занимали частные школы. Они нередко являлись серьезной альтернативой казенным училищам и выполняли по отношению к государственной системе школьного обучения компенсаторную функцию, восполняя дефицит мест для желавших получить образование детей. Имелись такие учебные заведения и в губернском городе Иркутске. Их организаторами зачастую выступали передовые учителя, имевшие за плечами опыт педагогической деятельности и необходимый уровень профессиональной подготовки.

Существенный рост числа неправительственных школ в столице нашего региона был отмечен во второй половине XIX в., когда школьная реформа 1860-х гг. открыла дорогу частным инициативам в сфере образования: высочайшим повелением «О разрешении открывать частные пансионы в С.-Петербурге и Москве без ограничения числа их» [1] правительство признало таковые пособниками развития сети школ в России, не требовавшими затрат казны. При этом право принимать решение об учреждении новых частных школ перешло от министра народного просвещения к попечителям учебных округов, которыми, как правило, являлись главные начальники губернской власти.

В Иркутске, по нашим подсчетам, с середины XIX в. до Октябрьского переворота чисто в коммерческих целях, в целях благотворительности либо для реализации новаторских идей отдельными персонами и разными общественными объединениями было создано около 70 негосударственных общеобразовательных школ, среди них – женская гимназия С. Е. Детышевой и С. К. Протасовой.

История этой гимназии началась 1 декабря 1906 г., когда жена коллежского секретаря Софья Евграфовна Детышева, имевшая звание домашней учительницы, образовала в Иркутске частное женское учебное заведение второго разряда. Согласно действовавшему тогда законодательству, такие школы по статусу соответствовали казенным городским и уездным училищам и должны были иметь не менее трех классов. На учебный курс каждого класса полагалось не менее одного года. Поэтому первоначально были открыты приготовительный (две группы: для грамотных и неграмотных детей), первый и второй классы. С. Е. Детышева, приглашая горожан отдать своих дочерей на обучение в ее школу, сообщала, что с августа 1907 г. появятся третий и четвертый классы и «в будущем это учебное заведение постепенно имеет преобразовываться в частную семиклассную гимназию» [2].

Прием прошений и документов будущих учениц вела жена потомственного дворянина Софья Кондратьевна Протасова (она изъявила желание войти в компанию в деле учреждения этого учебного заведения) в своей квартире на Преображенской площадке, в доме 6, принадлежавшем Стратиевской (рядом с сиропитательно-ремесленной школой Н. П. Трапезникова). Родители, от-

3) чередования кругов и треугольников (рис. 28);

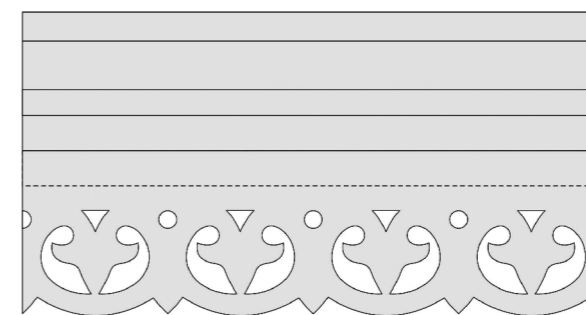

Рис. 28. Ул. 5-й Армии, 43, 45

4) чередования кругов и сердечек (рис. 29);

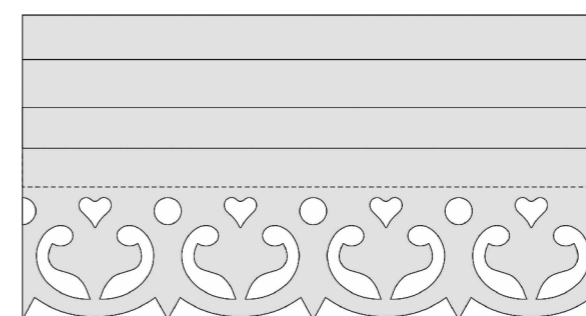

Рис. 29. Ул. Карла Либкнехта, 17с

5) чередования треугольников и сердечек (рис. 30);

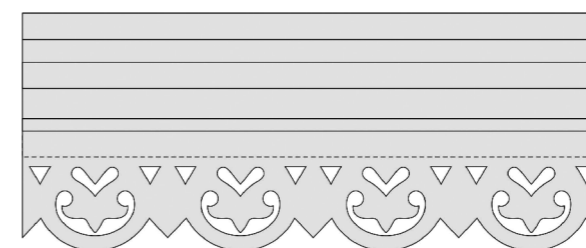

Рис. 30. Ул. Александра Невского, 16 (утрачен)

6) чередования лучей разной величины (рис. 31);

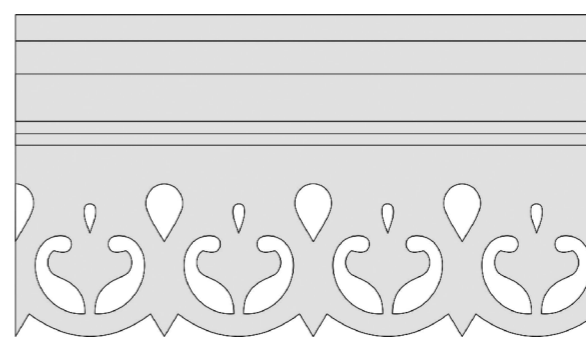

Рис. 31. Ул. Лесная, 65

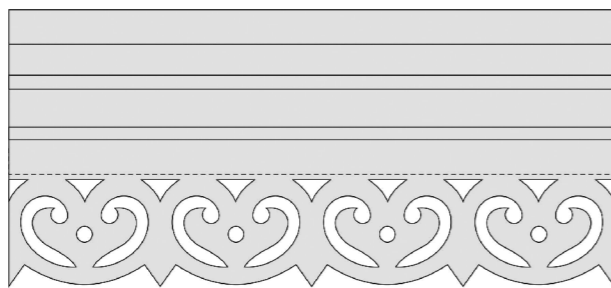

Рис. 24. Ул. Освобождения, 79

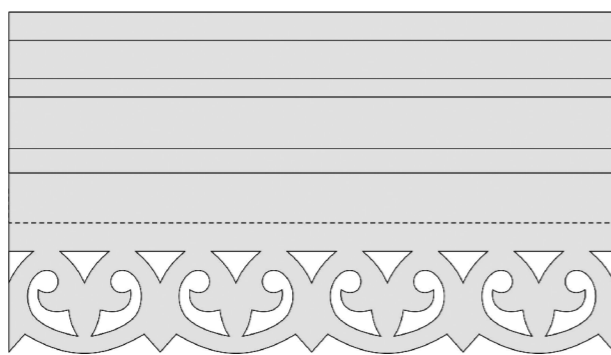

Рис. 25. Ул. Богдана Хмельницкого, 30а

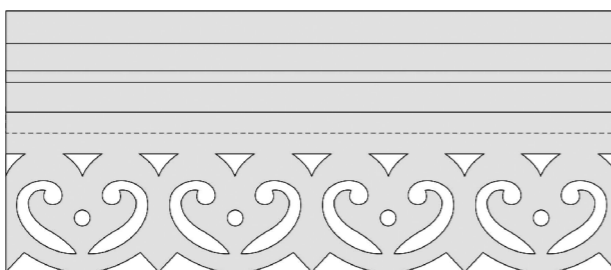

Рис. 26. Ул. Черского, 4

Рис. 27. Ул. Комсомольская, 49

Здание, в котором в 1907 г. размещалась гимназия С. Е. Детьшевой и С. К. Протасовой (современный адрес – ул. Грязнова, 26).
Фото И. Бержинского, 2015 г.

давая своих детей на обучение, обязались «вносить сполна и в назначенные сроки положенную плату за учение», а также одевать девочку «прилично, по установленной форме, и снабжать ее всеми необходимыми учебными книгами и пособиями» [3]. Правила приема в школу были такие же, как в казенных гимназиях. Девочки же, выдержавшие экзамен в министерской гимназии, зачислялись в соответствующий класс без дополнительных испытаний.

В учебный план заведения наряду с такими обязательными предметами, как Закон Божий, русский язык, история, естественная история, чистописание, арифметика, геометрия, география, рисование, пение, рукоделие, было включено изучение французского языка. Немецкий и английский языки преподавались по желанию учащихся и за особую плату. Уроки французского сначала вела сама С. Е. Детьшева, которая прежде работала учительницей иностранных языков в прогимназии О. Г. Беляевой (в 1901–1903 гг.) [4], а затем и в женской гимназии В. С. Некрасовой (в 1904 г.) [5]. Позднее, когда административно-управленческие заботы уже не позволили начальнице школы отвлекаться на участие в учебном процессе, обучать девочек французскому языку стали другие педагоги: в 1907–1909 гг. это была Е. А. Родзиантковская (окончила курс частной женской гимназии Д. Д. Пономаревой-Оболенской в Харькове), в 1908–1909 гг. – А. С. Михайлова, выпускница Одесской частной женской гимназии А. В. Поликарповой, в 1909–1910 гг. – М. А. Мигай, в прошлом воспитанница Смольного института, в 1909–1911 гг. – Е. Т. Петренко, получившая образование в Уфимской женской гимназии.

Как и было обещано, на следующий год после открытия школы образовательную программу расширили. Примечательно, что школа уже 1 января 1907 г. значилась как учебное заведение первого разряда [6]. В соответствии с установленными правилами [7], частному училищу первого разряда, приближавшемуся по учебному курсу к классической гимназии, мог быть

присвоен, с утверждения министра народного просвещения, статус частной классической гимназии с полными правами правительственных гимназий: выпускники их имели право поступать в университет. Так и произошло. 4 июля 1907 г. газета «Сибирь» сообщила своим читателям, что, «согласно распоряжению господина министра народного просвещения, женское учебное заведение 1-го разряда С. Е. Детьшевой и С. К. Протасовой переименовывается в частную женскую гимназию с правами министерских гимназий» [8].

Желающих обучать своих дочерей в новой частной школе оказалось немало. В первый год существования училища его посещала 131 ученица. В 1908 г. гимназисток было уже 228 (пять классов, в том числе подготовительный). В последующие годы контингент продолжал расти, открывались основные и параллельные классы (см. табл.). В январе 1909 г. содержалось 218 девочек [9], а к концу 1909/10 учебного года здесь в шести классах насчитывалась уже 261 школьница [10]. 1 сентября 1910 г. в десяти классах приступили к учению 278 человек. Как следует из таблицы, многие классы были заполнены почти до предела. Так, в подготовительном и первом классах было по 40 девочек, во вторых и третьих классах, которые имели по два отделения, – по 60. В четвертом классе было 35 учениц, в пятом – 18, в шестом – 15, в седьмом – 10.

Таблица

Число учениц в гимназии С. Е. Детьшевой и С. К. Протасовой [11]

Класс	Число учениц			
	1907/08 уч. год	1908/09 уч. год	1909/10 уч. год	1 сент. 1910 год
Приготовительный	47	54	38	40
1	33	74 (2 отделения)	66 (2 отделения)	40
2	22	46	72 (2 отделения)	60 (2 отделения)
3	14	20	41	60 (2 отделения)
4	15	24	17	35
5	–	10	16	18
6	–	–	11	15
7	–	–	–	10
Итого	131	228	261	278

Учебное заведение, не имевшее собственного здания, располагалось в съемных помещениях. Первоначально это был дом Стратиевской под номером 6 на Преображенской площадке (возле церкви Преображения) [12]. Во второй половине 1907 г. гимназия размещалась уже в доме 32 (С. Н. Ламакина) по 3-й Солдатской улице (ныне ул. Грязнова, 26) [13], в 1908 г. – на Тихвинской улице, 3 (А. Н. Аглицкого, «второй дом от Большой» [14]; ныне ул. Сухэ-Батора, 16). В 1909–1911 гг. гимназия работала в доме И. С. Дубникова на углу Толкучей и Трапезниковской улиц, 1/15 (ныне соответственно угол пер. Гусарова, 2 и ул. Желябова) [15]. Это было большое двухэтажное каменное здание со всеми удобствами. Оно имело массивные, метровой толщины стены. Южный фасад его выходил на Ивановскую площадь с многолюдным мелочным базаром. Внутри помещение было просторным («площадь 190 квадратов» [16]), светлым. Учебные аудитории были на первом и втором этажах. Позднее, в 1911–1920 гг., здесь находилась частная женская гимназия В. С. Некрасовой.

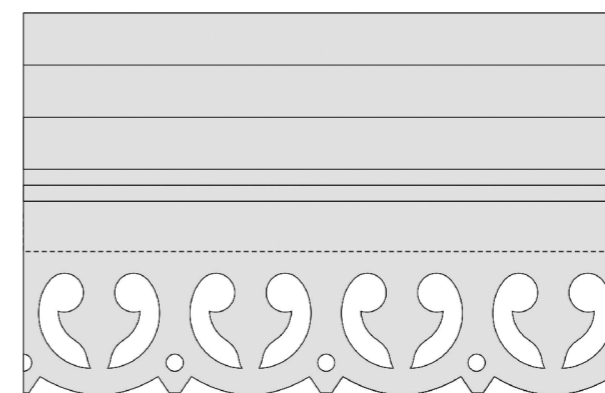

Рис. 20. Ул. Колхозная, 17

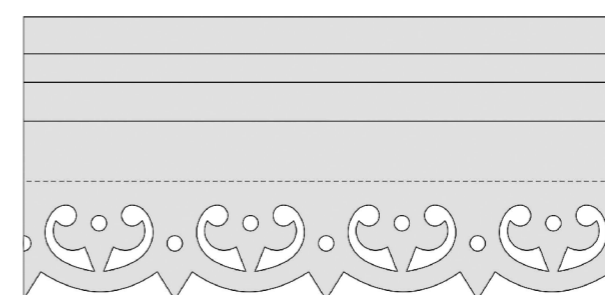

Рис. 21. Ул. Богграда, 14 (утрачен)

2) треугольников (рис. 22–27), в этом случае выпуклость верхней стороны треугольника как бы завершает полный абрис окружности, в которую вписан трилистник;

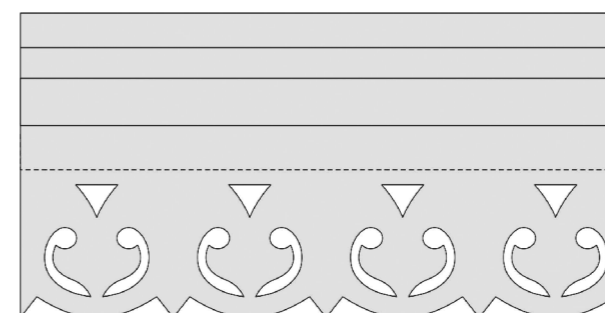

Рис. 22. Ул. Богдана Хмельницкого, 126

Рис. 23. Ул. Береговая, 47/1

Вариантов оформления нижнего края в виде выступающих полукружий нам также встретилось немного. В этих случаях трилистник оказывается вписанным как бы в окружность. При этом могут делаться и дополнительные порезки, например, сквозные круги по центру трилистника (рис. 17)

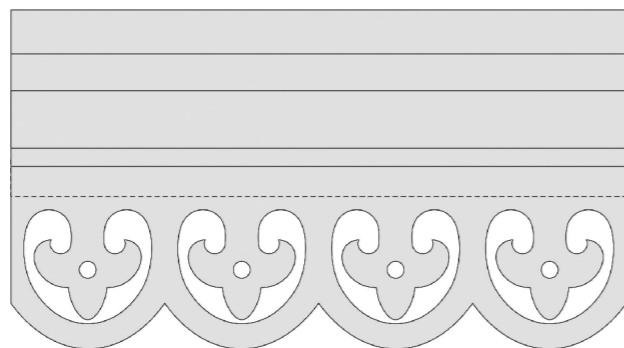

Рис. 17. Ул. Освобождения, 167а

или над вершинами сочленений окружностей, образующих нижний край подзорной доски (рис. 18).

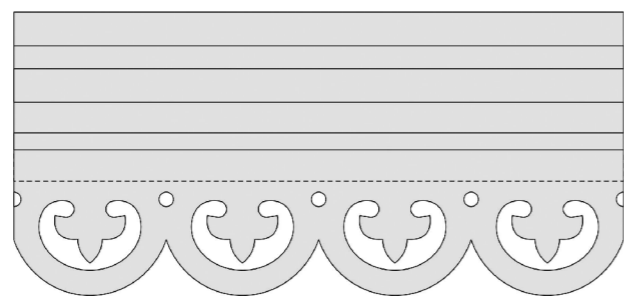

Рис. 18. Ул. Волжская, 15

Гораздо чаще встречаются варианты, в которых линия полукружий нижнего абриса разделена зигзагообразными выступами, что несколько меняет его восприятие, однако трилистник по-прежнему остается вписанным в окружность.

При этом рисунок со вписанным в окружность трилистником может быть усложнен дополнительными рядами пропиленных:

- 1) кругов (рис. 19–21);

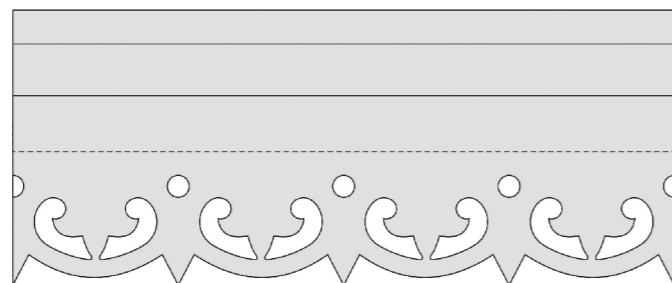

Рис. 19. Ул. Бограда, 146 (утрачен)

Дом на ул. Сухэ-Батора, 16, бывший А. Н. Аглицкого, где в 1908 г. работала гимназия С. Е. Детьшевой и С. К. Протасовой.
Фото И. Бержинского, 2011 г.

Плата, установленная за право учения, была довольно высока для рядового обывателя. При открытии школы в 1907 г. она составляла: в подготовительном классе – 54 руб., в первом и втором – 62, в третьем – 72, в четвертом – 82 руб. в год. На следующий учебный год стоимость образовательных услуг была повышена и оставалась таковой до конца 1910 г. За ученицу подготовительного класса необходимо было вносить в кассу заведения 60 руб., в первом и втором – 70, в третьем – 80, в четвертом – 90, с пятого по седьмой – 100 руб. [17]. Изучение немецкого языка оплачивалось из расчета 10 руб. в год, английского – 12 руб. Французский язык, как и раньше, преподавался бесплатно. При гимназии с августа 1907 г. существовал пансион на 20 воспитанниц, содержание в котором обходилось в 300 руб. в год.

Администрация гимназии строго следила за посещаемостью учебных занятий. С родителей учениц кроме подписки с обязательством своевременной оплаты за учение требовали подписку об исправном посещении их детьми классов. За пропуск уроков по неуважительной причине нерадивую школьницу могли исключить из гимназии.

Воспитание учениц было одной из приоритетных задач учредительниц. Особое предпочтение отдавалось организации ученических вечеров. Об одном из таких мероприятий в 1909 г. живописно рассказала газета «Восточная заря»: «Вечер открылся пением "Боже, Царя храни", исполненным хором учениц гимназии. Затем на специально для этого приспособленной сцене ученицами была довольно живо разыграна пьеса – сказка "Белоснежка", к сожалению, чересчур длинная для подобного вечера, немало утомившая гостей. Из исполнительниц особенно выделялись м-лле Евтихьева (Белоснежка), Маркова (Королева) и Черненко (Бертольд). Юным артисткам, особенно м-лле Евтихьевой, много аплодировали. Сказка закончилась живой картиной – апофеозом. Красиво расположенные группы, изящные костюмы, позы – все при световых эффектах – заставили гостей несколько раз просить повторения живой картины. В интермедии из оперы "Пиковая дама" большое впечатление на публику произвел

приятный голос Чуприяновой (Маловзора), мило вместе с Венцель (Прилепа) пропевшей известное "Мой миленький дружок".

Недурен был балет в интермедии. Костюмы были изящны.

В перерыве гостям было предложено угощение. Во все время вечера играл оркестр военной музыки 26-го В[осточно]-С[ибирского] стр[елкового] полка.

Танцы затянулись далеко за полночь. Гостей была масса» [18].

Этот вечер удостоили своим посещением иркутский генерал-губернатор – егермейстер двора его императорского величества тайный советник Л. М. Князев, а также исполнявший должность иркутского губернатора статский советник А. И. Юган и главный инспектор училищ Восточной Сибири действительный статский советник Г. П. Василенко [19].

В октябре 1909 г. к 100-летию юбилею А. В. Кольцова в гимназии, как и в других школах Иркутска, было устроено ученическое литературное утро, где не только были прочитаны биография чествуемого поэта и его стихотворения, но и разыграны небольшие сценки из произведений [20]. 27 ноября того же года в программу литературно-музыкального вечера вошли отрывки из оперы «Пиковая дама». Аккомпанировала юным исполнительницам преподавательница А. С. Перетолчина. После концертного отделения были организованы танцы, почта и игры [21].

Любимым праздником детей была елка. Как правило, это мероприятие проходило очень оживленно. Ученицы декламировали стихотворения, всем гимназисткам по билетикам раздавались игрушки, после чего начинались танцы, продолжавшиеся до четырех часов утра. Среди посетителей были родители воспитанниц, а также много учащейся молодежи.

История сохранила имена некоторых учениц этого образовательного учреждения. В 1911 г. окончили гимназию С. Е. Детишевой и С. К. Протасовой дочь «бывшего учителя Иркутской губернии» Виктория Ивановна Гноева (родилась 20 января 1891 г.); дочь крестьянина-инородца Варвара Алексеевна Голянковская (родилась 1 декабря 1892 г.), содержащаяся до 1907 г. в Сиропитательном доме Е. Медведниковой; дочь мещанки г. Пятигорска М. И. Розен Валентина Константиновна Розен (родилась 8 октября 1895 г., г. Моздок), которая поступила на учение в 1908 г. из Верхнеудинской гимназии, а ранее обучалась в Харбинской гимназии. Известно также, что в заведении С. Е. Детишевой с 1909 по 1911 г. учились дочь баронессы Нина Притвиц (поступила из рязанской Мариинской женской гимназии), а также Параскева Могилева, Надежда Шубина, Инна Поппе, Анна Глазкова и Зинаида Щапова [22].

Стоит сказать, что в условиях острого дефицита педагогических кадров, когда на работу в учебные заведения региона нередко приглашались выпускники из европейской части России, владельцы частных школ решали эту проблему за счет привлечения учителей из государственных гимназий и училищ. Другим источником пополнения кадрового ресурса были высокообразованные лица, состоявшие на государственной службе. Так было и в гимназии С. Е. Детишевой и С. К. Протасовой. Среди преподававших в этом заведении встречаются имена известных в Иркутске людей. Это художница М. Н. Бабановская (1908–1910), священники Н. П. Дербский (1909–1911) и К. П. Подгорбунский (1909–1911), протоиерей Н. И. Загопляев (1907–1909), учитель танцев О. М. Кац (1907–1909), помощник делопроизводителя в Канцелярии иркутского губернатора А. И. Колмаков (1907–1911), кандидат богословия, помощник инспектора Иркутской духовной семинарии А. М. Мышкин (1907–1909), помощник начальника

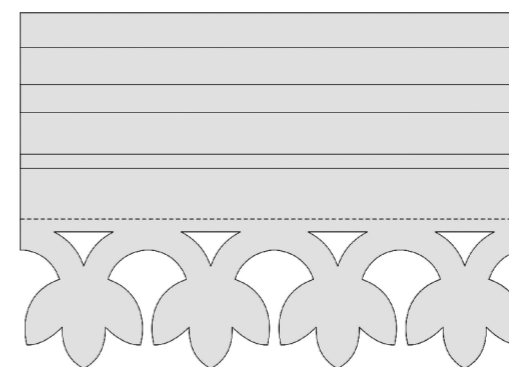

Рис. 13. Ул. Грязнова, 9д

Эти реальные изображения имеют и немного более усложненные и стилизованные аналоги (рис. 14, 15).

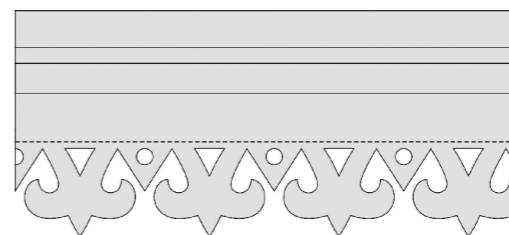

Рис. 14. Ул. Ремесленная, 21б

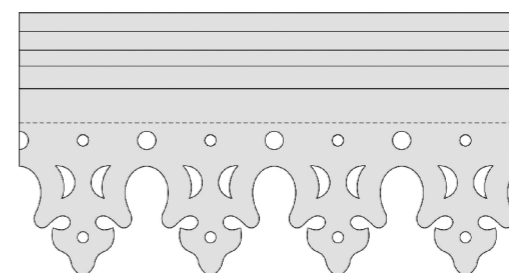

Рис. 15. Ул. Дзержинского, 37а

Но свободно ниспадающего трилистника на подзорах наличников Иркутска немного – более привычен для наших мастеров трилистник, вписанный в разного рода геометрические фигуры: окружности, овалы, сердечки – в соответствии с манерой оформления нижнего края подзорной доски.

Вариант оформления нижнего края подзорной доски в виде волны в сочетании с трилистником на улицах Иркутска нам встретился только однажды. Трилистник больше, слегка наклонен, разделен вертикальными лучами и, скорее, напоминает изображение ягоды (рис. 16).

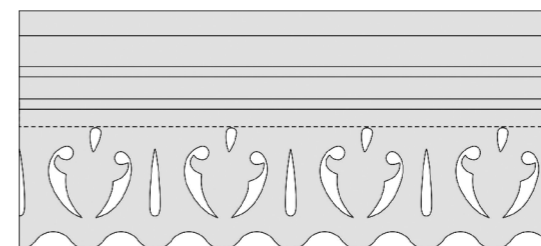

Рис. 16. Ул. 6-я Советская, 78/2

равная во всех приведенных случаях) говорит о размерах подзорной доски и ее декора: миниатюрного или более крупного.

А бывает еще проще: тот же самый абрис нижнего края, но сквозные отверстия уже так малы, что скорее не разделяют трилистник, а весьма схематично выделяют боковые листья (рис. 10).

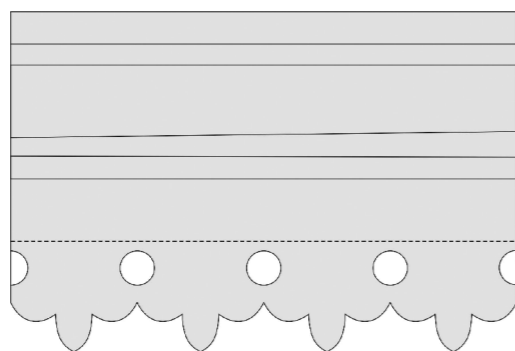

Рис. 10. Ул. Щапова, 45

Можно встретить и круговые отверстия еще более неприметные, чередующиеся с небольшими треугольными пропилами в основании трилистника (рис. 11). В этом случае все уже настолько схематично, что без известной доли воображения и должного интереса такое изображение трилистника можно просто не заметить.

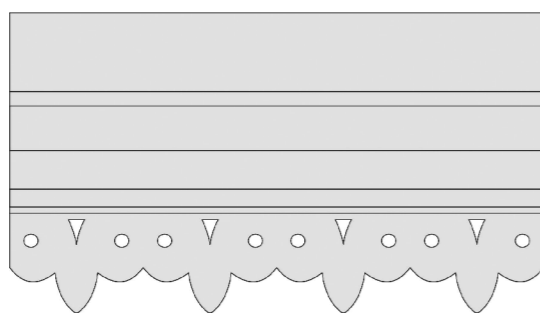

Рис. 11. Ул. Грибоедова, 46

Более реалистичны ряды полностью разделенного трилистника различных очертаний с треугольными порезками в основании, для узнавания которых воображение можно оставить в покое (рис. 12, 13).

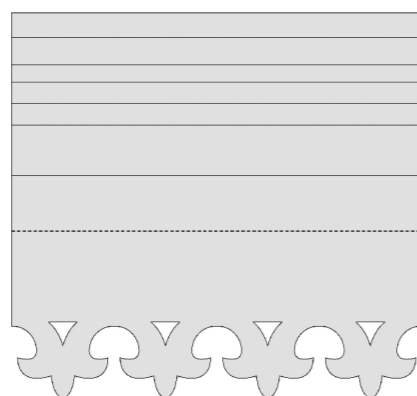

Рис. 12. Ул. Свердлова, 9

5-го участка службы пути Забайкальской железной дороги А. Ф. Обидзинский (1907–1911), первый председатель Иркутского фотографического общества И. М. Портнягин (1909–1910), преподаватель Иркутского военного училища полковник П. Г. Фелицын (1911), барон Н. Н. Ховен (1909–1911), преподаватель Иркутского мужского духовного училища П. П. Явловский (1909–1911) – автор-составитель двухтомной «Летописи города Якутска», и многие другие. Здоровье детей находилось под пристальным вниманием Василия Павловича Никитенко, помощника врачебного инспектора в Иркутске.

С начала 1909/10 учебного года гимназия С. Е. Детьшевой и С. К. Протасовой стала обнаруживать расстройство в денежных и хозяйственных делах, доведшее ее до задолженности даже перед преподавателями, которые стали обращаться в учебный округ со справедливыми жалобами. В феврале 1910 г. мировой судья, находившийся в Ремесленной слободе, постановил взыскать с Детьшевой и Протасовой в пользу бывшей учительницы А. С. Вешняковой неуплаченное ей жалованье в размере 92 руб. Причем дело слушалось дважды, и оба раза в отсутствие представителя от гимназии.

Справедливости ради отметим, что первые признаки назревавшей проблемы начали проявляться еще в сентябре 1907 г. В частности, газета «Сибирь» писала, что «несмотря на начало занятий 16 августа, некоторым из лиц педагогического персонала не уплачено жалование. Администрация гимназии мотивирует это невнесением частью учениц платы за право учения» [23].

Летом 1910 г. школа уже переживала серьезный финансовый кризис. Личных средств С. Е. Детьшева и С. К. Протасова не имели, а поступлений денег за обучение гимназисток было «далеко недостаточно для удовлетворения всех расходов, сопряженных с правильным функционированием учебного заведения» [24]. Так, арендная плата за помещение поглощала треть бюджета – 6 000 руб. в год, «при непременной уплате денег вперед по полугодиям» [25]. Содержание прислуги и отопление обходились в 1 500 руб. На жалованье личному составу требовалось 11 880 руб.

Учредительницы объясняли, что испытываемые гимназией денежные затруднения являются следствием неполучения от многих учениц платы за право учения. Недоборы с неимущих школьниц наблюдались ежегодно: в 1907 г. недополучено 258 руб., в 1908 г. – 805, в 1909 г. – 1 219 руб. [26] и т. д. Кроме того, часть гимназисток – из беднейших слоев – вообще обучалась бесплатно, однако школа ни разу не получила от города какой-либо материальной поддержки.

В качестве другой проблемы, повлиявшей на такое положение дел, указывалось, что «гимназия сразу была открыта в составе четырех классов, почему расходы на обстановку их и содержание превысили значительно приход от платы немногочисленных (130) учениц» [27]. При этом заведение, где обучались дочери большей частью коренных жителей города, было прекрасно оснащено, имело «полный инвентарь» [28].

14 июня 1910 г. Софья Евграфовна направила в городскую думу ходатайство о выдаче ей денежной ссуды или субсидии в 5 000 руб. для поддержания гимназии. Туда же обратился с посланием и главный инспектор училищ Восточной Сибири Григорий Петрович Василенко, где сообщал, что «...в гимназии Детьшевой обучаются дети по преимуществу жителей г. Иркутска... с закрытием гимназии учащиеся ее останутся за бортом школы, так как местные женские гимназии положительно переполнены...» [29]. Он просил думу оказать поддержку

учебному заведению накануне первого его выпуска. Однако местные власти, несмотря на «несомненную пользу для города средних учебных заведений и засвидетельствованную г. главным инспектором училищ В[осточной] С[ибири] необходимость в субсидии гимназии Детьшевой», отказались выдать ссуду из-за отсутствия свободных средств у городского общественного управления [30].

Обеспокоившись сохранением женского среднего учебного заведения С. Е. Детьшевой и С. К. Протасовой и положением учащихся и учащихся, иркутский генерал-губернатор А. Н. Селиванов, в целях упорядочения финансовой и хозяйственной части гимназии, признал целесообразным организовать при этой школе «попечительство из некоторых родителей учащихся и лиц, которые признавали необходимость и пользу ее. Попечительству было вменено в обязанность без каких-либо ограничений... озаботиться уплатой жалования преподавателям в сентябре месяце 1910 года, с предупреждением, что иначе гимназия должна быть передана другим учредителям или даже закрыта» [31].

7 июля 1910 г. изъявили желание стать членами попечительного совета учебного заведения управляющий Иркутским отделением Волжско-Камского банка Владимир Владимирович Вишняков, инспектор Иркутского духовного училища Владимир Петрович Васильевский, иркутские купцы Исай Яковлевич Винник, Алексей Подолинский, Владимир Владимирович Полторацкий. Попечительный совет вступил в исполнение своих обязанностей с 21 июля. Он собирался еженедельно по средам и даже дал объявление в прессе о приеме прошений во все классы – с приготовительного по седьмой включительно [32].

Но организация попечительства не улучшила дела. В начале ноября попечительный совет распался. Как сообщала своим читателям газета «Восточная заря», «некоторые члены выехали из города, а остальные отказываются, ввиду того, что начальница гимназии г-жа Детьшева, получая деньги с учениц за право учения, расходует их по своему личному усмотрению – на уплату прежних обязательств по векселям, почему не произведена до сих пор уплата за второй месяц аренды за квартиру дома Дубникова» [33].

Один из таких векселей, например, был предъявлен к оплате Иркутской губернской тюремной инспекцией. Согласно этому документу, в мастерских иркутской тюрьмы для гимназии были исполнены следующие работы: исправлены и окрашены 70 старых парт и четыре классные доски, изготовлены шкаф большой с бемскими стеклами, 51 парта, два шкафа (для галош), обеденный стол и скамейка, ящик большой (ларь), две новые классные доски. Общая сумма долга составила 727 руб. 30 коп. [34].

Ревизией, которую по распоряжению руководства учебного округа провел в декабре 1910 г. директор Иркутского учительского института П. Н. Жданов, было установлено, что финансовое и хозяйственное положение гимназии находилось в полном расстройстве («полный беспорядок в документах по финансовой и хозяйственной части» [35]), а учредительницы ее – в задолженности. Такое положение вещей, конечно, не могло не повлиять нежелательным образом и на учебно-воспитательную сторону дела в школе.

В феврале 1911 г. в камере мирового судьи второго участка Иркутска вновь слушалось дело по искам учительниц – теперь уже А. С. Перетолчиной и М. М. Поповой – к начальнице гимназии С. Е. Детьшевой по поводу невыплаты причитавшегося им жалованья. Признав иск доказанным, судья вынес решение взыскать с госпожи Детьшевой в пользу истиц необходимые суммы – 150 и 161 руб. соответственно, а также судебные издержки [36].

Нижний край подзорных досок может быть оформлен: в виде волны (рис. 1); выступающих полукружий (рис. 2); врезанных полукружий с соприкасающимися краями (рис. 3), с большими (рис. 4) или меньшими (рис. 5) расстояниями между ними; чередованием выступающих полукружий и остроконечников (рис. 6); остроконечников (зигзага) с ровными (рис. 7) или изогнутыми (рис. 8) сторонами.

Изображения трилистника, созданные с помощью прорезей плоскости подзорной доски, сочетаясь с различными вариантами оформления ее нижнего края, как правило, оказываются вписанными в окружности или сердечки.

Следует заметить, что декоративное оформление нижнего края подзорных досок, созданное разного рода сочетаниями сквозных отверстий, волнистых и зигзагообразных линий, полукружий, зубцов и различных вырезов по краю доски, изначально было не простой суммой отдельных очертаний, а являлось защитой от вездесущих сил зла «при помощи макрокосма, тщательно воспроизведенного во всех своих элементах в декоре жилища, которое становилось микрокосмом семьи» [9].

Подобное оформление подзоров и причелин стало традицией или даже бессознательным пережитком прошлого, со временем утратившими космогоническую представленность и сакрально-охранительные функции, заложенные изначально.

Описание различных сюжетов размещения трилистника на плоскости подзорной доски мы будем вести в соответствии с вышеприведенной схемой оформления ее нижнего края, являющегося традиционным изображением идеограммы воды. Однако сначала мы рассмотрим самую простую и сравнительно немногочисленную группу – свободно ниспадающий трилистник. И примеров таких изображений немного, и повторений нет. В общем – единичная работа. Сказал бы «авторская», но здесь все так просто и безыскусно, что сказать так язык не поворачивается.

Вот, например, вариант, когда мы видим две дуговые порезки по нижнему краю подзорной доски, зигзаг, вновь две дуги и т. д. Но не бесконечно. В совокупности с рядом круглых сквозных отверстий большего и меньшего диаметра по плоскости самой доски (поменьше – выделяющие центр, побольше – разделительные, но полностью не разделяющие) – и вот вам изображение трилистника: незатейливое, достаточно схематичное, но вполне узнаваемое (рис. 9).

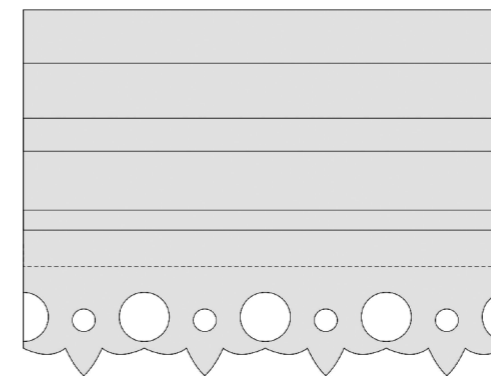

Рис. 9. Ул. Богдана Хмельницкого, 27а

Прямые линии на рисунке показывают изменения профиля карниза, пунктирные – дополнительные, более простые накладные подзоры, чаще всего – кирпичики или полукружия. А большая или меньшая ширина карниза (примерно

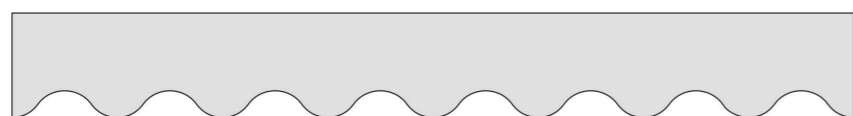

Рис. 1. Вариант оформления нижнего края подзорной доски. Волна

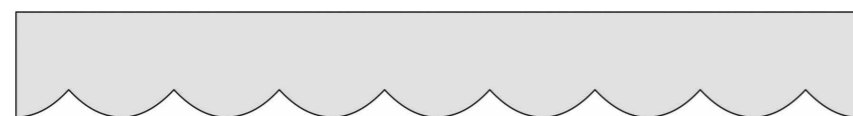

Рис. 2. Вариант оформления нижнего края подзорной доски. Выступающие полукружия

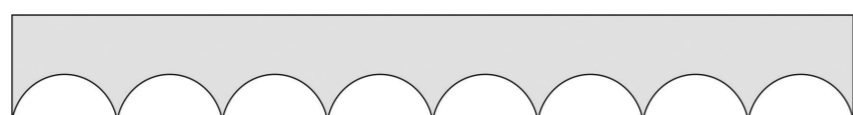

Рис. 3. Вариант оформления нижнего края подзорной доски. Врезанные полукружия, соприкасающиеся краями

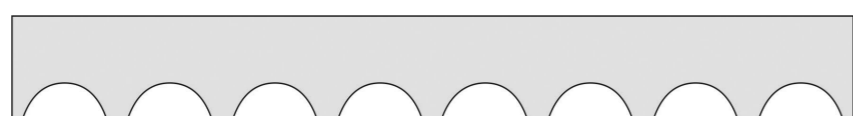

Рис. 4. Вариант оформления нижнего края подзорной доски. Врезанные полукружия с разделенными краями

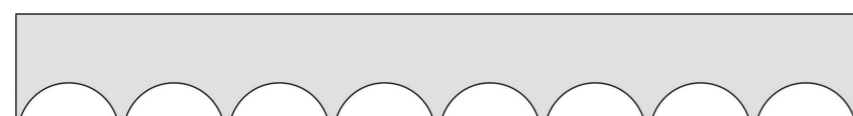

Рис. 5. Вариант оформления нижнего края подзорной доски. Врезанные полукружия с разделенными краями

Рис. 6. Вариант оформления нижнего края подзорной доски. Чередование выступающих полукружий и остроконечников

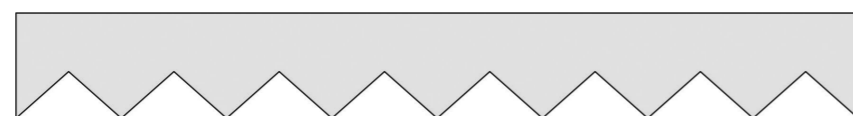

Рис. 7. Вариант оформления нижнего края подзорной доски. Остроконечники (зигзаг) с ровными сторонами

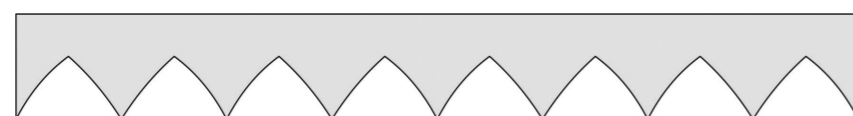

Рис. 8. Вариант оформления нижнего края подзорной доски. Остроконечники (зигзаг) с изогнутыми сторонами

Ни неоднократные предупреждения, ни меры, принимавшиеся учебно-о-кружным начальством к упорядочению дел в гимназии, не смогли улучшить финансовое и хозяйственное положение школы, и к концу 1910/11 учебного года заведение очутилось в таких условиях, при которых дальнейшее развитие его в учебно-воспитательном отношении сделалось невозможным. Ввиду таких обстоятельств иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев как попечитель учебного округа 21 июня 1911 г. приказал закрыть гимназию С. Е. Детьшевой и С. К. Протасовой и объявить об этом «через печатание» в «Иркутских губернских ведомостях» [37]. В качестве возможных мест для устройства гимназисток на дальнейшее обучение были названы частные женские учебные заведения В. С. Некрасовой, М. И. Смирновой и Иркутского отдела Союза русского народа.

В середине августа газета «Иркутские губернские ведомости» разместила объявление за подписью главного инспектора училищ Г. П. Василенко: «Частная женская гимназия С. Е. Детьшевой и С. К. Протасовой... распоряжением г. Иркутского генерал-губернатора от 21 мин[увшего] июля закрыта, о чем в июле же месяце учредительницы были поставлены в известность с указанием им на необходимость: 1) объявить о закрытии учебного заведения родителям учащихся и 2) безотлагательно возвратить ученицам их документы, представленные при поступлении в гимназию, а также выдать желающим из них удостоверения о прохождении гимназического курса в пределах окончанных ими классов» [38].

Чтобы сохранить для Иркутска женское среднее учебное заведение, дефицит которых местное население ощущало достаточно остро, учебное начальство намеревалось поставить гимназию в лучшее материальное положение путем передачи в другие руки. И такую инициативу проявила жена коллежского асессора Вера Степановна Проданова, имевшая звание домашней учительницы (окончила Саратовскую женскую гимназию). Эти намерения В. С. Продановой были в известной степени поддержаны ее мужем – чиновником Иркутской казенной палаты Александром Мелентьевичем Продановым, который 20 июня 1911 г. в одном из частных разговоров сообщил, что покупает гимназию Детьшевой и Протасовой и «делка состоится сейчас же, как только будет получено на это соответствующее разрешение учебного начальства» [39].

27 июня 1911 г. на имя главного инспектора училищ Восточной Сибири поступило заявление С. Е. Детьшевой, С. К. Протасовой и В. С. Продановой. Вышеуказанные персоны сообщали, что первые передают, а последняя берет в полную собственность частную женскую гимназию с правами для учащихся. Новая учредительница принимала на себя обязательство погасить все долги, «удовлетворить заслуженным содержанием учительский персонал гимназии». Она также писала: «По переходе гимназии в мою, Продановой, собственность прошу присвоить наименование "частная женская гимназия В. С. Продановой с правами для учащихся"» [40].

Ходатайство просительницы было удовлетворено. Вынесенная резолюция гласила: «Первоначально разрешается г-же Продановой открыть частное учебное заведение 1-го разряда в составе 7-ми классов, в кое поступят ученицы прежней частной гимназии Детьшевой и Протасовой... Вместе с тем возбудить от учебного округа ходатайство перед Министерством народного просвещения о присвоении... учебному заведению имени г. Продановой прав для учащихся, так как в состав этого учебного заведения входят ученицы прежней частной женской» [41].

Как сложилась дальше судьба этого учреждения, теперь уже В. С. Продановой, сведений обнаружить не удалось. Лишь в небольшой заметке, вышедшей в августе 1911 г., где шла речь о закрытии гимназии С. Е. Детьшевой и С. К. Протасовой, встречается такая фраза: «Остается только благодарить судьбу, что на эту гимназию, – общественное, так сказать, несчастье, не нашлось покупателя (были слухи, что какой-то чиновник собирается ее купить), и гимназия не натворила еще большего зла» [42].

Итак, школа С. Е. Детьшевой и С. К. Протасовой прекратила свое существование. Движимое имущество Софьи Евграфовны Детьшевой, а также классная обстановка ее гимназии были проданы с аукционных торгов [43]. (Школьный инвентарь куплен мужем В. С. Продановой [44].) Сама же бывшая начальница гимназии 21 июля 1912 г. обращалась к главному инспектору училищ Восточной Сибири с просьбой предоставить ей место учительницы русского языка, арифметики или иностранных языков в одном из учебных заведений округа «ввиду тяжелого материального положения» [45]. Имя второй учредительницы – С. К. Протасовой – встречается среди учителей Иркутского училища для слепых детей им. И. С. Хаминова, где она в 1914–1916 гг. преподавала рукоделие.

Публикации в местной прессе по поводу произошедших событий в целом давали общую негативную оценку работы гимназии. В частности, газета «Сибирь» писала: «...прославившаяся постоянными неплатежами учителям гимназия Детьшевой и Протасовой поставлена была в учебном смысле ниже всякой критики и заслуживала, безусловно, на наш взгляд, закрытия. Теперь, например, учениц... не так-то легко пристроить: приходится сплошь и рядом приглашать учителей и готовить к осенним вступным экзаменам. Знания у учениц этой гимназии так неверны, что сдавать детей приходится на класс, а то и на два ниже, да и то при подготовке» [46]. На низкий общеобразовательный уровень учениц ранее, в том же 1911 году, указывал и директор Иркутского учительского института, бывший председателем экзаменационной комиссии в учебном заведении С. Е. Детьшевой. Он сообщал вышестоящему начальству: «Что касается устных испытаний по математике, то здесь было обнаружено значительное число дефектов в области сознательного и ясного понимания и представления основных математических истин. На эту сторону преподавания, по-видимому, не обращалось совершенно должного внимания: преподающий большую часть времени тратил, вероятно, на то, чтобы набить руку с ученицами в употреблении практических навыков и приемов, которые были усвоены, да и то не всегда, ученицами чисто механически... Очень резко бросается в глаза также неумение учениц владеть связною речью, излагать в стройной и логичной последовательности свои мысли...» [47]. Относительно же классной дисциплины П. Н. Жданов отмечал, что экзаменовавшиеся ученицы вели себя в достаточной степени корректно и благопристойно.

В то же время, обсуждая последствия закрытия этого учебного заведения, которое на момент окончания своей деятельности, «худо ли или же хорошо», вмещало до 270 учениц [48], общественность города поднимала вопрос о необходимости учреждения в Иркутске третьей казенной женской гимназии, нужда в которой заметно ощущалась «с открытием каждого учебного года»: большое число учениц ежегодно оставались «за бортом школы в виду недостатка мест» [49] в существовавших средних школах.

А. Ю. Исеев

ТРИЛИСТНИК НА ПОДЗОРАХ НАЛИЧНИКОВ ИРКУТСКА

В течение XIX в. пропильная резьба стала одним из наиболее распространенных приемов в декоративном оформлении построек русского деревянного зодчества, существенно изменившим внешний вид города и деревни. Красота, доступность и дешевизна определили повсеместность распространения и неограниченность применения: горизонтальные подзоры [1] и вертикали пилястр [2], фриз [3] и наличники [4], плоскости стен, фронтонов [5] и ворот... – редкий конструктивный элемент здания не украшался ажуром пропильной резьбы. В ряде статей, посвященных пропильной резьбе Иркутска, автор достаточно подробно рассмотрел вопросы, связанные с ее появлением и развитием; с приемами, методами и некоторыми мотивами оформления деревянных зданий, характерными для пропильного декора нашего города [6]. Поэтому в рамках данной статьи мы не будем возвращаться к освещению этих проблем. Желающие более подробно ознакомиться с ними могут обратиться к вышеуказанным статьям или к замечательной книге А. И. Скворцова [7].

Отметим лишь, что пропильная резьба в русском деревянном зодчестве – явление достаточно позднее, связанное с переходом от самцовых конструкций крыш к стропильным, с появлением пиленых досок и началом широкого употребления в строительстве различных видов пил. Основные мотивы оформления подзорных досок имеют прототипы в декоре причелин зданий на самцах и сквозной резьбе древнерусских мастеров. Однако первоначальные сюжеты и образцы в XIX–XX вв. были значительно усложнены и творчески развиты.

Одним из излюбленных мотивов в растительном орнаменте пропильной резьбы уже в конце XIX в. стало изображение трилистника: реалистичное и стилизованное, близкое к очертаниям цветов или листьев существующих растений и вариации на тему, простые ряды повторов одного и того же изображения и причудливые сочетания совершенно различных очертаний, вызванные к жизни ничем не ограниченной фантазией и мастерством блестящих Творцов декоративной резьбы прошедших веков.

Методы получения и основные мотивы изображения трилистника на подзорах карнизов и фриз деревянных зданий Иркутска рассмотрены автором в предыдущей статье [8]. Данная работа – очередная глава будущей книги «Трилистник в пропильной резьбе Иркутска».

Варианты оформления нижнего края подзорной доски, пропилов и прорезей, формирующих ее рисунок, а также основные мотивы декора имеют много общего с подзорными досками карнизов, зачастую просто копируя последние, как бы являясь их уменьшенными копиями. И это понятно – и длина, и ширина подзорных досок очелей наличников значительно меньше, потому и их сюжеты проще и незатейливее. Единственным существенным различием является то, что подзорные доски карнизов несут значительную конструктивную нагрузку, прикрывая торцы стропильных конструкций от сырости и загнивания, а подзорные доски наличников – чисто декоративный элемент.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Царев В. В., Царев В. И. Описания крестьянских домов Нижнего Приангарья исследователями в XIX – начале XX в. // Баландинские чтения. Новосибирск, 2015. Т. 10, № 1. С. 65.
2. Фотографии из фондов Красноярского краевого музея «Быт Енисейской губернии к. XIX – нач. XX вв.» [Электронный ресурс] – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2003. 1 CD-ROM.
3. Нефедьева А. К. История дома святителя Иннокентия Вениаминова в с. Анга // Русская Америка: материалы III Международной научной конференции «Русская Америка». Иркутск, 2007. С. 352.
4. Серебренников И. И. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. Иркутск: Паровая тип. И. П. Казанцева, 1915. С. 11.
5. Леонов Г. А., Леонова Т. Г. Народная культура Илимского края: по архивным материалам рубежа 1920–1930 гг. Омск: Амфора, 2009. С. 247.
6. Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1953. С. 74.
7. Там же. С. 82.
8. Маковецкий И. В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1971. С. 137.
9. Там же. С. 140.
10. Лыхин Ю. П. Ленское жилище в XVII–XIX веках // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2015. Вып. 7. С. 175.
11. Маковецкий И. В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII–XX вв.). С. 117.
12. Жарников З. Ю. Историко-дендрохронологический анализ памятников деревянного зодчества северо-запада Иркутской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. С. 22.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О разрешении открывать частные пансионы в С. Петербурге и Москве без ограничения числа их // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ХСIII. Март. Отд. 1. СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1857. С. 33.
2. Иркутские губернские ведомости. 1906. 8 нояб.
3. ГАИО. Ф. 193. Оп. 2. Д. 16. Л. 7 об.
4. ГАИО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 27. Л. 3.
5. ГАИО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 28. Л. 3.
6. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109. Л. 112.
7. Об изменении и дополнении ныне действующих узаконений о частных училищах: постановление министра народного просвещения (утверждено 18 февраля 1868 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 1. СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1868. С. 134–136.
8. Сибирь. 1907. 4 июля.
9. Всеобщее общедоступное, начальное образование: доклад. Иркутск: Паровая типо-тография П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1909. С. 50.
10. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109. Л. 11–11 об.
11. Там же. Л. 14 об., 21 об., 32.
12. Сибирь. 1907. 6 мая.
13. Иркутские губернские ведомости. 1907. 27 июля.
14. Сибирь. 1908. 26 июля; Чирков Н. С. Иркутск в кармане: справочник 1908/9 г. Иркутск, 1908. С. 61.
15. Сибирь. 1909. 6 авг.; Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 год. Иркутск: Тип. И. П. Казанцева, 1911. С. 336.
16. Восточная заря. 1910. 20 мая.
17. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109. Л. 14 об., 32.
18. Восточная заря. 1909. 29 нояб.
19. Там же. 1910. 1 дек.
20. Сибирь. 1909. 7 окт.
21. Там же. 27 нояб.
22. ГАИО. Ф. 63. Оп. 5. Д. 23. Л. 7, 8.
23. Сибирь. 1907. 28 сент.
24. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109. Л. 11.
25. Там же. Л. 11 об.
26. Там же.
27. Восточная заря. 1910. 9 июня.
28. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109. Л. 16.
29. Там же. Л. 30.
30. Восточная заря. 1910. 10 июля.
31. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109. Л. 112 об., 113.
32. Восточная заря. 1910. 1 авг.
33. Там же. 6 нояб.
34. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109. Л. 123.
35. Там же. Л. 43.
36. Сибирь. 1911. 23 февр.
37. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109. Л. 78 об., 113 об.
38. Иркутские губернские ведомости. 1911. 17 авг.
39. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109. Л. 85.
40. Там же. Л. 83.
41. Там же. Л. 83 об.
42. Сибирь. 1911. 5 авг.
43. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109. Л. 124.
44. Там же. Л. 85.
45. Там же. Л. 111.
46. Сибирь. 1911. 5 авг.
47. ГАИО. Ф. 193. Оп. 2. Д. 16. Л. 14 об.
48. Сибирь. 1911. 4 сент.
49. Там же. 25 авг.

М. Л. Ометова

**УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА
В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИРКУТСКИЙ УЕЗД).
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ**

Настоящая статья является продолжением работы над составлением «Словаря учебных заведений духовного ведомства Иркутской губернии». Ранее была опубликована выборка материалов по Балаганскому уезду [1], в данной статье представлен материал по Иркутскому уезду. Материал систематизирован по ранее определенным разделам: I. Второклассные ЦПШ (в Иркутском уезде второклассные школы были запланированы, но, к сожалению, так и не открылись). II. Двухклассные ЦПШ (7 школ в уезде). III. Одноклассные ЦПШ (65 школ, в данной статье буквы А–Е). IV. Школы грамоты (42, в данной статье буквы А–Е). V. Иностранческие школы грамоты (8 школ, в отчетах «Иркутских епархиальных ведомостей» только в Иркутском уезде отдельно выделены иностранческие школы грамоты). VI. Миссионерские ЦПШ (10 школ).

I. ВТОРОКЛАССНЫЕ ЦПШ

В июне 1896 г. было указано Училищным советом при Св. Синоде поспешить с открытием второклассных школ с начала 1896/97 учебного года, хотя бы и во временных помещениях, в нескольких пунктах епархии, в том числе в Иркутском уезде – в с. Тунка. Помещение в Тунке было найдено, была возможность обставить его, но учителей для школы не нашлось, поэтому второклассная школа здесь так и не была открыта [2].

II. ДВУХКЛАССНЫЕ ЦПШ

**ВОЗНЕСЕНСКО-МОНАСТЫРСКАЯ ДВУХКЛАССНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(г. Иркутск)**

В 1905 г. в ней преподавало 2 учителя, обучалось 43 мальчика.

1909 г. – 2 законоучителя (1 священник и 1 иеромонах), 2 учителя, обучалось 60 мальчиков.

1910 г. – 1 законоучитель-священник, 2 учителя, обучалось 57 мальчиков.

1911 г. – 1 законоучитель-учитель, 2 учителя, обучалось 72 мальчика.

1912 г. – 1 законоучитель-учитель, 3 учителя, обучалось 32 мальчика.

1914 г. – 1 законоучитель-священник, 1 учитель, обучалось 32 мальчика.

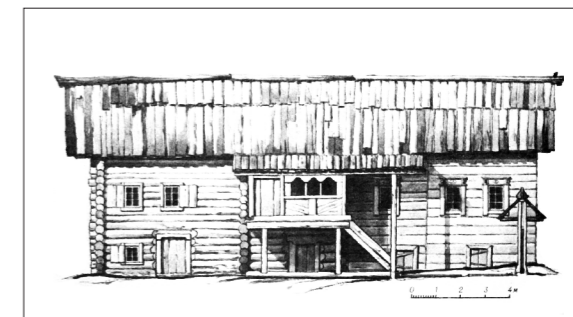
**КУЛТУКСКАЯ СЕЛЬСКАЯ ДВУХКЛАССНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(с. Култук Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Год основания не установлен.

В 1914 г. в школе преподавали 1 законоучитель и 2 учителя, обучалось 58 мальчиков и 53 девочки.

В 1916 г. – 1 законоучитель и 3 учителя, обучалось 59 мальчиков и 40 девочек [3].

из старой и новой половин. Старая дворовая половина имеет традиционную внутреннюю планировку. Новая половина, уходящая на улицу, значительно шире старой, имеет дополнительный переруб и печь, тяготеющую к центру половины. В подклете обеих половин располагаются двери и окна немного меньших размеров, чем этажом выше. Одно из крылец избы схоже с крыльцом дома Вдовина по типу, т. е. также имеет перила, забранные в косяк, и аркадные проемы над ними.

*Ил. 9. Изба в с. Братск.
Из ст. И. В. Маковецкого «Деревянное
зодчество Среднего Приангарья
(XVII–XX вв.)»*

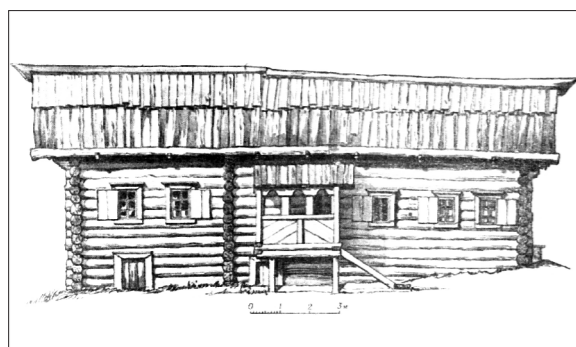
Таким образом, рассмотрено восемь различных домов с условными датировками от XVIII до первой половины XIX в. Их достаточно представительное количество позволяет выделить ряд отличительных черт, несвойственных избыной архитектуре уже со второй половины XIX в.

В первую очередь к ним относится активное использование высокого подклета в качестве хранилища и для содержания скота, что находит аналогии в описании дворов конца XVII – начала XVIII в. [10]. Привлекает внимание выемка паза-канавки в верхней части бревна, что преобладало в плотницкой технологии в период с XI по XVI в., о чем свидетельствуют раскопки древнерусских городов [11]. Конструкция крыш часто имеет сильный вынос в торцовых фасадах, а слезы врублены через каждое бревно. В системе размещения и комбинации волоковых и колодных окон наблюдается своя закономерность. Как правило, колодные окна прорубались в центре фасада, волоковые размещались по бокам от них, иногда очень близко к углу здания. Совершенно отсутствует симметричное расположение колодного и волокового окон на одном фасаде, где последнее было бы равнозначно колодному. Помимо наличия волоковых окон в жилых помещениях, сами типы оконных и дверных коробок также имеют архаизмы в виде массивных колод с косым сцеплением. Подобным образом обрамлены проемы многих точно датированных памятников деревянного зодчества Сибири XVII–XVIII вв., к которым относятся острожные башни и церкви [12]. В некоторых колодных окнах рассмотренных жилых построек уже наблюдается вертикальное вытягивание пропорций при сохранности архаичного облика самой коробки, что, вероятно, является переходом к позднему варианту оконного обрамления. К другим отличительным чертам относится малая высота дверного проема, также аналогичная памятникам XVII в., в частности башням Братского острога. Последним архаизмом в данном списке является потолок, выполненный из бревен.

Все вышеперечисленные конструктивные элементы не являются редкими исключениями, характерными только для местной архитектуры, напротив, они вполне типичны для деревянного зодчества восточных славян XVII–XVIII вв. Тем не менее надо заметить, что среди отличительных деталей примерно половину невозможно было бы выявить в рассматриваемом регионе при помощи одних только археологических и архивных исследований. Поэтому изучение иллюстраций давно исчезнувших сооружений имеет важное значение для реконструкции жилищных построек времен начала освоения Сибири.

Ил. 7. Изба в г. Минусинске.
Из кн. Е. А. Ащепкова
«Русское народное зодчество
в Восточной Сибири»

Ил. 8. Изба в с. Братск.
Из ст. И. В. Маковецкого «Деревянное
зодчество Среднего Приангарья
(XVII–XX вв.)»

сбоку ближе к предыдущему фасаду. Дверные проемы высотой всего лишь 1,4 м обрамлены массивными косяками, судя по рисункам автора, с косым сцеплением. Потолок выполнен из цельных бревен.

В Минусинске Е. А. Ащепков изучил трехчастную избу-связь, возраст которой, по сообщению местных жителей, уходит в XVIII в. [7]. Дом размерами 16 х 5 м имеет обширные сени с выходами на обе стороны, неотапливаемую горницу и избу (ил. 7). К сожалению, отсутствуют рисунки фасадов, кроме одного фрагмента, где с северной стороны изображены сени и одна из половин. На этой стороне сеней присутствуют две двери с косым сцеплением. Их количество не объяснено автором. В описании сказано, что сами окна находятся на южной стороне и имеют небольшие размеры: 0,7 х 0,45 м, двери над подклетом с массивными косяками достигают размеров 1,4 х 0,8 м, а в подклет ведут двери высотой 1,2 м. В подклете некогда хранили ценные вещи и продукты, а также зимовал мелкий скот и птица. В качестве освещения подклета использовались поддухи. Любопытно, что дом имеет

четырёхскатную крышу, которую, по устным источникам, последний раз перекрывали в середине XIX в. Крыльцо дома, судя по зарисовке, открытое, на столбах без перил.

Во время ангарской экспедиции 1957–1960-х гг. довольно подробно был изучен дом Вдовина в селе Братск [8]. По сообщению местных жителей, он датируется серединой XVIII в. Представляет собой трехчастную планировку с двумя избами через сени (ил. 8). В качестве наиболее отличительной черты выступает выемка паза-канавки не в нижней части бревна, а в верхней, как в северо-западной башне Братского острога XVII в. Дом имеет высокий подклет, в него ведут двери, расположенные сбоку под сенями и меньшей из половин. Судя по рисунку, дверная коробка состоит из массивных косяков с косым соединением. Все оконные проемы, вытянутые вертикально, уже имеют поздние наличники. На обоих торцах резные повалы украшены гроздьями валиков, декоративно обработан и охлупень. Слеги врублены через два бревна. Крыльцо на окантованных столбах имеет перила, забранные в косяк, и аркадные проемы над ними.

Еще один дом в Братске представляет интерес своим архаизмом в виде двухъярусности (ил. 9). Дом Пономарёва был построен, по сообщению владельца, в 1836 г. [9]. Представляет собой трехчастную структуру, состоящую

ОБРАЗЦОВАЯ ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ДВУХКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (г. Иркутск)

Открыта в 1887 г. Школа размещалась при Иркутской духовной семинарии, ежегодно на содержание школы тратилось 950 руб. с основного капитала. Второй класс образцовой школы при Иркутской духовной семинарии содержался «на проценты с капитала имени камергера двора Его Величества П. А. Сиверса в 25 000 р.» [4].

В 1899 г. в ней обучалось 79 мальчиков, законоучителем был священник – Константин Петрович Тихомиров, получавший вознаграждение 500 руб. Учитель второго класса – священник Николай Шастин, получал вознаграждение 500 руб., учитель первого класса – дьякон Тимофей Вязунов, получал вознаграждение 500 руб.

В 1904 г. школа была переименована в одноклассную [5].

ОБРАЗЦОВАЯ ПРИ ИРКУТСКОЙ ЦЕРКОВНО-УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ ДВУХКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (г. Иркутск)

Открыта в 1897 г. В 1897 г. во втором классе обучалось 18 мальчиков. «Из окончивших же курс в сельских одноклассных церковно-приходских школах за отчетный год никто во втором классе семинарской школы не обучался, так как пансиона при ней не было, а наемные квартиры с содержанием в Иркутске не по средствам деревенским жителям» [6].

В 1903 г. обучалось 25 мальчиков, 8 девочек.

1904 г. – 42 мальчика.

1905 г. – 43 мальчика.

1909 г. – 60 мальчиков.

1910 г. – 57 мальчиков.

1911 г. – 72 мальчика.

1912 г. – 76 мальчиков.

1916 г. – 56 мальчиков.

В 1897 г. некоторые из окончивших курс второго класса посещали школу в качестве практикантов с целью усвоения приемов обучения. Они слушали преподавание в первом классе и знакомились с методическими руководствами при помощи учителя второго класса. В образцовой школе такие слушатели были, кроме того, и не из учившихся в ней, а из посторонних, окончивших курс в духовном училище, в городских училищах, приготавливающих к сдаче экзамена на получение учительского звания кандидатов на учительские и диаконские места. Из учеников той и другой школы 6 поступили учителями в школы церковно-приходские и грамоты [7].

ПОДГОРОДНО-ЖИЛКИНСКАЯ ИННОКЕНТЬЕВСКАЯ ДВУХКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Подгородно-Жилкинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта при Иркутском Вознесенском монастыре в 1898 г. Отдельное двухэтажное здание для школы было построено вблизи монастырской ограды на собственные средства монастыря. В этой школе обучались в основном бурятские дети, которые окончили одноклассные школы при миссионерских станах. В 1900 г. деревянное здание сторело и школа прекратила свою деятельность. Но в этом же году в одном из монастырских зданий вновь открылась начальная школа грамоты [8].

**УРИКОВСКАЯ ДВУХКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(с. Урик Иркутского уезда Иркутской губернии)**

В 1914 г. преобразована из одноклассной.

Количество учеников и учителей

1914 г. – 2 законоучителя (1 священник и 1 диакон), 3 учителя, обучалось 88 мальчиков и 32 девочки.

1916 г. – 2 законоучителя (1 священник и 1 диакон), 2 учителя и 1 учительница. Обучалось 87 мальчиков и 34 девочки [9].

**УСОЛЬСКАЯ ДВУХКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(с. Усолье / Усольское Иркутского уезда Иркутской губернии)**

В 1892 г. о существовании двухклассной школы в с. Усольском упоминается в описании поездки архиепископа Иркутского Тихона по Московскому и Ангарскому трактам [10].

III. ОДНОКЛАССНЫЕ ЦПШ

**АКИНО-БАКЛАШИНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА**

**(с. Акино-Баклашинское / д. Акина-Баклашина
Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Год открытия не установлен. В отчетах упоминается с 1903 г. До этого времени, вероятно, существовали школы грамоты (см. АКИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ, БАКЛАШИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ).

До 1909 г. не было законоучителя, преподавал 1 учитель, с 1909 г. – 1 законоучитель и 1 учитель общеобразовательных предметов.

В среднем с 1903 по 1916 г. обучалось по 30–35 мальчиков и от 7 до 14 девочек [11].

**АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА**

(с. Александровское Иркутского уезда Иркутской губернии)

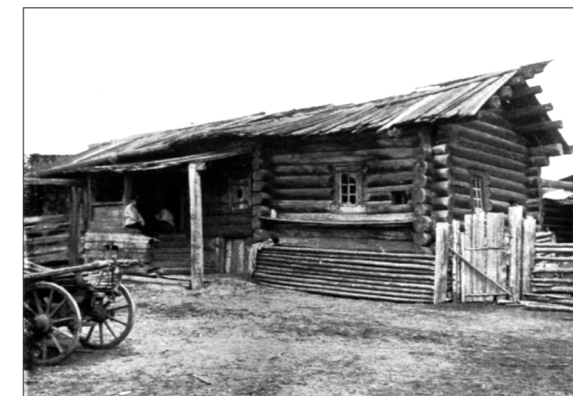
Открыта 1 июля 1886 г. [12] для детей жителей поселка (для арестантских детей была открыта своя школа /см. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ТЮРЕМНАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦПШ/). Здание принадлежало школе, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1899 г. составила 1 542 руб.

В 1899 г. обучался 101 ученик, из них 63 мальчика и 38 девочек, евреев – 4, поляк – 1, остальные русские. Законоучителем был священник Иоанн Лахин, получавший жалованье 50 руб. Учительница – окончившая курс епархиального училища Августа Евгеньевна Литвинцева, получала жалованье 360 руб., вторая учительница – окончившая курс епархиального училища Елизавета Митрофановна Спасокукоцкая, получала жалованье 300 руб. [13]. С детьми также занимался псаломщик Александр Краснов, получавший жалованье из церковных средств 100 руб. и 100 руб. учительского жалованья от общества [14]. Инспектор народных училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов в своем отчете о ЦПШ за 1889 г. отмечал: «Обучение идет весьма удовлетворительно по звуковой системе, недостаток был в учебниках. При испытании детей ясно обнаружилось, что с ними работали достаточно и результаты занятий нужно признать успешными. Читали как в младшей, так и старшей группе довольно

под одной крышей (ил. 4). Средняя часть представляет собой обширные сени, где кроме дверного проема присутствует и оконный, под которым, в свою очередь, располагается вход в нижний ярус. Крыльцо срублено до уровня пола, выше которого устроен парапет из забранных досок между двумя столбами, все это покрывает односкатная кровля во всю ширину сеней. Привлекает внимание отсутствие резных украшений избы, за исключением завершения охлупня. Слеги на крыше врублены через каждое бревно, повалы представляют собой ступенчато удлиняющиеся выпуски без дополнительной обработки. Система размещения окон на двух видимых фасадах одинаковая – в центре находится колодное окно, справа от него волоковое. Коробка колодного окна имеет три не особо толстых косяка с прямым сцеплением с нижним бревном.

Этнограф Г. А. Леонов, исследуя крестьянскую типологию на Илимке в 1927 г., иллюстрирует фотографией тип «клеть с амбаром» переделанной в избу постройки в деревне Кочерга [5]. Досконально выяснить функциональное значение клетки с амбаром пока не удастся, но ее возраст исследователь определяет началом XIX в. Сруб постройки имеет повалы без резьбы, представляющие собой три сильно вынесенных выпуска, которые продолжают слезами, врубленными через каждое бревно (ил. 5). Торцовый фасад имеет в центре колодное окно из трех тонких косяков и волоковое с косыми затесками, расположенное слева от него.

В 1940-е гг. архитектор Е. А. Ащепков исследовал деревянное зодчество по деревням, расположенным в районе Московского тракта Восточной Сибири. В селе Харюзовка им обнаружена изба Смолянинова, датированная 1773 г. на основании справки, найденной под маткой в чулане [6]. По реконструкции Е. А. Ащепкова, изначально это была клетская изба с прирубленными позже сенями (ил. 6). На торцовом фасаде имеются два симметричных волоковых окна. Еще одно окно расположено

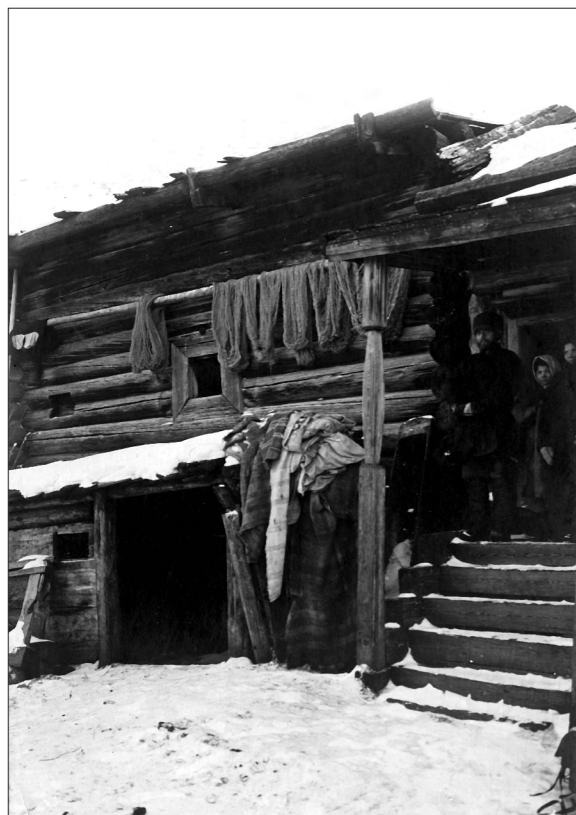
Ил. 4. Изба в с. Мальта. Из брошюры И. И. Серебренникова «Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии»

Ил. 5. Клеть с амбаром в д. Кочерга. Из кн. Г. А. Леонова и Т. Г. Леоновой «Народная культура Илимского края: по архивным материалам рубежа 1920–1930 гг.»

Ил. 6. Изба в с. Харюзовка. Из кн. Е. А. Ащепкова «Русское народное зодчество в Восточной Сибири»

Ил. 1. Клеть в с. Богучанском.
Из электронного каталога Красноярского
краевого музея «Быт Енисейской губернии
к. XIX – нач. XX вв.»

датируется XVIII в. [3]. На фотографиях изображена пятистенная изба, сени которой прирублены позже, о чем говорит стык бревен над дверными проемами, расположенными по обе стороны избы. На уличном фасаде избы слева расположены два небольших окна, оформленных тонкими колодами. Справа – волоковое окно, когда-то обрамленное с внешней стороны, о чем напоминает выбранная четверть. На боковых фасадах присутствует еще по одному окну – в центре двойное, соразмерное с окнами предыдущего фасада, и волоковое квадратной конфигурации, тяготеющее к пятой стене. На одном из снимков прекрасно просматриваются косое сцепление массивных дверных косяков и следы бывшего крыльца в виде двух штраб слева от этой двери. Крыша избы имеет небольшой угол и следи, врубленные местами через каждое бревно, а местами через два бревна. Несмотря на такую нерегулярность, сохраняется почти равное расстояние между слегами. Там, где следи отсутствуют, самцовые бревна скреплены

между собой клиньями. Почти под самым верхом присутствуют два отверстия для освещения чердака. Сверху крышу на потоках и курицах придавливает массивный охлупень.

В публикации И. И. Серебренникова за 1915 г. имеется единственная фотография гражданской постройки – избы в селе Мальта, иллюстрирующей краткую характеристику старинных на тот момент домов, которым, по замечанию автора, не должно было быть более ста лет (первая половина XIX в.) [4]. Фотография показывает трехкамерную двухъярусную постройку

Ил. 2. Изба в с. Анга.
Из ст. А. К. Нефедьевой «История дома
святителя Иннокентия Вениаминова
в с. Анга»

Ил. 3. Изба в с. Анга.
Из ст. А. К. Нефедьевой «История
дома святителя Иннокентия
Вениаминова в с. Анга»

хорошо. Отвечали молитвы и рассказывали из Священной Истории Ветхого и Нового Завета. Замечен недостаток в учебных пособиях. Помещение довольно хорошее для школы и имеется тут же квартира учителю» [15].

До 1891 г. одним из учителей был Александр Кульчихин – псаломщик Александровской Никольской церкви, уволенный 28 ноября 1891 г. согласно прошению от занимаемой должности [16].

С 1903 по 1916 г. кроме законоучителя в школе преподавало 3 учителя.

Количество учеников

1903 г. – 76 мальчиков и 47 девочек.
1904 г. – 92 мальчика и 28 девочек.
1905 г. – 65 мальчиков и 53 девочки.
1909 г. – 72 мальчика и 49 девочек.
1910 г. – 51 мальчик и 49 девочек.
1911 г. – 66 мальчиков и 65 девочек.
1912 г. – 78 мальчиков и 65 девочек.
1914 г. – 59 мальчиков и 58 девочек.
1916 г. – 62 мальчика и 60 девочек [17].

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ТЮРЕМНАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Александровское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта 7 марта 1891 г. для детей ссыльнокаторжных, отбывающих срок наказания в Александровской центральной тюрьме. Первый выпуск произведен в 1893 г. Заведующий школой – священник Иннокентий Писарев, учитель – диакон Александр Краснов. Заведующий принимал участие в открытии школы, материальным обеспечением и благоустройством занимался смотритель Александровской центральной тюрьмы Александр Петрович Синягин.

18 и 19 мая 1893 г. в школе работала испытательная комиссия, направленная Иркутским епархиальным училищным советом, председателем комиссии был благочинный градоиркутских церквей священник Василий Копылов. Комиссия произвела испытания всех учеников школы, из них 7 человек окончили курс учения с правом получения свидетельства на льготу 4-го разряда по отбыванию воинской повинности.

В мае 1893 г. учениками школы было совершено путешествие на поклонение мощам Святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского, чудотворца:

«Ученики школы, без различия вероисповедания, во главе со своим учителем приняли это известие [известие о путешествии к мощам свт. Иннокентия] с такою радостью, что тотчас же начали снаряжаться в семидесяти пяти верстное путешествие в Иркутский Вознесенский монастырь, в коем нетленно почивают мощи 1-го епископа Иркутского Святителя и Чудотворца Иннокентия, и перед мощами его принести свои теплые, чистые, детские молитвы за учредителей и благодетелей своей юной школы, давшей им, отверженным, за проступки отцов своих, свою родину и здесь в далекой Сибири – познать свет учения православной Церкви и запастись знаниями для жизни благоразумной и полезной своему новому отечеству.

В число богомольцев, состоящих из 27 человек обоего пола, было 6 детей еврейских, 1 католик, 1 старообрядец, а остальные православные.

26-го мая в среду, помолившись Господу Богу, с благословения священника отца Иннокентия, запасшись всем необходимым в дороге, юные паломники выступили из села по направлению к городу Иркутску.

Дорогу до 1-й Балейской станции на протяжении 20 верст прошли незаметно. В Балее на берегу речки того же имени дети завтракали и варили себе в котлах, нарочито взятые, чай, который после такого моциона и вдобавок на свежем воздухе, показался им очень приятным.

Здесь посетили часовню, выстроенную в память спасения Государя Наследника Цесаревича от опасности 29 апреля 1891 года, грозившей ему в Японии, и вполне сознательно помолились перед иконою Святителя и Чудотворца Николая о драгоценном здравии Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наследника Цесаревича и за весь Царствующий Дом.

Такая же остановка была на берегу речки Куды за Уриковским селом на 47 верст от Александровского.

Совершили этот путь, кроме самого малого отдохновения на подводах, пешком, 27-го мая, в 8 часов утра, паломники приблизились к желанной цели своей путешествия к святой обители Вознесенской и, по благословению Архипастыря преосвященнейшаго Агафангела, епископа Киренского, остановились в монастырской гостинице.

Отстояв позднюю Литургию, молебен Святителю, приложившись к мощам Угодника и вдоволь насмотревшись на великолепие соборного храма, поразившего их, а особенно иноверцев своим благоустройством и величием, все дети с благоговейным чувством, трепетом и радостью обошли и прочие святыни и достопримечательности обители; были и в пещере, где погребен был Святитель, под алтарем нижняго храма Тихвинской церкви, при чем учителем было сообщено им о чуде Святителя Иннокентия с этим храмом в пожар монастырских зданий, когда он, весь объятый пламенем, горел и остался невредим, только потому, что в нем нетленно почивали мощи Святителя, были и в пещерах преподобных отец Сенесия и Герасима, смотрели и величественный тысячный колокол.

Утомившись переходом и Богослужением, отдыхали и кушали приготовленный в гостинице чай, а затем отправились получить благословение преосвященнейшаго владыки.

Владыка милостиво принял юных паломников и изволил испытывать их, как православных, так и евреев в знании молитв, священной истории ветхого и нового заветов и устава о православном богослужении и, благословив каждого паломника св. крестом, св. иконою и св. Евангелием, иноверцев же на память о посещении монастыря серебряным изображением Святителя Иннокентия, св. Евангелием и псалтырью, владыка изволил распорядиться угостить детей обедом и пожелал им счастливаго обратного пути. Тронутые до глубины души событиями дня, ласковым, отеческим приемом Архипастыря, его подарками и благословением и еще раз помолвившись у мощей Святителя, дети отправились в город на отдых.

Но не до отдыха было юным и любознательным паломникам и здесь им хотелось все увидеть и все узнать!

Масса храмов Божиих, грандиозность нового собора, прекрасные здания частных домов и учреждений, понтонный мост и пр. приводили их в восторг и много нужно было труда учителю сдерживать их восторженные порывы!

Переночевав и отдохнув, утром 28 мая, Божией помощью, при тихой и ясной погоде, паломники отправились из г. Иркутска домой» [18].

В октябре того же 1893 года А. Виноградов во время поездки архиепископа Тихона для обозрения миссионерских станций и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов весьма неместно отзывался об обеих школах с. Алексан-

М. А. Глушенко

АРХАИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ РУССКИХ ЖИЛИЩ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В настоящее время характер сохранившихся источников по строительной культуре русских старожилов позволяет изучать в полной мере только подлинные жилищные комплексы не ранее рубежа XIX–XX вв. Немного более древние избы представляют собой редкие памятники, сохранившиеся в основном в архитектурно-этнографических музеях. Источниками изучения XVII–XVIII вв. преимущественно служат достаточно скудные данные из описаний современников и из археологических работ. Тем не менее в качестве связующего звена могут выступать фотографии и рисунки, сделанные этнографами во времена, когда еще сохранялись подлинные сооружения XVIII – начала XIX в. За годы исследований первой половины XX в. в Восточной Сибири накопилось представительное количество таких иллюстраций, требующих совокупного рассмотрения.

Критерием отбора древних жилищ является их возраст, выявленный авторами иллюстраций на основе устных данных и архаичного облика построек. О почтительном возрасте может говорить не только датировка, но и пометка «старинная», сделанная на момент начала XX в. Например, в материалах ангарской экспедиции 1911 г., проведенной под руководством сотрудника Красноярского подотдела Русского географического общества А. П. Ермолаева на Нижней Ангаре [1], содержится фотография с подписью «Старинная клеть в с. Богучанском» [2]. На ней изображена довольно архаичная половина избы-связи с крыльцом, представляющая собой двухъярусный объем, возвышающийся над сенями (ил. 1). Вход в нижний ярус осуществлялся, вероятнее всего, через низкую пристройку из плах, размещенную, как и крыльцо, сбоку. Само крыльцо срублено из бруса и имеет односкатную кровлю, поддерживаемую как минимум одним резным столбом. Крыша поддерживается неокантованными потоками и курицами, утратившими элементы резьбы или не имевшими их вовсе. Наиболее интересным элементом является колодное окно в центре фасада, состоящее из четырех массивных колод, соединенных косым сцеплением. Слева от него расположено волоковое окно.

Несколько интересных снимков были сделаны в 1913 г. священником Н. А. Пономаревым (ил. 2, 3). На них запечатлена изба в селе Анга, в которой, по преданию, провел детство святитель Иннокентий Вениаминов, поэтому она

дровского: «Главный недостаток обеих школ тот, что в них мало церковности. Общих утренних молитв в них не читают; не дают детям надлежащих сведений по молитве; славянский язык в обеих школах стоит на последнем плане. Это меня несколько удивило: учителями в обеих школах состоят члены местных причтов. Кому же, казалось бы, и заботиться о духе церковности в школах, как не членам местных причтов. Но дело объясняется тем, что – оба учителя люди мирские, специально не подготовленные к делу учительства; не знают, как вести дело; священники, хотя один из них из окончивших курс гимназии, другой семинарии, но специально учительским делом не занимались; они во всем копировали министерские школы; после сделанных его высокопреосвященством замечаний дело пойдет, надеемся, лучше относительно церковности» [19].

**АРХИЕРЕЙСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(с. Архиерейское Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Открыта 9 февраля 1901 г.

Селение Архиерейское находилось в центре Китойского инородческого ведомства, в 15 верстах от приходского храма, от г. Иркутска в 60 верстах. Жителей в селении мужского пола 52 человека, женского 59. В нем имелась инородческая управа и храм, построенный в 1883 г. на средства миссии и освященный 15 мая того же года бывшим начальником миссии, архимандритом Макарием, впоследствии епископом Благовещенским.

«Китойские инородцы приговором от 10-го сентября 1900 г. пожелали в селении Архиерейском открыть церковно-приходскую школу. На содержание школы ассигновали ежегодно по 200 рублей, обязались дать квартиру до постройки нового здания, отопления и сторожа. О сердечном желании инородцев устроить у себя церковную школу местным священником своевременно было сообщено Уездному Наблюдателю, который принял в этом деле живое участие и исходатайствовал на содержание школы из казенных сумм Совета по 200 р. ежегодно. И вот 9 февраля сего года [1901-го], в день престольного праздника в Архиерейском селении (перенесение мощей Святителя Иннокентия, Иркутского чудотворца), состоялось открытие церковно-приходской школы при 15 учениках инородцах и ясачных в наемной от общества квартире <...>. На открытие школы явились почти все жители Архиерейского селения, много инородцев из соседних улусов и крестьян из Целотского селения. По окончании молебна, в беседе со священником, инородцы выразили желание наименовать школу Софрониевской в память Святителя Софрония, Епископа Иркутского, а также немедленно разложить лес на постройку собственного школьного здания. Открытие церковной школы в Архиерейском селении, которое окружено инородцами шаманистами (более 100 душ), особенно необходимо, так как в этом углу до сего времени еще не было правильно организованной школы, а существовала два года подвижная школа грамоты, которую явилась возможность из Кяхтинского улуса передвинуть в самый дальний улус Китойского ведомства Чибогорский в 25 верстах от Архиерейского селения. От души приветствуем открытие церковно-приходской школы в Архиерейском селении и желаем ей успеха и процветания» [20].

Количество учеников и учителей

1903 г. – 16 мальчиков и 4 девочки, 1 учитель.

1904 г. – 19 мальчиков и 8 девочек, 1 учитель [21].

Закрыта в 1905 г. [22].

**БАДАЙСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ СЕЛЬСКАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА**

(с. Бадайское / Бадай Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г., здание принадлежало школе, в первый год обучалось 40 детей – 31 мальчик и 9 девочек. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 186 руб. 50 коп., законоучителем был священник Василий Ефимович Попов, преподавал бесплатно, учительница – окончившая курс епархиального училища Александра Николаевна Попова, получала жалованье 300 руб. [23].

Количество учеников и учителей

1903 г. – 37 мальчиков, 16 девочек, 1 учитель.

1904 г. – 37 мальчиков и 10 девочек, 1 учитель.

1905 г. – 40 мальчиков и 10 девочек, 1 учитель.

1909 г. – 40 мальчиков и 20 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1910 г. – 30 мальчиков и 20 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1911 г. – 29 мальчиков и 13 девочек, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1912 г. – 39 мальчиков и 11 девочек, 1 законоучитель-священник, 3 учителя.

1914 г. – 50 мальчиков и 22 девочки, 1 законоучитель-священник, 2 учителя.

1916 г. – 49 мальчиков и 30 девочек, 1 законоучитель-священник, 2 учительницы [24].

По воскресеньям в школе регулярно проходили воскресные чтения, для учеников устраивали рождественские елки.

В 1900 г. школьную елку описывает священник В. Попов: «3-го января с. г. в Бадайской школе на средства попечителя Н. Г. Варваричева была устроена для учащихся елка. Еще до начала ее ученики и родители их собрались в школе и с нетерпением ждали невиданное доселе торжество. В шестом часу была зажжена елка. И нужно было видеть, с какою радостью и удивлением смотрели на утопающую в огнях елку малые и взрослые. Хором учащихся под управлением учительницы школы А. В. Поповой пропеты: гимн "Боже Царя Храни", "Слава на небе солнцу высокому", "Славься, славься". Затем учениками старшей и средней группы прочитаны стихотворения: "Москва", "Ямщик", "Зима" и басня "Два приятеля". По окончании чтения ученики окружили елку и начали петь песенки: "Как по морю", "Золото хороню" и пр. В конце всем учащимся, 37 мальчикам и 15 девочкам, розданы: первым на рубашки, а вторым на кофты бумазая, также конфеты, орехи, пряники и украшения с елки. Веселые и довольные дети побежали домой, чтобы поделиться своею радостью с братишками и сестренками, не видевшими ничего подобного. Нельзя умолчать о том, что в этот вечер пустовало питейное заведение, посетители его собрались на торжество. С этою же целию на каждый воскресный день при школе бывают религиозно-нравственные чтения с волшебным фонарем. Слушателей бывает от 30 до 75 человек кроме учеников. Показываются картины из священной и русской истории. За устройство елки приносим Н. Г. [Варваричеву] от лиц всех искреннюю благодарность. С. Бадай, 24 янв. 1900 г. Священник В. Попов» [25].

1909 г.: «2-го февраля сего 1909 года в здании Бадайской церковно-приходской школы состоялось религиозно-нравственное чтение. Вначале было исполнено хором учеников "Боже царя храни", "Коль Славен" и в лицах прочитаны стихотворения "Два мужика", "Свинья под дубом", "Бородино" и много других. Заведующим школою прочитано о пьянстве. Была также поставлена сцена из "Минина и Пожарского", с предварительным объяснением предшествующих событий, роли из которой были проведены безукоризненно, благодаря подго-

АРХИТЕКТУРА

23. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 782. Л. 39. М. Хангалов. Тетрадь для записывания разных материалов по шаманизму у бурят Забайкальской области. (Цугольский хушун). 1917 г.
24. Бабушкин С. М. Словарь бурято-русский; русско-бурятский. Улан-Удэ, 2007. С. 190.
25. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734. Л. 139.
26. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/eliade_mircha/shamanizm_arhaicheskie_tehniki_ekstaza_2/read (дата обращения: 11.05.2016).
27. Петряев Е. Д. Забытая рукопись // Люди и судьбы. Чита, 1957. С. 118.
28. ГАИО. Ф. 294. Оп. 2. Д. 4. Л. 31.
29. Юмсунов В. История происхождения одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 63.
30. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734. Л. 61 об., 145–146.
31. Бабуева В. Д. Материальная и духовная культура бурят. Улан-Удэ, 2004. С. 169.
32. Надо полагать, можжевеловый доставлен к подножью горы и на гору специально для обряда.
33. Обо, обоо – культ, рукотворное природное святилище, место пребывания сильного духа, хозяина местности – сабдага, способного становиться оборотнем. Само слово «обо» означает «граница».
34. Хадак – отрез узкого шелка разных цветов, подносимый в знак уважения конкретному лицу. Хадаки употребляли в буддийских храмах при богослужении. В прошлом, случалось, у монголов хадаки выполняли роль денег. Их также использовали шаманисты.
35. Тургэ – срубленные молодые березки или большие их ветки, воткнутые в землю; место проведения обряда; также туургэ – комплекс предметов возле священного места проведения обряда.
36. Далангахуруха – шаманский обряд. Даланга – так еще называли тарак при шаманском обряде. Даланга – священное (освященное с помощью копья) мясо на тайлгане, несъеденные его куски забирали домой, угощали им хозяина очага, домашних духов онгонов.
37. Хан – символ, знак, вертикально вставленная в центр обо ветка.
38. Залма, залман – ветка березы с подвешенными на нее лентами.
39. Сасалибариха – забайкальский обряд. Слово «сасали» означает «окропление, брызганье молочными продуктами (водкой)». Бариха (Бариса) – сакральное место, где проводят обряд, посвящение духам местности, в том числе душам шаманов.
40. Хий-морин – буддийский ритуальный флажок с символическими надписями-молитвами и рисунками, чаще коня, других животных. Символ психической энергии человека.
41. Хат нанар – народное гулянье. Хат, хаты, духи, сыны высших богов тэнгэринов.
42. Хуварак, ховарак – духовное лицо, послушник, ученик при буддийском дацане, ученик ламы.

товке со стороны учительницы школы Ольги Петровны Смирновой, которой мы приносим искреннюю благодарность. В конце были показаны туманные картины из священной истории, объясняемые заведующим школой. Ученикам были розданы пряники и орехи. Слушателей было так много, что не могли поместиться в сравнительно большой классной комнате. По желанию публики чтение было повторено в ближайший день. Слушателей присутствовало также много, как и в первом чтении» [26].

БОЛЬШЕ-ЖИЛКИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Больше-Жилкинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта 13 февраля 1890 г. [27] (по другим источникам, открыта в 1893 г. [28]).

Количество учеников и учителей

В 1892 г. – учитель – священник-старец из «неученых» [29].

В 1898 г. обучалось 39 русских, 1 бурят. Здание принадлежало школе, общая сумма местных средств, изысканных в 1898 г., составила 223 руб. 86 коп. Законоучитель-священник Николай Григорьевич Цветков, обучал бесплатно, учительница – Анна Павловна Тарелкина, окончила курс епархиального училища, получала жалованье 300 руб. [30].

1903 г. – 27 мальчиков и 10 девочек, 1 учительница.

1904 г. – 30 мальчиков и 18 девочек, 1 учитель.

1905 г. – 32 мальчика и 17 девочек, 1 учитель.

1909 г. – 37 мальчиков и 15 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1910 г. – 31 мальчик и 15 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1911 г. – 25 мальчиков и 18 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1912 г. – 28 мальчиков и 21 девочка, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1914 г. – 30 мальчиков и 24 девочки, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1916 г. – 24 мальчика и 17 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учительница [31].

БЫКОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ СЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Быковское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1890 г. [32] (по другим источникам, открыта 10 октября 1891 г. [33]).

Количество учеников и учителей

В 1898 г. обучалось 25 русских учеников (из них 15 мальчиков и 10 девочек), здание принадлежало частному лицу, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. – 225 руб., законоучитель-священник – Иннокентий Иоаннов Бородин, получал жалованье 50 руб., учительница – окончившая курс епархиального училища Екатерина Федоровна Мурашева, получала жалованье 320 руб. [34].

1903 г. – 32 мальчика и 11 девочек, 1 учитель.

1904 г. – 30 мальчиков и 13 девочек, 1 учитель.

1905 г. – 31 мальчик и 15 девочек, 1 учитель.

1909 г. – 21 мальчик и 15 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1910 г. – 23 мальчика и 15 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1911 г. – 21 мальчик и 11 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1912 г. – 32 мальчика и 12 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1914 г. – 30 мальчиков и 16 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1916 г. – 24 мальчика и 20 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель [35].

Школа была открыта в притворе старой деревянной церкви.

16 октября 1892 г. школу посетил архиепископ Иркутский Тихон. В этот день «в школе были собраны ученики двух школ – Быковской церковно-приходской и министерской Ново-Александровского завода, отстоящего от с. Быкова в 8 верстах, по той причине, что законоучителем в обеих школах состоит местный священник. В обеих школах ответы учеников по Закону Божию оказались не особенно хороши; священник в объяснение неудачных ответов учеников сослался на то, что ученье в школах только что началось, много учеников еще не явилось в школу, – что ученики в течение продолжительных каникул многое перезабыли и не имели времени возобновить в памяти свои сведения. Объяснение священника естественно и правдоподобно: все сельские учителя жалуются, что ученики в течение продолжительных летних каникул многое перезабывают. Но в отношении к Закону Божию желательно, чтобы этого не было, что все, что приобретено учениками в течение учебного времени, оставалось всегдашним его достоянием и никогда не забывалось; как этого достигнуть – это другой вопрос, – который требует тщательного обсуждения. Во всяком случае, нельзя не сказать спасибо местному священнику за устройство церковно-приходской школы и приличную ее обстановку, а при усердии и заботе священника о ее процветании – может вскоре приложить и все прочее» [36].

В 1900 г. было построено и освящено 14 ноября новое здание школы: «14 ноября с. г. состоялось освящение вновь построенного здания Быковской церковно-приходской школы. Торжество началось Божественной литургией, которую совершил местный священник о. Иннокентий Бородин. Часы читали вполне толково ученики Быковской школы. Пел хор из учительниц и учеников школы под управлением псаломщика В. Глаголева. В храме были ученики Быковской и Степановской школ и много прихожан.

...Общество доставило весь лес на здание в 950 руб. деньгами. Кроме того, от Епархиального Училищного Совета было выдано 300 руб. и с 1 января 1900 г. будет выдано 150 руб. Всего кроме леса, постройка здания обошлась, с уборкой старых дворов и сарая и с устройством новых заборов, 1400 руб. ...Хор под управлением учительницы Екатерины Мурашевой весьма хорошо несколько раз пропел гимн "Боже, Царя храни"» [37].

15 мая 1901 г. в Быковскую церковно-приходскую школу сделали пожертвования на покупку волшебного фонаря следующие лица: священник Горюховской церкви О. Нифонт Малков (1 руб.), казак В. Ф. Зверев (3 руб.), служащие Ново-Александровского винокуренного завода: П. И. Громилов (10 руб.), А. Я. Шишлянников (5 руб.), учитель И. И. Силантьев (2 руб.), В. А. Шульгин (2 руб.), Г. Добровольский (1 руб.), Х. И. Кулаков (1 руб.), И. Д. Выдрин (1 руб.), И. А. Красильников (1 руб.), Ф. Ю. Кутсар (1 руб.) и А. Х. Егер (1 руб.), всего пожертвовано 29 руб. [38].

При школе был организован хор [39].

ВВЕДЕНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Введенское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен.

Количество учеников и учителей

1903 г. – 27 мальчиков и 3 девочки, 1 учитель.

1904 г. – 25 мальчиков и 2 девочки, 1 учитель.

связи этим губительное пьянство для бурят. Здесь пьяные встречаются часто, они не скрываются и не стыдятся, а напротив, кажется мне, что притворяются пьяными, что их будто бы угостили допьяна, хотя тарасуна было немного; но они пили в улусах. Я здесь встретил пьяного ламу, и молодые ламы и ховараки тоже пили часто и охотно.

Пока будут продолжаться шаманские религиозные обряды, основанные на тарасуне и вине, пьянство не прекратится и будет продолжаться в среде бурят. Ламы преследуют пьянство, хотя есть тарасун или вино, по силе необходимости обычая, но очень малое количество, которое во время обряда разбрасывают на все стороны, таким образом бурятам не остается тарасуна или вина на питье, – это очень важно. Мясо поели и тарасун выпили; бегали бегуны, которые получали призы, и боролись борцы, тоже получили призы. Этим кончился нар, который делается так же, что ламскоенаре.

ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 782. Л. 1–9. Подлинник, рукопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. СПб., 1899. Т. 2. С. 286.
2. Сикорский И. А. Физиология нравственных страданий // Потаенное. СПб., 2007. № 5/33. С. 7.
3. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М., 2003. С. 152.
4. Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М.: Наука, 1988. С. 3, 8, 10–11.
5. Дайсэцу Тэйтаро Судзуки. Основы дзэн-буддизма. (Главы из книги) / предисл. и коммент. Е. А. Торчинова // Философско-религиозный и литературный альманах. СПб., 1992. С. 156–157.
6. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734. Л. 34.
7. Бадмаев А. А. К вопросу о христианизации предбайкальских бурят. Вторая треть XIX – начало XX вв. // Народы байкальского региона: Древность и современность. Новосибирск, 2002. С. 26.
8. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 782. Л. 48.
9. Агапитов Н. Н., Хангалов М. Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 14, № 1–2. Иркутск, 1883. С. 2.
10. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734, Л. 169–170. Описание шаманских коллекций. Составлено М. Н. Хангаловым.
11. Агапитов Н. Н., Хангалов М. Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. С. 45.
12. Базаров Б. Д. Таинства и практика шаманизма. Улан-Удэ, 2000. С. 22, 26, 92.
13. Бакланова М. И. [Без названия] // Аларь. 2005. 1 нояб. С. 6.
14. Агапитов Н. Н., Хангалов М. Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. С. 2–3.
15. Широкова Н. С. Мифы кельтских народов. М., 2004. С. 57.
16. Потанин Г. Н. Путешествия Г. Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголии. СПб., 1893. С. 48–49.
17. Катанов Н. Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. СПб., 1909 // Все работы Катанова. [Б. г., б. м.] С. 283.
18. Кармышева Б. Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 139.
19. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734. Л. 165–165 об.
20. Там же. Л. 163, 167 об. Описание шаманских коллекций. Составлено М. Н. Хангаловым.
21. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734. Л. 138.
22. Там же. Л. 60 об., 62.

стороне. Шаман был, хотя это обряд шохан или «мяхансасали». Начался мяхансасали, буряты в чашках держали мясо и молоко с тальничными ветками брызгали, ветки макали в чашки [с молоком] и бросали [брызгали]. Шаман шел впереди без пояса, в руке держал бубну и тойбор; шаман бил [в] бубну, 5 бурят ходили за ним с четками и кричали схи-к и бросали [брызгали]. Так сделали три круга; каждый раз буряты подходили к тургэ и подливали молоко. Пока шаман шаманил на тургэ, сделали складчину, т. е. собирали деньги для шамана, призы бегунам и борцам.

Женщины сидели с четками, как на ламскихобо. Шаман быстро двигался, и мужчины старики тоже сидели с четками. Окончили мяхансасали и потом шаман немного шаманил и перестал. А другой бурят сидел и бил [в] бубну, а потом перестал. Начали пить тарасун и угощали гостей, которым подносили; тарасуна было мало, как [и] лам.

Потом приступили к обряду далангахуруха. Шаман шаманил, шел впереди, за ним 4 бурята, все они держали ведра 5 (их) и делали хуруха. За ними шли 7 мальчиков [с сосудами] (?) Они делали круг по солнцу на одном месте, а потом двигались вокруг главного обо по солнцу, проходя против тургэ, делали хуруха, ведра давали хозяевам, сидящим на тургэ; хозяйева ведра с[о] стрелами брали, делали хуруха, а потом отдавали ведра обратно, они продолжали делать хуруха. Трое прошли вокруг главного обо по солнцу; на третий раз покончили; ведра отдали хозяевам, которые немного пробовали мяса, а большие куски мясо отдали детям для еды по обычаю даланга хуруха. Этим религиозный обряд кончился; все пошли собираться в «хат на нар» [41]. Все положили мясо и пр[очее] на малых камнях вокруг главного обо, остались на камнях, на камнях главного обо тоже остались все положенные предметы: голова, мясо и пр[очее]. По старинному обычаю эти жертвенные приношения не жгут, а оставляют так в таком виде, в чем положили. Это производит неприятное [в]печатление, потому что тут бегали собаки, которые съедят все это; у них [бурят] такой обычай со старины.

После окончания религиозного обряда обо все собрались «у хат нанар», который делают [в] степи. Во время религиозного обряда почти все обурятиваются тунгусы, тунгуски, буряты и бурятки, которые смешаны, потому что тунгусы женаты на бурятках, а буряты женятся на тунгусках; так они смешались и говорят чисто бурятским языком и стараются казаться бурятами, от которых ничем [не] отстают. Они во время обо молились по-ламски, а не по-тунгусски, и [в] руках держали четки. Тут было много бурят и хувараков [42] и молодых лам, которые на прутиках обо привязывали разноцветные ленты, как обурятившиеся тунгусы, таким образом, все смешались в одно. Я думаю, что эти последние два шаманские обо сделаются ламскими через год или два, не более; потому что население положительно подготовлено; уже начинают употреблять на обо ламскийхий морен, это положительное такое действие почти переход; кроме того обурятившиеся тунгусы не интересуются шаманскими обо, а говорят, что лучше делать ламские обо, которые красивы, и читают священное писание (ном); это ясно уже доказывает: в прошлом, говорят, силой общества делали ламскийхий морен, который ламы весили на обо. Об этом я узнал после.

Нар у них был в устье пади Шара-Хундо. На наре не было чаю, потому что устроены далеко от улуса, только угощали мясом и тарасуном; который здесь на шаманском обряде преобладает и больше пьяных, которых на ламском обо нет и не встречается. Следовательно, шаманство как зарок пьянства не желательно и может тут... приветствовать прекращение шаманства и [в]

1905 г. – 31 мальчик и 1 девочка, 1 учитель.

1909–1916 гг. – от 18 до 25 мальчиков и от 2 до 10 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель [40].

В 1901 г. с. Введенское посетил архиепископ Иркутский и Верхотурский Тихон: «Владыка осмотрел строящееся здание церковно-приходской школы, давая необходимые практические указания священнику. В 7 час. Владыка при колокольном звоне последовал в храм, где и встречен был прихожанами во главе со священником. После обычной встречи Архипастырь отслужил молебен Богородице и по отпуске св. крестом занялся детьми церковно-приходской школы, которых собралось 24 мальчика и 8 девочек. Опрашиваемые Владыкой дети толково читали и объясняли всеобщепотребительные молитвы и хорошо рассказывали события из священной истории. К сожалению, ни один из школьников не смог сказать, как нужно молиться за родителей. По этому поводу Владыка сделал пастырское наставление о том, как нужно молиться вообще и за родителей в частности. – Чтобы молитва за родителей и близких привилась к детям и вошла в неотъемлемую привычку, дети, поучал Владыка, должны заводить маленькие тетрадки (помянники), в которых каждый собственноручно должен записывать отдельно имена живых родных и отдельно имена умерших родственников. По воскресным и праздничным дням каждый свой помянник должен или подавать в алтарь для прочтения за проскомидией, или сам входит в алтарь и лично читает свой помянник во время совершения проскомидии. На пути из с. Введенского Архипастырь высказал желание, чтобы и в духовной Семинарии, и в духовных училищах были заведены общие классные помянники, чтобы за проскомидией каждой литургии дежурный класса прочитывал этот общеклассный помянник.

От детей Владыка перешел к взрослым, обратившись с вопросом, умеют ли родители молиться за детей своих. Молчание взрослых дало Архипастырю повод сказать несколько внушительных, но теплых слов по данному предмету. Наставление Владыки выслушано было отцами и матерями с глубоким пониманием. Касаясь в беседе с детьми и взрослыми различных предметов христианского вероучения и правил нравственности, Владыка обратил внимание и на соблюдение постов...» [41].

ВЕРХНЕ-КУКУТСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(д. Верхний Кукут Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен.

Количество учеников и учителей

1911 г. – 31 мальчик, 13 девочек, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1912 г. – 27 мальчиков, 11 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1914 г. – 25 мальчиков и 11 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1916 г. – 30 мальчиков и 15 девочек, 1 учительница [42].

ГОЛКОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(д. Голковка Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен.

Количество учеников и учителей

В 1899 г. обучалось 23 ученика, из них 17 мальчиков и 6 девочек, русские, здание школы принадлежало сельскому обществу, предоставлялось бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила

180 руб., законоучитель и учитель – окончившая курс епархиального училища Лидия Александровна Назинская, получала жалованье 300 руб. [43].

1903 г. – 31 мальчик и 6 девочек, 1 учитель.

1905 г. – 37 мальчиков и 6 девочек, 1 учитель.

1909 г. – 44 мальчика и 12 девочек, 1 законоучитель-диакон, 1 учитель.

1910 г. – 44 мальчика и 16 девочек, законоучитель-диакон, 1 учитель.

1911 г. – 35 мальчиков и 17 девочек, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1914 г. – 32 мальчика и 20 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1916 г. – 48 мальчиков и 15 девочек, 1 законоучитель-учитель, 1 учительница [44].

Ученики школы совершили паломничество в Вознесенский монастырь на поклонение мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца 26–28 апреля 1900 г. [45].

ГРАНОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Грановское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен.

Количество учеников и учителей

1903 г. – 39 мальчиков и 18 девочек, 2 учителя.

1904 г. – 32 мальчика и 23 девочки, 2 учителя [46].

ЕЛОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Еловка / д. Еловская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен.

Количество учеников и учителей

1903 г. – 17 мальчиков и 6 девочек, 1 учитель.

1904 г. – 19 мальчиков и 7 девочек, 1 учитель.

1905 г. – 18 мальчиков и 7 девочек, 1 учитель.

1909 г. – 18 мальчиков и 5 девочек, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1910 г. – 18 мальчиков и 5 девочек, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1911 г. – 22 мальчика и 6 девочек, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1912 г. – 18 мальчиков и 12 девочек, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1914 г. – 18 мальчиков и 7 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1916 г. – 22 мальчика и 7 девочек, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель [47].

ЕРШОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (д. Ерши / Ершовка Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен.

Количество учеников и учителей

1910 г. – 10 мальчиков, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1911 г. – 18 мальчиков, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1912 г. – 22 мальчика и 5 девочек, 1 законоучитель-учитель, 1 учитель.

1914 г. – 11 мальчиков и 7 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1916 г. – 21 мальчик и 14 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель [48].

IV. ШКОЛЫ ГРАМОТЫ

АКИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Акинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Школа находилась во Введенском приходе [49]. Год открытия не установлен.

Просвещенство шамана. (Рукопись М. Н. Хангалова)

На теле шамана токи

Шара хундхиобо [обо в пади Шара-Хундо]

Я с шаманом Монко поехали на шаманский обо, который находится около устья пади Шара-Хундо. Обо находится на горе. Мы заехали [к] одному буряту, у которого оставили коня с телегой. Я пешком поднялся на гору, у подошвы горы и так[же] на горе есть можжевельник, который считать естественным нельзя [32]. Я поднялся на гору. Около южного склона ее находится обо [33], для которого сложена куча камней высотой около 19 саж[еней], окружностью около 6 или 7 саж[еней], в середине камней вставлены тоненькие прутья тальников, а в самой середине березка, которая должна быть с корнем. Я пришел на место обо, около которого толпились буряты, в числе их шаман Монко. Они поправляли деревья обо. Один бурят влез в середину прутьев, из которых выдернул две старые березки, которые были вставлены [в] прежние годы, бросил [их] на землю; эти березы отнесли и бросили на огонь, в котором горели все старые тальники. В середину старых прутьев вставили новую березку, которую теперь привезли. Эта береза была с корнем; на березе были привязаны синие, красные и белые ленты и один синий хадак [34]. Потом вставили новые прутья, на которых были привязаны синие, красные, белые и темные ленты; потом скрутили четыре тальника длинным ба[нтном]? Селком и связали их; ими крепко и поясом крутили три раза, обернув кругом.

Постепенно буряты съехались и приезжали участники обо; все привезенные предметы ставили на тургэ [35]. Привезены были ведра с мясом и со стрелами для «далангахуруха» [36]. Народ собирается медленно, – все время подъезжали. Вокруг главного обо кругом поставлены 27 камней, на которые положены мясо, сыр, пенка и творог; на четырех сторонах прутиков из хлеба сделаны чашки, в которые налито масло и вставлены фитили, зажжены и горят, потом положили мясо, сыр, творог, пенку от молока.

[На] тургэ было мясо, творог, сыр, тарасун в бутылках. В круге главного обо, около камней с молочной пищей и мясом сделаны ханы [37]. Старик ... [запись прерывается].

Почти на северной стороне главного обо лежали кучки камней, в середину которых воткнули тоненький тальник, на вершине которого привязали белую шелковую ленту и внизу привязали синий хадак; около камня положили сваренное мясо, ребра и другое и около камня сделали хан. Этот называется залма [38]. На обо привозят дома сваренное мясо. Около залма начали обряд «сасали бариха» [39]. Шаман взял верховой кнут, ремень которого надел на правую руку, и взял бубну и тойбор, начал шаманить, два бурята держали в чашках молоко и тарасун, по знаку и по слову шамана говори[ли]: «схи-к»! и березовую ветку молоком [полили], а чашку бросили. Так шаманили недолго. Окончили. Тарасун выпили, мясо поели и ушли к главному обо.

Потом привезли ламскийхий морень [хий-морин] [40], который повесили на высокой палочке на юго-западной стороне; уже ламаисты и здесь себе завоевали уголок; скоро, должно полагать, это обо будет ламским.

Участники подъезжали и садились на тургэ с прутиками, подвязывали разноцветные ленты синие, белые, красные и желтые. Мужчины сидели на северной стороне главного обо на правой стороне. Женщины сидели на восточной стороне главного обо; все кланялись по-ламски, а не по-тунгусски. Женщины, подходя [к обо], кланялись в землю, молились по-ламски и подходили с прутиками, привязывали ленты. Шаман сидел на переднем ряду на правой

сохраняли те же традиции. В прошлом среди унгинских и аларских бурят был широко известен белый шаман Хохор Зулга (Гохор-Зулгуй). Умирая, он завещал своим сыновьям похоронить его в белой одежде и везти тело на шаманское кладбище на белой лошади. И жертвоприношение духам просил их делать тоже белой кобылой [30]. Для этого использовали ту лошадь, которая привезла тело шамана на место захоронения и кремации. Здесь лошадь убили и сожгли вместе с покойником [31]. Нередко обходились без кремации и совершали захоронение шамана вместе с лошастью, подобно тому, как ранее поступали скифы, чьи погребения обнаружены и в Сибири.

Напротив, черные шаманы считались служителями восточных злых тэнгриев, а также хатов и прочих духов. По разным причинам, в основном из-за боязни повышенных требований богов к посвященному, не все черные шаманы в обязательном порядке подвергались обряду омовения. Черные шаманы обращались к потусторонним силам нижнего мира и должны были совершать религиозные обряды только ночью. В ночное время суток проводили жертвоприношения восточным тэнгриям и хатам. Случалось, перед обрядом черные шаманы мазали шаманскую трость сажеей по рукоятку и кровью красили глаза. К началу XX в. различия между черными и белыми шаманами перестали быть столь существенными. Сказалось влияние ламаизма, под натиском которого шаманизм ослабел и деление шаманов на белых и черных само собой прекратилось.

Ниже мы публикуем текст документа Государственного архива Иркутской области. Эта рукопись Матвея Николаевича Хангалова под названием «Просвещение шамана. Этнографические заметки» была написана в 1917 г. Записи наблюдений этнограф делал в полевых условиях в тетради размерами 22,2 x 17,8 см, состоящей из двух частей и имеющей 56 листов. Эти заметки до поступления в ГАИО находились в Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества, куда их передал некий С. В. Шарыпов, уже после смерти Хангалова. На обложке тетради в правом углу черными чернилами написано: «Тетрадь», ниже карандашом выведено: «Цугольской хушуна» (Цонгольский хошун Селенгинского ведомства), в центре: «Тетрадь для записывания разных материалов по шаманству у бурят Иркутской губернии М. Н. Хангалова. 1911 год». Здесь же сделано уточнение, карандашом зачеркнуто и исправлено: «Забайкальской области, 1917 год». Еще ниже карандашом неразборчиво написано: «Тором Наран Хэндэн Гонги» (?).

Отдельные листы тетради в верхнем правом углу имеют вдавленный геральдический знак, отличный от филигранный – водяного знака, в квадрате которого изображен четырехпалый дракон, по двум сторонам квадрата имеются вертикальные ленты с едва заметным восточным орнаментом типа меандра. Записи в тетради велись карандашом, беглым, трудно читаемым почерком. Тетрадь Хангалова насыщена различными сведениями о шаманских поверьях и обрядах, дополнена зарисовками одежды и отдельных атрибутов шаманов. Некоторые рисунки были опубликованы автором настоящей статьи в журнале «Тальцы» (2004. № 2 (21). С. 33–45). Также использовались другие материалы тетради Хангалова.

В документе, который мы публикуем, М. Н. Хангалов рассказывает о шаманском обряде возле обо, свидетелем которого он был в Забайкалье в 1917 г. Текст документа публикуется в оригинальном изложении.

Итак, слово документу.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(станция Александровская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1897 г., в 1899 г. обучалось 12 мальчиков и 1 девочка, русские, здание принадлежало частному лицу, предоставлялось школе за плату, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 91 руб. Законоучитель и учитель – окончивший курс приходского училища ссыльно-поселенец Алексей Данилович Мاستиков, свидетельства на звание учителя не имел, получал вознаграждение 91 руб. [50].

АНГОСОРСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПЕРЕДВИЖНАЯ)

(д. Ангосорская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г., в 1899 г. обучалось 15 мальчиков и 1 девочка, учитель – ссыльнопоселенец Спиридон Егорович Чурин, получал вознаграждение 9 руб. 50 коп. [51].

БАДАЙСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Бадайское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г., в год открытия обучалось 13 русских мальчиков, здание принадлежало частному лицу, предоставлялось бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 54 руб. Законоучитель и учитель из первого класса духовного училища П. А. Багрянцев, звания учителя не имел [52].

БАКЛАШИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Баклаши Иркутского уезда Иркутской губернии)

Находилась во Введенском приходе [53].

БОЛЬШЕ-ЖИЛКИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Больше-Жилкинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен. В 1889 г. правильно организованной школы не было, обучением занимался поселенец Непомнящий. Приходский священник о. Николай Саловаров его занятий не одобрял, так как при частых своих посещениях заметил «непорядочность, шаловливость в детях, а в учителе большую склонность к водке, почему и усилил свои посещения, что не понравилось учителю поселенцу и он ушел» [54]. После поселенца занятия вел псаломщик Александр Попов. У него начали снова сходиться дети, обучалось 8 человек.

Во время осмотра школы инспектором народных училищ П. Троицким-Сенутовичем ввиду крайней бедности школы священнику Саловарову были выданы для будущей школы учебные пособия, был поднят вопрос об открытии церковно-приходской школы [55].

13 февраля 1890 г. была открыта одноклассная ЦПШ (с. БОЛЬШЕ-ЖИЛКИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА).

БУРЕТСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПЕРЕДВИЖНАЯ)

(с. Буретское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г., в 1899 г. обучалось 10 русских мальчиков. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 48 руб. Законоучитель и учитель – поселенец К. Тимошевич [56].

БЫКОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ**(с. Быковское Иркутского уезда Иркутской губернии)**

В 1889 г. обучалось 10 человек, школа была признана неудовлетворительной, сельское общество не давало средств на ее содержание, несмотря на то что имело «посторонние большие доходы» [57].

ВЕРХНЕ-НУКУТСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ**(с. Верхне-Нукутское Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Находилась в Харатском приходе [58]. Год открытия не установлен.

ГРИНОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ**(с. Гриновское Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Открыта в 1880 г. в Уриковском приходе, в 1889 г. обучалось 4 русских мальчика, здание принадлежало учителю. Законоучитель и учитель – М. В. Загоскин, магистр богословия, окончил курс Казанской духовной академии [59].

ГРИНОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ**(с. Гриновское Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Открыта в 1898 г., в 1899 г. обучалось 7 русских мальчиков, здание принадлежало частному лицу. Законоучитель и учитель – М. И. Люблевский, окончил курс в 3-м Московском Александровском училище [60].

26–28 апреля 1900 г. ученики гриновских школ грамоты посетили Вознесенский монастырь, на поклонение мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца [61].

ГРУДИНИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ**(с. Грудино Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Козьмixinский приход. Год открытия не установлен [62].

В 1916 г. обучалось 13 мальчиков и 14 девочек, 2 учительницы [63].

ЕГОРОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПЕРЕДВИЖНАЯ)**(с. Егоровское Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Открыта в 1898 г. в Оёкском приходе, в 1899 г. обучалось 11 русских мальчиков, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 66 руб. Учитель – ссыльнопоселенец Оёкской волости с домашним образованием В. С. Ледилев, звания учителя не имел [64].

ЕЛОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ**(д. Еловская Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Находилась в Усть-Балейском приходе [65]. Год открытия не установлен.

ЕРШОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ**(д. Ершовская / Ерши Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Открыта в 1897 г. в Козьмixinском приходе [66].

Количество учеников и учителей

В 1898 г. обучалось 15 русских, 1 еврей. Здание принадлежало частному лицу, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 15 руб. Законоучитель и учитель – псаломщик Иннокентий Малков, звания учителя не имел, получал вознаграждение 75 руб. [67].

колотушку, *морин-хорьби* – резную трость с головой и копытом коня, оргой. В литературе встречается разное понимание слова «оргой». М. Н. Хангалов под словом «оргой» подразумевал плащ шамана. В словаре С. М. Бабушкина под словосочетанием «оргой бее» значится шаманский шлем [24]. Между тем Хангалов шаманский головной убор называл словом «майхабша». В отличие от старшего шамана, молодой шаман мог претендовать лишь на белую миткалевую шапку с белой лентой и красным шнурком, означающим пупок (*хухэн*), несколько звериных шкур, верховой кнут (*боги шина*), простую деревянную трость и жидо (ветки с пихтовой корой) – символы низшего шаманского посвящения [25].

Дальнейшее действие посвящаемого в сан шамана было связано с обрядом призыва к Небу. Шаман взбирался на березу, специально установленную в его жилище, откуда через дымовое отверстие *тооно* обращался к Небу, просил оказывать ему помощь в практических действиях. Та береза – «страж врат» – символизировала открытие дороги к духам Неба. Таким способом к высшим небесным силам обращались не только бурятские шаманы. Похоже, когда-то существовал единый центр ритуальной обрядности, где были выработаны основные обрядовые правила, позже распространенные по странам и дополненные уже на местах с учетом местных обычаев. Ранее аналогичные приемы с березой или иным деревом-столбом проводили ведические жрецы, когда обращались к небесным богам. Ритуальное восхождение на дерево наблюдалось в шаманском обряде в Северной Америке. Во всех этих приемах шамана угадываются митраические мистерии согдийцев, игравших в I тыс. н. э. немаловажную роль как посредники между Китаем, Средней и Северо-Восточной Азией [26]. О культовом предмете удэгейцев – шаманском столбе в 8,5 м высотой, отправленном врачом-этнографом Н. В. Кириловым с сибирской оконечности Дальнего Востока Поста Святой Ольги в 1912 г. в Петербургский музей антропологии и этнографии, писал Е. Д. Петряев. Этот столб в 1950-е гг. стоял в экспозиции музея на втором этаже [27]. Но в 1912 г. ученые затруднялись разгадать значение символов культа шаманского столба. Кирилов получил письмо от Б. Э. Петри, в котором тот просил пояснить значение ряда вещей, украшавших столб. Среди них изображения медведя, птиц с человеческими головами и человеческими фигурами, круглые диски, шаманский бубен и т. д. [28]. После того как обряд посвящения в сан был закончен, новообращенный шаман должен был еще самостоятельно оповестить местное общество о своем предназначении. Он начинает посещать жилища единокорцев и говорить им, что он стал шаманом, что он владеет различными способами ворожбы и умеет оказывать помощь людям в их болезнях и страданиях [29].

По разным критериям оценки, в том числе в зависимости от происхождения, шаман мог называться белым или черным. Этим определялась степень допуска к практике. Исследователи отмечали деление шаманов у бурят на белых (*саганибо*, *сани бо*, белые шаманки *сани одегон*) и черных (*хараибо*). Белые шаманы ограничивали себя камланием в верхний мир и согласно «заветам» западных тэнгриев должны были служить добру и покровительствовать людям. Подобно монахам японских синтоистских храмов белые шаманы предпочитали белую одежду, а также белой масти лошадь, покрытую белой *хубсурой* – подстилкой, специальным дополнением к жесткому седлу. Здесь наблюдается общая связь с монгольским миром, где глава рода *беки* – старейшина, облачался в белые одежды и восседал на белой лошади. Буряты, вышедшие из Монголии,

В одном из шаманских гимнов упоминается вручение шаману оргоя: «Эхэ оргон заха хэдэrmэ ехон хэсэн тойбор барьялаб арардурхи зала атхар дурэн жидо» – «Большой оргой воротник накинул [надел на себя] от девяти хэсэ колотушку держит (9-я, высшая степень посвящения позволяла иметь девять бубнов. – А. Ш.). Спина полна костью [разные подвески из звериных шкурок и прочих символических украшений]. Горсть полна жидо [ветки с пихтовой корой и ленточками]» [21]. Иногда при обряде посвящения использовали *мухар жидо*, т. е. жидо без веток, с одной корой. Пользовались такой веткой пихты шаманы, посвящаемые в низшие саны. Если шаманы делились на белых и черных, как это было принято у бурят, то белые шаманы дополняли жидо цветными лентами. Черные же шаманы могли использовать при посвящении только одну черную или синюю ленту. Жидо считалось полным (*намата жидо*), когда бралось в руки вместе с веткой и лентами. Без такого жидо не совершалось ни одного религиозного обряда [22]. Жидо зажигали, когда наступал момент общения с духами.

Посвящаемый в сан шаман должен был пройти еще водяное омовение. Прерогатива процедуры мытья (очищения) водой была отдана тем шаманам, кто принимал высшие саны. Шаману, принимавшему низший сан, водяное посвящение не полагалось. Он должен был довольствоваться только так называемым сухим омовением (*хураубалга*). Перед омовением сыновья должны были принести воду из разных трех источников, на месте которых совершали жертвоприношение тарасуном духу лупсону – владыке вод. Ту подготовленную воду кипятили в большом котле. Воду полагалось очистить вересом, можжевельником, тмином, корой ели или пихты; когда вода закипала, в нее капали немного крови жертвенного козла. Когда вода была готова, шаман-отец первым, затем поочередно девять сыновей, макая в котле березовую метелку, касались ею посвящаемого в сан шамана. При этом шаман-отец не забывал делать наставления новообращенному шаману: чтобы тот соблюдал клятву, служил людям честно и уважал бедных. Шаманы во время своего водяного омовения должны были давать присягу людям. Шаман должен был убедить их в том, что будет помогать им во время болезней и защищать от злых духов, что за свои услуги будет брать столько, сколько дадут, и что он в силу своего привилегированного положения не будет слишком обособляться и не будет гордым [23]. Иначе и не могло быть. Ведь шаман был на виду у всех, полностью зависел от людей, а те нуждались в нем. Если шаман не устраивал общество, то оно могло прогнать его. Поэтому в своей повседневной жизни шаман обходился предметами самыми необходимыми. Он вряд ли стремился к обогащению за счет своих же соплеменников. Хотя те нередко подносили ему пожертвования в виде денег, но всегда пожертвование соотносилось с опытом и полезностью проделанной шаманом работы.

Ритуальное омовение было краткосрочным, зато запоминающимся. Особенно если полуобнаженного претендента на шаманское достоинство сыновья излишне хлестали наотмашь ветками березы, чем вызывали оживление в толпе наблюдателей. В процессе омовения шаман должен был мазать лицо кровью жертвенного животного, а иной даже пил ее. По окончании омовения жертвовали тарасун духам-хранителям. После такой процедуры шаман-отец с сыновьями удалялись в уединенное место на девятидневный пост с чаем и вареной мукой.

Как уже было сказано, лишь шаман седьмого сана был вправе посвящать другого шамана в сан. Обычно к седьмому сану шаман уже имел бубен,

1903 г. – 9 мальчиков и 2 девочки, 1 учитель.
1904 г. – 5 мальчиков и 4 девочки, 1 учитель.
1905 г. – 6 мальчиков и 6 девочек, 1 учитель.
1906 г. – 5 мальчиков и 1 девочка, 1 учитель [68].
В 1910 г. преобразована в одноклассную.

V. ИНОРОДЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ГРАМОТЫ

БУЛУТСКОГО РОДА ШКОЛА ГРАМОТЫ

Год открытия не установлен.
В 1899 г. обучалось 6 мальчиков, учитель – ссыльнопоселенец.

ЗУНГАРСКОГО РОДА ШКОЛА ГРАМОТЫ

Год открытия не установлен.
В 1899 г. обучалось 5 мальчиков, учитель – ссыльнопоселенец.

2-ГО ИХИНАДСКОГО РОДА ШКОЛА ГРАМОТЫ

Год открытия не установлен.
В 1899 г. обучалось 8 мальчиков, учитель – ссыльнопоселенец.

1-ГО МУРАЕВА РОДА ШКОЛА ГРАМОТЫ

Год открытия не установлен.
В 1899 г. обучалось 7 мальчиков, учитель – ссыльнопоселенец.

2-ГО МУРАЕВА РОДА ШКОЛЫ ГРАМОТЫ

Год открытия не установлен.
1-я школа – 5 мальчиков, 2-я школа – 5 мальчиков, 3-я школа – 6 мальчиков, учителя в них – ссыльнопоселенцы.

ОЛЬЗОЕВА РОДА ШКОЛЫ ГРАМОТЫ

Год открытия не установлен.
1-й Кульметский род – 3 мальчика.
2-й Кульметский род: 1-я школа – 8 мальчиков, 2-я школа – 6 мальчиков.
В 1899 г. обучалось 5 мальчиков, учитель – ссыльнопоселенец.

ОНГОЕВА РОДА ШКОЛА ГРАМОТЫ

Год открытия не установлен.
В 1899 г. обучалось 5 мальчиков, учитель – ссыльнопоселенец.

ШОРАТСКОГО РОДА ШКОЛА ГРАМОТЫ

Год открытия не установлен.
В 1899 г. обучалось 12 мальчиков, учитель – ссыльнопоселенец [69].

VI. МИССИОНЕРСКИЕ ЦПШ

БОЛЬШЕ-ГОЛОУСТНЕНСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ШКОЛА (с. Больше-Голоустное Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1897 г. Здание принадлежало крестьянам, предоставлялось школе бесплатно.

Количество учеников и учителей

В 1899 г. обучалось 9 человек, русские, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 2 руб. 50 коп., законоучителем и учителем был окончивший курс духовного училища псаломщик Василий Алекс. Суханов, свидетельства на звание учителя не имел [70].

В 1904 г. обучалось 26 мальчиков и 3 девочки.

1909 г. – 1 законоучитель и 1 учитель, 8 мальчиков и 7 девочек [71].

ГОЛОУСТНЕНСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(д. Голоустинская / Мало-Голоустная Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1904 г. В год открытия обучалось 9 мальчиков; 1 учитель кроме законоучителя [72].

ГУЖИРСКАЯ / ХАРА-ГУЖИРСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(улус Хара-Гужирский Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1871 г. Здание принадлежало церкви, предоставлялось бесплатно. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 487 руб. [73]. При школе имелось общежитие [74].

Количество учеников и учителей

В 1898 г. обучалось 19 мальчиков и 2 девочки, из них 5 русских, 16 бурят. Законоучитель и учитель – священник Иннокентий Иннокентьевич Пономаревский, получал вознаграждение 120 руб. [75].

1904 г. – 26 мальчиков и 6 девочек, 1 учитель.

1908, 1909 гг. – 21 мальчик и 1 девочка, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1911 г. – сведений об учениках нет, 1 законоучитель-священник, 2 учителя.

1914 г. – 14 мальчиков и 13 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель-диакон [76].

Школа содержалась на средства миссионерского общества, помещалась в доме протоиерея, отдельного здания не было. При школе был пансион на 10 человек для мальчиков-бурят.

В 1900 г. школу посетил архиепископ Иркутский и Верхотенский Тихон. Во время осмотра было установлено следующее: «По заявлению местного притча, дело обучения детей-бурят идет туго и успехи учеников не особенно утешительны. Это печальное явление обуславливается ненормальным посещением детьми классных уроков: дети-буряты очень поздно собираются в школу и в течение года часто ходят из пансиона в улусы и не являются неделями, оправдываясь необходимостью или построить себе одежду, или произвести необходимый ремонт платья. Устранить это можно только при том условии, если Иркутский миссионерский комитет сверх обычной платы за содержание пансионера хоть сколько-нибудь будет платить на обеспечение пансионеров одеждой и на ремонт ношебного платья.

Сверх сего притч выразил желание, чтобы в школе и пансион имели не одни мальчики, но и девочки бурятки. Желание вполне резонное. Девочка-бурятка, получившая образование в христианской школе и при том три-четыре года прожившая в школьном пансионе, скорее и лучше мальчика проникается духом христианства, привлечет его в свою семью и когда сама делается матерью, дом ее уже будет вполне христианским, и детям своим будет давать христианское воспитание.

доверялась процедура посвящения обращаемого шамана в первоначальный или очередной шаманский сан. Главным же начальником торжества и всего религиозного процесса обряда считался старейшина, называемый *хунши-нойном*. При подготовке проведения начального этапа ритуала шаман-отец и выделенные ему в помощники девять сыновей своими поклонами передавали уважение избранному начальнику праздничного события. Они же облачали его в белую рубаху, шапку, подвешивали к поясу одежды звериные шкурки, называемые бурятами хушунами, символизировавшие людское расположение к старожилу, знатоку и хранителю разных старинных обычаев. Сами тоже облачались в белое. Также белые рубахи и шапки надевали и на других избранных стариков, участников обрядового действия. Одного из них называли *хэсэшиобогон* – руководитель (консультант) по изготовлению *хэсэ* – бубна; другие старики – *тойборшиобогон* и *хорьбашиобогон* – должны были следить за тем, чтобы резчики правильно делали *тойбор* – колотушку и конную трость. В обязанность *хэймэшиобогона* и *жадачиобогона* входило наблюдение за изготовлением символического оружия шамана: меча и копья. Все эти ритуальные принадлежности умельцы резали из дерева тут же, прилюдно, чтобы затем можно было их вручить обращенному шаману, если того требовал принятый им сан. Еще были и другие выбранные старики. Среди них *сэргхиобогон*, ответственный за изготовление коновязи, а также *зуганобогон*, ведавший приготовлением и распределением ритуального мяса жертвенных животных.

Помимо прочего еще выбирали почетную старуху – «первую жену», воспитавшую много детей. Согласно устоявшимся правилам в распоряжении этой старухи находились шаман-отец с сыновьями, с чьей помощью она обряжалась в соответствующую, по случаю сшитую, белую рубаху и шапку. После этого те кланялись ей. Обычно эту старуху звали *тургэшихаман*, так как она распоряжалась обрядовой пищей, находящейся у *тургэ* – центрального места шаманского праздника. Когда приступали к трапезе, то отсюда пища пускалась по кругу, старуха лишь следила за соблюдением общего порядка вверенной ей части религиозного ритуала. В том случае если шаману по сану полагалась корона, то ее ему помимо кузнеца готовили еще специально выбранные старухи. По давнему неписаному обычаю выбиралось нечетное количество старух-*уленши*, или *уленшихамагд*: три, пять, семь или девять. Такое число имело скрытую магическую значимость, так как соотносилось с последовательностью посвящения шамана в очередной сан. Этим старухам вменялось в обязанность обшить металлическую корону – *майхабшу* – материей и украсить ее разными символическими предметами. В одном шаманском гимне о короне сказано: «Майхабши эжин Милан баган ноён Асаранга тайман тэнгэрибэ золото майхабши ототхон хорин найман холбогто майхабши хохоин гурбан холбогон манна хушунда гурбан охон хутута гурбан салхину рта» – «Хозяин шаманской короны белый начальник Милан восьми небам Асаранга кистями шаманскую корону надевший с двадцатью восемью холбогами шаманская корона к двадцати трем холбого нашили на кольцах три раза девять звериных шкурок с тремя колокольчиками». После того как шаманская корона была готова, *уленши* должны были приступить к шитью *оргоя* – священного плаща шамана. Оформляли его амулетами, подвешивая их к плащу при помощи белого конского волоса. Иногда для этого использовали шерстяной или волосяной шнурок – *дэрбэлгэ* – белого цвета, дополненный белыми и синими лентами. За всеми действиями *уленши* наблюдала старуха-*тургэшихаман*, знакомая с этим делом больше, чем кто-либо. По окончании шитья *оргоя* она же благодарила старух за выполненную работу [20].

духу Неба [17]. Аналогичным образом поступали буряты при посвящении в шаманы. Надо полагать, девять связанных между собой березок и девять суток камлания – это особый сакральный путь, символизирующий девятую, высшую степень статуса у бурят, достичь которую в будущем должен новообращенный шаман. Такой способ камлания был не чем иным, как импровизацией, предназначенной для индивидуального ознакомления с ней посвящаемого в сан шамана. Все это напоминало сцену, когда умудренный опытом актер передавал свое сценическое мастерство еще малоопытному молодому актеру. Ведь шаману, как и актеру, предстояла игра, некое ритуальное камлание на виду у многих своих соплеменников. Ему требовалось применить такие задатки, выработанные практикой мастерства, благодаря которым он сумеет заинтересовать зрителей, длительное время удерживать их внимание, иначе может не получиться положительного эффекта от его выступления перед ними.

М. Н. Хангалов успел захватить некоторые, хотя и отмиравшие, как он считал, обрядовые действия посвящения в шаманы у прибайкальских (западных) бурят. Он указывал, что перед посвящением шамана или шаманки в сан высшего достоинства буряты старались соблюсти старинные правила, закрепленные в памяти стариков, которые следовало неукоснительно беречь. Для этого в начале религиозного посвящения бурятская община выбирала из старейшин тех, кто хорошо знал обрядовые традиции и мог способствовать строгой последовательности их действий. При торжественном назначении стариков, ответственных за подготовку религиозного культа, существовала еще начальная процедура, связанная с выездом всей группы в лес, включая посвящаемого в сан шамана. Чаше лесом служит Аха (Аяха), то место, где совершалось захоронение сожженного трупа шамана и чуть поодаль находились погребения обычных людей. Там старики выбирали деревья, пригодные для изготовления предметов шаманского культа. Шаманская вера требовала от своих приверженцев бережного отношения к живой природе. Это, скажем, наблюдалось в шаманстве народов Средней Азии, где существовал культ умирающей и воскресающей природы [18]. И здесь, в Сибири, для изготовления самих предметов шаманского культа из дерева не всегда обязательно было валить деревья. Иногда на нужных деревьях старики делали лишь надрезы, а молодые парни, помощники старого «шамана-отца», распорядителя в подготовке обряда, называвшиеся «сыновья отца», срубали крупные ветки. В обязательном порядке возле каждого выбранного дерева все собирались в круг и пели ему гимн, например, такой: «Баяр абхамана хурхн мадонхо хухагуй хамана Асаранги найман тэнгэридэ» – «Радость получаешь от сидящего дерева, богатства молим мы от восьмого неба Асаранги». Другой гимн также записал М. Н. Хангалов со слов шамана С. Бадмаева в деревне Бильчир Иркутской губернии в январе 1917 г.: «Хэсэнэжин» – «Хозяин бубны»: «Хэнгэр саган ноён Хэнгэлэ саган хатанурга ханхай ханшон хон хоур хан хэсэ абахамана уханга билган толодур дажия балабди ехэ оргон захэхэдэр хэмана» – «Белый начальник Хэнгэр, белая госпожа Хэнгэлэ, от растущей красивой лиственницы пригожую бубну получишь, от первобытного рождения головы призывая, ходишь большого шаманского плаща, воротник накинешь» [19]. Так вот, старик *тойборшиобогон* отмечал березу, пригодную для изготовления колотушки к бубну, а другой – *хорьбашиобогон* – для конной трости. Еще один старик в роли *хэсэшиобогона* примечал лиственницу, годную для бубна, и т. д. Срубить приходилось не очень большое деревцо для коновязи (*сэргэ*) и большие ветки, используемые как нашествия для балагана. Всеми этими подготовительными действиями руководил выборный шаман-отец. Также ему

Входя в нужды местного инородческого и русского казачьего общества и желая школьное дело в Гужирском стане поставить на должную высоту, Владыка решил устроить здесь церковно-приходскую школу под ведением Епархиального Училищного Совета и только пансион содержать на средства миссионерского комитета. При этом Архипастырь поручил о. Благодичному озаботиться приисканием удобного места для школы и своевременно войти с ходатайством по данному вопросу в Епархиальный училищный совет. А так как настоящая классная комната слишком тесна для имеющих 30 детей, Владыка предложил разобрать на нынешний год перегородку, отделяющую классное помещение от спальной комнаты о. протоиерея. При этом о. Иоанн с готовностью уступил свою комнату на нужды школы» [77].

**ЖИМЫГЫТСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(миссионерский стан Жимыгитский Иркутского уезда
Иркутской губернии)**

Открыта в 1874 г. Размещалась в церковном доме для псаломщика, здание использовалось бесплатно. При школе имелось общежитие [78]. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 470 руб.

Количество учеников и учителей

1898 г. – ясачных инородцев 1, бурят 9, законоучитель – миссионер священник Иоанн Симеонович Копылов, обучал бесплатно, учитель – псаломщик Пантелеймон Иванович Бердников, окончивший два класса духовной семинарии, свидетельства на звание учителя не имел, получал вознаграждение 120 руб. [79].

1904 г. – 11 мальчиков и 1 девочка, 1 учитель.

1909 г. – 42 мальчика и 25 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1910 г. – 43 мальчика и 20 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1911 г. – 39 мальчиков и 26 девочек, 1 законоучитель-священник, 2 учителя.

1912 г. – 33 мальчика и 31 девочка, 1 законоучитель-священник, 2 учителя.

1914 г. – 47 мальчиков и 34 девочки, 1 законоучитель-священник, 2 учителя [80].

В 1900 г. школу посетил архиепископ Иркутский и Верхотенский Тихон во время поездки в Тункинский край с целью освящения нового храма в с. Казачьем близ Тунки [81].

**КОЙМАРСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА**

(с. Талая Коймары Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1868 г. Здание – церковный дом, предоставлялось бесплатно. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 370 руб.

Количество учеников и учителей

В 1898 г. обучалось русских – 3, ясачных бурят – 20, кочевых бурят – 4, законоучитель и учитель – диакон Николай Евгеньевич Репьев, закончил 5 классов духовной семинарии, свидетельства на звание учителя не имел, получал вознаграждение 120 руб. [82].

1904 г. – 17 мальчиков, 1 учитель.

1908 г. – 12 мальчиков и 6 девочек, 1 законоучитель, 1 учитель.

1909 г. – 36 мальчиков (вместе с Шимковским миссионерским станом) и 12 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1914 г. – 18 мальчиков и 7 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель [83].

**МОНДИНСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА**

(улус Мондинский Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1885 г. [84].

Количество учеников и учителей

1904 г. – 6 мальчиков, 1 учитель.

1908 г. – 4 мальчика и 1 девочка.

1909–1911 гг. – сведений об учениках нет, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1914 г. – 16 мальчиков, 1 законоучитель-священник, 1 учитель [85].

НИЛОВО-ПУСТЫНСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ШКОЛА

(с. Нилова Пустынь Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1895 г. Здание принадлежало Иркутскому архиерейскому дому, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 470 руб.

Количество учеников и учителей

В 1899 г. обучалось 10 мальчиков, из них 2 русских, 8 бурят. Законоучитель и учитель – Иннокентий Милетинский, получал вознаграждение 120 руб. [86].

1904 г. – 6 мальчиков, 1 учащий кроме законоучителя [87].

**ОКИНСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА**

(улус Окинский Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1885 г. [88].

Количество учеников и учителей

С 7 марта 1900 г. архиепископом Иркутским и Верхотенским Тихоном учителем назначен иркутский мещанин Александр Семенович Кромской [89].

1904 г. – 13 мальчиков и 1 девочка, 1 учитель.

1908 г. – 8 мальчиков и 1 девочка, 1 учитель.

1909, 1910 гг. – 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

С 1911 по 1914 г. – 1 законоучитель-священник, 1 учитель [90].

**ШИМКОВСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА**

(миссионерский стан Шимковский /с. Шимки
Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1871 г. Здание принадлежало школе, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 485 руб. При школе имелось общежитие [91]. Из учащихся школы был организован церковный хор [92].

В 1896/97 учебном году наблюдатель церковных школ И. Брызгалов отмечал Шимковскую школу среди лучших в Иркутском округе: «Из церковных школ Иркутского округа выделялись наиболее правильной постановкой воспитательного и учебного дела Вениаминовская и Шимковская. Шимковская школа представляла из себя тип церковной школы для русских и инородческих детей вместе. Более десяти учившихся в ней инородцев поступили в школу, совершенно не зная русского языка; но в продолжении четырехлетнего курса, а некоторые даже трехлетнего курса инородцы не только научились владеть русским языком, но и проходили полный курс церковно-приходской школы. Конечно, здесь большое значение имела жизнь в русском селении и постоянное общество русских детей, но нельзя отрицать и заслуги заведывающей школой

ссорились, а их потомки, разделившись на восточных и западных небесных божеств тэнгэринов, стали враждовать между собой. Бохо-Муя остался на земле и удалился на Тункинские горы «Мундарга». По пути следования божества к горам за ним выросла пихтовый лес и вереск. Оттого-то эти растения стали применять при всех обрядах и для очищения. А там, где Бохо-Муя отдыхал в образе быка, осталось изображение быка из камня, позже получившего название от его другого имени Буха-Ноён-Бабай [14].

В обрядовой традиции посвящения в шаманы процесс уединения от людей имеет некое сходство с посвящением в друиды. В кельтской культуре друиды занимали заметное место. Друиды – колдуны, жрецы – были весьма знающими людьми, чей орден высоко почитался, так как основной функцией его служителей было изучение таинственных и возвышенных явлений природы и вещей. Друиды, как и шаманы, совмещали в себе судей и врачей, являлись хранителями мифов и легенд. И как шаманы, проходили свой обряд посвящения. Если шаман перед посвящением удалялся в лес или горы и проводил там некоторое время один, то посвящаемый в друиды обязан был находиться какое-то время в пещере, олицетворявшей вход в подземный мир, выход же из нее воспринимался как «второе рождение» [15]. Если учесть, что, по одной из версий, кельты, вышедшие из уральского региона, оставили свой след в Западной Европе и в Британии, что не отрицается учеными и подтверждается многочисленными топонимами и легендами, а выражение «от кель ты» до сих пор можно слышать в русском деревенском говоре, то даже возможно предположить соприкосновение друидов с сибирским элементом. Как, собственно, теперь у ученых не вызывает сомнения прошлая связь американских индейцев с сибирскими народами, следовательно, с сибирским шаманизмом, так как тамашние шаманы перед посвящением также совершали аналогичное индивидуальное уединение. Только те перед обращением в шаманы были связаны с пещерой или лесом, куда удалялись для обретения первоначальных магико-религиозных умений. Особенность подготовки в шаманы имеют корейцы. Обычно кореец, принявший решение стать шаманом, несколько дней не ест, не пьет, отчего делается таинственно мрачного вида. В таком состоянии он получает первое посвящение.

У монголов перед посвящением в шаманы производились специальные сборы. Г. Н. Потанин в своих путешествиях по Монголии наблюдал, что посвящаемый перед тем как стать шаманом со специально выделенным проводником, кем-то из старшего поколения, делали сборы пожертвований. При этом посвящаемый в шаманы держал в руках березовую ветку с привязанными к ней цветными тряпочками. После сбора жертв старики готовили девять березок и, связав их за макушки, устанавливали так, чтобы ветки и стволы, находясь в вертикальном положении, производили впечатление подобия шалаша, обязательно возведенного на определенной возвышенности. Шалаш трижды обвязывали *зэли* – из конского волоса веревкой, на которую подвешивали шкурки мелких животных, деревянные колотушки и ложки, а также цветные нитки. Все эти предметы должны были отпугивать непрошенных злых духов. В этом импровизированном шалаше зажигали огонь, подле которого размещались старый шаман, приглашенный отцом посвящаемого, и сам посвящаемый в шаманы. Снаружи по кругу шалаша садились старики и старухи. Старый шаман камлал вместе с обращаемым в сан шаманом, вдвоем соблюдая пост, они могли находиться в шалаше до девяти суток [16]. Н. Ф. Катанов отмечал, как качинские и сагайские шаманы ходили вокруг березы и призывали покровителей гор и речек молиться

Проще обстояло дело, когда шамана готовили с ранних лет. В этом случае молодой человек уже к 20 годам мог обладать необходимыми знаниями и вполне подходил к тому, чтобы стать шаманом. Годы он жил замкнуто, был малообщителен, нередко его посещали галлюцинации. Он мог и не ведать о том, что одна его душа из трех давно отсутствует, находится в обучении у восточных или западных тэнгриев под наблюдением духов шаманов-заянов, а может, даже в ведомстве у самого Эрлик-хана. После этого душа подвергалась испытанию, давала клятву вернуться в тело человека, стремящегося стать шаманом. Когда такое происходило, то тот действительно начинал заниматься гаданием, пробовал шаманить, призывал духов умерших шаманов и своих предков [11].

В литературе и архивных источниках авторы называют девять последовательных посвящений в сан шамана. Исключением стала Монголия, где встречались шаманы 12-го сана. Все посвящения шаман проходил не сразу, а поэтапно. Обычно этапы посвящения растягивались до 20 и более лет. Бурятский шаман Б. Д. Базаров в своей книге «Таинства и практика шаманизма» приводит статусы или саны шаманов: *манжалай, нойтолһон, жодоото, цэрээтэ, хэсэтэ, хорьбото, оргойтодарханбоо, оргойбухэлидарханбоо, заарин*. В ходе каждого посвящения шаман становился обладателем различных священных предметов, используемых им в своей практической деятельности. Шаманские посвящения, при которых шаманами становятся впервые или получают очередную степень посвящения, называют: *шанар, шандру, алтансэргэ*. Не каждый шаман имел право посвящать в шаманское достоинство человека, решившего стать шаманом. Б. Д. Базаров указывал, что шаман обретает такое право, только когда сам имеет седьмое посвящение. У такого состоявшегося и признанного шамана нередко был помощник, еще не принявший посвящение. Его Базаров называет *хуурай* [12]. Словом «хуурай» называется легендарная местность баргузинских бурят. Исследователь шаманизма М. Н. Хангалов применял слово «хуурай» для обозначения жертвоприношения без крови, т. е. молочными продуктами. Помощника шамана Хангалов называл *минаши* – кнутовщик, он еще не принял шаманского посвящения, зато имел кнут, с помощью которого по требованию шамана, грозя им, устанавливал порядок при большом скоплении народа на празднике. Кроме непосвященного шамана *минаши (минааша)* были и другие помощники, их имена: *ябган, хаялгаша* и др.

Готовящийся стать шаманом не должен был общаться с нечистыми людьми, животными, во всем обязан был соблюдать чистоту. Очищение души проводили и другим способом. Наблюдатели шаманов отмечали такую особенность, как уход их в лес перед первым посвящением, причем не на один день. Считалось, что перед посвящением в сан будущий шаман или шаманка должны преодолеть трудности, освоиться в естественных условиях природы. Вот как об этом писала Марина Иннокентьевна Бакланова, принявшая посвящение в шаманки в 1996 г.: «Прошла всю сторону правого берега Ангары, начиная с родового места матери, т. е. Мольки, задерживалась по месяцам в селах и деревнях Осинского, Боханского районов, была в местах Эхирит-Булагатского района, изучая брызгания и камлания бурят» [13]. При этом было принято по окончании «странствия» и возвращения в улус посвящаемого в шаманы (шаманки) окуривать вересом и богородской травой. Буряты рассказывали, что традиция окуривания связана с легендой о Бохо-Муе, старшем сыне западного неба Заян-Сагана, белого духа-шамана. Бохо-Муя придумал способ выплавки иковки железа. Право первенства изобретения старшего брата стал оспаривать средний брат Бохо-Тэли, изготовивший кузницу, но тут же в споре лишившийся ее. Из-за этого братья

священника В. Архангельского и учителя школы псаломщика А. Васильева, окончившего духовное училище, усердно и с пониманием дела трудившихся над обучением детей и в особенности над воспитанием инородцев и русских в духе православной веры» [93].

Количество учеников и учителей

В 1898 г. обучалось 28 человек, из них русских 14, бурят 14. Законоучитель – священник Василий Васильевич Архангельский, преподавал бесплатно, учитель – псаломщик Андрей Иванович Васильев, окончил курс духовного училища, имел свидетельство на звание учителя, получал вознаграждение 120 руб. [94].

1904 г. – 35 мальчиков и 20 девочек, 1 учитель.

1908 г. – 3 мальчика и 20 девочек, 1 законоучитель, 1 учитель.

1909 г. – 36 мальчиков (вместе с Коймарской школой) и 12 девочек, 1 законоучитель-священник, 1 учитель.

1910 г. – 1 священник, 1 учитель.

1911 г. – 1 священник, 2 учителя.

1914 г. – 35 мальчиков и 15 девочек, 1 законоучитель, 1 учитель [95].

ЦЕНТРАЛЬНО-МИССИОНЕРСКАЯ ПРИ ИРКУТСКОМ ВОЗНЕСЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Открыта в 1721 г.

В 1898 г. обучалось 44 мальчика, русских 41, бурят 3, здание принадлежало монастырю, предоставлялось школе бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 2 574 руб., законоучитель-священник Гавриил Иванович Ланский, вознаграждение 900 руб., учитель – диакон Григорий Петрович Орлов, из Саратовской духовной семинарии, получал вознаграждение 120 руб. [96].

Учитель – диакон Иоанн Максимович Разгильдеев, окончил курс учительской семинарии, вознаграждение 500 руб.

Все ученики Центрально-миссионерской школы при Вознесенском монастыре состояли певчими монастырского хора [97].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ометова М. Л. Учебные заведения духовного ведомства в Иркутской губернии (Балаганский уезд): материалы к словарю // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2015. Вып. 7. С. 106–124.

2. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 368.

3. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1914 гражданский год // ИЕВ. 1914. № 13–14. С. 156–164; ...за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258–266.

4. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // Прибавления к ИЕВ. 1899. № 7. С. 144.

5. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 172.

6. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1904 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 17. С. 190.

7. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // Прибавления к ИЕВ. 1899. № 7. С. 138.

8. Там же. С. 139.

9. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета к 1914 году // ИЕВ. 1914. № 13–14. С. 159; ...за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 261.

10. Виноградов А. Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // Прибавления к ИЕВ. 1893. № 11. С. 12.
11. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 117–121; ...за 1904 гражданский год // Там же. 1905. № 16. С. 168–172; ...за 1905 гражданский год // Там же. 1907. № 10, 11. С. 88–94; ...за 1906 гражданский год // Там же. 1907. № 19. С. 170–174; ...за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249–253; ...за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155–167; ...за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118–128; ...за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214–224; ...за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 115–120; ...за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 18. С. 136–140; ...за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156–164; ...за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258–266.
12. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895-6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
13. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 135.
14. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет инспектора народных училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 7. С. 6.
15. Там же. С. 7.
16. Распоряжения епархиального начальства // Прибавления к ИЕВ. 1892. № 6. С. 3.
17. См. примеч. 11.
18. Краснов А. Путешествие учеников церковно-приходской школы Александровской центральной тюрьмы на поклонение мощам Святого Иннокентия 1-го епископа Иркутского Чудотворца // Прибавления к ИЕВ. 1893. № 25. С. 1–5.
19. Виноградов А. Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // Прибавления к ИЕВ. 1893. № 6. С. 1–2.
20. Мичурин Н. Открытие церковно-приходской школы в селении Архиерейском Китойского ведомства, Иркутского уезда // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 6. С. 144–146.
21. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 117; ... за 1904 гражданский года // Там же. 1905. № 16. С. 169.
22. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета. За 1905 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 10 и 11. С. 92.
23. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 135.
24. См. примеч. 11.
25. Попов В., свящ. Елка в Бадайской церковно-приходской школе // Прибавления к ИЕВ. 1900. № 5. С. 127–128.
26. Попов В., свящ. Религиозно-нравственное чтение // Прибавления к ИЕВ. 1909. № 7–8. С. 243.
27. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895-6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
28. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 135.
29. Виноградов А. Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // Прибавления к ИЕВ. 1893. № 11. С. 13.
30. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 135.
31. См. примеч. 11.
32. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
33. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 136.

вынуждены были закупать скотину у монголов. Один такой случай, со ссылкой на сведения бурятского этнографа Ц. Жамцарано, привел А. А. Бадмаев. Осенью 1906 г. «...из Монголии было пригнано до 400 тысяч овец и несколько сот лошадей. И все почти были разобраны на "кэрик" – шаманские обряды. Разобрали только в одном Кудинском районе» [7]. Однако расточительность не шла на пользу улусным жителям. Было принято решение ритуал посвящения в сан шамана делать скромнее. Шаманы сами стали просить у Неба позволения сократить как количество жертвенных животных, не только при вступлении в сан, но и при проведении традиционных обрядов, так и дней, отведенных для них. Существует легенда о большом шамане Хадае, который вынужден был подняться на Небо к судьям-тэнгриям с просьбой разрешить уменьшить число приносимых в жертву животных при обрядах, посвященных восточному Гужир Бото тэнгрину, посылавшему людям и скоту болезни. Шаману удалось убедить небесный суд сократить число жертвенных животных с 99 до девяти и с 77 до семи голов [8]. Числа девять и семь в бурятской мифологии считаются важными и во многом определяющими, как по числу тэнгриев на небе, так и по числу основных треб, правда, последние не всегда постоянны. Боги на небе, как и люди на земле, имели многочисленные стада. Миф о богатстве тэнгриев мог возникнуть по причине постоянных жертвоприношений и посвящений живых животных верующими бурятами [9].

У сибирских народностей встречаются разные способы отбора шаманов. Наиболее разработана тема бурятского шаманизма. В основном в отборе преобладает природное призвание, иногда называемое внутренним «призывом», становящимся у будущего шамана чуть ли не навязчивой идеей, во всяком случае, этот призыв тревожит его даже во время сна, что считается влиянием духов-предков шаманов. Самым сильным шаманом у бурят был тот, кто стал им по наследству, полученному от предков, т. е. по исключительному, свыше полученному праву утха.

Бурятские шаманы, не имевшие родового шаманского корня утха, назывались *буудал утхатай*. Чаще ими становились уже немолодые люди. Основанием для этого у них был надуманный повод. Претендент в шаманы уверял, что к его ногам упал с неба священный камень бумал-шулун. Этот камень он обмывал в тарасуне и выпивал содержимое, после чего якобы ощущал особую энергию, так необходимую будущему шаману. Тот камень на землю бросал не кто иной, как один из громовержцев Ясал (в ином написании Яшил, Яшал) Саган тэнгэри. Вот случай, произошедший с М. Н. Хангаловым. Когда в 1907 г. М. Н. Хангалов приехал в Закулейский улус, где жили буряты-барлаковцы, он узнал о хранившемся у них ясале. «Я, как прямой потомок белого шамана Барлака, – писал Хангалов, – протестовал и заявил, что родовой ясал возьму себе. Баханцы пришли [в] ужас и [тоже] протестовали [говорили], что родовой ясал [по линии младшего брата – Бахана] не хранился, но я настоял и взял ясал, чтобы сохранить его и передать музею». Однако буряты забрали камень и спрятали его на горе. Хангалов долго не мог его найти. Впоследствии он узнал, что камень находится в дупле дерева [10].

Если же шаманами становились по собственному убеждению, то тогда необходимо было получить согласие общества. По мере необходимости люди сами выдвигали кого-нибудь из своего окружения в шаманы. Но таких шаманов нужно было готовить. Нужно было передать им знания обрядов, тексты песен, зазываний, что мог сделать улигершин, владеющий всем комплексом напевов не хуже, чем опытный шаман.

и полностью лишены хищнических инстинктов по отношению к ней. Словом, как бы человеку ни было удобно жить в индустриально урбанистическом мире, без природной среды он не будет чувствовать себя комфортно.

Подобные же постулаты свято чтят шаманисты. Их всегда отличало от представителей других религий то, что они практически обходились без архитектурных сооружений, хоть как-то приспособленных для культовой службы. В шаманизме храмом всегда считалась сама природа. Она же являлась его школой и загадочной бесконечно «читаемой книгой». Безмерно величественную природу и ее законы шаманисты постигали всю жизнь. Благодаря природе формировалась нравственно-этическая и духовная культура в шаманизме. Правда, ради исторической справедливости следует сказать о наличии шаманского центра в Монголии, о котором упоминал М. Н. Хангалов. Он писал, что один аларский шаман по имени Халба ездил в Монголию (до посвящения в сан) в местность Хара-Дархат в шаманский дацан, в котором учился шаманить. Этот шаманский центр буряты называли «Батар Ошин» дацан. Буряты ездили туда на поклонение. Они же рассказывали о том, что в этом дацане хранятся разные старинные шаманские одежды и ритуальные принадлежности. Были там и старинные шаманские гимны, записанные на монгольском и тибетском языках [6]. Этот центр правильнее было бы назвать музеем, а не ламаистским термином «дацан», ведь там хранятся исторические реликты шаманов. В современной Монголии имеется несколько подобных шаманских центров. В них, как и прежде, шаманы приобретают опыт, набираются знаний, совершают религиозные обряды, чтобы в дальнейшем использовать свой психофизический природный дар в нужных целях.

Описывая шаманизм как широкое общественное явление прошлого, теперь вновь возрождающееся, следует учитывать, что всякая духовная практика подразумевает определенную цель. В шаманизме она просматривается в умении шамана влиять на души верующих и способности достигать желаемого результата во взаимосвязи с природой в широком смысле этого понятия. Шаман – человек особого душевного психопатического склада. Он выделяется из среды своих соплеменников прежде всего своим характером, склонным к неординарным действиям, и экстравагантным внешним видом. В прошлом сибирских народностей шаман занимал важное положение в проводимых ими частных и коллективных жертвоприношениях, в обустройстве обрядов обонов, различных форм гадания и лечения. В процессе камлания шаман всегда использовал различные вспомогательные атрибуты, придававшие ему особую значимость и указывающие на его статус. Шаман, устранявшийся от духовной обрядовой практики, терял свой статус, атрибуты власти и право называться шаманом.

Чтобы стать шаманом, нужно было пройти специальную подготовку и принять сан или степень, определяющие уровень практической возможности шамана. Любое вступление в сан шамана бурятами воспринималось как особой важности событие. Оно сопровождалось разными хлопотами улусных жителей, включавшими содержание шамана. Расходная статья обряда посвящения в шаманы обсуждалась всеми жителями улуса, обряд стоил недешево. Но, невзирая на затраты, буряты старались поступать согласно прижившемуся у них обычаю, хотя количество общественных и семейных обрядов доходило до нескольких десятков в год. Когда домашнего скота было много, то было проще устраивать массовые тайлганы. Но по мере увеличения населения и пахотных земель происходило сокращение пастбищ для скота, отчего сокращалось его поголовье. Чтобы была возможность проводить тайлганы как прежде, буряты

34. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.

35. См. примеч. 11.

36. Гагарин Д. (С. Д. Г-нь). Об освящении вновь построенного здания для Быковской церковно-приходской школы, Иркутского уезда // Прибавления к ИЕВ. 1900. № 1. С. 23–25.

37. Виноградов А. Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // Прибавления к ИЕВ. 1893. № 5. С. 4–5.

38. Изъявление благодарности // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 22. С. 487.

39. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // ИЕВ. 1899. № 9. С. 167.

40. См. примеч. 11.

41. Фивейский М. Путешествие Высокопреосвященного Тихона, Архиепископа Иркутского и Верхотурского, в Тункинский край для освящения новоосвященного храма в с. Казачьем // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 2. С. 31–40.

42. См. примеч. 11.

43. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 136.

44. См. примеч. 11.

45. Гагарин С. Д. Паломничество 600 человек учеников церковных школ Иркутского уезда на поклонение мощам Св. Иннокентия Иркутского Чудотворца, 26–28 апреля 1900 г. // Прибавления к ИЕВ. 1900. № 20. С. 483–488.

46. См. примеч. 11.

47. Там же.

48. Там же.

49. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.

50. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 157.

51. Там же. С. 161.

52. Там же. С. 159.

53. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.

54. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет инспектора народных училищ Иркутского, Балаганского и Верхотурского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 8. С. 11.

55. Там же.

56. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 159.

57. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 13–14.

58. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.

59. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 159.

60. Там же.

61. Гагарин С. Д. Паломничество 600 человек учеников церковных школ Иркутского уезда на поклонение мощам Св. Иннокентия Иркутского Чудотворца, 26–28 апреля 1900 г. // Прибавления к ИЕВ. 1900. № 20. С. 483–488.

62. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 159.

63. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1916 гражданский год // ИЕВ. 1916. № 20. С. 262.

64. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.

65. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 157.

66. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895-6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
67. Там же.
68. См. примеч. 11.
69. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8-9. С. 167.
70. Там же. С. 168
71. См. примеч. 11.
72. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8-9. С. 169.
73. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1904 гражданский год // ИЕВ. 1905. № 17. С. 190.
74. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895-6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 23. С. 337.
75. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8-9. С. 170.
76. См. примеч. 11.
77. Фивейский М. Путешествие Высокопреосвященного Тихона, Архиепископа Иркутского и Верхотурского, в Тункинский край для освящения новосооруженного храма в с. Казачьем // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 1. С. 5-17.
78. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895-6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 23. С. 337.
79. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8-9. С. 169.
80. См. примеч. 11.
81. Фивейский М. Путешествие Высокопреосвященного Тихона, Архиепископа Иркутского и Верхотурского, в Тункинский край для освящения новосооруженного храма в с. Казачьем // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 1. С. 5-17.
82. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8-9. С. 169.
83. См. примеч. 11.
84. Подлосинский А., священник. История Святоニコльской церкви города Слюдянка. Иркутск, 2007. С. 22.
85. См. примеч. 11.
86. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8-9. С. 169.
87. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1904 гражданский год // ИЕВ. 1905. № 17. С. 190.
88. Подлосинский А., священник. История Святоニコльской церкви города Слюдянка. Иркутск, 2007. С. 21-22.
89. От Иркутского Комитета православного миссионерского общества / ИЕВ. 1900. № 8-9. С. 140.
90. См. примеч. 11.
91. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895-6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 23. С. 337.
92. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // ИЕВ. 1899. № 9. С. 167.
93. Там же. С. 173.
94. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8-9. С. 170.
95. См. примеч. 11.
96. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8-9. С. 170.
97. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // ИЕВ. 1899. № 9. С. 167.

жира. Благодаря этому духи огня набирались сил с помощью приношения от природного растительного царства и животного мира. Причем возлияния огню от животных проводились в виде регулярных кровавых жертвоприношений. Индоиранцы никогда не убивали животных без нужды. Перед этим испытывали страх, молились, полагали, что душа животного после убийства будет жить. Ее поглощало божество Гэуш-Урван («Душа быка»), которое укрепляло свои силы посредством кровавых жертвоприношений. По представлению индоиранцев, тело животных – это трава, ее же бросали под животное при жертвенном обряде. Древние индоарийцы жертвоприношение воде и огню называли словом «яджна», иранцы – «ясна». В этих словах один корень – яз – «приносить жертву, поклоняться» [4]. Похоже, не ведая того, родоплеменные сообщества Азии приняли эстафету арийцев, почитавших Землю – Терем Ра, сохранив через шаманизм, некогда достигший берегов Волги, многообразие своих богов и любовь к природе. Как же при этом некоторые ученые утверждают, что шаманизм не является религией? Причина проста – в нем не наблюдается строгой религиозной системы. В нем видят лишь целый ряд форм и разновидностей, в которых общим является вера в возможность шамана общаться с духами природы и потустороннего мира. Хотя даже если шаманизм и не выдвигает никаких доктрин, сама природа с ее строгими законами является логической системой верования шаманизма. В этом отношении шаманизм существенно отличается от других религий. Шаманизм «сросся» с природой и во всем обожествлял ее. Поэтому шаманизму присуща натуропатия законов природы, что подпадает под определение такого общего актуального понятия, как культура человека в природе.

Ныне старые представления о шаманизме меняются, как и сам человек. Теперь стали популярными слова: ландшафтный дизайн, экологические продукты питания, гармонизация отношений человеческого общества с природой и т. п. Человек возвращается к тому, что было когда-то для него аксиомой. Возобновляются древние традиционные народные игрища и фольклорные гулянья в России, которые всякий раз становятся массовыми и запоминающимися. Фольклорные фестивали в Европе и Америке проводятся при большом скоплении народа. Очень трепетно к природе относятся японцы. В какой-то мере сибирский шаманизм близок японскому языческому синтоизму – совокупности древнейших верований, этому своеобразному этическому своду правил, до сих пор служащему жителям островной страны жизненным эталоном во взаимоотношении с природой. Религиозные обряды, связанные с природой, присущи синтоистским священникам, как и сибирскому шаманизму.

Также хорошо заметна связь человека с природой в странах, где исповедуют буддизм. Китайский чань-буддизм, аналог ему японская школа дзэн (санскр. «дхъяна» – «медитация», кит. «чаньна»), не могли бы существовать без уважения природы. Дзэн учит любить природу, жить ее жизнью; «дзэн утверждает, что наша природа составляет одно целое с объективной Природой, не в рамках математической аналогии, а в том смысле, что Природа живет в нас, а мы – в ней». Все просто: «Земля, небо и я одного корня; Десять тысяч вещей и я – одной субстанции» – так учит дзэн [5].

Сегодня предметом мечтания многих горожан стал загородный дом. Будь на то возможность, желание людей жить в своем доме где-нибудь за городом во многом бы возросло. Здесь мы имеем дело с типичным пробуждением человеческой потребности быть умом и сердцем ближе к матушке-земле. Люди, осознающие важность природы в судьбе человека, умерены в ее эксплуатации

«Демонтаж народа» писал: «Массовый страх в ожидании конца света в средневековой Европе был настолько сильным, что богословы после долгих дискуссий выработали представление о третьем загробном мире. Его существование было официально утверждено в 1254 г. Папой Иннокентием IV» [3]. В более ранние века, когда нужно было изыскать способы и средства саморегуляции душевного состояния человека, без чего невозможно было добиться нормального существования целого общества, явились людям такие самовыдвиженцы, которые обладали повышенной харизмой. Они-то и стали магами, ведунами, прорицателями, знахарями и шаманами.

Сибирские шаманы, выработавшие свои средства самовыражения, сильно влияли на душевное и психическое состояние человека, живущего среди лесов и гор. Можно сказать, что сибирский шаманизм породила природа. До сих пор шаманизму чужды поступательные инновации цивилизации. Даже если шаманист пользуется благами научно-технической мысли, то и тогда прежде всего он остается разумным ребенком природы. Для шаманистов неприемлем антропоцентризм, когда говорят, что человек – царь природы. У большинства жителей развитых стран давно атрофирована способность понимать природу. Еще Гёте говорил, что в Европе «природа уже навсегда укрощена». Так мало в ней осталось неприкосновенных мест, где не совершали бы люди по отношению к природе опрометчивых разрушающих действий. Человечество настраивается самой природой на определенный лад – жить с нею в гармонии. В противном случае, словно защищая себя, природа мстит человеку. Не зря традиционный шаманизм учит человека адаптироваться к окружающему ландшафту без явного ущерба для него. Подобные наставления адептов веры не всегда просматриваются в других религиях. Зато во всех мировых религиях, кроме буддизма, лейтмотивом проходит идея единого бога, что противопоставляется древнейшему политеизму, выдвинутому еще ариями. В этом случае в своем возрастании монотеизм, ратующий за однообразие, берет верх над политеизмом с его многообразием духовных образов. Подобную идею со всеми вытекающими из нее последствиями подхватили и развили христианские цивилизации. Однако в главной книге христиан – Библии – мы уже не найдем описания природы, неизменной спутницы человечества. Это подмечено многими, в том числе В. В. Розановым в его труде «Во дворе язычников». Напротив, скажем, в культуре божества Митры, пережившем длинную индоиранскую эволюцию, Земля – Terra Mater – занимала в ритуалах важное место. В ведической религии Митра выступает сыном Адитьи – Природы или Бытия. По последним данным исследователей, зороастризм, возникнув 3 500 лет назад в азиатских степях к востоку от Волги, мощно отозвался на Ближнем Востоке, где из ряда его доктрин были заимствованы составные части, вошедшие в иудаизм, христианство и ислам, отразились в северном буддизме махаяны. Предки протоиндоиранцев составляли один народ, жили, как пишет английская исследовательница Мэри Бойс, в южнорусских степях к востоку от Волги. Они делились на две группы: жрецы-священники и пастухи-воины, охотники. Сформировавшаяся у них религиозная система сохранилась по сию пору у брахманов Индии и зороастрийцев Ирана. У них, как позже у сибирских шаманов, был культ воды. Ему проводилось возлияние молоком, соком и листьями двух растений. Огонь не менее существенный культ. Этому культу вечного огня зороастрийцев под именем Атар, называемому брахманами именем Агни (по-русски – огонь), источнику тепла и подготовки пищи, совершали подношения из трех элементов: сухих дров, благовоний (сухие листья или травы) и кусочков животного

ЭТНОЛОГИЯ

А. И. Шинковой

ПРИРОДА СИБИРСКОГО ШАМАНИЗМА

Являясь порождением первобытной веры в существование потусторонних сил, шаманизм оказывал влияние на формирование чувств и сознания, гармонизировал социальные отношения в природной среде практически у всех известных науке сибирских народов. На протяжении своей истории эти народы старались не только разгадать величайшие тайны атмосферных явлений, но и приноровиться к устоявшимся формам жизни на земле. Первобытное мироощущение сложной экосистемы было стихийным. Естественные всевозможные природные процессы, включавшие цикличность смены дня и ночи, света и тьмы, лета и зимы, тепла и холода, в интенсивно калейдоскопической пульсации планеты, людям казались непонятными. Наблюдая различные формы жизни и характерные признаки ее исхода в вечность, люди основательно уверовали в нечто невидимое, непостижимое, но вместе с тем, несомненно, таящее исключительную степень опасности самому существованию человека. Поборить постоянно возникающее ощущение страха в себе человеку было не по силам. Это естественным образом сказывалось на формировании мировоззренческого отношения человека к природе, проявившегося в его характере, в вере в духов. Г. Е. Грум-Гржимайло отмечал, что еще у древних дисцев, живших 5 тыс. лет назад на территории современного Китая, существовал обычай поклоняться духам гор и деревьев [1]. Скажем, каково было людям в далеком прошлом видеть миражи, эти изумительные призраки, в окрестностях Селенгинска возле Гусиного озера? Что также наблюдали там русские путешественники в XIX в.? Издревле человеку подобное явление природы трудно было понять, тем более объяснить. Постоянное беспокойство и внутренняя тревога сами по себе ставили под сомнение возможность нормального существования целого народа. Замечательный русский ученый Иван Алексеевич Сикорский, занимаясь антропологической психологией в конце XIX в., писал: «Нравственные страдания так же убивают организм, как и физические, но они страшнее физических, потому что они поражают высший орган жизни – нервную систему и поражают ее во всех частях, не оставляя свободного места» [2]. По сообщениям печати и средств массовой коммуникации, в сложные 1990-е гг. в России убыль населения достигла 1 млн человек в год. Ученые считают, что большинство людей умерло из-за стрессового состояния, разрушительно действовавшего на организм человека во все времена. События, произошедшие два десятилетия назад в России, в той или иной мере пережили другие страны. С. Г. Кара-Мурза в своей книге